ДЖОРДЖ ХАРДИ

ТЕ БУРНЫЕ ГОДЫ

17.056.

И * Л

Издательство
иностранной
литературы

*

GEORGE HARDY

Those Stormy Years

MEMORIES
OF THE FIGHT FOR FREEDOM
ON FIVE CONTINENTS

LONDON, 1956

ДЖОРДЖ ХАРДИ

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Возвращаясь в 1956 году на родину из третьей поездки в Китай, я остановился в Москве. Здесь меня попросили связаться с Издательством иностранной литературы, которое сообщило мне о решении издать мои мемуары на русском языке. Естественно, я был очень рад. Мы условились, что я напишу к этому изданию новое предисловие и дополнительную главу с изложением свежих впечатлений о Китае, которые накопились у меня после поездки в 1951 году.

Написать мемуары впервые предложил мне мой русский друг Д. З. Мануильский, с мнением которого я очень считаюсь. Во время одной из моих неоднократных поездок в Москву Мануильский сказал мне: «А ясно ли вам все значение того факта, что вы активно участвовали в рабочем движении на пяти континентах? Немногие обладают таким многогранным опытом. Вы должны написать воспоминания. Они нужны, особенно молодежи; из того, что вы можете ей рассказать, она извлекла бы уроки и черпала вдохновение». Я согласился тогда написать такую книгу. Но напряженная партийная работа во время войны и в послевоенный период лишала меня возможности взяться за это дело, и я принялся за него лишь через четырнадцать лет. Увиденное мной в освобожденном Китае в 1951 году составляло резкий контраст с тем, что я наблюдал в конце 20-х годов. Это вдохновило меня, и я преисполнился решимости осуществить свое давнее намерение.

Мне думается, что на бурный жизненный путь меня частично толкнули взгляды моего трудолюбивого отца и умной матери. Среда, конечно, также сыграла свою роль. В детском возрасте мне было непонятно, почему бродяг и целые семьи честных безработных сгоняют в ненавистные

работные дома, а на следующее утро выгоняют оттуда, как париев, заставив их прежде тяжелым физическим трудом оплатить свой ночлег. Жизнь при капитализме в обстановке исключительного богатства немногих и страшной нищеты народных масс — особенно сильно эти контрасты проявлялись в больших городах — казалась мне почти невыносимой. Меня рано лишили возможности посещать школу, и при том небольшом образовании, которое у меня было, я не мог понять, почему бедные обречены на такие страдания.

Но, видя несправедливость, создаваемую капиталистической эксплуатацией, я, подобно многим одаренным воображением юношам, постоянно мысленно искал путь к избавлению. Думаю, что эти обстоятельства в сильной степени определили мое отношение к капитализму и подготовили меня к охотному признанию впоследствии принципов тред-юнионизма как средства защиты жизненного уровня путем коллективных действий. В Канаду я прибыл в качестве иммигранта, полный решимости отдать все свои силы делу укрепления профсоюзного движения. Это была нелегкая задача. Активные профсоюзные деятели рисковали попасть в черный список.

Поэтому я вскоре очутился на западном побережье Канады, стараясь избавиться от преследований. Там я связался с социалистами, которые познакомили меня с марксистской литературой. Наконец я нашел ключ к разрешению многих важных проблем. Обычный тред-юнионизм не мог устранить причины нищеты, хотя и был очень полезен в повседневной экономической борьбе. Маркс писал о членах профсоюзов: «Вместо *консервативного* девиза: *«Справедливая заработная плата за справедливый рабочий день»* они [рабочие.— *Ред.*] должны на своем знамени написать *революционный* лозунг: *«Уничтожение системы наемного труда»* *. Мне хотелось пополнить свои знания. Вот почему я принялся прилежно изучать труды Маркса и Энгельса. О Ленине я в то время еще не слышал. Чтение этих трудов укрепляло во мне решимость добиться уничтожения капитализма. Я вступил в Социалистическую партию. Но редко кто из членов этой партии полностью овладел марксизмом. Только русские большевики осуществили марксизм на практике.

* К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XIII, ч. I, стр. 147.

Я стал руководящим работником одного из профсоюзов, входящих в Американскую федерацию труда (АФТ), но одновременно меня привлекала и деятельность организации «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ). Впоследствии меня избрали генеральным секретарем этой организации. ИРМ сделала то, чему учил Маркс,— она включила в свой устав требование об «отмене системы заработной платы».

Затем началась первая мировая война — период испытания для тех, кто провозглашал социалистические принципы. Многие из них разбежались, как крысы с тонущего корабля. Это действительно были предатели, как назвал их Ленин.

Весть о русской революции застала меня в тюрьме, куда я был брошен вместе со многими другими руководящими деятелями ИРМ по обвинению в антивоенной деятельности в США. Но как обрадовала нас эта весть о первом прорыве капиталистического фронта! Все подлинные социалисты приветствовали это событие.

В декабре 1920 года я впервые приехал в Москву. Война в то время еще не кончилась. Здесь я встретился с вождем революции, великим гением Лениным. Он осуществлял марксизм на практике. Беседа с Лениным продолжалась более часа. Ленин произвел на меня огромное и незабываемое впечатление. Внимательно прислушивался я также и к высказываниям других видных русских деятелей. В числе их был товарищ С. Лозовский, с которым я в последующие годы близко познакомился и который сыграл решающую роль в развитии активного профсоюзного движения в международном масштабе.

Я покинул Москву с твердым намерением сделать все, что в моих силах, чтобы завоевать поддержку русскому народу, который все еще был занят ликвидацией контрреволюции внутри страны и борьбой с интервентами на польском фронте. Хотя русским приходилось очень тяжело, у меня не было сомнений, что они добьются окончательной победы, каких бы огромных жертв это ни потребовало. Мы перед русскими в неоплатном долгу: если бы в эти и последующие годы советский народ не пошел на колоссальные жертвы, мы жили бы сейчас в совершенно ином и ужасном мире.

Я вернулся из России с новым и более ясным представлением о будущем. Чем глубже я изучал труды Ленина,

тем понятнее становились мне произведения Маркса, которые я штудировал раньше. Несмотря на активность и самопожертвование, проявленные ИРМ во время доблестной борьбы, и на выдающуюся роль, которую играла эта борьба в истории американского рабочего класса, недостатки организации стали сейчас особенно ясны. Для успешной борьбы требовалось еще многое другое. Упадок и загнивание ИРМ обнаружились со всей ясностью, когда она не сумела откликнуться на новое положение, созданное революцией в России.

Я официально поддерживал тесную связь с только что организованной Коммунистической партией и сознавал необходимость в такой партии, но по различным причинам, которые изложу в своих воспоминаниях, присоединился к ней лишь после возвращения из Москвы. Эта поездка и деятельность в Коммунистической партии помогли мне глубже понять политическую суть марксизма-ленинизма, улучшить свою работу в профсоюзном движении. Вскоре партия стала для меня неизменной опорой во всех областях моей деятельности. При помощи и поддержке партии я вскоре стал работать на международной арене. Мои поездки продолжались. Я побывал во многих странах, в том числе и в Китае. Теперь мои путешествия приводили к более положительным результатам. По мере своих сил я всюду старался оказывать скромную помощь рабочему движению. В первые годы становления каждой партии было необходимо учиться на опыте другой. Вот поэтому мне и довелось участвовать в рабочем движении на пяти континентах.

От всей души посвящаю эти воспоминания прогрессивной молодежи, из рядов которой выйдут будущие вожди человечества.

Харди.

ПРЕДИСЛОВИЕ АРТУРА ХОРНЕРА К АНГЛИЙСКОМУ ИЗДАНИЮ

Впервые я встретился с Джорджем Харди в 1919 году. Он приехал ко мне в Марди, познакомил меня со многими событиями в истории рабочего класса Северной Америки и разъяснил их значение. В семидесятилетнем возрасте, достигнув «положенного срока» жизни, Харди написал эту замечательную книгу, чтобы на основе личного опыта рассказать широкому кругу читателей о более чем полувековой борьбе рабочего класса на пяти континентах земного шара.

Кажется почти невероятным, что этот сын йоркширского фермера пережил столько событий в стольких странах, остался жив и смог рассказать эту правдивую повесть. Но тем не менее это так — в книге нет ни одного слова, ни одной фразы, которые можно было бы опровергнуть.

Харди приехал в нашу страну из США после первой мировой войны, чтобы заручиться поддержкой английских рабочих кампании за освобождение из тюрьмы около 1500 американских граждан, осужденных за профсоюзную и социалистическую деятельность в Соединенных Штатах.

Он пользовался авторитетом как бывший секретарь ИРМ («Индустриальные рабочие мира») — организации, о которой мы так много читали. Я хорошо помню, как откликнулся на его призыв мой старый друг Артур Кук и многие другие. Мы обещали ему сделать все, что могли, для успеха его миссии и выполнили свое обещание.

С тех пор прошло тридцать шесть лет. За эти годы Харди во многих странах и в самых различных условиях принимал активное участие в борьбе за улучшение положения трудящихся, за их окончательное освобождение. Он абсолютно честен в своем суждении о себе, когда говорит об

ошибках, которые он совершил в процессе поисков и заблуждений, идя по сложному пути от тред-юнионизма и синдикализма к социализму и коммунизму. Признания Харди придают еще большее значение его оценке великих исторических событий, в которых он непосредственно участвовал.

Вспомним некоторые из этих событий. Вначале ожесточенная борьба за создание профсоюзов на американском континенте. Работа Харди, связанная с попытками немецких рабочих создать в Германии подлинно социалистическое правительство и предотвратить возникновение гитлеризма. Поражения, пережитые китайским народом, его окончательная победа. Частые поездки Харди в Советский Союз, его разговор с Лениным. Руководство ожесточенной борьбой горняков в Британской Колумбии. Участие Харди в движении моряков, горняков и других трудящихся Великобритании.

Я могу писать и говорить о многих из этих событий, опираясь на личный опыт, ибо не раз помогал Джорджу Харди при выполнении им различных задач. Как бывший генеральный секретарь Национального движения меньшинства я знаю характер его работы. Я высоко ценил тогда и ценю сейчас все, что Харди сделал для организации помощи горнякам, особенно в 1926 году. Эта книга является не только историей жизни одного человека, как бы она ни была замечательна. Она содержит просто изложенное объяснение великих событий, изменивших ход истории и продолжающих его изменять с возрастающей быстротой.

Эта книга была для меня и будет для многих ветеранов рабочего движения большим утешением в многочисленных кажущихся поражениях рабочего класса в различных странах. Но прежде всего она должна явиться источником вдохновения для молодежи, которая держит в своих руках будущее мира и должна будет решить великие вопросы войны и мира, определить будущее экономического и политического движения рабочего класса и, наконец, добиться окончательной победы в решительной борьбе между пришедшим в упадок капитализмом и социализмом, ведущим к коммунизму.

Книга первая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Получение задатка

Мать творит чудо. Заслуживающие помощи бедняки. Рассвет в Гулле. Ты нанялся? Мой первый профсоюзный билет. Проказы в армии. Уроки, извлеченные из работы в речных портах. Передо мной открываются новые горизонты. Первая стачка. Борьба в одиночку. Красный фонарь в прериях. У нас открываются глаза. Профсоюзный организатор. ИРМ. Коммерческая сделка. Социализм? Увидал.

I

Я родился в те времена, когда Англия была самой богатой страной в мире, а заработная плата отца, квалифицированного сельскохозяйственного рабочего, составляла 18 шиллингов в неделю. На эти деньги он должен был содержать семью из девяти душ. Заработок считался хорошим, ибо в 1884 году в деревнях Восточного Йоркшира «принятая заработная плата» составляла всего 14 шиллингов в неделю.

Отец работал на ферме двенадцать часов в день, а потом дотемна на большом огороде, окружавшем наш коттедж. Таким образом он обеспечивал семье достаточное пропитание. Я был старшим сыном и еще совсем мальчуганом должен был утром по субботам тащить из нашей деревни Вудмэнзи в Беверли ящик на колесах, полный овощей. Там я ходил из дома в дом, предлагая овощи и часто приносил домой 8—9 шиллингов.

Во время уборки урожая все дети, умевшие вязать и складывать снопы — нам приходилось учиться этому очень рано,— работали целый день в поле. Мой отец, сильный, коренастый человек, типичный житель этого района, стоял у молотилки и носил на плечах мешки весом по 114 килограммов. Я помню, как мать, возвратясь домой, не могла разогнуться от боли в пояснице и говорила, что падает от усталости. Удивительно, как только она могла это выносить. Содержа детей здоровыми, чистыми и сытыми, мать

ежедневно творила чудо, которое она называла — экономить каждый пенс. Вся деревня этому дивилась. Вместо ванны у нас была просто деревянная бадья, которую ставили перед камином. Во время еженедельного омовения нашей многочисленной семьи дом походил на колонию нудистов. До того как в возрасте тринадцати лет я покинул отчий дом, я спал вместе с тремя братьями в крошечной комнатушке на чердаке с покатым потолком, спускавшимся так низко, что кровать не устанавливалась и мы расстилали соломенные матрацы на полу.

Отец так и остался неграмотным. По субботам и воскресеньям мать читала ему вслух газеты почти от начала до конца. Он отличался таким же здоровым умом, как был крепок физически. Я хорошо помню его едкие замечания по поводу газетных сообщений, замечания, которые он делал с точки зрения рабочего, прерывая время от времени негромкое чтение матери. Отец был атеистом. Мать — баптисткой. Когда отец начинал ругать церковных проповедников, мать сердито говорила: «Боб Харди, как, по-твоему, куда ты попадешь после смерти?» А он отвечал: «В могилу — там нам и конец».

Когда мне исполнилось три года, я начал ходить в школу и каждый понедельник относил 2 пенса за обучение. Азбуке нас почти не учили, зато беспрерывно твердили о величии империи, над которой никогда не заходит солнце. Один из первых уроков был посвящен правилам поведения по отношению к «вышестоящим лицам». Время от времени школу посещали дочь помещика, приходской священник или каноник Беверлийского кафедрального собора. Когда они входили в класс, все школьники вскакивали и вытягивались. Мальчики, подходя к этим высшим существам, должны были снимать шапки, а девочки приседать. Но отец всегда говорил, что все это чепуха и что «вышестоящие лица» ничуть не выше нас. Я с ранних лет привык считать такое мнение правильным и здравым.

На рождественские праздники помещик давал заслуживающим помощи беднякам по два кролика. Одно время семья Харди также принадлежала к этой социальной прослойке. Но это было недолго. Кролики давались на определенных условиях. Нам перестали их дарить после того, как отец, называвший себя радикалом, голосовал не за консерваторов, а за либералов. Другой вид благотворительности, которой мы пользовались с равной неблагодар-

ностью, состоял в раздаче огромных караваев хлеба бедным семьям прихода по окончании воскресной службы в Беверлийском кафедральном соборе. Мне приходилось ходить за этим караваем, и я бежал домой смущенный, держа хлеб под мышкой. Караваи раздавались по завещанию одного щедрого джентльмена по имени Уильям Уилсон, почившего в 1816 году. Когда я стал старше, этот кафедральный собор очень заинтересовал меня. Это одно из красивейших зданий в Англии, 101,5 метра длиной и около 49,5 метра высотой. Оно является чудесным памятником и хвалой архитектору, каменщикам и рабочим, подымавшим камни при помощи особого колеса, которое все еще находится около собора. История собора показывает, что даже священнослужители могут объявить забастовку. В 1381 году каноники забастовали в знак протеста против тяжелых условий, навязанных им архиепископом Невилем и семь лет отказывались служить. Затем архиепископу было предъявлено обвинение в измене родине, и он бежал из Англии, после чего забастовщики были восстановлены в своих правах. Но мне вспоминается совсем другая забастовка.

Мне в то время было всего шесть лет, но эта забастовка навсегда осталась у меня в памяти. Портовые рабочие Гулля выступили против попытки уничтожить их отделение профсоюза. Забастовка началась на следующий год после победоносной борьбы портовых рабочих Лондона за повышение заработной платы докеров до 6 пенсов в час. Ее возглавляли Том Манн и Бен Тиллет. Судовладельцы и хозяева портовых предприятий начали вербовать штрейкбрехеров. Они называли их «свободными рабочими». В Гулль были присланы крупные полицейские силы. На забастовщиков нападали, их бросали в тюрьмы. Из Йоркшира прибыл отряд конных драгун. Как-то воскресным вечером я шел с матерью через поле; вдруг мы увидели над Гуллем красное зарево от сильного пожара в доках на складах пиломатериалов. Бен Тиллет, с которым я спустя много лет говорил об этой забастовке, клялся, что пожар был делом рук самих предпринимателей.

Портовые рабочие потерпели поражение. В Вудмэнзи нас вывели из школы на улицу, чтобы показать нам конных драгун, возвращавшихся в Йоркшир. Их ярко-красные мундиры и звякающие сабли произвели на нас большое впечатление и сильно взволновали. Учитель не расска-

зал нам, как драгуны охраняли штрейкбрехеров и как их лошади наезжали на бастующих рабочих, но отец был на стороне рабочих. Мы устраивали в школе игры, причем одни изображали «забастовщиков», а другие «свободных рабочих». Если «забастовщикам» удавалось поймать «свободных рабочих», они их колотили, пока на помощь не приходили «драгуны».

В двенадцать лет я уже работал полдня в поле и мне пришлось бросить школу. В тринадцать лет я нанялся на работу к фермеру. В 90-х годах сельскохозяйственных рабочих нанимали на год, согласно закону о «хозяевах и слугах». Если рабочий нарушал контракт, скрепленный небольшим задатком, выдававшимся фермером в счет заработной платы при найме рабочего, против последнего возбуждали дело в суде графства и облагали его штрафом. За первый год работ я получил 5 фунтов стерлингов, то есть менее 2 шиллингов за каждую неделю. Срок контракта истекал 11 ноября в день св. Мартина, и после недельного перерыва начинался наем рабочих на следующий год.

На рыночной площади в Беверли стояли хозяева и рабочие. Хозяин осматривал рабочего и, если он казался ему подходящим, спрашивал: «Ты еще не нанялся?» Если ответ был отрицательный, начинался торг о цене, а затем хозяин выдавал небольшой задаток, чтобы скрепить сделку. Даже рабочий, согласившийся остаться у того же фермера еще на год, должен был пройти через этот невольничий рынок. Мне тоже пришлось это испытать, когда я остался на третий год подручным у фермера.

На четвертый год работы меня нанял Роберт Фишер из Леконфильда — помещик, фермер и член магистрата графства. Мне положили 16 фунтов стерлингов в год и бесплатное питание. Мы вставали в 4 часа утра, запрягали лошадей; в 5 часов 20 минут утра завтракали и к 6 часам были уже в поле и кончали работу в 8 часов вечера. После этого мы должны были накормить и вычистить лошадей.

Это был год душевных блужданий. Я работал среди богатой природы, и возникшая у меня любовь к ее красотам сохранилась на всю жизнь. В то же время мне казалось, что вокруг меня мучительная пустота. Мне было шестнадцать лет.

После ухода из школы, где я был лучшим учеником, хоть и вышел оттуда полуграмотным, все мое время было занято работой, почти не оставлявшей времени для каких-

ты не более четырех дней в неделю. Они проводили по меньшей мере два дня в неделю в трактире Бексайда «Анкер инн».

Эти высококвалифицированные рабочие собирались на верфях и с важным видом начинали обсуждать, какая сегодня погода. Малейший ветер, мороз или намек на дождь считался достаточным поводом для того, чтобы удалиться в пивную. Если погода не могла служить оправданием, клепальщики бросали кирпич. «Если он встанет на ребро,— говорили они,— мы будем работать». Если же кирпич ложился плашмя, они бросали работу. Подручным в таком случае приходилось туго. Заработок уменьшался и целый день приходилось сидеть в трактире за игрой в домино и кружкой пива. Правда, в виде уступки клепальщики платили за пиво подручных и общая сумма счета записывалась в кредит. В то же время искусство этих людей заложило основу хорошей славы, которой пользуется английская промышленность за границей.

Мне не слишком нравилось собирать болты и заклепки. Я решил вступить в армию. Сделал я это осторожно — вначале записался в отряд минеров-подводников, ставивших минные заграждения. Они входили в ополчение. Меня четыре месяца учили ставить мины на реке Хамбер, и мне это занятие очень нравилось.

Затем, к огорчению моих родителей, я решил записаться в регулярную армию. Помимо возражений отца против войны с бурами, он, кроме того, был твердо убежден, что жизнь в армии губит человека. Это мнение в те времена было широко распространено среди рабочих. Мать была страшно расстроена и всячески старалась меня отговорить. Но, побыв некоторое время на положении безработного, я все же решил записаться в армию.

Во время службы в армии в 14-м гусарском полку я считался прекрасным солдатом в отношении боевой подготовки и очень плохим с точки зрения дисциплины. Я хорошо владел холодным оружием, был прекрасным стрелком и кавалеристом. Во время соревнования в кавалерийском полку в учебном лагере Олдершот я получил первый приз за чистоту, включая уход за конем, в то же время мне не раз приходилось маршировать в полном снаряжении в виде взыскания за дерзость и самовольные отлучки.

Молодому профсоюзному активисту было трудно удержаться от сопротивления муштре, которая была таким

обычным явлением в армии пятьдесят лет назад. Однажды вечером я возвращался из театра на ипподром в Кентербери, где нас обучали скачкам с препятствиями, как вдруг караульный, стоявший у ворот, обвинил меня в участии в пьяной драке.

Обвинение было возмутительно, и я сказал об этом. Караульный сержант приказал отвести меня под арест. Когда я отказался идти, он меня толкнул, и я его ударил. На следующее утро меня привели к полковнику; для дачи показаний было вызвано также дежурное подразделение драгун. Полковник потребовал, чтобы все солдаты подразделения по очереди опознали меня. Солдаты как один вполне правдиво заявили, что меня не видели. Это наряду с моими показаниями меня спасло: я показал под присягой, что сержант меня толкнул, а я лишь вытянул вперед руку, чтобы защитить себя. Полковник сказал, что обвинение кажется ему сомнительным, и я был оправдан за недостаточностью улик.

Этим эпизодом закончилась моя карьера на ипподроме. Вскоре меня вернули в мой полк в Шорнклифе.

Накануне моего возвращения к гражданской жизни мы устроили торжественный вечер и концерт в зале гостиницы в Фолкстоуне. Веселье продолжалось по возвращении в казармы до поздней ночи. Мы так громко веселились, что взводный сержант вышел из своей каморки и записал наши фамилии, чтобы привлечь к взысканию за нарушение тишины в ночное время. Когда сержант вернулся к себе, я заметил, что на двери висит большой замок. Такой случай невозможно было упустить. Я крепко запер замок и обеспечил целость и сохранность сержанта на всю ночь. Утром его освободил капрал.

Я почувствовал огромное облегчение на следующее утро, когда после ночных проказ мне без единого слова или вопроса выдали в комендатуре документы. Ребята с песнями и громкими криками проводили меня на вокзал. Они до сих пор у меня перед глазами: в брезентовых костюмах конюхов. Один из них отзвонил прощальную на большом станционном колоколе. Когда поезд тронулся, я крикнул: «Это я запер сержанта. Желаю вам удачи, ребята!».

Впоследствии я получил от одного из солдат письмо, в котором он писал, что всех их обвинили в «самовольной отлучке из казарм и появлении на вокзале в Шорнклифе в неположенной одежде». Вероятно, многим из них при-

шлось в порядке взыскания маршировать в полном снаряжении. Для кавалериста это было жестоким наказанием, ибо он должен был маршировать в полной парадной форме со всем снаряжением, вплоть до подпруги на спине. В одной руке он держал саблю, в другой винтовку и в довершение всего на голове у него был тяжелый гусарский кивер.

Когда я по возвращении пошел на верфи, пытаясь найти временную работу, оказалось, что работы стало еще меньше, чем раньше. Поскольку я не мог заработать себе на пропитание на верфях, я попытался найти работу на кожевенном заводе. Вместе с другими страждущими я ежедневно с утра до вечера сидел в конторе по найму рабочих в надежде получить какую-нибудь работу. Новичков обычно отправляли в цех обдирки шкур. Там стояла такая вонь, что у большинства рабочих выворачивало кишки. Заработная плата здесь была меньше, чем на верфях, и несколько сот рабочих, работавших в этой отрасли промышленности, не состояли в профсоюзе.

Я ненавидел эту работу и вскоре перешел на другую. Я начал работать в речных портах по разгрузке небольших речных судов, которые носят название плоскодонок. Заработок здесь был довольно хороший, но работа носила случайный характер. Мне хорошо запомнился мой первый день на работе по разгрузке кирпичей. Эта работа требовала определенной сноровки и соответствующей экипировки. У меня не было ни того, ни другого. Грузчик стоял в трюме, подбирал от трех до пяти кирпичей и бросал их следующему в цепи, стоящему футов на шесть выше него. У всех грузчиков были кожаные рукавицы, чтобы защитить руки. У меня рукавиц не было и в первые же часы работы я жестоко поранил и до крови стер руки. Предложил ли кто-нибудь из старых рабочих мне рукавицы? Ничуть не бывало. Я продолжал работать, несмотря на страшную боль. Остальные рабочие не пожелали дать мне рукавицы по той простой причине, что работы на всех не хватало и они хотели сразу от меня избавиться, хотя со многими из них я дружил. Они удивились, когда на следующее утро я снова появился в занятых у кого-то кожаных рукавицах. Среди грузчиков я был единственным членом профсоюза.

Я часто оставался без работы, и это было тяжелым бременем для нашей большой семьи. Пособий по безработице

в те времена не выдавали, и несколько дней без работы быстро приводили рабочие семьи на грань голода. Когда в начале 1906 года в Беверли началась вербовка на работу в Канаду, я решил эмигрировать. Мне совсем не хотелось покидать родной дом. Но в рекламах и газетных статьях говорилось, что всех приезжающих в Канаду ждет хорошо оплачиваемая работа, и я решил попытать счастья.

Мы поехали как эмигранты, «получившие помощь». Но помощь эта ограничилась займом, предоставленным Церковной армией, причем с нас взяли обязательство, что мы его вернем. Дело изображалось так, словно мы были не безработными, ищущими средств к существованию, а строителями империи. Я не присутствовал в Беверлийском соборе на богослужении, во время которого получили благословение первые пятьдесят человек, уезжавшие из нашего района Англии. Издававшаяся в Беверли газета «Гардиан» писала 24 марта, что богослужение было устроено в ознаменование «события, впервые отмечаемого в долгой истории древнего графства,— отъезда организованной группы за море для мирного расширения империи... и укрепления единства доминионов, над которыми никогда не заходит солнце».

Наша группа промаршировала от ратуши до вокзала. Впереди шел лучший оркестр Беверли, на тротуарах стояли толпы народа. Людей собралось даже больше, писала «Гардиан», чем во время проводов добровольцев, уезжавших в апреле 1900 года на войну с бурами. Статья кончалась стихами:

Когда британский флаг зареял,
Тиранов происки срывая,
Земля по божьей воле стала
Прекраснейшим преддверьем рая.

Сколько болтовни по случаю того, что пятьдесят парней оставляют отчий дом! Сейчас, когда я вспоминаю это чересчур героическое событие, мне оно кажется и грустным и забавным. Даже теперь я с гневом думаю о том, как люди, занимавшие высокие посты, пользовались нашими добрыми именами для оправдания империализма, войны и алчности.

Но в марте 1906 года я еще был очень далек от понимания этого. Я лишь знал, что вступаю в широкий мир, что

передо мной открывается жизнь, богатая приключениями и испытаниями. И я предавался этим мечтам все восемь дней, пока старый пароход «Лейк Эри», мерно покачиваясь, плыл в чудесную весеннюю погоду по спокойным волнам Атлантического океана.

II

Из доков мы двинулись целым обозом колонистов в Торонто, куда прибыли в полночь. Обоз состоял из повозок с печками для приготовления пищи, но почти ни у кого из нас не было продуктов, из которых можно было бы что-нибудь приготовить. Со мной был другой эмигрант из Вудмэнзи, Чарлз Маннинг. У нас осталось несколько бутербродов, которых нам едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Нам приказали до утра не выходить из бараков для иммигрантов. Мы с Чарли просидели всю ночь на своих парусиновых мешках, разглядывая товарищей по путешествию, лежавших, скорчившись, между мешками и чемоданами. Странная картина! Неопределенное будущее! Я думал о доме, о кожевенном заводе, о работе на верфях и на речной пристани. Мы оба не могли заснуть.

На рассвете пришли фермеры, желавшие посмотреть, каких рабочих привез пароход. Высокий, худощавый мужчина окинул нас с Чарли внимательным взглядом с ног до головы. Это напоминало наем сельскохозяйственных рабочих в Беверли. «Вы, наверное, будете искать работу»,— сказал он. В этом не было никаких сомнений. У меня не осталось почти ни гроша. У Чарли при высадке было несколько фунтов стерлингов.

Фермер — его фамилия была Морган — предложил нам 175 долларов в год. Мы совершенно не знали местных ставок и нерешительно смотрели друг на друга. «Подумайте»,— сказал Морган и пошел осматривать других возможных кандидатов. Мы перевели доллары в фунты. Предложение казалось неплохим, и мы согласились. Это была ошибка, которую совершают многие иммигранты.

Морган должен был зайти за нами только в 2 часа дня, поэтому мы решили осмотреть днем Торонто и отпраздновать свою удачу. Чарли выпил несколько рюмок хлебной водки и был в прекрасном настроении, когда мы сидели в задней части повозки фермера, с грохотом катившейся по ухабистой дороге на ферму, расположенную в 20 милях от города.

Чарли вытащил бутылку водки, но не успел он сделать глоток, как это заметил Морган. Он остановил повозку и сказал: «Убери бутылку». «А почему парень не имеет права выпить?» — спросил Чарли. Морган ответил: «Я бы вас не нанял, если бы знал, что вы пьющие». Чарли спрятал бутылку, ворча, что он подумывает о том, чтобы вернуться назад. У меня было всего два пенса в кармане, и я сказал: «Давай попробуем поработать».

Нас прежде всего послали пахать. В Ист-Йоркшире очень гордятся прямой бороздой. В Канаде это не так. Мы следовали на ферме Моргана своей родной традиции, что привлекало много внимания. Проходившие мимо фермеры останавливались и хвалили нас.

В первое воскресенье мы побывали на соседних фермах и обнаружили, что нам очень мало платят. Морган еще подлее обманул молодого парнишку из Ливерпуля, которого он на следующей неделе привез из бараков для иммигрантов. Он дал ему девять долларов в месяц. Опытные рабочие обычно получали 25 долларов. Как член профсоюза, я был возмущен тем, что меня заставляют работать за плату, ниже установленной. Я еще больше рассердился, когда Морган однажды сказал мне, когда я возил навоз: «Не давай лошадям простаивать». Это означало, что нужно работать быстрее. Я устроил ему сюрприз. Хлестнул лошадей, и мы помчались, как во время гонки колесниц. Я остановил лошадей, лишь когда мы въехали во двор. Фермер бросился ко мне: «Ты что, с ума сошел, так гнать лошадей?» Я ответил: «Вы сказали мне, чтобы я поспешил. Я состою в кавалерийском запасе и именно так у нас выполняется приказание поспешить». Фермер был взбешен.

В конце месяца я потребовал свою заработную плату. Мне нужны были деньги, чтобы начать выплачивать за проезд, не говоря уже о необходимости купить рубашки и другие вещи. Морган вначале заявил, что нанял меня на год и не обязан платить деньги до истечения срока контракта, но, поворчав, все же выложил 12 долларов. Я показал Чарли полученные деньги, и он тоже потребовал значительную сумму. Даже парнишка из Ливерпуля, которому полагалось всего 9 долларов, выжал из старого мошенника 5 долларов.

Теперь мы могли вступить в переговоры, и на другое утро я после завтрака потребовал повышения заработной

платы. Как я и ожидал, фермер ответил отказом. «Хорошо,— сказал я,— найдите сегодня в Торонто другого дурака». Он начал говорить о нашем годичном контракте и заявил, что передаст меня в полицию.

Когда я предложил, чтобы все мы трое сложили вещи и ушли, Чарли сначала отказался. Во время работы в поле я все время говорил о том, как нас эксплуатируют, и, наконец, часов в десять заявил: «Ну, ладно, я объявляю забастовку. Если придется — даже в одиночку». Чарли расхохотался. Я распряг лошадей, и он увидел, что я говорю серьезно. «Хорошо,— сказал он,— если ты уходишь, то и я уйду». Помня об угрозе начать против нас судебное дело, мы не сообщили жене фермера о своем решении. Мы выбросили свои вещи из окна спальни и в полдень снова стояли на рынке рабочей силы в Торонто.

Так закончилась моя вторая кратковременная попытка работать в сельском хозяйстве. Я никогда больше не брался за такую работу, хотя у меня часто возникало желание вернуться на землю, но уже владельцем усадьбы. Эта мысль была отчасти вызвана тем, что в промышленности было трудно найти работу, и отчасти под влиянием романтического духа пионерства, господствовавшего в годы, когда стали доступны необъятные прерии Канады.

В Торонто я увидел объявления, предлагавшие бесплатный проезд в Брентфорд (провинция Онтарио) всякому, кто согласится работать грузчиком на железнодорожной линии «Грэнд транк». Я взялся за эту работу, попрощался с Чарли, все еще тешившим себя в баре, и на следующее утро начал работать на грузовом складе в Брентфорде.

Заработок был плохой, и железная дорога расплачивалась за работу лишь в конце месяца; таким образом, она всегда задерживала деньги на две недели. Складские рабочие были совершенно не охвачены профсоюзом. Я не знаю, как бы я прожил, если бы не добрая квартирная хозяйка, ирландка, согласившаяся предоставить мне кредит. Я бросил эту работу, как только получил заработную плату за месяц.

Затем я устроился на заводе «Уотерус энджин уоркс». Это предприятие принимало на работу нечленов профсоюза. Меня переводили в цехе на различную — то квалифицированую, то неквалифицированную — работу. Я рассверливал отверстия, закреплял заклепки, занимался

клепкой котлов при помощи гидравлического инструмента. За это мне платили всего полтора доллара в день, то есть ставку чернорабочего. Я показал свой английский профсоюзный билет и таким образом разыскал нескольких членов профсоюза. Однако они скрывали свою принадлежность к профсоюзу. Вскоре я обнаружил всю бесплодность моих попыток вести пропаганду в пользу профсоюзов. Поэтому я решил единолично требовать повышения заработной платы. Мне представился подходящий случай, когда меня перевели на высококвалифицированную работу по монтажу труб котла. Я попросил у мастера прибавки, и он согласился повысить мою зарплату на 25 центов. Настал день платежа, но прибавки я не получил. Я обратился к мастеру. «Они, очевидно, забыли»,— сказал он. Снова наступил день платежа, и я снова не получил прибавки. Однажды во время монтажа труб около меня остановился технический директор завода Вольф, наблюдая за моей работой. Я сказал ему, что мастер дважды обещал мне прибавить 25 центов, но прибавки я так и не получил. Вольф ответил: «Если бы это было так, то вопрос о прибавке был бы рассмотрен». Тогда я спросил его, как же насчет прибавки. Директор ответил: «Рабочих, которые будут рады получить эту работу, очень много». На дворе был декабрь, и работы, производившиеся под открытым небом, почти полностью прекратились. Этим и объяснялось его высокомерие.

Через несколько дней мое возмущение вырвалось наружу. Мы накладывали на котел заплату. Я сверлил отверстия для заклепок на высоте нескольких футов от пола котельного цеха. Внизу несколько рабочих чистили огнеупорные кирпичи. Вошел Вольф. Он несколько минут наблюдал за работой и затем заявил: «А ну-ка, поторапливайтесь, нам скоро понадобятся эти кирпичи». Через некоторое время он вернулся, опять постоял несколько минут, наблюдая за работой, и потом закричал: «Давай, давай, вы больше делаете за пять минут, пока я за вами слежу, чем за полчаса, когда меня здесь нет».

«Нельзя так говорить с рабочими»,— закричал я ему с высоты. «Занимайся своим делом,— сказал Вольф.— Я с тобой не разговариваю!» Я немедленно ответил: «Нет, разговариваете! Когда вы так говорите с рабочими, вы говорите и со мной». Я вышел из себя. Когда Вольф снова велел мне заниматься своей работой, я вскричал:

«К черту вас и вашу работу! Я больше ни минуты не буду работать на вас!» Я спрыгнул на пол и начал высказывать пятившемуся от меня директору, что́ я о нем думаю. Вдруг я споткнулся о лопату, воткнутую в кучу угля и упал. Это меня остановило. Ворота завода были заперты, но я перелез через них и убежал в пылу возмущения.

После этого я нанялся на завод «Мэсси Харрис» в Торонто, где также принимали на работу нечленов профсоюза. Завод выпускал небольшие отливки, изготовлявшиеся на формовочной машине. Для этого нужны были рабочие самой низкой квалификации. Здесь была введена сдельщина, и работа, в которой был обнаружен малейший брак, не оплачивалась. В платежный день я обнаружил, что мой заработок едва превышал заработок чернорабочего. Я был в воинственном настроении и все время обсуждал вопрос о системе оплаты в разговорах с другими рабочими. Один рабочий согласился со мной, что надо установить контроль над системой оплаты труда, но посоветовал мне быть поосторожнее, иначе меня уволят с завода. Он был членом профсоюза литейщиков. «Ничего нельзя сделать,— сказал он,— пока мы не охватим рабочих профсоюзом».

Мастер узнал о моих разговорах с рабочими. Однажды он стоял возле меня, наблюдая за моей работой. Я спросил его, почему мне так мало платят. Мастер ответил: «Тебе платят только за хорошие отливки». Я заявил, что не верю, что у меня было так много брака, чтобы мой заработок был настолько снижен. Разве я работаю неудовлетворительно? Мастер ответил: «Ты как будто работаешь неплохо»,— но на следующий день он подошел ко мне и велел мне прекратить «агитацию» в литейной. В следующий платежный день мне было заявлено, что я обвиняю фирму в нечестности, и я снова с глубоким возмущением ушел с работы. Я часто так поступал в тот период, когда моя юношеская наивность и мятежный инстинкт заставляли меня действовать в одиночку.

После этого я нанялся на работу в качестве возчика в «Бут Ламбер компани» (в Северном Торонто). Владелец этой фирмы, уроженец Ист-Йоркшира, был «обязан всем только самому себе»; это был как раз тот тип человека, о котором мы столько слышали, когда нас уговаривали эмигрировать. Он принадлежал к тем избранным, которые добились благосостояния путем эксплуатации других.

Услышав мой выговор, он возымел ко мне симпатию, как к земляку. Симпатия эта выразилась в том, что он заставлял меня работать по субботам сверхурочно. Я вступил в профсоюз возчиков, после чего потребовал и получил полагающуюся плату за сверхурочную работу из расчета 150 процентов. Но потом для сверхурочной работы подобрали человека более смирного нрава, члена Армии спасения, который согласился выполнять ее без надбавки.

Этот парень наотрез отказался вступить в профсоюз. Он заявил, что предприниматели хорошие люди и справедливо к нам относятся. «Это не основание для того, чтобы работать в субботу вторую половину дня без дополнительной оплаты»,— ответил я. Этот негодяй донес на меня, заявив, что я занимаюсь агитацией. Когда я прямо в лицо назвал его провокатором, он ответил: «Я снова на тебя донесу». Я дал ему по уху и сказал: «Заодно донеси и об этом».

Я напрасно вышел из себя, но этот человек заслужил оплеуху.

Наступил 1907 год — год кризиса. Найти работу было труднее, чем когда-либо. А работа мне стала еще нужнее — я познакомился с Эдит. Я был неквалифицированным рабочим и попал в черный список, как смутьян, но менее всего был расположен подчиниться и согласиться на плохую оплату на предприятиях, бравших на работу нечленов профсоюза. Поэтому мы переехали в Брентфорд, решив попытать там счастья. Здесь мы поженились и надеялись окончательно обосноваться. Сначала я снова попытался попасть на завод «Уотерус». Я вошел в контору с самым невинным видом и попросил предоставить мне работу. На сцене сразу появились карточки. «А вы раньше здесь работали?» — «Да».— «В котельном цехе?»—«Да». Тогда мне прочли мою характеристику — ругался, мешал рабочим во время работы, ушел с завода, перепрыгнув через ворота... Я, безусловно, числился в черном списке.

Мне пришлось поступить на работу на фабрику шерстяных тканей. Моя заработная плата за десятичасовой рабочий день была меньше моего заработка в Англии, когда я работал подручным клепальщика. Перед этим мне предложили работать носильщиком на вокзале в Брентфорде. Но, когда мне сказали, что меня берут на место моего друга Сида Мэррея, я, конечно, отказался от этой работы и предупредил Сида.

Сид уехал из графства Сатерленд с сестрой и двумя братьями примерно в то же время, когда я уехал из Беверли. Мы повстречались в доме у ирландки, где я снимал комнату, впервые приехав в Брентфорд, и сразу подружились. Сид и его братья принадлежали к семье арендатора небольшой фермы, и в них глубоко укоренились традиции, присущие мелким арендаторам,— бережливость и глубокое презрение к английским джентльменам, отдавшим свои хорошие земли под разведение оленей.

Весной, когда Эдит была беременна нашим первым ребенком, мы переехали на Запад, чтобы избавиться от черного списка. Мы приехали в Эдмонтон(провинция Альберта), бывший в то время торговым центром со слабо развитой промышленностью, не считая строительной. Утром по немощеным улицам города громыхали запряженные волами телеги, везя на рынок сельскохозяйственные продукты. Тут был рай для жадных, как акулы, спекулянтов недвижимым имуществом, для темных личностей, которые продавали вам землю в десятках пунктов, отведенных под строительство городов, вдоль сооружавшейся в то время железнодорожной линии «Грэнд транк пасифик». Железнодорожные компании, стремившиеся добиться переселения людей на Запад, в то время широко рекламировали возможность быстро разбогатеть. Многие бедняки, отдавали все свои наличные деньги на первый взнос за какой-нибудь болотистый участок, которого никогда не видели, подобно земле Эден, о которой писал Диккенс в повести «Мартин Чезлвит». Мы прибыли в Эдмонтон в конце апреля, когда этот пограничный город лишь начал оживать после долгой суровой зимы. Улицы, бары, гостиницы были полны рабочих, ищущих работы. В город непрерывным потоком прибывали люди в погоне за земельными участками, поселенцы, молодые и старые—все, полные надежд. Владельцы извозных предприятий наживали большие деньги, отдавая напрокат лошадей и повозки людям, движущимся на запад в поисках свободных земель.

Первую постоянную работу в Эдмонтоне я нашел в таком извозном предприятии. Я любил возить по незаселенным просторам людей, ищущих земли. Они начали передвигаться по стране, как только стаял снег. Во время чудесной северной весны и в летние месяцы они непрерывным потоком двигались на запад. Некоторые, направляясь на север, достигали района Пис Ривер. Их полная

приключений жизнь зажгла мое беспокойное воображение, и я чуть не остался на «границе» навсегда.

Мой хозяин выдавал себя за религиозного человека. Он и его семья каждое воскресенье ходили в церковь, оставляя все дела на старшего конюха. Однажды хозяин попросил меня прийти обратно на работу после чая и отвезти двух человек куда-то недалеко за город (все эти новые поселки называли «городами»). Я согласился без особой охоты, так как уговора об оплате сверхурочных у меня с ним не было. Мы отъехали от города приблизительно на милю. Вдруг я увидел красный фонарь, горевший высоко над кустарником, покрывавшим прерии. Мои пассажиры велели ехать на свет. Мы подъехали к большому новому деревянному дому с огромным фонарем. Мужчины постучали: им открыла двери статная женщина, которая назвала их по имени и пригласила в дом. «Привяжи лошадь к столбу и заходи!»,— крикнула она мне.

Я вошел и очутился в притоне. Вокруг расхаживали почти обнаженные девушки. Я был смущен, и это, вероятно, было написано у меня на лице, потому что одна из женщин принесла мне вино и бутерброды с курицей и, желая меня подбодрить, сказала: «Что с тобой, девушки тебя не съедят». Действительно, они не пытались со мной заигрывать.

Но какое переживание! У нас только что родился первый ребенок, Эдна, и, думая об этом и вспоминая своего набожного хозяина, я чувствовал, как во мне разгорается злость. Публичный дом был одним из многих подобных заведений, которые отцы города мудро решили вынести в прерии, за черту города.

На следующее утро я опоздал на работу и сразу пошел в контору и потребовал, чтобы хозяин больше не посылал меня в такие поездки. Сначала он сделал вид, что не знал, куда эти люди собирались ехать, а потом заявил, что я должен ездить туда, куда он приказывает. Наступила зима, и мне необходимо было сохранить работу, поэтому я не стал спорить. Но это было начало конца моей жизни в Эдмонтоне. Однажды хозяин услышал, что я слегка выругался. Он резко повернулся ко мне и сказал: «Ты это брось!» Я ответил: «Вы меньше всего имеете право мне указывать».

Он не ответил, но через две недели меня вызвали в контору и обвинили в агитации. В данном случае обви-

нение было необоснованным. В разговорах с рабочими я говорил о необходимости объединиться в профсоюз, но делал это очень осторожно, так как должен был содержать семью. Я потребовал доказательств. «Ты уволен»,— заявил он. Тогда я его как следует отчитал. Я сказал ему, какой он хороший христианин, если предоставляет повозки для поездок к проституткам.

III

Снова на запад. Я отправился на западное побережье, куда в начале года уехали мои друзья — семья Мэррей. Мне навсегда запомнилось долгое путешествие в поезде через долины Скалистых гор и богатые зеленые пастбища Британской Колумбии. Местность напоминала мне родину больше, чем какая-либо другая часть Канады. Когда мы приехали в Ванкувер и я увидел пароходы, грузящие лес, я почувствовал себя так, словно бежал из рабства.

Здесь в Британской Колумбии моя кочевая жизнь приобрела цель, и у меня появилось радостное чувство счастливого человека: мне казалось, что весь мир принадлежит мне. Город был полон лесорубов, строительных рабочих, портовых грузчиков и моряков. Два дня я искал работу и прислушивался к их разговорам.

Они говорили на языке, которого я до сих пор не слышал. Они говорили о работе, которую они получили (или должны были получить) у спекулянтов за выкуп, подчеркивали необходимость организоваться на работе, говорили о производственных «революционных» профсоюзах, о «классовой борьбе». Они широко угощали друг друга вином и пивом в барах и охотно давали мне советы, как найти работу.

Таким образом я познакомился с одним лесорубом-шведом, который отнесся ко мне очень дружелюбно. Он был первым социалистом, с которым мне пришлось встретиться. Он сказал, что был членом Социалистической рабочей партии, а теперь член ИРМ. Он сказал мне также, что на острове Ванкувер много работы, и на следующий день я отправился с ним на пароходе в Викторию. По дороге он очень подробно объяснил мне основы социализма и организации профсоюзов по производственному принципу. Фактически он прочитал мне

лекцию об основах марксизма. Швед неоднократно повторял: «Нас грабят в процессе производства». Эта фраза засела у меня в мозгу, хотя многое из того, что он говорил, казалось мне слишком сложным и непонятным.

На следующий день около полудня я нашел место возчика, снял комнату с питанием и встретил друзей-шотландцев. Столица Британской Колумбии Виктория мне сразу понравилась. Там в феврале уже расцветают цветы, лето длинное и солнечное. В городе обосновались многие фермеры, уехавшие из степных провинций, а также бывшие слуги-китайцы, которые предпочли приехать сюда, чтобы избавиться от скучной, серой жизни в Англии. Последних было немного.

Мои друзья-шотландцы придерживались твердых социалистических взглядов, но были осторожны, ибо в те времена рабочие должны были остерегаться открыто выражать свои взгляды, если они хотели сохранить работу. Они брали меня на собрания местной организации Социалистической партии Канады, которые устраивались по воскресным вечерам и всегда были очень многолюдны.

На первом собрании я купил книгу Карла Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». В ней говорилось о том же, о чем говорили лесорубы на пароходе, но изложено все было совершенно по-иному. Мне казалось, что я никогда не смогу понять этот труд. Там были термины, которых я никогда не встречал. Несколько недель мне казалось, что все бесполезно. Я никогда не пойму чтó там написано, сколько бы я ни заглядывал в словарь.

Несколько позже я начал посещать в Ванкувере лекции Е. Т. Кингсли по марксистской политической экономии. Это было настоящее откровение. Мне думается, что мое подлинное образование началось именно в этот период. Я знаю, что с тех пор не переставал искать новых областей знания и опыта. Я приступил к занятиям, будучи для этого мало подготовленным, если не считать уверенности в себе, приобретенной мной в борьбе за существование,— той уверенности, которую дает человеку работа с юных лет и ранняя самостоятельность.

Следующие две книги, которые я прочел, были «Эволюция идеи о боге» Гранта Аллена и «Право на лень» Поля Лафарга (меня заинтересовало название послед-

ней). Я вступил в Социалистическую партию Канады, читал ее партийный орган — еженедельник «Уэстерн кларион» («Западный горн») и подписался на многие другие социалистические газеты — канадскую «Коттон уикли» («Хлопковый еженедельник»), американскую «Аппил ту ризон» («Призыв к разуму»), английские «Джастис» («Справедливость») и «Фрисинкер» («Свободомыслящий»), а также на ежемесячный журнал «Интернэшенэл сошиалист ревью» («Международное социалистическое обозрение»), издававшийся в Чикаго известным социалистическим издательством «Чарлз Керр энд компани».

«Овладев», как мне казалось, марксизмом, я почувствовал, что меня уже не удовлетворяет единственная прочитанная мной книга Маркса «Заработная плата, цена и прибыль». Начав с трех томов «Капитала», я стал собирать библиотеку. Мне кажется, я купил все книги, выпущенные издательством «Керр энд компани». При покупке книг я получал 40 процентов скидки, которая делалась для акционеров. «Капитал» я изучал около восемнадцати месяцев. После этого я принялся за два тома философских трудов Иосифа Дицгена, служивших в те дни основой материалистического мировоззрения. Затем я взялся за труды Дарвина «Происхождение видов» и «Происхождение человека».

В Виктории существовали хорошие профсоюзные традиции, но в моей отрасли работы профсоюза не было, и я решил взяться за организацию профсоюза возчиков. Мне казались теперь неправильными прямолинейные методы агитации, которыми я пользовался раньше. Я решил действовать более осторожно. Развозя пиломатериалы по городу, я спрашивал встречавшихся мне возчиков: почему у нас нет профсоюза? Несколько человек раньше были членами профсоюза, но теперь этот профсоюз уже не существовал. Кое-кто относился к моей идее враждебно, другие равнодушно. Я записал адреса рабочих, более или менее одобрявших мысль об организации профсоюза, и, когда в моем списке набралось пятьдесят фамилий, обратился к председателю Совета профсоюзов города Виктория Дж. Г. Уотерсу.

Он созвал собрание, на котором присутствовали эти пятьдесят человек. Они горячо откликнулись на наше предложение и решили организовать профсоюз и запро-

сить устав в международном братстве возчиков, председателем которого был отъявленный реакционер Даниэль Тобин.

Мы получили оттуда устав и всякие инструкции. В начале следующего собрания нам пришлось пройти через очень серьезное испытание — читались правила поведения при церемонии принятия в профсоюз. Мы стояли, подняв правую руку над головой, а левую прижав к сердцу, и только после этого стали считаться членами профсоюза. Все новые члены должны были пройти через этот вздор.

Я отказался от руководящей работы в профсоюзе, но все свободное время посвящал его укреплению и самообразованию. Мы добились некоторых успехов, но осенью 1910 года зашли в тупик, несмотря на благоприятные условия, создавшиеся благодаря повышенному спросу на рабочую силу. Число присутствующих на собраниях начало уменьшаться.

В наше отделение профсоюза вошло несколько социалистов; среди них несколько членов Социалистической партии Канады. Мы пришли к правильному выводу, что люди вступают в профсоюз, чтобы улучшить условия своего труда, и, если отделение ничего не сделает в этом направлении, оно распадется. Мы начали собираться неофициально, чтобы обсудить вопрос о том, как положить конец застою.

Во время первых выборов в нашем отделении профсоюза я отказался выставить свою кандидатуру на руководящую работу в профсоюзе из боязни, как бы не создалось впечатление, что я добиваюсь руководящего поста. Такое нежелание руководить было очень распространено среди рабочих в непринужденной обстановке равенства, существовавшей в лагерях лесорубов и на сезонных работах на побережье. Однако наша социалистическая группа решила, что мне не следовало отказываться и что во время ежегодных выборов, намеченных на конец 1910 года, я должен выдвинуть свою кандидатуру на пост председателя местного отделения профсоюза.

Я был единогласно избран тайным голосованием. Новый исполнительный комитет постановил разработать программу требований и назначить освобожденного от работы организатора. Заработок возчиков был низкий; одна и та же по своему характеру работа весьма неоди-

наково оплачивалась различными фирмами. Хотя в городе был установлен восьмичасовой рабочий день, возчики находились в пути по десять часов в день, не считая времени, которое они тратили на уход за лошадьми.

Программа наших требований, проект которой предложили составить мне, предусматривала повышение заработной платы на 25 процентов, введение девятичасового рабочего дня, оплату праздничных дней и наем рабочих через профсоюз. На специальном собрании, созванном для рассмотрения этих требований, присутствовали почти все члены профсоюза.

Мне в то время было двадцать шесть лет и опыта у меня еще было мало. Но из трудов, которые я изучал, я понял, что в жизни и природе ничто не бывает неизменно. Мы должны двигаться либо вперед, либо назад. Лишь одна треть общего количества возчиков была охвачена профсоюзом, и если ничего не будет предпринято, нам грозит не «застой», а полный распад. Мы должны убедить рабочих в необходимости вступать в профсоюз и довести наши требования до сведения всех возчиков как в городе, так и за его пределами.

Этот довод был, по-видимому, правильным ответом скептикам, которые не хотели вступать в профсоюз и говорили, что профсоюз недолговечен. После выдвижения нами своих предложений рабочие сами выступили за назначение организатора. Они одобрили программу и выдвинули мою кандидатуру. Я просил выбрать кого-нибудь другого, но на втором собрании вынужден был согласиться. Однако по правилам никто не имел права занимать одновременно две выборные должности, надо было избрать нового председателя местного отделения профсоюза. Когда об этом было сказано на собрании, один из присутствующих крикнул: «К черту правила!» Таково было мнение всех присутствующих и волей-неволей мне пришлось остаться на посту председателя.

Такая поддержка была мне оказана не потому, что я скрывал на профсоюзных собраниях свои социалистические убеждения. Как раз наоборот. Я с юношеским пылом пропагандировал социалистические принципы и по мере сил проводил их в связи с непосредственными задачами того момента. Вспоминая те времена, я прихожу к убеждению, что осуществление на практике принципов марксизма даже в моем ограниченном понимании его пошло

мне на пользу. Незадолго до этого один возчик негр подал заявление о приеме его в члены профсоюза. В связи с этим мне пришлось дать в профсоюзе первое настоящее сражение. Как только было объявлено о том, что поступило такое заявление, в это дело вмешался один американец, ненавистник негров. Он начал очень хитро, стараясь создать впечатление, будто заботится исключительно об укреплении профсоюза. «Если вы будете принимать негров,— заявил он,— белые рабочие откажутся вступать в профсоюз». Американец привлек на свою сторону большинство голосов, и ходатайство негра было отвергнуто.

Вопрос о приеме негров был поднят затем при обсуждении постоянного пункта нашей повестки дня — о материально-бытовых условиях. Став организатором, я уговорил двух негров подать заявления о приеме их в члены профсоюза. Тот же американец снова выступил с возражениями. Тогда один из участников собрания задал ему вопрос: «А если мы объявим забастовку в поддержку своих требований, как, по-твоему, эти двое тоже должны бастовать?» Этот дурак ответил: «Да». На сей раз мы одержали победу значительным большинством голосов.

Через два месяца половина возчиков вступила в профсоюз, и мы решили рискнуть. Мы разослали всем предпринимателям письма с изложением наших требований и просили дать ответ не позднее 14 апреля. На этот день было назначено общее собрание членов профсоюза.

Мы получили удар — ни один предприниматель не ответил на наше письмо; печать хранила полное молчание. Комитет предложил мне посетить все фирмы в отдельности. Тем временем мы начали готовиться к проведению забастовки.

Я начал с лесных компаний. Крупнейший лесопильный завод в округе Виктория принадлежал фирме «Канэдиан Паджет Саунд ламбер компани». Эта компания, которая, как говорили, производила в день распилку одного миллиона кубических футов древесины, согласилась удовлетворить наши требования в отношении повышения заработной платы, но отказалась признать профсоюз. Управляющий заявил: «Если бы мы имели дело только с вами (враль!), мы бы не возражали. Но наш опыт в Соединенных Штатах показывает, что, когда происходит нечто подобное, немедленно появляются зарубежные агитаторы, и у нас начнутся забастовки и сплошные неприятности».

Однако он в конце концов согласился производить наем рабочих через профсоюз, и я использовал этот первый успех в переговорах с другими фирмами. Некоторые фирмы согласились удовлетворить наши требования. Но в крупных транспортных компаниях, занимавшихся перевозкой грузов, меня осыпали бранью и проклятиями и выталкивали за дверь. Это были организовавшиеся предприниматели, заранее сговорившиеся между собой относительно наших требований.

Мы созвали чрезвычайное собрание, на котором решили действовать без промедлений и без дальнейших предупреждений. Вечером 28 апреля 1911 года мы приняли решение объявить в день 1 Мая забастовку. Возчики должны были как обычно явиться утром в конюшни, но затем вместо того, чтобы выйти на работу,— организовать пикеты. Было решено никого не впускать в конюшни. Несмотря на то, что в забастовке участвовало большое число рабочих, наше требование о сохранении полной секретности строго соблюдалось и наше наступление застало хозяев врасплох. Почти все до единого рабочие пришли в конюшни и образовали пикеты. Работа полностью прекратилась.

Переговоры начались в тот же день утром в здании Лейбор Темпл. Организовавшихся между собой предпринимателей представлял управляющий фирмы «Виктория трансфер компани» некий Тейт. Он занял место во главе стола. Этот бородатый человек небольшого роста, по внешнему виду принадлежавший к интеллигенции, был очень ловок. Сразу перейдя в наступление, Тейт заявил: «Невозможные требования!» Остальные предприниматели с ним согласились. Один из них сказал: «Лучше я поставлю лошадей навсегда на подножный корм, чем буду столько платить рабочим».

Наступила моя очередь выступить. Наши доводы были неопровержимы. Они опирались на цифровые данные, касавшиеся сравнительной заработной платы, рабочего дня и условий труда, а также роста цен на продукты питания, одежду, квартиры и почти все предметы первой необходимости. Тейт предложил нам немедленно вернуться на работу, гарантируя «разумное урегулирование» не позднее 5 мая. Я заявил ему, что мы не можем заставить рабочих приступить к работе, так как они сами голосовали за забастовку.

Тейт ответил: «Вы знаете, в какое тяжелое положение вы себя поставили — из-за вас прекратилась доставка королевской почты». Я напомнил ему, что он знал о наших требованиях еще месяц назад. «Прекратили доставку королевской почты не мы, а вы». Он спросил, что я предлагаю. Я сказал ему, что мы готовы изложить его предложение рабочим, собравшимся в большом зале. Я пошел по коридору в зал. Над дверью была широко открытая фрамуга. Нас легко могли подслушать. Я сказал рабочим шепотом: «Если вы примете предложение, которое фактически не содержит никаких уступок, вы дадите им время привезти профессиональных штрейкбрехеров. Мы предлагаем отвергнуть его сразу без обсуждений». Возражений не было. Тогда я сказал громко: «Все, кто за предложение, скажите «да». Ни звука. «Тот, кто против, скажите «нет». Тут поднялся такой шум, что задрожали стены.

Думая, что другая сторона подслушивает, я подбежал к двери и распахнул ее настежь. Действительно, предприниматели быстро убегали по коридору.

Тейт обернулся: «Ну, что вы решили?» — спросил он. Как будто он не знал! «Единогласно отвергнуть,— сказал я.— Но мы готовы встретиться с вами в любое время». Он ответил: «Мы можем встретиться сейчас». Он еще не пустил в ход своего последнего козыря. Тейт был ловким политиканом, председателем клуба «Бивер» (прозвище ассоциации консерваторов) и находился всецело под влиянием премьер-министра провинции Макбрайда — магната, ненавидевшего рабочих. Тейт снова занял место во главе стола. Он сказал: «На мой взгляд, удовлетворение таких непомерных требований приведет к увольнению многих рабочих, которые состарились на работе в фирме и хорошо нам служили. Если нам придется так много платить, мы должны будем их рассчитать». Считая, что он держит нас в руках, Тейт заносчиво спросил: «Ну, что вы на это скажете?» Несколько слов, сказанные одним из членов забастовочного комитета о характере работы и заработной плате людей, которых Тейт назвал престарелыми, дали мне время собраться с мыслями.

«Здесь не должно быть места сентиментальности,— начал я.— Если увольнение этих людей необходимо для установления заработной платы, обеспечивающей прожиточный минимум, они должны уйти». Циничная улыбка, появившаяся на лице Тейта, как бы говорила: «Вот ты,

наконец, мне и попался. Здесь есть кое-что для печати». Я продолжал: «Но мы не считаем увольнение необходимым. Мы будем энергично возражать против расчета пожилых рабочих, которые, как вы сами сказали, хорошо вам служили. Если бы они не продолжали хорошо вам служить, они бы у вас не работали. Им пришлось бы искать работу в другом месте. На правительство Макбрайда, которое субсидирует армию спасения, ляжет пятно, если оно выбросит неимущих рабочих, чтобы переполнить рынок рабочей силы. В этом году в доминионе будут проведены выборы, и у нас найдется много такого, о чем мы скажем в связи с поднятым вами вопросом».

Внесение политики в переговоры произвело громадное впечатление и послужило мне серьезным уроком на будущее. Тейт немедленно начал уступать позиции, и после кратковременного совещания большинство предпринимателей согласилось удовлетворить наши требования. Рабочие вернулись на работу победителями. Мы продолжали забастовку на предприятиях, владельцы которых настаивали на своем, но в конце концов и они вынуждены были пойти на уступки.

Так, в возрасте двадцати шести лет я приобрел первый опыт в руководстве забастовкой. В связи с успехом, которого мы добились, рабочие хлынули в профсоюз, и через два месяца число организованных возчиков достигло 95 процентов. Вовлечению возчиков в профсоюз, конечно, способствовала система найма рабочих через профсоюз. Я с энтузиазмом выступал за этот проект, но при проведении такой системы в жизнь мы наталкивались на бесконечные препятствия. Эта система была хороша в периоды большого спроса на рабочую силу, когда рабочие часто меняли место работы. Но в периоды избытка рабочей силы, когда предприниматели переходили в наступление, она неминуемо должна была провалиться.

Мы вскоре были вовлечены в новую забастовку. Как мне казалось, она была начата слишком поспешно, без предварительных переговоров с предпринимателями и в тот момент, когда треть нашей организации составляли еще не вполне убежденные члены профсоюза. Мой совет был отвергнут, и все мои прежде убедительные доводы о том, что забастовку следует организовывать быстрее, не дав времени другой стороне подготовиться, были на сей раз обращены против меня. Следует помнить, что в то

время необходимость варьировать тактику понималась лишь немногими.

Борьба началась в связи с отказом фирмы оплачивать День доминиона, считавшийся праздничным. Члены профсоюза, которых это непосредственно не затронуло, получили указание отказываться от перевозок, обычно производившихся фирмами, в которых забастовали рабочие. В первый день несколько возчиков было уволено за отказ работать штрейкбрехерами. В городе появились профессиональные штрейкбрехеры. Для их защиты были сформированы специальные полицейские отряды. Мы организовали пикеты внутри предприятий и на улицах. Штрейкбрехеры, которым удавалось прорваться через первую линию пикетов, наталкивались на вторую. Забастовщики перерезали пополам вожжи и уносили одну половину, так что лошадь приходилось вести за голову. С колес повозок снимали гайки.

Мы созвали общее собрание членов профсоюза. После доклада о создавшемся положении у многих пропала охота расширять забастовку. Я указал, что — нравится нам это или нет — предприниматели помогают друг другу и мы должны ударить по фирмам, которые увольняют рабочих за то, что они не желают быть штрейкбрехерами.

Иного выхода не было. Наконец, предложение об организации всеобщей забастовки было принято подавляющим большинством голосов. Мы решили бороться до конца.

Привезли новых штрейкбрехеров. Однажды я увидел фургон около конторы транспортной фирмы на улице Йейтс. Возчиком был штрейкбрехер, привезенный из Соединенных Штатов. Я потребовал, чтобы он прекратил работу. «Какого черта? Ты кто?» — закричал он. «Представитель профсоюза возчиков»,— ответил я. В это время из конторы вышел одетый в штатское полицейский. Штрейкбрехер начал мне угрожать, а когда полицейский схватил меня за воротник пальто, разразился ругательствами по моему адресу. «Вы слышите? — спросил я полицейского, у которого в руках был большой гаечный ключ.— Я требую возбуждения против него уголовного преследования за грязную ругань и угрозу физическим насилием». Полицейский приказал штрейкбрехеру идти в переулок, говоря: «Смотри за лошадьми. Я сам займусь этим делом».

После этого он снял руку с моего плеча и сказал: «Не связывайся с ним в моем присутствии. Я член профсоюза». Я заметил: «Как может член профсоюза охранять штрейкбрехеров?» Он рассказал мне, что принадлежит к профсоюзу электриков, подал заявление о приеме его в городскую полицию и поэтому обязан нести специальную службу во время забастовки. Полицейский сказал мне, что «искренне сочувствует» забастовщикам. Я ответил, что он странно проявляет свое сочувствие. Он назвал мне гостиницу, в которой поселился штрейкбрехер, затем сказал: «Почему вам не поймать его в конюшне? Я прослежу за тем, чтобы он был там в половине шестого».

Они пришли в конюшню вдвоем. Я начал излагать штрейкбрехеру наши доводы. Он сказал: «Приятель, это слишком выгодно»,— и вынул из кармана пачку долларов. Тогда я пригласил его в бар, где собирались возчики. Когда мы пришли, там находилось несколько возчиков. Шла вторая неделя забастовки, денег было мало, и большинство людей стояло вдали от стойки. Я обратил внимание подлеца на выставленный за стойкой бара профсоюзный билет буфетчика. Профсоюзные билеты были выставлены во многих барах, владельцы которых принимали на работу только членов профсоюза. Он спросил меня, что я буду пить. «С грязным штрейкбрехером я пить не стану»,— ответил я. Тогда он велел подать себе кружку пива, но буфетчик сказал: «Мы штрейкбрехеров не обслуживаем».

Штрейкбрехера окружили забастовщики. Призывы к его разуму оказались бесполезными. Тогда ему велели убираться из города. Началась драка, и в конце концов его вышвырнули за дверь на улицу. Он уехал.

Мы прекратили забастовку, когда члены профсоюза, которых вопрос оплаты праздничных дней прямо не касался, начали проявлять признаки слабости и солидарность грозила разрушиться. Предприниматели и печать утверждали, что мы потерпели поражение. На самом деле мы вернулись на работу сплоченными, как никогда, и требование об оплате праздничных дней было через некоторое время удовлетворено.

Во время этой забастовки в округ Виктория приехал организатор ИРМ Дж. Б. Кинг. Широкие массы неквалифицированных и слабо организованных рабочих провинции — лесорубы, возчики, рабочие морского транспорта и

многие другие — быстро подпали под влияние той особой профсоюзной активности, которая была характерна для ИРМ и которой я коснусь ниже.

Дж. Б. Кинг предложил нам помощь, которую мы охотно приняли. Он оказался прекрасным оратором и успешно выступал на проводимых нами уличных митингах. Но Кинг был упорным сторонником саботажа как орудия борьбы. Один из членов нашего профсоюза, выслушав выступление Кинга, сделал надрезы на мешках с пшеницей, которые перевозил возчик-штрейкбрехер. Пшеница рассыпалась по дороге. Забастовщика арестовали и оштрафовали на 30 долларов; тогда я заявил, что саботаж не является политикой профсоюза. Но я отказался открыто осудить его, что вызвало разногласия в профсоюзе. Я сожалел о действиях забастовщика, которые, конечно, были использованы печатью для дискредитации нашей забастовки, но выступил против предложения об его исключении из профсоюза. Предложение было отклонено незначительным большинством голосов.

Социалистическая партия Канады не оказала нам никакой помощи в забастовочной борьбе. Она, подобно многим другим сектантским группам, была слишком «революционной», чтобы участвовать в повседневной борьбе. Я еще раньше порвал с этой партией и с ее извращением марксизма.

Опыт последующих лет показал, насколько неправа была партия, бойкотируя забастовки как «экономическую борьбу», не имеющую ничего общего с борьбой за изменение социального порядка, насколько ошибочна была вся ее политика самоустранения в ожидании революции. В одном отношении Социалистическая партия Канады сослужила полезную службу. Она познакомила рабочих с марксизмом, и многие из них сумели сделать более правильные выводы, чем их учителя, и играли творческую роль в организации рабочего и профсоюзного движения в Британской Колумбии. Характерным представителем таких людей был мой друг Билл Беннет, постоянно выступавший против утопических идей Социалистической партии Канады.

Билл Беннет значительно позже написал прекрасную книгу «Строители Британской Колумбии», в которой полностью разоблачил Социалистическую партию. Направив свой острый ум шотландца на проблемы социализма, он

принес движению большую пользу, и значение его деятельности выходило далеко за пределы Британской Колумбии. Беннет стал впоследствии одним из основоположников Коммунистической партии Канады. Под литературным псевдонимом «Старый Билл» он помещал в «Пасифик трибюн» краткие, остро написанные очерки, которые я прочел с большим интересом через много лет.

Наш профсоюз, как говорилось выше, принадлежал к Межнациональному братству возчиков, входившему в Американскую федерацию труда. ИРМ несколькими годами раньше осудила узко цеховой тред-юнионизм АФТ. У руководства нашего профсоюза с самого начала его деятельности возникли резкие разногласия с руководящим центром братства. После нашей первой забастовки мы, несмотря на победу, получили выговор за прекращение работы без предварительного уведомления предпринимателей. Мы категорически отвергли подобную критику. Во время второго конфликта мы обратились к братству с просьбой направить к нам своего организатора, находившегося в тот момент в Ванкувере. Ответа мы не получили.

Затем по окончании второй забастовки я написал статью для профсоюзного журнала, в которой говорил о необходимости создать на побережье Тихого океана районный комитет профсоюза возчиков. Комитет был нам необходим, чтобы предотвратить переброску во время конфликта грузов из одного порта в другой.

Отделение профсоюза округа Виктория поддержало это предложение. Дэниль Тобин на сей раз ответил. Он заявил, что план создания такого комитета означал бы организацию профсоюзов по производственному принципу, отвергнутому на недавно состоявшемся съезде. Он отказался поместить статью.

После возобновления возчиками работы ИРМ развернула в округе Виктория энергичную деятельность, которая оказала большое влияние на членов нашего профсоюза. Докладчики ИРМ выступали на наших собраниях. Их нападки на АФТ были хорошо приняты рабочими, так же как и доводы в пользу производственных профсоюзов против узко цеховых профсоюзов старого типа. К концу года мы решили выйти всем профсоюзом из АФТ и присоединиться к ИРМ.

Это решение было принято единогласно. Возчики присоединились к ИРМ частично потому, что были недовольны отношением к ним работников руководящего центра АФТ, частично потому, что их привлекала пропагандировавшаяся ИРМ идея создания мощного «единого большого союза» рабочих. Но этот шаг был серьезной ошибкой, особенно с моей стороны. Я должен был бороться за то, чтобы наш профсоюз остался в АФТ и поддерживал контакт с остальным профсоюзным движением Британской Колумбии.

На первом собрании нашего профсоюза после вхождения его в ИРМ углекоп Мат Фрейзер выступил с нападками на религию, что вызвало сильное недовольство среди членов профсоюза — католиков. Вскоре после этого собрания как-то вечером секретарь профсоюза, канадец французского происхождения, католик, пришел на общее собрание раньше, чем обычно, положил на стол все профсоюзные бумаги и с тех пор больше не появлялся. Число присутствующих на собраниях падало, и через шесть месяцев у нас осталось очень мало членов профсоюза.

1910 и 1911 годы были периодом относительного благополучия. Я работал вначале на лесном складе, а затем возчиком при городском совете, получал около 65 долларов в месяц. Я взял в долг деньги, чтобы купить в предместье города участок земли, и поставил дом. Наша выросшая семья — вскоре после переезда в округ Виктория у нас родился сын Джорж — впервые обрела настоящий домашний очаг.

Незадолго до этого я получил печальные вести из Беверли. Отец умер, а мать с утра до ночи стояла над корытом, стирая чужое белье, чтобы заработать на пропитание шестерых детей, учившихся в школе. Семья частично существовала на пособие для бедных. Я только что кончил выплачивать деньги, полученные мной от Церковной армии для оплаты проезда из Англии в Америку. Кроме того, мне приходилось делать взносы за дом. Поэтому лишних денег у меня не было.

Я одним из первых выплатил долг Церковной армии. В связи с этим газета «Беверли гардиан», как писали мне из дому, поместила обо мне заметку под заголовком «Наш юноша добился успеха».

Это побудило меня предложить чисто коммерческую сделку, оказавшуюся, пожалуй, самой удачной во всей моей жизни. Я послал в городской совет города Беверли письмо с предложением оплатить половину расходов на проезд матери и ее шестерых детей в Канаду, если совет согласится взять на себя вторую половину. Это не была просьба о благотворительности. Я указал совету, что семья будет в течение многих лет бременем для налогоплательщиков, и показал в реальных цифрах — в фунтах, шиллингах и пенсах,— какую экономию даст городскому совету «экспорт» моей семьи в Канаду.

Члены городского совета были хорошими дельцами. Они приняли мое предложение. Старшему из моих братьев, Роберту, было пятнадцать лет, когда он приехал в Канаду. Он сразу начал работать на лесопильном заводе. Роберт получал ставку, установленную для членов профсоюза, и при некоторой помощи с нашей стороны семья кое-как перебивалась. Впоследствии мать вышла второй раз замуж за фермера.

Я прожил в округе Виктория немногим более трех лет. Это были годы тяжелого труда, быстрого умственного развития и первых в моей жизни упорных занятий в области самообразования. Самым жгучим вопросом для меня и моих современников — активистов рабочего движения — был вопрос, каким путем идти к социализму. Я часто обсуждал этот вопрос с друзьями на заседаниях совета профсоюзов, где представлял профсоюз возчиков, потом на первом съезде федерации профсоюзов Британской Колумбии, которую я и Дж. Мартин помогли создать. В 1911 году у нас было много резких споров, которые привели к расколу между нашей небольшой марксистской группой и фракцией реформистов. Ожесточенный спор вызвало дело братьев Макнамара, арестованных по обвинению в том, что они заложили динамит в здание, в котором помещалась редакция газеты «Таймс» в Лос-Анжелосе. Их приговорили к пожизненному тюремному заключению. Газета «Таймс» была ярым сторонником системы «открытых цехов» (то есть приема на работу нечленов профсоюза наравне с членами профсоюза), незадолго до этого навязанной профсоюзу мостостроителей, во главе которого стояли братья Макнамара. Организованное беззаконие американских предпринимателей постепенно подорвало профсоюз. Чи-

сло несчастных случаев резко увеличилось, росло число калек, вдов и сирот. Это неизбежно вызывало у рабочих горячее желание отомстить.

Наша группа в совете профсоюзов выступила за участие в защите братьев Макнамара. Большинство членов совета придерживалось иного мнения. «Пусть совершится правосудие»,— говорили они. Мы знали, как мало шансов было у братьев Макнамара добиться в американских судах справедливости, несмотря на участие в процессе такого способного защитника, как Кларенс Дарроу, который приобрел известность, добившись оправдания Билла Хейвуда и других, о чем я расскажу ниже.

Сведения о вынесении братьям Макнамара обвинительного приговора были получены в день заседания совета. Мне предложили ответить на насмешки наших противников. Я сказал: «Учитывая все обстоятельства и не зная, чем кончится процесс, организованные рабочие считали своим долгом объединиться для их защиты, хотя мы и не согласны с безответственными, спровоцированными предпринимателями методами, которыми они воспользовались. Отсюда можно извлечь урок о необходимости классовой солидарности и единства действий против американских предпринимателей. Преступниками являются они. На скамью подсудимых следовало бы посадить предпринимательскую ассоциацию мостостроения». Я подчеркнул при этом, что братья Макнамара, как и многие члены совета нашего профсоюза, голосовавшие против них, были «демократами по политическим убеждениям и католиками по религии».

Разногласия возникли также в связи с модной в то время идеей о том, что к социализму можно прийти без классовой борьбы, путем все более широкого распространения муниципальных форм собственности. Социал-демократы говорили нам, что в Новой Зеландии и Австралии уже существуют многочисленные муниципальные предприятия, могущие служить образцом социалистических форм экономики.

Меня очень интересовало проведение в жизнь этих мероприятий. Кроме того, моя жажда к переменам и к приобретению нового опыта привела меня к решению покинуть округ Виктория и снова пуститься в дорогу. Я уверен, что моя жена сильно сомневалась в правильности

такого шага, но не возражала. И вот в сентябре 1912 года мы продали дом за 2500 долларов и уехали, взяв с собой обоих детей. Мы хотели сперва посетить родные места в Беверли, а затем поехать в Австралию и Новую Зеландию и, возможно, даже остаться там, если я найду хороший заработок и если социальный строй, о котором мне рассказывали, окажется действительно прогрессивным.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОКРУГ СВЕТА

Бастион Винсента Сент-Джона. Экскурсия с дядюшкой Гарри. Пропавший викарий. Дискуссия на пароходе. Странная организация. Снова уволен. Блеф. Забастовка горняков в Ванкувере. Кровь и железо. Украденный гром. Философы плевательницы. Великое предательство 1914 года. Снова в доках.

I

Мы проехали всю территорию Соединенных Штатов и прибыли в Нью-Йорк, где я заказал билеты на пароход в Англию. По дороге в Нью-Йорк я остановился в Чикаго, где находилась штаб-квартира ИРМ, чтобы повидаться с генеральным секретарем организации Винсентом Сент-Джоном. Дверь его кабинета оказалась заперта, хотя он был на месте. Он всегда держал дверь на запоре в виде меры предосторожности на случай покушения на его жизнь. Дверь открывалась только изнутри, когда Винсент нажимал кнопку, приводящую в движение какое-то электрическое приспособление. Этот ветеран профсоюзной борьбы, неоднократно подвергавшийся арестам, избиениям и нападениям, никогда не полагался на волю случая. Впоследствии я убедился, насколько он был прав.

Винсент был спокойный, непритязательный и скромный человек. Он внимательно расспросил меня о положении в Британской Колумбии. Я рассказал ему, как распался профсоюз возчиков. В ИРМ существовало правило, что члены профсоюза имеют право выступать в любой его организации. Это правило, отвечавшее нашей мечте о едином большом союзе, было рассчитано, как сказал Винсент, на то, «чтобы помогать, а не разрушать». Но оно давало возможность необузданным и глупым людям наносить большой вред, не говоря уже о том, что облегчало провокаторам доступ в профсоюз. По-видимому, Винсент считал, что нам не следовало разрешать Мату Фрей-

зеру нападать на религию и что мы должны были выступить с протестом против его заявлений.

Винсент вынул папку с письмами, касавшимися стачки возчиков и моей роли в ней. Эти письма пришли из округа Виктория от Дж. Б. Кинга и других. Я рассказал ему, что собираюсь путешествовать, и он предложил мне мандат главного организатора. Я охотно согласился и во время своей поездки считался уполномоченным организатором ИРМ.

Через две недели я очутился на родине в Беверли, где мы должны были пробыть некоторое время в ожидании парохода в Австралию. Вскоре после приезда в Англию я, по счастливой случайности, встретил на улице Вуда, являвшегося секретарем того отделения профсоюза, в котором я прежде состоял, и все еще работавшего на этом посту. «Остался ли ты членом профсоюза?» — спросил он. Я показал ему удостоверение ИРМ. Вуд пришел в восторг и попросил меня сделать в местном отделении профсоюза доклад о профсоюзном движении в Британской Колумбии. Собрание было очень многолюдным. Большинство членов профсоюза пришло из любопытства — им хотелось послушать, что скажет парень из Беверли. Успех собрания вдохновил меня к созыву в Беверли открытого митинга.

Пришло довольно много народу. Председателя у нас не было, ибо никто не решался занять его место, боясь связи с социалистами. Я выступил также в небольшом городке Дрифильд, где имелся рынок. Вероятно, я был первым докладчиком-социалистом, выступившим в этом тихом городке. Кроме того, я несколько раз ездил в Гулль, где выступал на площади Парагон перед небольшой группой членов ИРМ. Сейчас трудно себе представить отсталую, ограниченную и уединенную сельскую жизнь в маленьких городках и деревнях Восточного Райдинга в начале XX столетия. Здесь не только никак не проявлялась деятельность профсоюзов, но вообще не чувствовалось влияния внешнего мира.

Мой дядя Гарри Фоусетт прожил все свои шестьдесят лет в Вудмэнзи и очень редко бывал в Гулле, хотя находился всего на расстоянии 6 миль от него. Дядя ни разу не был в театре, и его главным развлечением и средством общения с людьми было времяпрепровождение в трактире «Диксон Армс» за кружкой пива и игрой

в домино. Монотонную жизнь время от времени нарушало появление трубочиста Локсрингтона, который приходил из Беверли и играл на скрипке. Его игру очень любили. Деревенские дети собирались под окном трактира, чтобы послушать скрипача.

Я решил повести дядюшку Гарри в театр «Палас» в Гулле. Но уговорить его поехать туда было нелегко. Уж очень крепки были узы, связывавшие его с деревней. Наконец, я убедил его сесть в поезд, но, когда мы приехали в Коттингхэм — последнюю станцию перед Гуллем,— дядюшка заявил: «Не поеду». Но едва он успел взяться за ручку двери, как поезд тронулся.

Мы приехали вечером, перед началом первого спектакля. Шел дождь. Мы стали в очередь за билетами в партер. Пол в помещении, где находились кассы, был устлан коврами. Красный канат, прикрепленный к ярко начищенным медным столбам, отделял нашу очередь от прохода к кассам, где продавались дешевые билеты. Вдруг дядюшка Гарри воскликнул: «Здесь слишком роскошно! Я не пойду». Он пролез под канатом и пошел к выходу. Я купил билеты и затащил его в театр. Занавес поднялся, и началась первая сцена. В ней участвовал комик в широком балахоне и огромных башмаках, с сильно размалеванным лицом и большим красным носом. Дядюшка громогласно заявил: «Черт возьми! Ручаюсь, что этот парень налакался пива!» Я сказал ему, что это просто грим, «краска». «Нет,— ответил он,— не поверю». После этого на сцену вышла группа китайских акробатов, и клоун стукнулся головой о брус. «Ну и стук,— заявил дядя,— у него, наверное, сплющились мозги». Посещение Гарри Фоусеттом театра долгое время было главной темой разговоров в трактире «Диксон Армс».

Я прожил в Беверли несколько недель. Во время моего пребывания там в газетах появилось под крупными заголовками сенсационное сообщение об исчезновении викария из Ханслета. Позднее его пальто нашли у мыса Фламборо Хед, и, казалось, загадка была разгадана. Все пришли к выводу, что он свалился со скалы, когда фотографировал виды, и утонул в море. Эта сенсационная история произошла незадолго до того, как мы сели на пароход «Порт Линкольн», отплывавший в Австралию. Мы почти забыли о ней, когда пароход пришел в Кейптаун. В Кейптауне мы с удивлением узнали, что исчезнувший

викарий ехал на одном пароходе с нами. Он сбежал в Австралию с некоей мисс «X», которая, как говорили, пела у него в церковном хоре. Трагедия на скалах была очень тщательно разыграна, но даже наиболее старательно продуманные планы часто проваливаются.

Я рассказываю эту историю, подробности которой до сих пор свежи у меня в памяти, потому что в те далекие времена социалистов всегда обвиняли в проповеди «свободной любви», а история безнравственного викария помогла восстановить истину и вызвала у меня известное чувство удовлетворения. Кроме того, викарий, хотя и соблюдал инкогнито, был во время путешествия в некотором роде моим конкурентом и противником. Отдавая дань своей прежней профессии, он деятельно участвовал в организации различных развлечений для пассажиров, состоявших в основном из эмигрантов. Находившиеся на пароходе социалисты предложили устроить пародию на парламент. Викарий ухватился за эту мысль. Во время организованных нами дебатов он оказался ярым консерватором. Правительство изображали либералы, а я выступал от лица социалистов. К возмущению викария-консерватора подавляющее большинство голосов получили социалисты.

Происходили и другие стычки. В числе эмигрантов было много девушек, которые ехали работать в качестве домашней прислуги и находились на попечении пожилой женщины — уроженки Австралии. Она была горячей сторонницей движения суффражисток в Англии и поклонницей г-жи Панкхерст, с которой познакомилась в Лондоне. Эта женщина предложила организовать дискуссию по вопросу о предоставлении избирательных прав женщинам. Викарий снова выступил против предоставления женщинам одинаковых избирательных прав с мужчинами. Он утверждал, что женщины политикой не интересуются, что они не понимают важных экономических и политических проблем страны и в умственном отношении уступают мужчинам, что женщины слишком легко поддаются влиянию и при голосовании будут руководствоваться чувствами. Он выдвигал эти и другие подобные им избитые доводы. Мне поручили выступить в защиту предоставления женщинам избирательных прав. Снова одержала верх социалистическая точка зрения. Иначе и не могло быть, учитывая, что на пароходе было много женщин-«избирательниц».

В Кейптауне на борт парохода поднялась толпа репортеров и фотокорреспондентов, стремившихся получить интервью у викария. Он пришел в воинственное настроение и грозил сломать их фотоаппараты. По-моему, в этом викарий был совершенно прав. Даже в те времена я был против помещения в газеты скандальной хроники, занявшей в наше время так много места, что со страниц газет вытесняется нужный материал.

В Кейптауне спокойная жизнь викария кончилась. Во время второй половины путешествия парочке пришлось занять отдельные кабины. Многие пассажиры относились к викарию с презрением. Он перестал быть организатором развлечений. Но парень упорно держался своих позиций и даже выступил с речью на детском празднике. В Мельбурне, прежде чем пароход вошел в реку Ярроу, к его борту пристал моторный катер и парочку заставили высадиться. Что с ними случилось дальше, мне неизвестно.

Вскоре после приезда я гулял как-то по улицам Мельбурна. Вдруг у подъезда одного дома я увидел вывеску: «Социалистическая партия штата Виктория, генеральный секретарь Том Манн». Я много слышал о Томе Манне, как о борце за дело рабочего класса, и сразу решил: мое место здесь. Я вошел. Том Манн вернулся в Англию в 1910 году, то есть за два года до моего приезда, но повсюду чувствовалось глубокое влияние, оказанное им на все профсоюзное движение Австралии. Как я убедился, Том тщательно изучал законы провинции, касавшиеся арбитража, комиссий по заработной плате и других нововведений, которыми так гордилась Австралийская рабочая партия. В результате такого анализа он «вынужден был прийти к выводу, что при помощи какого-либо из этих средств или всех их, взятых вместе, рабочие не могут добиться экономического освобождения» *.

Прожив непродолжительное время в Австралии, я пришел к тому же выводу. «Муниципальный социализм» был миражем, форменным надувательством. Лейбористская партия Австралии требовала дальнейшего расширения государственной собственности и изображала дело так, словно это было равносильно социализму. То же самое теперь, спустя 40 лет, говорят эттли и моррисоны. Рабочим, обладающим малейшим классовым чутьем, было

* «Single Tax to Syndicalism», p. 42 (1913).

ясно, что в этой либеральной разновидности «социализма» нет места идее о захвате власти рабочим классом и вообще нет ничего социалистического.

Эти политические предшественники современных мастеров произносить лицемерные речи, встречающиеся в рабочем движении, вечно ссылались на то, что правительства штатов строят железные дороги сами, вместо того чтобы отдать их в руки «частных предпринимателей». Но это объяснялось весьма просто. Надежды на прибыль от строительства железных дорог были очень неопределенны, и вкладчики капитала, особенно англичане, предпочитали участвовать в деле путем предоставления займов правительствам штатов. Таким путем они обеспечивали себе прибыль.

Не важно, если железные дороги не будут рентабельны, австралийский народ все равно должен будет платить проценты по займам, предоставленным на их строительство.

В Австралии много лет существовала сложная система арбитража. Этой системой при каждом удобном случае пользовались для ограничения деятельности профсоюзов и их активных руководителей. Я видел много доказательств, подтверждающих это мнение. Крайне любопытно, что культ «социализма с любезного разрешения капитализма» особенно вошел в моду в годы, предшествовавшие первой мировой войне. Это были годы особенно ожесточенной борьбы рабочего класса Австралии, как и, впрочем, Англии и США, как я убедился на личном опыте. Я часто думаю о том времени и об уроках, которые можно из него извлечь сейчас, когда трудящимся приходится так упорно бороться за существование, когда они так ужасно угнетены и ведется подготовка к войне. И при этом нам все громче и громче говорят, что мы «врастаем» в социализм и что империализму пришел конец. Позор подобным обманщикам!

Я нашел, что австралийские рабочие очень активны, но в области социалистического самосознания сильно отстают от рабочих Британской Колумбии.

Конечно, ни там, ни в Канаде у нас не было ясного представления, как должны действовать трудящиеся до того, как станут главной силой в стране и переделают общество. Чтобы это стало ясно, потребовалась длительная борьба.

Мы изо всей силы ударили по пронизанным фальшью позициям либералов и лейбористов, но сами не имели ясной цели. Наша организация в Сиднее насчитывала большое число членов и постоянно оспаривала решения арбитража, пользуясь обычными для ИРМ методами «прямых действий». Мы совершенно правильно считали, что можем многого добиться стачечной борьбой, но ИРМ использовала стачки для противодействия закону, не понимая, что такие стачки являются серьезными политическими выступлениями. Несколько членов нашей партии были впоследствии арестованы, и им были предъявлены фальшивые обвинения по американскому образцу. Задача полиции облегчалась тем, что организация открыто призывала к саботажу. Дж. Б. Кинг, выехавший в Австралию после того, как он помог нам в Британской Колумбии, был приговорен к долгосрочному тюремному заключению, а вместе с ним многие другие и в том числе брат ирландского лидера Джима Ларкина — Питер Ларкин.

После двухмесячных странствований по Австралии, во время которых я посетил многие социалистические и профсоюзные организации, я выехал в Новую Зеландию, оставив семью в Мельбурне. Семья скоро приехала ко мне, когда я поступил на работу возчиком в Гисборне, где впервые высадился капитан Кук. Я рассчитывал обосноваться на некоторое время в этом городе, где у меня установились дружеские отношения с группой социалистов, которым я помог во время муниципальных выборов, выступив на митинге в защиту их кандидата.

Мой хозяин был ирландцем по национальности и католиком по вероисповеданию. Я проработал у него всего две недели, как вдруг он однажды утром спросил меня, не социалист ли я. Я ответил утвердительно. Тогда хозяин заявил: «Ты не можешь больше у меня работать, социалистов я не держу». Я разозлился и сказал ему, что он не может меня уволить, так как я увольняюсь сам. Когда я потребовал заработную плату, хозяин сказал: «Ну, нет, ты должен проработать еще неделю. Таков закон в Новой Зеландии». Тогда я заявил ему: «А вы знаете, что я сделаю, если вы откажетесь мне заплатить? Я пойду на перекресток, где уже выступал, расскажу людям, что вы меня уволили за то, что я агитировал за кандидата в муниципалитет». Он расплатился со мной после ожесточенного спора. Вот каковы были эти «социалистические» страны!

Эдит уже пришла к решению, что не хочет больше оставаться в Гисборне. Я считал, что путешествие сильно способствовало моему интеллектуальному развитию, но обеспеченное существование семьи казалось более далеким, чем когда-либо раньше. Мы решили вернуться в Британскую Колумбию.

Мы завершили свое кругосветное путешествие, плывя по Тихому океану в чудесные тропические ночи под сверкающим звездным небом. Наш пароход зашел на острова Фиджи и в Гонолулу. Помнится, я думал о том, что, путешествуя, мы везде встречаем две крайности — жестокую нищету и богатство в их взаимосвязи — одно способствовало возникновению другого.

В Гонолулу, где я пробыл целый день на берегу, меня все время преследовала эта мысль. В одном городе уживались два мира: жалкие хижины, в которых ютились рабочие, и красивые дома и роскошные бульвары, окаймленные деревьями и яркими цветами, наполняющими воздух благоуханием.

В порту я видел сотни эмигрантов с Филиппинских островов. Мужчины, женщины и дети сидели за высокими проволочными заграждениями, пока власти не дадут разрешения на их освобождение (американских туристов за проволокой не было).

Около острова Ванкувер нас выстроили вместе с другими пассажирами на палубе третьего класса и заставили отвечать на обычные вопросы иммиграционных властей. Два чиновника вывели меня из строя и объявили, что мне запрещен въезд в Канаду. Это явилось для меня неожиданностью. Чиновники молча стояли рядом, наблюдая за мной. «Почему?»,— спросил я. «Потому что вы известный агитатор»,— сказал один.

Я быстро собрался с мыслями. «Глупости,— возмутился я.— Я постоянно живу в округе Виктория и у меня есть там недвижимое имущество. Вы глубоко ошибаетесь». Очевидно, их плохо проинформировали. Они не пытались доказать своего обвинения, а я не вызывал их на это. «Где вы были после отъезда из округа Виктория?»,— спросили они. «Совершал кругосветное путешествие»,— ответил я.

Мне предложили подождать на палубе. Пароход стоял на якоре в бухте Альберта, телефонной связи с берегом не было. Чиновники скоро вернулись. Им, очевидно, трудно было поверить, что агитатор мог отправиться в

кругосветное путешествие с женой и детьми. Они спросили: «Если мы разрешим вам высадиться, вы обязуетесь явиться не позже чем через две недели к иммиграционным властям?» Я понял, что у них возникли сомнения. «Безусловно»,— ответил я. Их сомнения усилились, но мне позволили сойти на берег.

II

Я уехал из Канады как раз в тот момент, когда горняки острова Ванкувер начали всеобщую забастовку. Когда я вернулся, эта самая ожесточенная борьба в истории Британской Колумбии все еще продолжалась.

Забастовка началась в связи с тем, что горняки настаивали на своем праве, признанном законом, производить осмотр шахт, считавшихся одними из самых опасных в мире, для проверки, не скопился ли в них газ. На десятый месяц забастовки горняки держались так же твердо, как в первый день, несмотря на разгул насилий, применяемых по отношению к ним правящими классами, и клевету в печати. Все организованное профсоюзное движение провинций было втянуто в борьбу в защиту прав шахтеров.

Власти разрешили мне сойти на берег, но разрешат ли они мне остаться? Посоветовавшись с товарищами по работе и профсоюзу, я решил не являться к властям. Вместо этого я начал готовиться к защите. В первый же день пребывания на берегу я поступил на работу возчиком в муниципальный совет. Оставаясь членом ИРМ, я вступил в профсоюз чернорабочих, к которому принадлежала основная часть рабочих и служащих совета. Прежде чем истек двухнедельный срок, в течение которого мне было разрешено оставаться в Канаде, я в первый раз посетил собрание отделения профсоюза и был единогласно избран членом городского совета профсоюзов Виктории. В тот момент на мое счастье необходимо было избрать одного члена совета. Теперь я мог сопротивляться попытке меня выслать, которую я ждал. Но, к нашему удивлению, ничего не случилось, и это дело совершенно заглохло.

В то время в центре города находился (и, вероятно, находится до сих пор) огромный старинный замок, окруженный просторным садом. Его построил сэр Робер Дансмюр, один из первых хищников, поселившихся в Бри-

танской Колумбии и основатель компании, которая была впоследствии переименована в «Канадиэн коллиерс (Дансмюр) лимитед».

Горняки боролись против группы беспощадных дельцов. Возвышение Дансмюра представляет собой типичную историю успеха, достигнутого посредством грабежа, которого добивались люди, открывшие американский континент во второй половине прошлого века. Дансмюр получил на острове Ванкувер тысячу акров богатой углем земли в обмен на обещание организовать добычу угля. Кроме того, ему было даровано около двух миллионов акров государственных земель и выдано 750 тысяч долларов из государственных средств. Дансмюр использовал эти деньги на строительство железнодорожной линии Эскуаймолт — Нанаймо, которая вела к принадлежавшим ему каменноугольным шахтам. Впоследствии государство осыпало Дансмюра почестями, несомненно, соответствовавшими по масштабам грабежу, которым он занимался.

С помощью государства Дансмюр с первых же дней установил в каменноугольном бассейне острова кровавую железную власть. Его бастион в городе Виктория, известный под названием Дансмюрского замка, мне казалось, прекрасно отражал его отношение к рабочим, которых он превратил в рабов производства и держал в кабале. Ни один год не проходил без забастовки. Дансмюр пользовался услугами штрейкбрехеров и бандитов... а также командования военно-морского флота. Корабли, стоявшие на военно-морской базе в Эскуаймолт, не раз принимали участие в разгроме бастующих рабочих. Но борьба продолжалась.

Года за два до всеобщей забастовки Дансмюр продал свое предприятие концерну с капиталом в 25 миллионов долларов, во главе которого стоял сэр Уильям Маккензи. Говорили, что Дансмюр получил 11 миллионов долларов. Это богатство добыли ему горняки ценой жизни, полной труда и страданий. В течение этой жизни около половины углекопов в провинции погибли в результате несчастных случаев в шахтах. Это число жертв за пятьдесят шесть лет привел в своей книге «Строители Британской Колумбии» мой друг Билл Беннет. О новом капитале старина Билл впоследствии сухо заметил: «Предполагалось, что шахтеры будут давать среднюю норму прибыли».

Развернувшаяся борьба с самого начала носила политический характер. Горняки в течение многих лет избирали в законодательные органы провинции двух социалистов: Дж. Х. Хаутенуэйта и Паркера Уильямса. Хаутенуэйт выдвинул законопроект, дававший горнякам право самим проверять содержание газа в шахтах. После ухода Хаутенуэйта в отставку горняки сохранили его место за социалистами, избрав в 1912 году Джека Плейса, что вызвало большое огорчение у владельцев угольных шахт и консерваторов, с 1900 года управлявших провинцией.

Во время забастовки консервативное правительство Макбрайда стремилось вытеснить социалистов из угольного бассейна; горняки же поставили перед собой задачу заставить соблюдать закон, который нарушали владельцы каменноугольных шахт.

Предприниматели были готовы пойти на любые крайности. Генеральный прокурор Боусер все время старался применить насилие. Во время моего восьмилетнего пребывания в провинции он всегда посылал против бастующих рабочих отряды специальной полиции, вооруженные ружьями и дубинками. Он объявил собрания незаконными, и его головорезы в полицейской форме нападали на пикеты, арестовывали и бросали в тюрьму забастовщиков, выселяли мужчин, женщин и детей из принадлежавших компании полуразвалившихся хибарок.

При потворстве Боусера владельцы угольных шахт начали нанимать на работу китайцев, нарушая правила работы угольных шахт, запрещавшие пользоваться трудом рабочих, не знающих английского языка. По направленному против азиатов иммиграционному закону китайцу разрешалось высадиться на берег лишь в том случае, если он внесет 500 долларов. Эту сумму обычно платили жившие в Британской Колумбии богатые китайские ростовщики, получавшие большие проценты. Многие из них были агентами по найму рабочей силы. Мы называли их сгонщиками штрейкбрехеров. Китайские рабочие, которые, с одной стороны, попадали в лапы ростовщикам, а с другой — находились под угрозой высылки, фактически становились рабами. Но, несмотря на все это, среди них было много смельчаков, отказывавшихся работать в качестве штрейкбрехеров и уходивших с шахт.

Приведу еще один превосходный пример солидарности рабочих. Часть горняков в Дархэме уговорили уехать из

Англии на работу в шахты Дансмюра. Мы получили сведения, что они едут через Канаду. Навстречу им выехала делегация. Делегация села в Ревелстоке на поезд, в котором ехали горняки, и по дороге в Ванкувер описала им положение, создавшееся в каменноугольном районе. К чести этих английских горняков следует всегда помнить, что они отказались стать штрейкбрехерами. Большинство из них осталось в Ванкувере и поступило на работу в другие отрасли промышленности.

Летом 1913 года в борьбе быстро наступил кризис. Вооруженные штрейкбрехеры довели бастующих рабочих до бешенства тем, что около кинотеатра «Экстенсион» сталкивали женщин на мостовую. До этого штрекбрехеры напали на горняков во время празднования Первого мая.

Начались стычки. Горняки защищались от нападений вооруженных отрядов специальной полиции и штрейкбрехеров. Стычки переросли в упорные бои. Правительство прислало полиции подкрепления пароходом из Нанаймо. На пристани собралась огромная толпа горняков, решившая не дать полицейским сойти на берег. Высадившихся на берег горняки загоняли обратно на пароход, и капитан решил сняться с якоря и уйти в Ванкувер.

Это произошло после того, как горняки предложили, что они будут поддерживать порядок в районе, охваченном забастовкой. Предприниматели дали ответ через генерального прокурора Боусера, заявившего 15 августа в парламенте:

«На рассвете в район, охваченный забастовкой, прибудет тысяча солдат, носящих форму его величества... Таков мой ответ на предложение забастовщиков поддержать порядок, если специальная полиция не будет их трогать».

Так и было. В каменноугольный район прибыли войска, вооруженные пулеметами и артиллерией. Была устроена облава, во время которой свыше двухсот участников забастовки были арестованы и приговорены к длительному тюремному заключению по обвинению в участии в сборищах бунтовщиков. В знак протеста против приговоров состоялись самые многолюдные в истории провинции демонстрации трудящихся. Была создана Лига освобождения горняков. Эта Лига пользовалась широкой поддержкой и собрала большие средства для обеспечения семей горняков, находящихся в тюрьме.

Наряду с этими мероприятиями усиленно разоблачались публично незаконные действия и провокационная роль правительства Макбрайда — Боусера. Я с гордостью выполнял роль секретаря-казначея Лиги в городе Виктория. Мы начали в городе кампанию с организации лекций, сопровождавшихся демонстрацией диапозитивов, иллюстрируя положение в районе забастовки, зверства предпринимателей, консервативных правителей и нанятых ими убийц.

Наше собрание чуть не было сорвано темными элементами. Мы собирались показать на экране портрет одного из бастующих — красивого и сильного восемнадцатилетнего юноши, погибшего в тюрьме. Снимок должен был появиться на экране в тот момент, когда организатор горняков Петтигрю закончит свою речь призывом дать деньги. Портрет юноши появился и сейчас же исчез. Оказалось, что диапозитив был намеренно испорчен.

Вскоре я выступал на большом митинге протеста. В своем выступлении я обвинил Боусера в убийстве, ибо он не позаботился о том, чтобы молодому горняку была оказана необходимая врачебная помощь. В день выборов в муниципальные органы Лига организовала с помощью профсоюзов демонстрацию. Забастовщиков доставил в город специальный поезд. Они ехали с лампами на шапках и появились в таком виде на избирательных участках, чтобы собирать деньги и напомнить избирателям, что они должны голосовать против консерваторов.

Вечером тысячи людей вышли на улицу. Выступая на митинге, состоявшемся после демонстрации, я разоблачил действия Боусера, заявив, что он потворствует шахтовладельцам в нарушении закона, участвует в тайном намерении отменить закон, утвердивший правила работы на угольных шахтах, и преследует горняков, проводящих этот закон в жизнь. Я обвинил его также в том, что он провоцировал беспорядки, чтобы использовать их как предлог для вербовки подонков общества в отряды специальной полиции, а также в том, что он платит осведомителям за дачу лживых свидетельских показаний.

Кампания проходила на высоком политическом уровне. Совет профсоюзов потребовал, чтобы премьер-министр Макбрайд принял его делегацию. В совете существовали разногласия по вопросу о том, как изложить наше дело премьер-министру. Дж. Л. Мартин и небольшая группа

социалистов и их сторонников хотела выступить с ясным заявлением, разоблачающим действия правительства и шахтовладельцев. Консервативная группа выступала за умеренность. Эта группа утверждала, что мы скорее добьемся освобождения горняков, если будем вести себя как просители, с шапкой в руках, взывающие о подаянии. Когда была названа моя кандидатура в качестве председателя делегации, произошла стычка. Правое крыло, составлявшее большинство, выступило против меня в связи с моим заявлением на демонстрации, и добилось избрания председателя совета профсоюзов Джона Дэя, который был опорой консерваторов.

Мы с Мартином были единственными социалистами среди избранных делегатов и прошли незначительным большинством голосов. Мартину помогла длительная работа в качестве члена совета профсоюзов и участие в других делегациях, а мне то, что я был секретарем Лиги освобождения горняков. Но правые считали, что назначение председателем Дэя заставит меня замолчать.

Среди членов делегации один Мартин был лично знаком с премьер-министром и должен был представить нас Макбрайду. Мы сидели полукругом вокруг премьер-министра. Этот ожиревший консерватор был типичным представителем кругов крупного капитала. Он начал с заявления, что будет рад нас выслушать. Это была чистая фальшь. Он просто хотел нас задобрить. Затем Дэй обратился с просьбой о милосердии к заключенным. Это было отвратительно, ибо означало признание, что вся вина за беспорядки ложится на горняков, а правительство к ним совершенно непричастно. Он не сказал ни слова о том, что горняки явились жертвой заговора, не возложил вину на тех, на кого следовало, не попытался опровергнуть выдвинутых правительством против горняков обвинений в злонамеренных и насильственных действиях. Никакого ответа Дэй не дал и на обвинение в том, что горняки находились под влиянием «иностранных агитаторов» и «принадлежали к зарубежной организации», а именно к Объединенному профсоюзу горняков Америки.

Мы с Мартином были вне себя от возмущения. Когда Джон Дэй закончил свое раболепное выступление, премьер-министр Макбрайд спросил, есть ли желающие взять слово. Я сидел около Макбрайда и воспользовался его предложением. Моя речь была почти точным повторе-

нием того, что я говорил на демонстрации. Правительство создало прецедент, нарушив закон,— чего же оно ждет от горняков? Неужели они должны равнодушно смотреть, как штрейкбрехеры сталкивают женщин на мостовую? Почему не существует защиты для горняков и их семей? Я закончил предостережением о серьезных последствиях, которые эти события будут иметь для правительства, если оно не освободит двести арестованных горняков.

В своем ответе премьер-министр полностью игнорировал выступление Джона Дэя. Вначале он сказал, что при подобных конфликтах всегда возникает угроза столкновений между бастующими и продолжающими работу. Затем он повторил старую басню о нейтральности правительства. Генеральный прокурор якобы заботился только о «сохранении закона и порядка». Даже самые реакционно настроенные делегаты понимали, что это чепуха.

Печать вынуждена была поместить наши заявления, поскольку Макбрайду пришлось на них ответить. Но, к негодованию сторонников Дэя в совете, она почти полностью игнорировала его заявление. Активисты были в восторге. Мы могли со всей скромностью претендовать на то, что одержали политическую победу в борьбе за дело горняков и рабочего класса.

К концу года руководящий центр Объединенного профсоюза горняков Америки прислал к нам на остров Фрэнка Фаррингтона. Он вмешался в забастовку и таким способом заставил прекратить ее, что многие горняки расценивали его действия как предательство. Многим рабочим пришлось уйти из каменноугольного района и искать работу в других местах. Кое-кто уехал из Канады в Австралию и Новую Зеландию.

Что же делали во время этой долгой борьбы горняков главные руководители Социалистической партии Канады? За редкими исключениями, они считали этот настоящий бой за жизнь «экономической борьбой». Они стояли в стороне, рядясь в мантию «социалистов чистой воды». Они не хотели пачкать руки участием в чисто экономической борьбе. Это противоречило бы их взгляду, что заработная плата, как цена, уплачиваемая за рабочую силу, регулируется «непреложным законом» спроса и предложения и на нее не могут влиять объединенные действия организованных рабочих. Уподобляясь Нерону, они играли на скрипке в то время, когда вооруженные силы провинции

подавляли горняков и бросали в тюрьмы непослушных. «Философами плевательницы» называли мы этих «социалистов», стоявших в стороне, когда горняки боролись за свою жизнь.

Через несколько недель после посещения Макбрайда меня навестил неизбежный шпик. Он был членом ИРМ и недавно прибыл на остров из Ванкувера. Этот человек возмутил участников движения заявлением на массовом митинге о том, что Макбрайду следовало бы поручить кому-нибудь пробовать кофе, которое ему подают по утрам, и остерегаться, отправляясь на охоту. Это замечание было подхвачено газетами, чтобы нас дискредитировать. Полиция против него не предприняла ничего, и наши подозрения усилились.

Придя ко мне, этот человек прежде всего начал поздравлять меня с удачным выступлением на демострации. Потом спросил меня, хочу ли я поступить на правительственную службу. Несколько удивленный, я спросил: «Почему вы обращаетесь ко мне с таким вопросом?» Он ответил: «Я работаю столяром в правительственном здании. Мне поручили сказать вам, что такая же работа найдется и для вас, если вы захотите обратиться к господину...» Я попытался его прервать.

«Знаете что,— сказал он,— чтобы получить выгодную работу, совсем не обязательно быть хорошим пропагандистом. Работу можно получить, будучи хорошим задирой». Я велел ему передать его хозяевам, что меня подкупить нельзя. Этот случай до некоторой степени может служить примером того, как среди участников рабочего движения пытаются вербовать предателей. Я столкнулся с этим еще раньше, когда владелец конюшен Хаггерти предложил мне хорошее место, если я выйду из профсоюза возчиков.

В более широком масштабе аналогичный процесс развивался в течение многих лет и завершился великим предательством 4 августа 1914 года, когда правители приказали народам воевать. Из всех партий, подписавших в 1907 и 1912 годах антивоенные резолюции Социалистического Интернационала, сдержала свое обещание и осталась верна рабочему классу лишь одна русская большевистская партия. Начало мировой войны, сопровождавшееся повальным предательством лидеров рабочего движения, произвело ошеломляющее впечатление на социа-

листическое движение Британской Колумбии. Революционная группа, находившаяся среди нас в меньшинстве, видела на горизонте проблеск надежды в героическом выступлении против войны Карла Либкнехта в Германии. Оно вдохновило нас на продолжение борьбы. В Англии и Америке революционное меньшинство сплотилось вокруг людей, твердо отстаивавших социалистические принципы. К их числу принадлежали Джон Маклин, Вилли Галлахер, Гарри Поллит и другие. Впоследствии в Соединенных Штатах к ним присоединились Юджин Дебс, Кейт О'Хэйр, Дж. Х. Рутенберг, Билл Хейвуд и другие руководящие деятели ИРМ. Все они были арестованы или подверглись линчеванию за антивоенные выступления. Но борьба продолжалась.

Когда полчища кайзера прорвались через Фландрию, наша группа в округе Виктория собралась около редакции газеты, чтобы прочесть последнюю сводку. Мы попытались организовать антивоенный митинг. Докладчиком был социалист ирландец, работавший в Дублине с Джеймсом Коннолли. Когда он попробовал разъяснить империалистический характер войны, толпа начала шуметь и нам пришлось покинуть митинг. Но, несмотря на угрозы, мы несколько вечеров подряд выступали на улицах против войны перед любой небольшой группой, готовой нас слушать.

Потопление «Лузитании» и гибель находившегося на ней огромного числа пассажиров вызвали колебания у некоторых из наших самых стойких сторонников. Наша небольшая группа стала еще меньше. Многие из слывших раньше «передовыми марксистами» пали духом.

Мой холостой брат Роберт работал лесорубом. Вскоре после начала войны он потерял работу. Многих холостяков увольняли в расчете на то, что они пойдут в армию. Роберт продержался шесть месяцев, в течение которых его главным образом кормила Эдит у нас дома. Однажды вечером я, придя домой, увидел Роберта в военной форме. Я его как следует пробрал. Мы долго беседовали, и мне казалось, что он понял, ради чего ведется война. Я был взбешен. Но Роберт сказал мне, что я наивный простофиля, что он вовсе не собирается ехать за океан, а просто получит немного денег, а потом сбежит.

Как он заблуждался, бедняга! Летом 1915 года его сначала послали охранять железную дорогу, пересекаю-

щую Ниагарский каньон на острове Ванкувер, а затем химический завод. Потом его зачислили в отряд, отправлявшийся в Англию. Солдат лишили отпуска и перед посадкой на пароход некоторое время держали взаперти в караульном помещении.

Я видел Роберта в последний раз, когда его часть шла походным маршем по улице Виктории в порт, чтобы погрузиться на пароход, и успел лишь крикнуть ему несколько слов на прощание.

Младший брат Гарри, ставший первоклассным пекарем, также пошел в армию добровольцем. Он уехал в том же пополнении, что и Роберт. Гарри и Роберт проходили обучение в тех же казармах в Шорнклиффе, где когда-то прошел обучение и я. Роберт, как мне стало известно, впоследствии получил взыскание за отказ прыгать через ров со штыком наперевес. Он страдал ревматизмом. Руководивший обучением сержант выбил у него из рук винтовку и заорал: «Ну вот, представь себе, что я немец!» Страшно обозленный Роберт ответил: «К черту вас вместе с немцами». Он, кроме того, отказался поднять винтовку, сказав, чтобы сержант сам ее поднял. Его посадили за это на четырнадцать дней под арест, а затем послали на фронт. Вскоре Роберт погиб, перерезая ночью колючую проволоку. Гарри был убит во время штыковой атаки. Ему было всего восемнадцать лет.

В первый год войны тысячи рабочих в Британской Колумбии остались без работы вследствие прекращения притока средств с Лондонской фондовой биржи, приостановившего выполнение большого коммунального строительства. Многие члены ИРМ уехали из провинции на поиски работы, и наше отделение ИРМ прекратило существование. Перед закрытием отделения мы отправили свою прекрасную библиотеку в Сидней, в Австралию. Дж. Л. Мартин уехал в Калифорнию. Социалистическая партия Канады ничего не предпринимала во время этого решительного испытания, обнаружившего всю ее беспомощность. Я продолжал свою профсоюзную деятельность и продал много экземпляров из антивоенного журнала «Интернэшенэл сошиалист ревью», издававшегося в Чикаго. Позднее, когда возобновили работу судостроительная и другие отрасли военной промышленности и началась безумная гонка за прибылями, в Британской Колумбии развернулась небывалая по ожесточенности борьба. Но в

середине 1915 года она еще едва зарождалась. Растущее во мне желание переменить местожительство вызывалось двумя обстоятельствами: застоем движения в Британской Колумбии и волнующими известиями с родины о росте сопротивления на Клайде против воинской повинности и войны.

В начале октября 1915 года я вернулся в Англию, в Ист-Йоркшир, и вскоре снова стоял в шеренге желающих получить временную работу, как двенадцать лет тому назад, когда я был юношей.

В доках Кинг Джордж в Гулле меня можно было найти каждое утро и в полдень. Я стоял там и ждал, пока из своей конторы выйдет десятник и скажет, куда и когда мне следует обратиться, чтобы получить работу.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

НЕУКРОТИМЫЕ БУНТАРИ

Три агитатора. «По мешку на человека!» Грязный выигрыш. «Заставьте их работать». На священной территории. Гостеприимство негров. Настоящий дикарь. Запретный плод. Герой цивилизации. Истребление невинных. Убийственная система. Беседы с миссионерами. Обнаженный меч. Долой воинскую повинность. Исчезнувший отряд. Я не могу сказать «сэр». Без денег в штате Огайо. Я прорываюсь через пикет. Дружеская помощь. Стяжатель. Организация профсоюза моряков. Выслеживание шпика. Неприятности в Хобо. Забастовка лесорубов. Поездка на Аляску. Массовые аресты. Я становлюсь «весельчаком». В «танке». Путешествие в цепях. Тюрьма в округе Кук. Огонь восстания. Гадкий обман.

I

Мне сказали, чтобы я пошел на разгрузку бельгийского грузового парохода «Элизабетвилль», который только что вошел в док, нагруженный до предела товарами, награбленными в Африке. Груз парохода состоял из пальмового масла, смолы, каучука, какао, земляных орехов и слоновой кости из Конго.

Вот как совершенно случайно я приобрел кратковременный, но важный опыт, который оставил свой след в моей памяти навсегда, углубив во мне чувство возмущения, столкнув вплотную с варварскими методами империализма XX века.

За много лет до войны всему миру были известны ужасные преступления, совершаемые в Бельгийском Конго против негритянского народа. В 90-е годы и в начале нашего века сообщения путешественников и миссионеров вызывали негодование всех порядочных и мало-мальски гуманных людей, ум и совесть которых восставали против истребления людей колониальными разбойниками ради сохранения своей власти.

В Канаде я прочел книгу «Красный каучук» Е. Д. Морела, представляющую собой волнующее обвинение бельгийских эксплуататоров и короля Леопольда, которого автор считал лично ответственным за все совершаемые преступления. И вот сейчас, по счастливому совпадению, моя жизнь и работа, как профсоюзного деятеля, мое противодействие войне и мои симпатии к негритянскому народу слились в одном общем русле.

Вскоре после приезда в Англию я вошел в группу противников обязательной воинской повинности. Морел играл видную роль в этой группе. На собрании, созванном группой в Гулле, я познакомился с Джо Маршаллом и Фредом Джексоном. Джо был докером в Александра, Фред — трамвайщиком. Оба поддерживали ИРМ. Я рассказал им, что работаю на разгрузке торговых судов, перевозящих грузы из Конго. Фред начал говорить о необходимости начать прямые действия на судах в знак протеста против зверств бельгийцев. «Хорошо,— сказал я,— а может быть, попробовать в доках?»

Джо начал работать в бухте Кинг-Джордж, через несколько дней там появился также Фред. Это был для него серьезный шаг, так как ему пришлось отказаться от постоянной работы в трамвайном парке, которую ему удалось получить после того, как он попал в черный список, работая наборщиком.

Рабочий день был долгий и утомительный. С 8 часов утра и до 9 вечера мы носили мешки с пальмовым зерном весом до 115 килограммов каждый. Это было трудно даже самому сильному человеку. К концу дня некоторые грузчики едва взбирались на груду мешков высотой до трех метров.

Мы решили прежде всего сократить число мешков, поднимаемых стропом, с 12 до 8. В состав бригады входило восемь человек, поэтому мы выдвинули лозунг: «По мешку на человека!» Однажды рано утром Фред написал этот лозунг мелом на стенах склада так, чтобы он был виден всем бригадам. Мы были поражены тем, как откликнулись рабочие на этот лозунг.

Мы с Фредом стояли у люка № 1. Из трюма подняли краном груз, и, когда он повис над нашей платформой, Фред закричал: «Тринадцать мешков, будь они прокляты!» Я крикнул: «Черт возьми, за кого вы нас принимаете?! За рабов из Конго?!» Бригада начала кричать крановщи-

ку: «Забери груз обратно!» Груз подняли над трюмом. Затем послышался голос старшего грузчика, спрашивавшего крановщика: «В чем дело?» Ему объяснили, и он тоже закричал: «Забери свой чертов груз обратно!» Груз подавали несколько раз, но рабочие стояли на своем: «Заберите его обратно!» Мы предупредили остальные три бригады, и они тоже прекратили работу. Таким образом, все мы забастовали и отказались работать, пока нам не будут подавать по восемь мешков или пока не увеличат состав бригады до двенадцати человек. Мы позвонили по телефону секретарю профсоюза Фреду Поттеру, и тот вступил в переговоры с предпринимателями. Они вынуждены были уступить. Они даже увеличили состав бригады до тринадцати человек, чтобы каждый мог отдохнуть после подачи груза в двенадцатый раз.

После ухода «Элизабетвилля» в плавание мы принялись изучать профсоюзные правила и соотношения оплаты труда и установили, что за разгрузку грязных грузов полагается особая плата. Мы решили, что проникавшая повсюду липкая каучуковая пыль позволяет отнести каучук к категории грязных грузов. Мешки, которые мы клали на плечи, не предохраняли от проникновения пыли, портившей одежду.

Пришел новый пароход. На этот раз грузчики сами объявили забастовку. Все бригады прекратили работу. Управляющий прибежал на склад. Перед его приходом рабочие начали трясти мешки, и, когда он вошел, его встретило облако пыли. Управляющий ничего не сказал и поспешно скрылся в своей конторе. Вскоре администрация удовлетворила наше требование о дополнительной плате за разгрузку грязных грузов в размере 1 пенса за тонну. После этого наша небольшая группа активистов начала требовать уплаты полагающейся нам наценки на все грязные грузы, с которыми нам пришлось иметь дело прежде. Профсоюз нас поддержал, и хозяевам снова пришлось раскошелиться.

Во время этой борьбы мы продолжали вести в доках антивоенную пропаганду. Мы распространили тысячи листовок, выпущенных группой противников обязательной воинской повинности. Мы сочетали агитацию, связанную с вопросами заработной платы, с разоблачением войны как борьбы за рынки и награбленную добычу. Во время дискуссий мы подробно обсуждали вопрос о жестокостях,

допускаемых в Африке, и о преступлениях против наших товарищей рабочих, чьим тяжелым трудом были созданы те товары, которые мы теперь разгружали. Я вспоминаю возмущение и гнев, которые вызвал у меня рассказ одного бельгийского контролера о том, как рабочим-неграм отрезали уши, и его заявление, что с дикарями иначе обращаться нельзя.

«А как вам понравится, если уши отрежут вам?» — спросил я его. Контролер заявил, что я не понимаю, о чем говорю. Человек, побывавший в Конго, знает, что «их надо заставлять работать». Я начал подумывать о том, что должен туда поехать и лично познакомиться с положением на месте.

Я завербовался сигнальщиком на бельгийский пароход «Альбертвилль», как только мы кончили его разгружать. Пароход шел в южном направлении в суровом зимнем море, стараясь избежать подводных лодок. Команда состояла в основном из негров. У них не было теплой одежды и морских сапог, и они дрожали от холода, наводя чистоту на палубе. Однажды, когда я стоял на вахте с 4 до 8 утра, негры — одному из сигнальщиков поручали за ними наблюдать — не смыли как следует следов мела, оставшихся на палубе после игр, устроенных пассажирами. Помощник боцмана бросился на стоявшего около него матроса-негра и нанес ему несколько сильных ударов. «Это единственный способ заставить дикарей работать,— заявил он мне.— Вы должны заставлять их работать». Этот урок, полученный от дикаря-европейца, был лишь слабым предвестником того, что нас ждало впереди.

Пароход шел по Бискайскому заливу, держа курс на юг под немеркнущими солнечными лучами, которые, повидимому, восстановили у негров жизненные силы. Они собирались на баке, играли на гитаре, пели свои песни о родине и улыбались, греясь на солнце, напоминавшем им родину. Я любил слушать их, когда они находились в таком хорошем настроении. В начале марта наш пароход стал на якорь около Банана в устье реки Конго. Приведу выдержку из дневника, который я вел во время путешествия:

«В столице Бельгийского Конго — Боме, в 40 милях вверх по реке, началась разгрузка. Вооруженные дубинками помощники капитана стоят на пароходе у каждого люка, а также на берегу. Они подгоняют работающих

ударами по голым спинам или бросают на чернокожих гневные и презрительные взгляды.

За ничтожную плату в 1 бельгийский франк в день негры работают с 4 часов утра до 10 вечера с двумя или тремя краткими перерывами для еды... от которой отказались бы даже голодные собаки!»

Я спустился в Боме на берег и осмотрел весь город. Подойдя к большому огороженному участку, я заглянул через железные ворота на прекрасные сады, простиравшиеся на много акров, и вошел в ворота. Повсюду стояли вооруженные часовые, державшие ружья с примкнутыми штыками. Войдя без спроса, я чувствовал себя неспокойно, как вдруг — о чудо! — первый часовой, к которому я приблизился, взял на караул и стоял, вытянувшись, пока я не подошел. Ему достаточно было увидеть белого человека, чтобы встретить его так, словно это сам всемогущий бог. Я шел по священной территории резиденции генерал-губернатора, сопровождаемый изъявлениями уважения, казавшимися несколько странными революционеру и социалисту.

Выйдя из сада, я направился в те районы Бомы, где в хижинах и лачугах живут негры. Я стоял и наблюдал за работой женщин, как вдруг из крытой соломой хижины вышел мужчина и поздоровался со мной. Это был матрос с парохода «Альбертвилль». Приветливо улыбаясь, он пригласил меня зайти в хижину. Там я познакомился с его женой и детьми, сидевшими на глинобитном полу на чистой циновке из камыша, разостланной между несколькими деревянными ящиками, которые составляли всю меблировку. Начался разговор. Моряк был мне рад. Но я чувствовал, что являюсь предметом всеобщего интереса, и, должен признаться, начал испытывать беспокойство, когда мужчины и женщины заглядывали в хижину, а затем быстро убегали. Я встал, чтобы попрощаться. Но меня уговорили посидеть еще немного. Хозяин вышел из хижины и вскоре вернулся с бутылкой пива. Я находился среди великодушных людей, стремившихся сделать все для того, чтобы чужестранец чувствовал себя у них, как дома. Какая огромная пропасть между их простым дружелюбием и зверским отношением европейцев к людям, которых природа наделила темной кожей! Когда под свежим впечатлением виденного я шел обратно на пароход, мне пришлось стать свидетелем типичной сцены, рисующей

грубый произвол колониальных властей. Конный полицейский набросился на нескольких негров лишь за то, что они стояли кучкой на улице и разговаривали. Негры в панике бросились врассыпную, а полицейский осыпал их ударами по голове и по плечам.

Этот дикарь проехал по дороге мимо меня. Я посмотрел на него далеко не дружелюбно. Но в его голове, очевидно, не укладывалось, что белый человек может отнестись неодобрительно к его варварской выходке. Он улыбнулся мне и сказал по-французски несколько слов, которых я не понял.

Вернувшись на пароход, я взялся за дневник и внес в него следующую запись:

«Наступает ночь, а неграм-докерам негде и не на чем спать. Они валяются на жестких, грязных палубах парохода. После дневного зноя над кишащей змеями травой поднимается туман. Через два дня пароход вышел в Матади, в течение нескольких часов преодолевая стремительное течение. И вот мы увидели еще более вопиющее и неприкрытое рабство, ибо Матади является главным торговым центром и железнодорожным узлом, куда привозят для отправки в Европу пальмовое масло, каучук и слоновую кость.

Белые спят с 11 утра до 3 часов дня. Неграм отдыха не полагается. Они трудятся, пока их тела не начинают блестеть, словно они окунулись в масло...»

Я видел в Матади, как помощник капитана вошел в трюм и начал избивать тяжелой палкой грузчика за то, что тот работает недостаточно быстро. Другой помощник наступил молодому рабочему, сидевшему во время отдыха на корточках, на пальцы ног, чтобы пригвоздить его к месту, и начал бить его палкой по ногам и тянуть за уши. Я записал у себя в дневнике, что негр, еле сдерживая проклятия, с принужденной улыбкой умолял его прекратить истязание.

Стояла ужасающая жара. Я не мог понять, как докеры-негры могли работать так много часов подряд при таком плохом питании, и начал приносить им оставшуюся у нас еду. Один негр принес мне в благодарность лимоны. Помощник капитана, найдя у негра хлеб, который я ему дал, избил его дубинкой и выгнал из прохода на бак. Я попробовал протестовать, но мне было сказано, чтобы я занимался своим делом и перестал поощрять попытки негров

подходить к баку. «Если бы они как следует питались,— сказал я,— то этого бы не было».

Однажды груз мешков с пальмовым зерном развязался, и мешки упали в трюм. Несколько мешков свалились на негра-докера. Чтобы не задерживать разгрузку, докера положили в сетку для груза и подняли краном со дна трюма. Он был при смерти, но всю ночь пролежал на палубе. Его унесли лишь на следующий день, когда рулевой заявил, что не в силах слушать стоны умирающего. Врач удивился, что этот человек был еще жив.

Бывали случаи, когда негры пытались отомстить. Я приходил в восторг, когда это случалось. Однажды негры несли на пароход чемоданы пассажиров. Кран пронес над палубой к открытому люку груз, который сбил чемодан с головы носильщика-негра. Он нисколько не был в этом виноват, но стоявший вблизи европеец изо всех сил его ударил. Высокий сильный негр ответил европейцу тем же. Несколькими сильными ударами он сбил европейца с ног. Для спасения «цивилизации» быстро явился помощник капитана и начал колотить негра тяжелой дубинкой. Носильщик поднял чемодан и продолжал работу, словно привык к такому отношению. Мне не удалось узнать, что произошло с этим смелым человеком, и я часто задумывался о его судьбе.

Я не был в верхнем течении реки Конго, где существовала введенная королем Леопольдом система сбора каучука и слоновой кости — та система, которую описывает Э. Д. Морел в своей книге. Но в 1916 году ужасные факты насилий стали широко известными. Эта система была хорошо продуманным методом грабежа, разработанным в Брюсселе и приобретшим широкие масштабы, которые, как писал Морел, нарушили всю социальную жизнь и превратили цветущие общины в разбросанные группы объятых паникой людей. Лишь систематическое истребление ни в чем не повинных людей в Кении в наши дни можно сравнить с тем, что происходило тогда в Конго. Ибо в Кении империализм также разрешает вопрос о народе, у которого он отнял средства к существованию, пользуясь теми же методами пыток, разрушения и истребления.

Морел писал: «Во время четырехдневного путешествия по некогда богатой стране мы не видели ни одной населенной деревни... Каждая деревня обязана еженедельно

сдавать определенное количество каучука... Солдаты, которых посылают за каучуком и слоновой костью, истребляют население страны. Они считают, что самый быстрый и дешевый способ — совершать налеты на деревни, захватывать пленных и требовать за них выкуп слоновой костью».

Шведский миссионер по фамилии Сьеблом, пишет Морел, «первым разоблачил практику... введенную некоторыми чиновниками, требовавшими, чтобы солдаты-туземцы, которых они посылали «карать» непокорных жителей деревень, привозили трофеи в виде рук и половых органов мужчин в доказательство того, что они выполнили данное им задание. Такое надругательство над трупами, превращенное в систему контроля и подсчета, быстро распространившуюся на весь район каучуковых плантаций, превратилось в издевательство над живыми».

Английский министр колоний Оливер Литтлтон признал в 1953 году, выступая в палате общин, что английские солдаты тоже отрубали неграм руки. Та же убийственная система «контроля и подсчета». Поэтому пусть никто не говорит о цивилизаторской миссии Англии.

«Вы должны заставлять их работать»,— вот какой ответ я всегда получал на все мои вопросы, пока я находился на берегу в Матади. В городе имелся миссионерский пост, где радушно принимали матросов с прибывших пароходов. Там я познакомился со шведским миссионером, прожившим в Конго двадцать один год. Он начал свою деятельность в Леопольдвилле и был там единственным белым жителем. Миссионер рассказал мне, как напугало женщин строительство железной дороги и прибытие первого поезда, как они хватали на руки детей и убегали. «Вполне естественно»,— подумал я.

Я спросил миссионера, как относились к нему негры, когда он впервые оказался среди них. Вначале было трудно, ответил он, но он преодолел эти трудности, «добившись власти». Забыв о его духовном сане, я не понял, что он хотел сказать. Я думал, что он подразумевал какую-то форму государственной власти. «Как вам удалось этого достигнуть в одиночку?» — спросил я. «Я к ним хорошо относился и делал им добро».

Я вспомнил о сценах, которые наблюдал на палубе «Альбертвилля». Описав их миссионеру, я спросил его, как это вяжется с его словами. «Их надо заставлять рабо-

тать»,— ответил он. Направление нашего разговора, очевидно, его встревожило. Он ушел, но через некоторое время вернулся с высокой, очень худой англичанкой — такой, какими бывают миссионерки в кинофильмах. В комнате находились два рулевых с нашего парохода. Но они предпочитали молчать, так как уже раньше бывали в миссии. Я не решился расспрашивать женщину. Принесли кофе.

Англичанка сказала: «Помолимся». Из уважения к ней я склонил голову, пока она просила бога охранять нас и т. д. Но в это время я думал о наших братьях-неграх, за которых она не молилась.

За кофе она попросила нас спеть. Я позабыл слова известного гимна, который она пела: «Солнце моей души...» Я не мог понять, как могли набожные христиане допускать такое дурное отношение к негритянскому народу и ничего не предпринимать для того, чтобы оно прекратилось. Нам предложили посетить миссию опять, когда мы совершим следующий рейс. Тут я спросил, почему негры не оказывают никакого сопротивления.

Миссионер признал, что многие пытались это сделать. Какова судьба мятежников? Я получил обычный уклончивый ответ — их надо заставлять работать. Миссионер все время повторял эту фразу, но в конце концов рассказал мне, что негров, которые не в состоянии платить налоги, приговаривают к принудительным работам на плантациях на длительный срок. Сколько все еще говорится красивых фраз, прикрывающих отвратительную сущность империализма! Но я редко встречал такой обман, такое возмутительное ханжество, какое видел много лет тому назад во время этой беседы в атмосфере мнимой христианской любви в миссии города Матади... Матади, являвшимся центром торговли, которая велась при помощи системы массового истребления, Матади, обагренном кровью тысяч негров. Последнее, что я видел в столице красного каучука, когда «Альбертвилль» готовился к отплытию, были заключенные из муниципальной тюрьмы, несшие на пристань почту. Скованные друг с другом цепями, шея с шеей, они несли на голове мешки с почтой, а рядом шагал стражник с обнаженной саблей.

Так кончилась моя первая поездка в Африку. В настоящее время империализм прибегает к таким же и даже худшим зверствам. Кения является лишь одним из приме-

ров. Бесчеловечное отношение человека к человеку существует и поныне. Это не изменится и не прекратится до тех пор, пока империализм не будет окончательно уничтожен. Но кое-что все же изменилось. Теперь негров не так легко держать в повиновении, как это было пятьдесят лет тому назад.

Весной 1916 года почти никто не предполагал, что через несколько десятилетий сопротивление негров не только возникнет, но и превратится в мощную силу, борющуюся за национальную свободу. Брешь в мировом капитализме и его колониальной системе в то время еще не была пробита. Но уже недолго оставалось ждать величайшего в истории человечества события, которое помогло сбросить цепи и положило начало эпохе социализма и национального освобождения. Всего через 19 месяцев началась великая русская революция.

II

Я вернулся в Гулль в конце апреля 1916 года. Антивоенное движение в этом районе в тот момент переживало кризис. Местное отделение организации противников обязательной воинской повинности грозило распасться. У движения не было боевой программы национального масштаба, которая могла бы сплотить весьма пеструю организацию противников войны — от христианских пацифистов до активных борцов за дело рабочего класса — докеров, шахтеров и промышленных рабочих.

Руководители организации предлагали ее членам выбирать собственные методы сопротивления. Для меня, как социалиста, протест против воинской повинности представлял собой одну из форм борьбы против войны. Теперь же нам, по сути дела, указали, что цель организации ограничивается политической кампанией против утверждения законопроекта о введении обязательной воинской повинности.

Наша небольшая группа интернационалистов собралась в доках, чтобы обсудить положение. Большинство из нас принадлежало к ИРМ и находилось под влиянием анархистов. Мнения разделились по вопросу о перспективах нашей кампании, но все были согласны с тем, что кампанию необходимо продолжать вопреки отказу национального руководства ее возглавить. Согласно «проекту

Дерби», призываемые на военную службу не должны являться в случае получения повестки, а если их арестуют — должны отказываться надеть военную форму. Наше осуждение войны должно быть превращено нами в прямые действия, которые будут развиваться в том направлении, в каком шло движение рабочих на Клайде.

Решение, принятое центральным руководством организации, оказалось гибельным для движения в Гулле. В связи с расколом в рядах организации противников обязательной воинской повинности и отсутствием ясной перспективы наша местная группа, несмотря на положительные результаты борьбы в доках, не сумела создать организованного сопротивления обязательной воинской повинности. На нас сказывалось отсутствие общенациональной партии классово-сознательных рабочих.

Я решил вернуться в Америку. В конце июня 1916 года я пошел в доки и нанялся матросом 1-й статьи на грузовой пароход «Буффало». Таким образом мне удалось обойти существовавшее в военные годы запрещение выезда из страны без специального пропуска.

Я был в боевом настроении. В этот тяжелый и бурный год, когда в траншеях бесконечно продолжалась бойня, а в доках и на заводах был установлен столь продолжительный рабочий день, трудящиеся во многих странах начали прозревать. Среди них росла волна гнева и возмущения против правителей, поддерживавших кровопролитие.

Я всегда инстинктивно восставал против преклонения перед каким-нибудь человеком, словно перед всемогущим богом. Однажды, когда пароход обогнул Оркнейские острова, старший помощник капитана «Буффало» заявил мне, что, обращаясь к начальникам, я должен говорить «сэр». Я никогда не мог как следует выговорить это слово и совершенно не собирался делать это сейчас. Поэтому, рапортуя после двухчасовой вахты: «Все в порядке, сэр»,— я понизил голос на слове «сэр».

Меня подозвали к мостику и спросили: «Почему ты не говоришь «сэр» во время рапорта?» Я ответил, что говорю. Встав в величественную позу, помощник капитана сказал: «Тогда кричи так, чтобы мне было слышно». Во время следующей вахты я проревел «сэр» во всю мощь. Он снова остался недоволен. «Ведь вы велели мне кричать как можно громче»,— сказал я. После этого меня стали посылать на самую тяжелую работу.

Как-то пароход сильно бросало во время бури и сорвалась антенна. Один матрос, швед по национальности, член ИРМ, плавающий много лет, взобрался наверх и укрепил антенну. Но она сорвалась снова. Матрос уже собрался лезть опять на мачту, как вдруг появился старший помощник и крикнул мне: «Эй, ты, лезь наверх!» Возможно, он думал, что я испугаюсь, но этого не случилось; меня лишь обозлил его поступок. Я полез наверх и прикрепил антенну. Далеко подо мной качалась палуба, и мачта тряслась от вибрации машины. Начальство убедилось, что я хороший матрос, и отношение ко мне изменилось.

Но меня до сих пор интересует, что сказали на пароходе, когда, сойдя на берег, в первый вечер по приходе в Бостон (штат Массачусетс) я не вернулся. Я оставил своей семье в Гулле почти все деньги — они должны были приехать, как только я устроюсь на постоянную работу,— и истратил все, что у меня было, на железнодорожный билет до Янгстауна (штат Огайо). Я прибыл туда на рассвете с пустым желудком и без единого цента в кармане и сразу принялся искать работу.

III

Я обратился за работой на завод паровых котлов. Мне сказали, чтобы я вышел на работу в полдень. Здесь я сразу стал участником борьбы рабочих на американский образец, с которым мне пришлось теперь познакомиться ближе. Лишь выйдя из конторы по найму рабочих, я заметил, что внутри завода стоят полицейские. Несколько рабочих перешли улицу и спросили меня, не предложили ли мне работу. Я сказал им, что должен выйти на работу в полдень. Рабочие ответили, что на заводе забастовка. «Вы пикетчики?» — спросил я их.— «Да». Я сообщил им, что я член профсоюза, и удивился, как пикет мог пропустить меня на завод, не сказав ни слова о забастовке.

Мне необходимо было найти до полудня работу. Я обратился в фирму «Янгстаун стил энд айрон компани» и заполнил обычную анкету. После этого частный полицейский компании отвел меня в большую комнату в другом здании. Вдоль одной стены сидело человек десять. Все они были обнажены до пояса и босы и находились под надзором полицейского. Они проходили медицинский осмотр.

«Сними башмаки и рубашку!» — крикнул мне полицейский. Я разделся. Когда наступила моя очередь пройти

осмотр и в комнате осталось всего четыре человека, я начал обуваться. «Сними башмаки»,— рявкнул полицейский. Не обращая внимания на его слова, я начал надевать рубашку. «Это еще что такое?» — спросил он. Я вышел из себя и крикнул: «Ты что, лошадь покупаешь? Я ухожу». Два полицейских компании вывели меня из комнаты и вытолкнули за ворота: «Пошел, сукин сын!»

Так я провел первую половину дня в поисках работы в Америке, но у меня все еще не было ни работы, ни обеда. Однако после полудня мне посчастливилось. Был жаркий летний день. Я стоял и смотрел, как рабочий носит лед в бар, как вдруг он мне предложил с ним выпить. Услышав, что со мной произошло утром, развозчик льда дал мне полдоллара на обед и послал к своим друзьям, которые позволят мне у них переночевать.

Я пошел к его друзьям, они меня впустили и хорошо накормили. Это была молодая пара. Оба активные члены профсоюза. Им очень понравилось мое поведение на сталеплавильном заводе. Но я знал, насколько американские предприниматели усовершенствовали систему черных списков, и поэтому решил уехать в Кливленд. Как я туда попаду? Я сказал, что поеду на товарном поезде. На следующее утро во время завтрака приютившие меня люди дали мне 5 долларов на железнодорожный билет. Хозяин дома простился со мной по дороге на станцию и пожелал мне удачи, по-видимому, не рассчитывая больше обо мне услышать. Я вернул ему 5 долларов из первой недельной получки, заработанной в Кливленде. Мои новые знакомые написали мне в ответ, что их очень удивил мой перевод и эти деньги явились для них как бы подарком и они очень рады тому, что я устроился на работу и нашел квартиру. Они приглашали меня зайти к ним, если я когда-нибудь попаду в Янгстаун. Я их не забыл и по сей день. Эти добрые и великодушные люди были представителями подлинной Америки, достойной всеобщего восхищения.

Это было в те дни, когда Америка готовилась вступить в войну. ИРМ в это время вела кампанию против войны, исходя из принципов интернационализма и борьбы против всех капиталистических войн.

Всеамериканский съезд ИРМ в 1916 году заявил: «Мы осуждаем все войны и для их предотвращения призываем к развертыванию антимилитаристской пропаганды в мир-

ное время, а во время войны — к проведению всеобщей забастовки во всех отраслях промышленности».

В руководящем центре ИРМ в Кливленде мне сказали, что верфи, на которых я нашел работу, принадлежат Джону Д. Рокфеллеру и там очень враждебно относятся к членам профсоюза. Поэтому я должен действовать осторожно, пока не почувствую под ногами твердой почвы. Моим напарником на работе был один венгр. Недели через две я спросил его, есть ли на верфях члены профсоюза. «Да, несколько человек»,— сказал он. Он сам принадлежал к профсоюзу машинистов и восхищался боевым духом членов ИРМ. Но присоединиться к ИРМ он отказался. Я впоследствии понял, чем это было вызвано. Он гнался за деньгами, рассчитывал накапливать сбережения для покупки жилых домов и, таким образом, «выкарабкаться» из рабочей среды. Этот рабочий одиннадцать лет работал пневматическим молотком, и голова у него слегка тряслась. Я сказал ему однажды: «Еще несколько лет, и тебе крышка». «Ну, нет,— ответил он уверенно.— У меня уже три дома». Он надеялся, что его дети будут жить лучше, чем он. Его желание было естественно, но, сколько я ни пытался, я никак не мог его убедить, что социализм и борьба за него даст рабочим гораздо большие возможности. Многие американские рабочие разделявшие мечту моего товарища-клепальщика, погубили свое здоровье и потеряли всякую надежду в тщетной борьбе за осуществление своих надежд.

Я проработал на верфях шесть месяцев; ежедневно я являлся на работу в 6 часов 30 минут утра — за полчаса до ее начала. В течение этих 30 минут хозяином верфей был я. С пачкой антивоенных листовок в кармане я обходил все помещения, раскладывал листовки на дыропробивных, зенковочных и сверлильных станках, на листах стали, у каждого рабочего места. После этого я уходил в уборную, появлялся оттуда ровно в 7 часов утра, отбивал приход на карточке и устанавливал, таким образом, алиби.

Что за чудо! Кто мог разбросать здесь листовки ИРМ? Я тоже изображал недоумение. Я просил показать мне листовки, читал какой-нибудь отрывок вслух, а затем спрашивал: «Что же здесь неверно?» Таким путем я связался с несколькими сочувствующими и продавал им брошюры.

Кроме того, я выступал на митингах на площади Кливленда. Как-то вечером, когда я сошел с камня, служившего трибуной, ко мне подошел какой-то человек и начал хвалить мое выступление, в котором я призывал Соединенные Штаты не вступать в войну. Когда я пошел домой, этот человек присоединился ко мне. Дорогой он сказал: «А вы знаете, что вчера вечером в редакции одной газеты была найдена бомба? Пойдемте, я вам покажу». Он поймал меня врасплох. Я последовал за ним. Мы подошли к редакции газеты, издававшейся на немецком языке. Одно окно было открыто. «Бомба была найдена внутри, как раз против этого окна,— сказал он.— Человек, который согласится бросить туда бомбу, может заработать большие деньги»,— добавил он. Я заметил: «Если это так выгодно, почему ты сам этим не займешься? Чей ты агент? Что за игру ты ведешь?» Он бросился бежать. Но как же глупо было с моей стороны пойти с этим провокатором одному в тихую улицу.

В конце 1916 года Соединенные Штаты готовились вступить в войну. Но народ относился без всякого энтузиазма к мысли о войне, и, чтобы его разжечь, во многих городах устраивали «парады готовности». Однажды во время такого парада взорвалась бомба. Девять человек было убито. Активные профсоюзные деятели Том Муни и Уоррен Биллингс были обвинены в этом ужасном преступлении, совершенном самими поджигателями войны, отданы под суд и приговорены к пожизненному тюремному заключению.

Военная истерия росла. У меня были все основания предполагать, что я недолго удержусь на работе. Я решил, что весной 1917 года, как только сойдет лед, поступлю в матросы на судно, курсирующее по Великим озерам. Но в начале 1917 года ИРМ созвала конференцию моряков и докеров Великих озер, на которой меня избрали генеральным секретарем профсоюза рабочих водного транспорта. Вскоре после моего избрания на эту должность ко мне зашел член профсоюза О'Доннелл, избранный почетным председателем профсоюза, и попросил меня откладывать ему для просмотра всю корреспонденцию. Мне это сразу показалось подозрительным, и я сказал, что письма будут подшиваться в папки в обычном порядке по мере их рассмотрения. Как раз в это время бастовали рабочие судостроительных верфей в Астабуле на озере Эри. Мы реши-

ли направить к ним освобожденного от работы профсоюзного организатора Джеймса Маннинга. Накануне его отъезда О'Доннелл, встретившись с ним на лестнице, посоветовал ему открывать собрания пением «Красного флага». Джеймс вернулся ко мне, чтобы рассказать мне об этом. Мы пришли к заключению, что этого делать не следует и вообще надо избегать действий, которые могут нарушить единство бастующих рабочих.

Из числа моряков мы наметили делегатов, которые должны были бы выступать на судах. В конце мая в нашем списке значилось девяносто фамилий. Я тщательно прятал этот список, стараясь, чтобы он не попал на глаза О'Доннеллу. Делегаты получили книжки и марки ИРМ; им поручили вербовать новых членов, с предоставлением широкой свободы действий. Профсоюзным шпикам легко было проникнуть в организацию.

Работа на Великих озерах была сезонная и на берегу и на судах и обычно продолжалась не более семи месяцев. В начале сезона среди рабочих было немного членов профсоюза. В заработной плате существовал большой разнобой; на некоторых пароходах были очень тяжелые условия работы, и энергичный делегат мог до конца сезона завербовать сотни новых членов.

Многие суда принадлежали фирме «Юнайтед Стейтс стил корпорейшен». Они доставляли железную руду из открытых разработок в горах Масаба на сталелитейные заводы в Гари, Южный Чикаго, Янгстаун и в другие центры. Мы направили основные усилия на вовлечение в профсоюзы матросов с этих судов.

Вскоре после начала сезона 1917 года объявили забастовку докеры на озере Сюпириор, где грузили руду. В Эри нанятые компанией вооруженные бандиты ранили бастующего. В тот же день я получил от одного из наших делегатов телеграмму следующего содержания: «Нам нужны ружья. Хорошие». Я срочно выехал в Эри, куда прибыл вечером в тот же день. Спешно созванный забастовочный комитет признался, что телеграмма была послана им. Это не было делом рук провокатора, как я вначале думал. Когда я объяснил им, какое безумие они совершили, поставив себя и всю организацию под угрозу ареста, один из членов комитета спросил: «А как вы прикажете поступать? Сидеть сложа руки и позволять себя убивать?» Тогда я попытался доказать им, что они играют на руку властям, которые

всегда готовы убивать и арестовывать забастовщиков по ложным обвинениям. Мы спорили несколько часов; я убедился в том, что телеграмма не была делом рук враждебных агентов, а была продиктована этим смелым и бескорыстным профсоюзным деятелям естественным инстинктом самосохранения. Но именно такие действия открывают путь шпионам.

Все забастовки потерпели неудачу. Правда, предприниматели пошли на уступки после возвращения докеров на работу. Провал забастовок объяснялся главным образом недостаточной подготовленностью и несколько случайным выбором времени. В письме за моей подписью, посланном делегатам примерно в то же время из руководящего центра профсоюза, мы критиковали как раз эту сторону работы. «Прямые действия» на месте — кредо ИРМ — были сами по себе хороши, но надо было как следует составить план действий и выбрать надлежащий момент. Лишь действуя согласованно, горняки, матросы Великих озер и сталелитейщики могли бы заставить «Юнайтед Стейтс стил корпорейшен» удовлетворить их требования.

Мы созвали объединенную конференцию этих трех групп и заявили: «Действуя таким образом, мы не только добьемся удовлетворения своих требований, но и сможем прекратить кровавую бойню в Европе». В заключение мы обратились с призывом ко всем «не знающим пути мятежникам» и «бродячим кошкам» взять курс на Эри, где они могут заняться организацией профсоюза. Эти таинственные слова жаргона ИРМ были использованы в качестве улики против нас во время суда.

Начиная с апреля 1917 года, то есть после вступления Соединенных Штатов в войну против Германии, все силы государства, вместе с полчищами шпиков и наемных бандитов, находящихся на службе у компаний, были брошены на борьбу против ИРМ. Гигантские финансовые корпорации Моргана, Рокфеллера и Меллона наживали огромные прибыли. ИРМ, являвшаяся организатором забастовок в ряде ведущих отраслей промышленности и заявившая, что положит конец войне посредством всеобщей забастовки, была объявлена трестами главным врагом. В Кливленде, кроме О'Доннелла, появились другие шпики.

Один из членов нашего исполкома требовал назначения О'Доннелла профсоюзным организатором.

Комитет решил подвергнуть О'Доннелла испытанию. Мы послали его в Южный Чикаго — центр империи стального треста. Через две недели мы получили от него единственный доклад. Он писал, что организовать матросов в Южном Чикаго «невозможно». По возвращении О'Доннелла в Кливленд я отобрал у него мандат и предложил ему искать другую работу.

Наша контора находилась рядом с домом моряка торгового флота, где по вечерам собирались члены нашего профсоюза. Однажды вечером О'Доннелл появился в доме моряка в башмаках и одежде, запачканных известкой. На вопрос, где он работает, О'Доннелл сказал, что получил работу на строительстве, расположенном недалеко от города. Взглянув на руки О'Доннелла после недели подобного маскарада, я убедился, что они никогда не касались известки. Я попросил двух наших парней за ним последить. Через несколько дней я получил от них доклад. Ребята видели, как О'Доннелл вошел в контору сыскного агентства «Тейл».

Мы созвали собрание исполкома и поставили дело О'Доннелла первым вопросом повестки дня. Мы, конечно, не сообщили об этом «председателю» О'Доннеллу, так как иначе он мог бы не явиться. Я изложил комитету обвинение и привел факты. Затем сказал О'Доннеллу: «Ты шпик». Он побледнел, назвал меня лжецом и сказал, что не уйдет. Но у членов ИРМ был обычай быстро расправляться со шпиками и предателями. О'Доннелла выгнали вон, да так, что он стремительно скатился по лестнице с четвертого этажа.

После этого случая я ушел с поста секретаря профсоюза работников морского транспорта. Я давно собирался устроиться на постоянное жительство на западном побережье, куда переехала Эдит и вся семья. Они жили временно у моей матери на ее ферме в Британской Колумбии. Джеймс Маннинг уехал вместе со мной. Наше путешествие на Запад началось с того, что мы «пробрались» в Чикаго. Усевшись на цистерну с водой позади тендера — миллионы американских рабочих пользуются этим способом для переезда с одного места на другое,— мы за двадцать четыре часа проехали около 300 миль из Кливленда до Чикаго. На следующее утро я встретился с Биллом Хейвудом и доложил ему о нашей работе на Великих озерах. «Большой Билл» похвалил нас за проделанную ра-

боту и в особенности за то, как мы расправились с О'Доннеллом. После этого, хотя мы с ним встретились впервые, он как следует пробрал меня за уход с работы в профсоюзе.

Через двадцать четыре часа мы с Джеймсом купили себе рабочие места у агента-пройдохи, занимавшегося наймом рабочих для железнодорожного строительства в Биллингсе (штат Монтана). Мы взяли железнодорожные билеты, которые он нам дал, и проехали первую часть пути на Запад, составляющего 2 тысячи миль. У странствующих рабочих это любимый способ путешествовать.

Обычно по прибытии на место они совсем не работали или работали всего несколько дней. Мы даже не доехали до указанного нам места назначения. Оставив Джеймса, я переехал границу Канады. В Калгари, провинция Альберта, я решил ехать дальше зайцем, но неудачно выбрал товарный вагон. Ночью его отвели на запасный путь, находившийся в прериях на расстоянии многих миль от города. Затем подошел поезд, на котором был сочувствующий кондуктор. По его совету я «выбрал чистый вагон и не высовывал носа на станциях». В тот же вечер мы приехали в город Филд, лежащий среди Скалистых гор.

Мне раньше приходилось проезжать через этот необычайно красивый город. Стоя в темноте на товарной станции, я видел туманные очертания гор, возвышавшихся вокруг Филда. Я устал, у меня было плохое настроение, я казался себе таким ничтожным, как песчинка в море. Но надо было ехать дальше. Машинист при свете факела смазывал что-то на паровозе. «Едешь на Запад?» — спросил я.— «Нет, следующий товарный поезд идет на Запад». Машинист предупредил меня, что надо быть как можно осторожнее — ищейки здесь очень свирепые. Мне удалось сесть на товарный поезд. Утром поезд остановился у входа в туннель Коннот, который тянется на пять миль и считается одним из чудес канадской техники. Я выглянул из окна товарного вагона, и меня заметил помощник машиниста. Он велел мне сойти с поезда. Когда я отказался, он пустил крепкое ругательство и запер меня в вагоне, но потом передумал. Он вернулся с ломом в руках, открыл дверь и спросил: «Сколько у тебя денег?» — «Ни гроша». Я посмотрел на горы, возвышавшиеся с одной стороны пути, и пропасть, открывавшуюся с другой. Остаться здесь невозможно. Я признался, что у меня есть 1 доллар и

50 центов, и мне пришлось их ему отдать. Я прибыл без дальнейших приключений в Камлупс, в Британской Колумбии. Здесь я прожил две недели на ферме матери, отдыхая в кругу семьи, а затем выехал в Сиэтл (штат Вашингтон), куда вскоре перебралась вся семья. В Сиэтл я приехал в самый разгар всеобщей забастовки лесорубов. Замечательный революционер англичанин Том Уайтхед, бывший в то время секретарем сиэтлского отделения ИРМ, прочитав рекомендательное письмо, которым снабдил меня «Большой Билл», попросил помочь ему собрать средства для бастующих. Я согласился.

Условия труда в лесной промышленности были настолько тяжелы, что забастовки возникали более или менее стихийно. Как это часто бывает, в борьбе за влияние на рабочих соперничали между собой два профсоюза — профсоюз, входивший в ИРМ и провозглашавший революционные цели, и профсоюз, входивший в АФТ, выступавший только за улучшение условий в данный момент. Враждебность, существовавшая между обоими профсоюзами, сбивала рабочих с толку и была выгодна предпринимателям. В связи с войной цены на лесоматериалы сильно возросли и фирмы получали колоссальные прибыли, но заработная плата оставалась на очень низком уровне и рабочие в большинстве пунктов лесозаготовок работали по десять часов в день.

Лесорубы спали на лесозаготовках в бараках с двухъярусными нарами, где не было ни коек, ни матрацев, ни постельных принадлежностей. Рабочие собирали сено и солому, служившие им подстилкой весь сезон работ. Они развешивали для просушки пропитанную потом одежду на веревках, протянутых через барак. Чистого белья ни у кого не было. Требование изменения этих условий выдвигалось почти при каждом конфликте.

То и дело прибывали — таща на спине узел с одеялами — рабочие, купившие у агентов-спекулянтов право на получение работы. Непрерывно одни приезжали, другие уезжали. Нередко рабочие уезжали, проработав лишь несколько дней.

На ель был большой спрос в самолетостроительной промышленности, на сосну — в судостроительной. ИРМ сумела это использовать. Она организовала профсоюз рабочих лесной промышленности и выдвинула требования, удовлетворения которых можно было добиться лишь по-

средством забастовки. ИРМ открыла свои отделения в главных центрах лесной промышленности.

На последних этапах забастовки в Сиэтле был пущен в ход с известным успехом метод прямых действий — руководители решили «перенести забастовку на места работы». Делалось это следующим образом: лесорубы, как обычно, выходили из своего стана на работу, но через восемь часов раздавался свисток и все прекращали работу. Рабочих увольняли целыми бригадами, но новые бригады поступали так же. Другим излюбленным методом было замедление темпа работы. Был выброшен лозунг: «Плохие условия — плохая работа». Такая война заставила в конце концов федеральное министерство труда обратиться к предпринимателям с призывом сократить рабочий день, что те, наконец, и сделали.

Члены ИРМ жгли собственные одеяла, пытаясь заставить хозяев бесплатно предоставить новые и построить бараки, годные для жилья. Как-то в апреле 1918 года в северо-западном районе было решено сжечь все одеяла. Рабочие в ряде лесопунктов добились таким путем удовлетворения своих требований. Некоторые предприниматели даже построили душевые. Перед лицом таких успехов правительство и предприниматели стали всеми силами стремиться расколоть ряды рабочих. Они достигли некоторого успеха, организовав «Лояльный легион лесорубов и лесозаготовителей» (четыре «Л», как иногда называли эту организацию). Во время забастовки военное министерство направило на лесозаготовки тысячи солдат. Представителю отдела труда военного министерства полковнику Диску было специально поручено принять меры для увеличения производства. Предпочтение отдавалось членам легиона. Эта антипрофсоюзная организация, выполнявшая волю предпринимателей и военщины, выпускала листовки, требовавшие «изгнания красных», и разжигала ненависть к членам ИРМ. Войска под командой офицеров разгоняли профсоюзные собрания. Они совершали нападения даже на некоторые отделения АФТ. Несмотря на это, Сэмюэль Гомперс дал работникам профсоюзов, входящим в АФТ, указание сотрудничать с полковником Диском, задачей которого было уничтожение ИРМ как первый шаг к полному разгрому профсоюзного движения. Открытое столкновение между предпринимателями и ИРМ становилось неизбежным.

Когда забастовка была «перенесена на места», моя работа в качестве организатора сбора средств для бастующих кончилась. Я записался на американский военный транспорт «Генерал Крук», который вез лес на Аляску. Я был занят на разгрузке леса в шаланды в Анчорэдж Бей на Аляске, когда один матрос привез с берега вечернюю газету. Заголовок крупным шрифтом гласил: «Хейвуд арестован. Федеральная полиция совершила налет на все отделения ИРМ». 5 сентября 1917 года в два часа дня полиция нанесла удар всем отделениям ИРМ от берега одного океана до берега другого, от канадской границы до Мексиканского залива. Операция была подготовлена в полной тайне. В руководящем центре ИРМ в Чикаго полиция захватила все архивы, протоколы, всю литературу, все газеты и книги. Во всех отделениях производственных профсоюзов, в местных отделениях по вербовке членов и в клубах были изъяты пишущие машинки, ротаторы, счетные машинки, мебель и все конторские принадлежности. Грабители не оставили ничего, кроме голых стен. В сиэтлском отделении ИРМ полицейские украли даже посмертные маски многих наших погибших борцов, и в том числе маску Джо Хилла. Нам ничего не возвратили и не уплатили никакой компенсации. Из массы документов было отобрано все, что могло служить уликой, подтверждающей обвинения в заговоре, направленном к тому, чтобы помешать правительству успешно вести войну.

Это произошло в то время, когда я ехал домой на пароходе «Генерал Крук», который возвращался в Сиэтл, везя коней для армии. Я уехал, не известив секретаря, и, когда я пришел в контору, Том Уайтхед вскричал: «Где ты был? Мы хотим, чтобы ты взял на себя руководство комитетом по организации кампании в защиту арестованных в Северо-западном районе. Мы повсюду тебя разыскивали. Когда ты можешь приступить к делу?» Я сказал, что получу расчет на следующий день. Уайтхед спросил: «Можешь ли сегодня вечером провести митинг?»

Через несколько часов я выступил на огромном митинге, состоявшемся на запасных путях, где обычно собирались лесорубы, находясь в городе. Утром, в тот день, когда мы, намереваясь начать кампанию за сбор средств для организации защиты арестованных, поставили этот вопрос на массовом митинге в Арена-Холл, где мне было поручено выступить, начальник одного из отделений феде-

ральной полиции остановил меня на улице около здания, где помещалась ИРМ, и велел следовать за собой. «У вас есть ордер на арест?» — спросил я. «А он мне не требуется»,— последовал ответ. Он отвернул борт пиджака и показал значок начальника полиции. Из заднего кармана брюк торчала рукоятка тяжелого револьвера. «Действительно, вам ордер на арест не нужен»,— сказал я.

IV

Меня отвели к начальнику главного городского управления федеральной полиции. Здесь мне заявили, что я должен ответить на обвинения, выдвинутые против меня в обвинительном акте, утвержденном федеральными присяжными, решающими вопрос о предании суду. Полицейский офицер спросил, почему я вступил в ИРМ. Я ответил: «Потому, что ИРМ — единственная организация, отстаивающая подлинные интересы моего класса». Когда я вступил в организацию? Я отказался отвечать на этот вопрос и предложил полицейскому самому это выяснить. Тогда он предложил мне «не слишком веселиться». «Отправьте его дневным пароходом в Такома»,— приказал начальник полиции. Полиция собрала в тюрьме округа Пирс в Такома много членов ИРМ, арестованных на этой части побережья. Я прибыл поздно вечером, и меня заперли в камере нижнего этажа, в так называемом «танке». В этом тюремном здании камеры были расположены в три или четыре яруса. Его окружала кирпичная стена — получалась клетка в клетке. Камеры находились по обе стороны коридора шириной в шесть или восемь футов, по которому днем прогуливались заключенные. Двери камер не запирались — окружавшая их стальная стена исключала возможность побега. В камерах висели гамаки, в которых лежало по два тонких одеяла. Тюрьма была грязная, вонючая, холодная и полная крыс.

Тюремщик велел мне выбрать камеру. У меня был большой выбор, ибо весь нижний ярус пустовал. Но в первый же вечер, когда я шагал взад и вперед по камере, вошел рабочий, который занял один из гамаков рядом со мной. Это был немного наивный англичанин, не знавший условий, существовавших на западном побережье; он сразу спросил меня, за что я попал в тюрьму. Все еще продолжая «веселиться», как заметил начальник полиции, я от-

ветил: «За участие в классовой борьбе». Хотя я слышал, что таких вопросов задавать не следует, я спросил англичанина, за что его арестовали. Он сказал, что его задержали, когда он сошел с товарного поезда в Такоме, потому что он нарушил закон о воинской повинности и не вступил в армию. Повысив голос так, что его могла слышать вся тюрьма, он закричал: «Они не вправе меня здесь держать! Я англичанин! Я обращусь к консулу!» Из верхнего яруса камер «танка» раздались насмешливые возгласы: «Да-да! Это незаконно!» В те времена незаконные аресты были так часты, что рабочие относились к закону с большим презрением. Через несколько недель, когда меня и других арестованных членов ИРМ отправили в Чикаго, бедняга англичанин еще сидел в тюрьме.

Нас отправили в трехдневную дорогу без предупреждения. Полиция хотела избежать демонстраций у тюрьмы и на вокзале. Полицейские заковали нас попарно, надели тяжелые кандалы на ноги и сфотографировали для газет. Нас везли в обыкновенном пассажирском вагоне. На всем пути протяжением в 2 тысячи миль мы оставались в цепях. Нам приходилось есть и спать в кандалах. Если заключенному надо было пойти в уборную, он шел вместе со скованным с ним товарищем, и у двери стоял часовой. Мы время от времени затягивали «Солидарность навеки» и другие известные песни ИРМ. У вокзала нас уже ожидали черные тюремные автомобили, в которых нас отвезли в тюрьму округа Кук, где мы и находились до суда.

Тюрьма округа Кук... Эти слова до сих пор вызывают у меня ужас. Казалось, здесь были представлены все преступления, которые знает мир. Огромная камера пыток, место, отведенное для жертв общества. Приведу небольшой пример. В камере надо мной находился восемнадцатилетний юноша, обвинявшийся в убийстве торговца и участии в налете бандитской шайки. Вместе с ним сидел человек более зрелого возраста. Я его никогда не видел, но привык узнавать его хриплый голос. Он принадлежал к числу «опасных головорезов». Я слышал все их разговоры. «Все уладится, парень,— говорил хриплый голос.— Они тебя не повесят. Ради бога, не унывай — ты висеть не будешь». Суд продолжался несколько дней. Каждый вечер, когда юноша возвращался в камеру, у него оставалось все меньше и меньше надежды. Наконец был вынесен приговор: виновен. Я никогда не забуду этого вечера.

Ужасно было слышать рыдания юноши. После того как мы две ночи прислушивались к его стонам, нас перевели в другое здание. Головорез оказался прав. Приговор был смягчен.

Наши новые камеры были маленькие, с каменным полом и черными стенами. Вместе со мной сидели двое заключенных. Камера была так мала, что, когда один вставал, остальные двое должны были лежать или сидеть на койках, расположенных вдоль одной стены. Много лет не менявшаяся солома в матрацах раскрошилась, от нее остались только бугры, которые мы старались столкнуть к краям, так как иначе нельзя было уснуть. Высокие окна, покрытые пылью и паутиной и закрытые решетками, пропускали мало света и воздуха. Чтобы читать, мы должны были стоять у двери камеры, пропускавшей слабый луч света из коридора. Нас день и ночь держали взаперти, и лишь два часа в сутки мы кружились по небольшому помещению нижнего этажа.

Мы проводили мучительные ночи. Главный тюремщик всячески старался сделать нашу жизнь невыносимой. В камерах, находившихся над нами, сидели больные туберкулезом и обвиняемые в убийстве. Из камер, где помещались алкоголики, была вынесена вся тюремная мебель, состоявшая из коек и деревянных скамеек. Чтобы их чем-нибудь занять, им бросали старые газеты, которые они рвали на мелкие клочки. Страшно было смотреть, как люди теряли человеческий образ, повисали, как обезьяны, головой вниз, держась за двери камеры и опираясь ногами в стены камеры, а иногда даже в потолок. Потом, когда действие алкоголя проходило, пот градом катился у них по лицу, и они начинали умолять дать им выпить. Мы часто слышали один голос, раздававшийся по всей тюрьме. Это был голос человека, убившего свою жену. В полубезумном состоянии несчастный громко молился, умоляя убитую им жену о прощении, и уверял, что он ее нежно любит. Было ужасно слушать все это. Под влиянием таких условий два члена ИРМ потеряли рассудок.

Утром в первый день рождественских праздников нас вывели из камеры, выстроили в ряды и начали раздавать нам подарки — носки, носовые платки и галстуки. Подарки прислала женщина большой души — глухая и слепая филантропка Эллен Келлер, ученая, помогавшая в тот

период многим прогрессивным начинаниям. С ее стороны это был смелый шаг, поднявший у всех нас настроение.

Это было прекрасно, но вдруг последовала жестокость, обычная в американских тюрьмах. Когда мы радовались, что во внешнем мире есть великий борец, который о нас подумал, тюремщик вручил мне официальное телеграфное извещение о гибели на фронте моего брата Роберта. Я уже знал об этом. Мать сообщила мне о смерти брата в октябре, вскоре после того, как это случилось. Таким образом, возмутительный поступок тюремных властей не достиг цели. Стоявший возле меня Билл Хейвуд прочел телеграмму и громко выругался: «Подлецы, сукины дети».

Мне до сих пор больно вспоминать об этих ночах в Чикаго, хотя с тех пор прошло тридцать пять лет. Но, когда я думаю о прошлом, перед моими глазами возникает иная картина. Я вижу другую тюрьму, в Ленинграде, которую мы с Уолом Ханнингтоном посетили в начале 30-х годов. Надпись сверкающими золотыми буквами сообщала всем входящим: «Это не тюрьма. Это исправительный дом». Мы видели классы, комнаты отдыха, библиотеку, театр и столовую. Везде была безупречная чистота. Мы видели заключенных, занятых работой на швейной фабрике. Труд оплачивался. Мы разговаривали со многими заключенными. Я спросил высокого, белокурого русского с умным лицом, за что он попал в тюрьму. Заключенный ответил, что он матрос и приговорен к тюремному заключению на пять лет за преступление, считавшееся в те времена очень тяжким,— за продажу револьвера. Он сам сообщил мне, что совершил «ужасное преступление», а когда мы спросили, почему, сказал: «Револьвером мог воспользоваться контрреволюционер». При помощи воспитания и человечного обращения его заставили осознать свою ошибку. Он уже побывал дома, чтобы повидаться с родителями, и надеялся, что скоро совсем вернется домой, хотя отбыл всего восемнадцать месяцев. Моряк надеялся, что он скоро подпадет под закон о досрочном освобождении заключенных, осознавших свою вину перед обществом.

Две картины — два разных мира. С одной стороны, гуманное учреждение в Советском Союзе, а с другой — варварская тюрьма в округе Кук, продукт американского монополистического капитализма.

В этой тюрьме в 1887 году были повешены невинные жертвы провокаций в Чикаго — Парсонс, Шпис, Фишер и Энгель. В этой тюрьме за время нашего пребывания были приведены в исполнение три смертных приговора. В этой тюрьме виселицу строили во дворе, куда выходили окна камер, чтобы ее могли видеть все заключенные, а молотки столяров, строивших виселицу, стучали всю ночь напролет. В этой тюрьме заключенных переводили из камер, из которых была видна виселица, но они могли слышать шаги обреченных на смерть, шедших по чугунным плитам к виселице. А когда приближалось время смертной казни, назначавшейся на 9 часов, в этой тюрьме постепенно замирал шум голосов и шагов заключенных в камерах и наступала такая тишина, что слышно было, как муха пролетит. Тишина смерти. Затем раздавался стук дверцы люка, воображение рисовало картину того, что совершилось, и по всей тюрьме раздавался ужасающий вопль. Одни безудержно рыдали, другие осыпали проклятиями и руганью первого попавшегося им на глаза тюремщика.

В Америке до сих пор существует тысяча таких тюрем. Тем не менее реакционные вашингтонские политиканы сильнее чем когда-либо обливают потоками злостной клеветы социалистическую исправительную систему трудового воспитания и нагло лгут о советских «лагерях принудительного труда», хотя многие из этих политиканов являются представителями штатов, где все еще практикуется закон Линча и существуют тюрьмы, где допускается самая разнузданная жестокость.

В нашем тюремном корпусе находилось около пятидесяти членов ИРМ. Мы всемерно старались поддерживать их физическое и моральное состояние. По воскресеньям, когда нас выводили в коридор, мы устраивали лекции, декламировали стихи, пели песни ИРМ и под руководством финна Уильяма Таннера делали гимнастику. Мы выпускали газету под названием «Кан-опепер», экземпляры которой посылали на волю для продажи с аукциона на митингах ИРМ, созываемых с целью сбора средств для организации защиты арестованных. Своей «Солидарностью навеки» мы нарушили все тюремные правила. Это был великий закон, руководивший нашей жизнью, особенно жизнью в тюрьме. Против нарушителей этого закона принимались строгие меры, в чем пришлось убедиться одному из членов нашей группы, любившему прихвастнуть

своими достоинствами. Как-то в воскресенье он прочел в коридоре следующие стишки, вывешенные в назидание ему:

Знай: до тех пор мы не друзья
Тебе в мешке тюрьмы,
Пока не станешь вместо «я»
Твердить почаще «мы».

Доходившие к нам с воли хорошие известия поддерживали в нас бодрый дух. Сначала мы узнали, что идет кампания за сбор средств для организации нашей защиты, а затем услышали, что в России рабочие захватили власть в свои руки. В ближайшее воскресенье мы уже распевали «Послание из-за моря» — песню, сочиненную в тюрьме в ознаменование этого великого события.

Я сидел и грустил.
И вдруг — радостная весть:
В далекой стране вспыхнуло восстания пламя;
Оно разобьет властителей силу,
Высоко поднимет всемирное знамя,
Обеспечит навеки свободу
И мир несказанной красы.

Хор

Привет вам, большевики:
Борясь за свой класс, мы добьемся свободы.
Долой кайзера, короля и царя!
Если тебе не по нутру такие настроения,
Ты уподобься сказочному щенку:
Лижи руку, которая тебя грабит.
Мы пережили века труда и горя,
Покорно выполняя приказания,
Без дум и огорчений защищая
Плутократов честолюбивые цели.
Но вот в России раздался звон набата,
Он возвестил о торжестве свободы.
Эта весть звучит в сердцах миллионов
И говорит им: освободитесь, сбросьте цепи!

Мы весело распевали эти строки на мотив «Не кусай руку, которая тебя кормит». Она была подхвачена на воле, и в последующие годы наши ребята частенько ее распевали.

Наше пение надоело начальнику тюрьмы, и как-то в воскресенье он решил в виде дисциплинарной меры не выпускать нас из камер. Все утро мы по очереди шагали по своим тесным камерам. Мы были обозлены. В полдень

в коридор, куда выходили камеры, привезли на тележках обед, состоявший, как обычно, из солонины с капустой. Тюремщик просовывал судок с тремя обедами через отверстие под дверью камеры. Вдруг один из заключенных отбросил ударом ноги судки с обедом и они загремели по железному полу коридора. Это явилось как бы сигналом, и буквально все заключенные начали швырять посуду. Мы дошли до высшей степени возбуждения. Через несколько секунд в коридор полетело пятьдесят оловянных тарелок. Многие попали в противоположную стену. Делая удар ногой — пришел мой черед прохаживаться по камере,— я бросил быстрый взгляд вокруг и увидел, что наш стражник Голдберг мечется по коридору нижнего этажа; его синяя форма была вся забрызгана жиром, и на ней висели кусочки капусты.

На следующий день в нашем коридоре появился новый стражник. Прошел слух, что он славится суровостью. Надо сказать, что его наружность полностью соответствовала изображению тюремщика в голливудских кинофильмах. Стражник отпер двери камер и велел нам выйти на прогулку. Мы ходили вокруг маленького тюремного дворика. Проходя мимо стражника, мы все по очереди бормотали: «Подожди, мы до тебя доберемся!» Он, как видно, пришел к заключению, что даже самому крепкому парню небезопасно оказаться одному среди пятидесяти членов ИРМ. Он смягчил тон и заявил, что «готов относиться к нам с уважением, если мы будем вести себя как следует...» Через несколько дней его также перевели от нас. Третий стражник с первого дня повел себя разумно, и наши прогулки, развлечения по воскресеньям и лекции снова возобновились.

Примерно в это время Билл Хейвуд послал телеграмму съезду горняков, в которой призывал делегатов объявить забастовку и не прекращать ее до полного освобождения арестованных членов ИРМ. Все газеты писали о его призыве. Как-то Джим Томсон, шагая вокруг тюремного дворика, поднял над головой газету и с нервной дрожью в голосе сказал: «Билл спятил! Он играет на руку прокурору. Нас именно в этом и обвиняют». Я сказал ему, что у прокурора и без того много такого материала против нас, и, если будет одним больше, это особой роли не играет. Тогда Джим спросил: «Ты пойдешь сегодня в комнату для посетителей?» (Рабочие усыновляли тех заклю-

ченных, родители и друзья которых жили далеко, и регулярно их посещали.)

По дороге в комнату для посетителей надо было пройти через камеру, в которой сидел Билл. Я сказал, что пойду. Тогда Джим сказал мне: «Если увидишь Большого Билла, передай ему от меня, чтобы он положил на голову кусок льда». Я передал Биллу эти слова. «Когда вернешься,— сказал он в ответ,— передай Джиму, чтобы он не держал ноги во льду; у него, как видно, холодные ноги» *. Я как сейчас вижу Билла в тот момент, когда он произносит эти слова,— голова склонена слегка набок, с высоты своего исполинского роста он бросает на меня яростный взгляд единственным глазом.

---

* Непереводимая игра слов: выражение «у него холодные ноги» применяется в английском языке и в переносном смысле, когда говорят о человеке, который трусит или малодушничает.— *Прим. перев.*

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРОЦЕСС В ЧИКАГО

Наше преступление. Ничего общего. «Отмените систему наемного труда». Победа свободы слова. Судья, который вел процесс. Борьба по поводу состава присяжных. Саботаж? Яичница-болтунья. «Душевное состояние». Защитник Вандервир. На спине у рабочих. Пожар на шахте Спекулейтор. Не слишком свободная печать. Правые и неправые. Приятная ошибка. Повесть Билла Хейвуда. Лечение мышьяком. «Боритесь за свой класс». К черту кошек! Признание шпиона. Редкий случай упущен. Поющие арестанты... Каторжная тюрьма. В черной дыре. Странный концерт. Кто ударил часового? «Революция» в Сиэтле. Пересадка в Хэппи Корнер. Снова на свободе.

I

Наш процесс начался 1 апреля 1918 года и продолжался четыре месяца и двадцать шесть дней. Процесс разоблачил перед глазами народа систему шпионажа, вооруженного подавления и террора, которой пользовались американские предприниматели во время упорных стачек и классовых боев в годы, предшествовавшие процессу. Поучительны также методы ведения процесса в обстановке истерии, раздувавшейся по всей стране. Они говорят о том, что то, что мы теперь называем маккартизмом, не является новой чудовищной выдумкой, а всегда было присуще «американскому образу жизни», издавна восхваляемому трестами и представителями их интересов.

Тридцать семь лет назад апрельским утром сто двенадцать членов ИРМ один за другим переступили порог районного суда города Чикаго. Нас вели по улицам под вооруженной охраной; заполнявшие тротуары толпы зевак кипели искусственно разжигавшейся ненавистью. Нам предъявили обвинение в организации диверсионных актов и заговоре, направленном на то, чтобы помешать успешному завершению войны. Но наше настоящее преступле-

ние состояло совсем не в этом. Как заявил наш защитник в самом начале процесса, наше дело «затрагивало нечто большее, чем страну,— оно затрагивало социальный строй». Десять или даже более десяти лет в период роста и обострения социальных противоречий ИРМ смело изобличала преступную эксплуатацию американских рабочих, наносила ответные удары вооруженному террору предпринимателей, организовывала массовую борьбу за повышение заработной платы и мешала извлечению непомерных прибылей. Что именно в этом, с точки зрения предпринимателей, заключалось подлинное преступление ИРМ, стало ясно с первых же недель и месяцев слушания дела. Защитники сумели превратить обвинителей в подсудимых, а весь процесс — в обвинительный акт против американского капитализма.

Здесь не место касаться неправильных понятий, связанных с вопросом о том, каким путем рабочие должны завоевать власть, с политикой борьбы, с характером государства, ролью, которую оно играет в нашем двухклассовом обществе, и со всеми остальными идеями, под влиянием которых ИРМ часто выбирала неправильный путь. Но я должен на минуту прервать свою повесть, чтобы кратко рассказать о том, как возникла и завоевала поддержку в массах эта организация активных и мужественных рабочих, которых сейчас судили за их социалистические устремления и деятельность, связанную с борьбой рабочего класса.

Процесс в Чикаго начался через тринадцать лет после того, как состоявшийся в этом городе съезд, на который съехались делегаты от 43 организаций, основал организацию, получившую название «Индустриальные рабочие мира» (ИРМ), и принял декларацию, излагавшую ее общие принципы. Декларация содержала следующие простые, правдивые и вдохновляющие слова:

«Между рабочим классом и классом предпринимателей нет ничего общего. Мир невозможен, пока среди миллионов трудящихся существует голод и нужда, а небольшая группа людей, составляющая класс предпринимателей, пользуется всеми благами жизни. Борьба между этими двумя классами должна продолжаться до тех пор, пока рабочие всего мира не организуются как класс, пока они не станут хозяевами земли и орудий производства и уничтожат систему наемного труда».

ИРМ была создана в 1905 году, в период резкого обострения борьбы рабочих, и не случайно с момента своего возникновения оказалась под сильным влиянием Западной федерации горняков, которая на протяжении десяти лет вела ожесточенную борьбу с шахтовладельцами, вплоть до открытой вооруженной борьбы с войсками. ИРМ, возникшая в специфических условиях США, следовала по стопам многих профсоюзных организаций, оказавшихся не в силах вести длительную борьбу с самым жестоким и хищническим правящим классом мира.

Специфические условия создались в США задолго до 1905 года. Их возникновение относится к первому десятилетию после гражданской войны, когда американская буржуазия, объединив страну, начала беспорядочную экспансию, известную в истории как период наиболее беспощадных, быстрых и незаконных действий в летописях капитализма. Англия вкладывала избыточные капиталы в строительство железных дорог, которые быстро протягивались на Запад, через безлюдные плодородные пространства к залежам металлической руды на Западе и девственным лесам по ту сторону Скалистых гор. Рабочие, главным образом неквалифицированные, хлынули на Запад в надежде получить работу в горной и лесной промышленности, на железных дорогах и строительстве. Следом за ними двигались тысячи и десятки тысяч иммигрантов из Европы. Рабочим, непрерывно сменявшимся и передвигавшимся с места на место, трудно было организоваться; поэтому развитие профсоюзного движения задерживалось. Многие рабочие — уроженцы Америки,— подобно моему приятелю, клепальщику из Кливленда, старались проникнуть в буржуазную среду. Иммигранты также заражались этим честолюбивым стремлением. В ранний период истории американского профсоюзного движения этим стремлением — во что бы то ни стало добиться удачи — оправдывали чрезвычайную враждебность к профсоюзам или к любой другой форме рабочих организаций. Все серьезные конфликты с рабочими изображались как дело рук «грязных иностранцев», выполнявших самую тяжелую и неприятную работу за самую ничтожную плату.

Иммигранты привезли в США все известные в Европе виды радикальных и социалистических теорий. Из Англии — чартизм; из Восточной Европы — анархизм; из

Германии — марксизм. Эти теории вызывали страх у американских предпринимателей. Пользуясь принципом «разделяй и властвуй», предприниматели десятки лет не допускали возникновения эффективной организации, которая могла бы дать им отпор. Но в 70-х и 80-х годах нажим предпринимателей стал так силен, что рабочие были вынуждены объединиться для защиты своих интересов, в результате чего появился ряд профсоюзных организаций. В 1866 году возник Национальный рабочий союз, возглавивший кампанию за восьмичасовой рабочий день, который был введен по закону, но фактически нигде не соблюдался. Основанная в 1869 году организация «Рыцари труда» принимала в свои ряды рабочих независимо от их профсоюзной принадлежности, отрасли производства или квалификации. «Рыцари труда» провозгласили знаменитый лозунг «Все за одного, один за всех», который впоследствии проводила также ИРМ.

В 1881 году возникла соперничавшая с ИРМ организация, превратившаяся впоследствии в Американскую федерацию труда (АФТ), во главе которой стоял Сэмюэль Гомперс. Делая ставку главным образом на квалифицированных рабочих, АФТ сумела привлечь на свою сторону многих мастеров из организации «Рыцари труда», которая в силу своего массового характера не уделяла достаточно внимания защите интересов квалифицированных рабочих. Попытки объединить эти две организации оказались безуспешными. Гомперс, английский эмигрант, называл себя марксистом. За последние шестьдесят или семьдесят лет он был, пожалуй, наиболее странной политической фигурой из многочисленных личностей — самозванных марксистов. Он искусно создавал федерацию по образцу английских тред-юнионов, но привлекал в ее ряды почти исключительно высококвалифицированную рабочую аристократию.

Однако на рубеже двух веков быстрый прогресс промышленной техники, появление огромных монополистических синдикатов и уничтожение прежних цеховых барьеров вследствие машинного производства, не требовавшего большого умения, сильно подорвали привилегированное положение некоторых отраслевых профсоюзов. Они вели борьбу порознь и не были в состоянии оказать противодействие хорошо организованным предпринимателям, у которых были в профсоюзах свои шпионы, провокаторы,

наемные убийцы, всякие головорезы; кроме того, предприниматели получали неограниченную помощь от государства. В то же время неквалифицированные рабочие, десятками тысяч пробиравшиеся на Запад в поисках работы, которую обеспечивала для них экспансия капитала, подвергались жесточайшей эксплуатации. В основной своей массе они были неорганизованными и поэтому становились жертвой любой эксплуатации и жульничества со стороны предпринимателей и подрядчиков. За тринадцать лет до основания ИРМ Фридрих Энгельс написал свое знаменитое письмо, в котором разъяснил, как предприниматели натравливают одну группу рабочих на другую. Энгельс писал:

«...полное равнодушие общества, развившегося на чисто капиталистической основе, без всякого идиллического феодального фона, к погибающим в борьбе за существование человеческим жизням; их и так много, больше чем нам нужно, этих проклятых «голландцев» *, ирландцев, итальянцев, евреев и венгерцев — а тут еще на заднем плане стоит китаец Джон...» **

В том же письме, написанном в 1892 году немецкому социал-демократу Шлютеру, активно участвовавшему в движения немецких рабочих в Соединенных Штатах, Энгельс предсказывал:

«Раз уже американцы начнут, то поведут дело с такой энергией и стремительностью, что мы в Европе по сравнению с этим окажемся просто младенцами».

Таковы были условия, приведшие к возникновению производственных профсоюзов, которые объединяла ИРМ. Основатели ИРМ исходили из твердого убеждения, что цеховые профсоюзы не в состоянии бороться с предпринимателями. Во введении к декларации общих принципов ИРМ, принятой съездом в 1905 году, говорилось:

«Централизация промышленности все в меньшем и меньшем числе рук приводит к тому, что цеховые профсоюзы не в состоянии бороться с непрерывно растущей силой класса предпринимателей. Такие профсоюзы способствуют возникновению положения, при котором предприниматели могут натравливать друг на друга отдельные группы рабочих одной и той же отрасли промышленности, что

* Голландцами в Америке называли немцев.— *Прим. перев.*

** К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIX, стр. 44—45.

помогает предпринимателям наносить рабочим поражения в борьбе за заработную плату.

Кроме того, профсоюзы и класс предпринимателей вводят рабочих в заблуждение заявлениями, что у рабочего класса есть общие интересы с предпринимателями».

Вместо консервативного лозунга старых профсоюзов «Справедливая оплата за справедливый рабочий день» ИРМ выдвинула революционный лозунг «Отмена системы наемного труда». Брошенный, таким образом, вызов предпринимателям, а также то руководство, которое новая организация осуществляла в борьбе за заработную плату, сразу привели ИРМ к конфликту с монополистическими группами, старавшимися выжать как можно больше прибыли из шахт и лесных разработок. В первые годы деятельности ИРМ пришлось вести суровую борьбу, чтобы добиться для себя таких элементарных прав, гарантированных американской конституцией, как свобода слова и свобода собраний. Первых членов ИРМ арестовывали десятками и сотнями. Смелые слова: «Сколько бы нас ни арестовывали, нас с каждым днем будет все больше и больше» — отражают дух того времени. Борьба ИРМ достигла кульминационного пункта в 1909 году во время развернутой в Спокейне (штат Вашингтон) широкой кампании за свободу слова. Тюрьмы были переполнены членами ИРМ и не вмещали всех арестованных. Тогда власти построили огороженные заборами лагери, куда сгонялись сотнями люди, выловленные во время массовых облав. Кампания, организованная ИРМ, воодушевила американский народ, вызвав у него лучшие чувства и побудив его к действию. К борьбе присоединились многие активисты АФТ, а также сторонники различных либеральных взглядов. В этот период Эптон Синклер — вспомните его пьесу «Поющие арестанты» — был брошен в тюрьму, хотя все его преступление заключалось в том, что он прочел с трибуны «Декларацию независимости». Однако подавить сопротивление было невозможно. Длительная борьба закончилась победой, и ИРМ почти везде отстояла свое право на свободу слова.

Низкая заработная плата, долгий изнурительный рабочий день, требование повышения производительности труда и тяжелые условия работы создавали благодатную почву для агитаторов ИРМ. Борьба развертывалась быстро и носила ожесточенный характер, полностью соответ-

ствовавший бешеным темпам, которыми шло развитие американской промышленности. Возникли небольшие местные профсоюзы, исходившие из распространенной в те времена теории, что рабочие могут добиться каких-либо результатов лишь путем прямых действий. Часто эти союзы вовлекались в стачки тотчас же после их возникновения, раньше, чем их удавалось как следует организовать. За три-четыре года до начала первой мировой войны рабочие текстильных фабрик Пассейка, Лоуренса, Паттерсона и Нью-Бедфорда, швейники Балтимора, сборщики хмеля в Уитленде (Калифорния), рабочие, занятые на строительстве железных дорог в Британской Колумбии, и многие другие категории рабочих организовывали стачки под влиянием ИРМ.

Престиж ИРМ сильно возрос, особенно среди передвигавшихся с места на место рабочих западных штатов. Созванный в 1914 году съезд ИРМ избрал Хейвуда генеральным секретарем. На съезде был разработан план объединения сельскохозяйственных рабочих. Через два года возникла Организация сельскохозяйственных рабочих. Вскоре после нее были основаны производственные профсоюзы, охватившие рабочих лесной и горной промышленности и морского транспорта.

Первый съезд профсоюза сельскохозяйственных рабочих установил размеры заработной платы, продолжительность рабочего дня и условия труда на ближайший сезон. Надо было положить конец работе от зари до зари, после которой следовала утомительная ночь на копне сена или в конюшне. Добровольные организаторы — некоторые из них были освобождены от работы и получали заработную плату из добровольных взносов — направились в центры найма рабочей силы и на поля, где шла уборка урожая. В новый профсоюз потоком хлынули рабочие.

На Юге, где зерно быстро созревает, фермеры находились почти полностью под влиянием сторонников «прямых действий». Там, где рабочие были солидарны, они добивались победы. Горе было фермеру, который, согласившись на их требования, менял свое решение после выхода рабочих в поле. Профсоюз сельскохозяйственных рабочих приобрел такую популярность, что красная книжка профсоюзного билета стала «пропуском», необходимым для проезда в товарных поездах. Многие поездные бригады, являвшиеся одновременно членами ИРМ и Братства же-

лезнодорожников, не разрешали проезд в поезде человеку, у которого не было красной книжки.

В 1917 году профсоюз рабочих сельского хозяйства был настолько силен, что Билл Хейвуд мог совершенно серьезно заявить в телеграмме президенту Вильсону, что, если нападки на членов ИРМ не будут прекращены, зерно сгниет в поле. Эта телеграмма была, конечно, использована во время процесса в качестве улики против Хейвуда.

Процесс от начала до конца был проявлением классовой мести и террора. Восседавший на своем высоком кресле судья Кайнсоу Маунтин Лэндис, своим худым бледным лицом и копной седых волос напоминавший хорька, с первого же дня процесса вел себя как сторонник обвинения. Он тщетно пытался не допустить включения в протокол огромной массы свидетельских показаний, изобличавших монополистов и демонстрировавших гибельное влияние капитализма для народа.

Правительство назначило трех самых способных юристов: бывшего юриста компании «Юта коппер» Фрэнка К. Небекера, Клода Портера из штата Айова и федерального окружного прокурора города Чикаго К. Ф. Клайнса. Защиту возглавлял энергичный адвокат Джордж Ф. Вандервир. Его блестящий ум и значительный опыт, приобретенный им на судебных процессах, в которых он защищал членов ИРМ, помогали ему распознавать суть классовой борьбы в самых жестоких ее проявлениях. Его помощниками были три адвоката, в том числе Каролин Лоу и адвокат из Бисби (штат Аризона), хорошо знакомый с законом кровавых насилий, которого придерживались хозяева медных рудников.

Суду потребовалось двенадцать дней, чтобы подобрать двенадцать присяжных. Избрание состава присяжных является чрезвычайно важным моментом при рассмотрении дела о заговоре. Общие принципы становятся в таком деле главными уликами. В Чикаго сторона, поддерживавшая обвинение, старалась добиться, чтобы в состав присяжных не прошел ни один человек, который даже в самой слабой степени сочувствовал подсудимым или был хоть немного знаком с социалистическими принципами. Небекеру и его группе было совсем нетрудно это сделать, ибо умы всех возможных кандидатов в присяжные были уже отравлены газетными сообщениями, в которых ИРМ обвинялась в подготовке насильственного свержения прави-

тельства и во всех прочих преступлениях, какие только можно себе представить. Задача защиты — найти непредубежденных присяжных — была гораздо труднее.

Кандидаты в присяжные один за другим выходили на трибуну. Небекер задавал им «каверзные» вопросы: «Верите ли вы в существующую сейчас социальную систему? Верите ли вы в правильность нынешней системы наемного труда? Считаете ли вы, что кто-нибудь имеет право проповедовать нарушение закона и в то же время настаивать на праве свободы слова? Верите ли вы в частную собственность и в священное право сохранять эту собственность? Верите ли вы в право проповедовать мятеж и революцию? Поддерживаете ли вы войну против Германии?» Отвечая на эти вопросы, кандидат в присяжные не должен был быть чересчур откровенным, иначе обвинение стало бы немедленно оспаривать его право быть присяжным.

15 апреля состав присяжных был окончательно утвержден. Слушание дела началось с выступления стороны, предъявившей обвинение. Подсудимые, заявил Небекер, черпали вдохновение из произведений Карла Маркса — автора философии разрушения, «немца». Членов профсоюза сельскохозяйственных рабочих обвиняли в поджоге пшеничных полей и порче молотилок во время работы. Присяжных уверяли, что подсудимые бросали в барабаны работающих молотилок куски железа. Это было фантастически нелепое обвинение. Барабан молотилки делает несколько тысяч оборотов в минуту, и человек, бросивший туда кусок железа, поставил бы под угрозу свою жизнь; к тому же тотчас же стало бы ясно, кто это сделал.

Членов профсоюза рабочих лесной промышленности обвиняли в том, что они пилят бревна короче положенной длины (что́ некоторые, возможно, и делали) и вбивают в бревна костыли. Последнее тоже было мало правдоподобно. Костыли выбили бы зубья у огромных циркулярных пил, а эти зубья могли бы убить или ранить рабочих.

В подтверждение правильности обвинений в течение нескольких недель читались выдержки из профсоюзных бюллетеней, из переписки обвиняемых между собой и из газет на английском и иностранных языках, а также из брошюр и песенников ИРМ. Цитаты зачитывались в отрыве от контекста и подкреплялись фальсифицированными документами, чтобы создать грозный список доказательств,

указывающих на умонастроения, приводящие к «бесчестным открытым действиям», в которых нас обвиняли. Пожалуй, самым сокрушительным документом была брошюра о саботаже, принадлежавшая перу француза Пуке. Хотя ИРМ не переводила и не издавала этой брошюры, различные производственные профсоюзы и их отделения продали значительное количество ее экземпляров.

Чтение свидетельских показаний продолжалось день за днем в утомительной, изнуряющей жаре чикагского лета. Присяжные с трудом преодолевали сон. Подсудимые спали часами — некоторые из нас ложились под скамейки. Судья Лэндис время от времени вставал и прохаживался по залу суда. Иногда, забывая о судебном этикете, он даже снимал пиджак и жилет. Я помню, как он однажды сбросил с узких плеч подтяжки и расстегнул верхние пуговицы на брюках. Неделя за неделей тянулось монотонное, как панихида, чтение показаний. Оживление внесли лишь песни ИРМ, с подъемом прочитанные представителем обвинения. Это были сатирические песни, полные юмора, ненависти к предпринимателям и презрения к штрейкбрехерам. Одна песня, написанная отважным Джо Хиллом на мотив «Та-ра-ра-бум-бия», содержала нравоучение и повествовала о фермерах, согласившихся на дополнительную плату рабочим во время уборки урожая, а затем, как это иногда бывает, отступившихся от своего обещания.

Я работал однажды на молотьбе пшеницы
по шестнадцать часов в день, не покладая рук,
А если в небе ярко светила луна, нас заставляли
работать всю ночь.
Грустно рассказывать, но однажды в лунную ночь
я случайно упал.
Мои вилы застряли в зубьях молотилки...

Портер читал песню прочувственным тоном, в полной уверенности, что ему удалось убедить присяжных в том, что мы способны на любое преступление. В песне говорилось, как «Джон-фермер» приказал рабочим смазать у повозки оси, а рабочий «совершенно забыл завинтить гайки», и, когда фермер ехал на рынок продавать яйца, слетело колесо.

Та-ра-ра-бум-бия.
Вот какой раздался шум.
Ну и смешной был вид у дурака,
Бесившегося от злости,

Вся борода и весь он
Сплошь были в яичнице.

Голос Портера звучал теперь далеко не торжественно. Сто двенадцать обвиняемых громко хохотали. Им вторила публика. К общему веселью присоединилась даже часть присяжных. Судья застучал молотком, призывая к порядку, что вызвало новый взрыв смеха.

Многие из «Джонов-фермеров» были вызваны в суд для дачи показаний о саботаже во время уборки урожая. Их показания не всегда были в пользу обвинения. Об этом свидетельствуют ответы некоего Маккея из округа Уитмэн (штат Вашингтон), данные им во время перекрестного допроса.

Вопрос. Сколько часов у вас работали?

Ответ. Работали нормально, как это у нас принято в округе.

Вопрос. Что это значит? Сколько часов?

Свидетель *(обращается к Лэндису)*. Я обязан отвечать на этот вопрос, судья?

Адвокат Портер. Вопрос задан правильно. Отвечайте.

Вандервир. Вам стыдно ответить? Сколько часов в день у вас работали?

Ответ. Начинали в четыре утра.

Вопрос. А когда кончали?

Ответ. В восемь часов вечера.

Вопрос. Шестнадцать часов? Вы считаете это нормальным?

Ответ. Видите ли...

Вопрос. Я не хочу вступать с вами в пререкания. Вы считаете это нормальным?

Ответ. Да, сэр! Так принято у нас в округе.

Вопрос. А если было бы принято заставлять работать по двадцать или двадцать два часа в день, и вы бы так же поступали?

Ответ. Да, я заставлял бы работать так, как это принято.

Того же свидетеля спросили, сколько градусов жары показывал термометр во время уборки. Он ответил: «Я не знаю, ртуть поднималась в термометре так высоко, что трудно было определить».

Вопрос. И именно на таком солнцепеке ваши рабочие там работали?

Ответ. Они не могут убрать прочь солнце...

Вопрос. Но вы убираете пшеницу на этом солнцепеке, не правда ли?

Ответ. Да.

Маккей признал, что он отвечал на жалобы рабочих ругательствами, а то и увольнениями.

Некий Коул, облеченный правами шерифа, тоже из штата Вашингтон, показал, что десятки молотилок были сожжены. Его показания опровергались официальными правительственными сообщениями, указывавшими, что пожары были вызваны поражением пшеницы головней Пораженная головней пшеница загоралась, когда в нее попадали искры из машины.

После фермеров и чиновников начался допрос ряда свидетелей, прибывших с медных рудников Аризоны. У них был более зловещий вид, и все они оказались бандитами. Один из них нагло признал этот факт. Вандервир спросил: «Вы человек, которого принято называть бандитом?» Он ответил: «Да». Другой — Е. Т. Ашер — отрицал подобное обвинение. Тогда Вандервир указал на кобуру револьвера, висевшую у него на боку.

Ашеру задали вопрос о вечеринке, на которую был совершен налет. Он ответил: «Вечеринка была прервана случайно. Мы лишь хотели помешать сбору средств для организации защиты арестованных, который производили эти люди».

Вопрос. Подписку для организации защиты?

Ответ. Да, они собирали средства в фонд защиты. Мы им помешали.

Вопрос. Они нарушали закон?

Ответ. Насколько я понимаю, да.

Вопрос. Является ли сбор средств для защиты людей, заключенных в тюрьму, нарушением общественного спокойствия?

Ответ. Дело в том, что некоторые из заключенных — враги правительства, и собирать средства для их защиты или поддержки — значит помогать врагам Соединенных Штатов.

Другой вооруженный тупица, Г. К. Петерсон из Майами (Аризона), признал, что работал охранником, но отрицал свою принадлежность к группе бандитов. Вандервир спросил: «Для какой цели вы носили винтовку?» Он заколебался и ответил: «Чтобы стрелять черных дроздов».

В штате Аризона охота на дроздов запрещена законом, поэтому его спросили: «Вы об этом кому-нибудь сообщили?» «Нет,— ответил он.— Я ни одного не убил».

В Чикаго находилось множество подобных субъектов, ждавших вызова в суд для дачи свидетельских показаний, но не все они фигурировали на процессе. Им внезапно велели исчезнуть, опасаясь, что в противном случае перед общественностью предстанет во всей своей наготе созданная и поддерживаемая американской промышленной машиной злодейская система, пользовавшаяся услугами невежественных и кровожадных гангстеров, головорезов, шпионов и профессиональных штрейкбрехеров. Это были свидетели, которые не смогли бы выдержать самого элементарного испытания умственных способностей. На их показания опиралось правительство, создавая дело.

Но прокурор все же не успокоился, пока не допросил последнего — самого главного свидетеля, представившего сломанные строгальные ножи деревообделочной машины. Налицо веское доказательство саботажа, заговора, стремящегося помешать военному производству! Свидетелем был Фран Миллард — управляющий крупной лесной компании в штате Вашингтон. Пока он вертел перед глазами присяжных ножи, ему был задан вопрос, видел ли он когда-нибудь на еловом бревне свиль, образуемый сучком, или нарост. Он ответил: «Да, и даже большие».— «Видел ли он, чтобы они когда-нибудь ломали строгальные ножи».— «Да».— «Часто?» — «Довольно часто».

Миллард сильно помог защите. Его дальнейшие показания оказались даже еще полезнее. Вандервир спросил его о рабочем, которого заперли в вагоне и держали там четыре часа после того, как он оставил работу в лесной фирме. «Вы там были?» — спросил Вандервир. «Я видел, как это произошло»,— ответил Миллард.

Вопрос. А затем вы вместе с несколькими солдатами вымазали его дегтем и вываляли в перьях, не так ли?

Ответ. Я видел, как это проделали.

Вопрос. Имели ли вы к этому какое-нибудь отношение?

Ответ. Я пальцем не тронул этого человека и не мазал его дегтем.

Вопрос. Вы чем-нибудь поощряли тех, кто это делал?

Ответ. Я ничего особенного не предпринял.

Вопрос. А вы что-нибудь сказали, чтобы их остановить?

Ответ. Нет.

Вопрос. Что?

Ответ. Я ничего не сказал, чтобы их остановить.

Вопрос. Вы ничего не сказали, чтобы их остановить, хотя некоторые из них были вашими служащими?

Ответ. Они все были моими служащими.

Вопрос. За исключением солдат?

Ответ. Солдаты тоже находились у меня на службе.

Вопрос. И вы не приказали им остановиться?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Вы думали, что человек этот — член ИРМ, но последнее оказалось неверно, не так ли?

Ответ. Откуда это вам известно?

Вопрос. Ну, а вам не было известно?

Ответ. Я думаю, что он, вероятно, был членом ИРМ.

Вопрос. Не по этой ли причине вы вымазали его дегтем и вываляли в перьях?

Небекер. С разрешения суда я возражаю против этого вопроса.

Судья Лэндис. Возражение принято.

На допрос подобного рода свидетелей ушло более двух месяцев. 10 июня Вандервир внес предложение прекратить дело за недоказанностью обвинения в заговоре. Его предложение было отвергнуто. Тогда он сделал аналогичное представление относительно нескольких подсудимых, виновность которых не была доказана по той статье закона, по которой против них было возбуждено преследование. Вандервир спросил: «Что сделал Бен Флетчер кроме того, что женился и подал заявление о выдаче полагающейся ему заработной платы?.. Какое преступление мог в прошлом году совершить Чарлз Эшлей? Оно не доказано ни одним словом свидетельских показаний, и ваша честь так же мало об этом знает, как ангел Гавриил».— «Отклонить,— изрек судья Лэндис и прибавил: — эти действия, сами по себе не преступные... указывают на состояние умов и поэтому могут рассматриваться присяжными как улики». Вандервир с подчеркнутой едкостью заявил: «Если эта теория войдет в силу, никто не сможет считать себя в безопасности. Я первый скроюсь в лесах».

25 июня началось выступление защиты. Долгие недели скуки кончились и для подсудимых и для журналистов,

съехавшихся из всех районов США и из многих зарубежных стран. Галереи для публики были ежедневно переполнены. Вандервир начал свою речь к присяжным следующими словами: «Это процесс необычный. Считается, что по этому делу обвиняются У. Д. Хейвуд и многие другие лица, о которых вы раньше никогда не слышали. Они обвиняются в «заговоре». Обвинение утверждает, что подсудимые были участниками заговора, ставившего целью нарушение определенных законов Соединенных Штатов, и за это приписываемое им преступление они должны быть приговорены к заключению в тюрьму. Фактически же цель обвинения состоит в том, чтобы уничтожить организацию, с которой связаны эти люди, и разрушить идеал, за который борется их организация.

Вам говорят, что этот процесс имеет очень большое значение для страны. Но он затрагивает нечто большее, чем страну,— он затрагивает социальный строй. В обвинительном акте имеются статьи, перечисляющие многочисленные «нарушения» закона, якобы совершенные обвиняемыми в целях расширения «заговора». Одним из таких «нарушений» является распространение введения к уставу ИРМ. Другим — редакционная статья под заголовком «Мы недовольны» в газете «Солидэрити». В этой статье ясно говорится: «Нынешняя промышленная система никуда не годится, и мы намерены ее уничтожить». Подсудимые обязаны это вам разъяснить».

Вандервир указал, что на первой полосе каждого номера «Солидэрити» стоит девиз «Образование — Организация — Эмансипация», и спросил: «Что же означают эти слова? Например, что они означают в связи с утверждением, что два класса, существующие в нашем обществе — класс трудящихся и класс предпринимателей,— не имеют между собой ничего общего?

Защита намеревалась,— продолжал Вандервир,— использовать доклад учрежденной президентом Вильсоном комиссии по вопросу о взаимоотношениях в промышленности, чтобы рассмотреть взаимоотношения между рабочими и предпринимателями в ведущих отраслях промышленности, но судья Лэндис это запретил». Затем Вандервир сказал:

«Как вы, вероятно, помните, огромное большинство рабочих в основных отраслях промышленности, из числа которых организация вербует своих членов, не в состоянии

обеспечить существование самих себя и своих семей. Обязанностью подсудимых было разъяснить эти факты рабочим, чтобы они, поняв свое положение и его причины, могли предпринять более разумные и правильные шаги, найти и применить средства для исправления положения.

Печально, что при существующей у нас системе семьдесят девять процентов рабочих фактически не в состоянии прокормить свои семьи и дать возможность детям получить в наши дни необходимое образование. Никто не может исправить это зло, которое было совершено в прошлом. Мы только можем позаботиться о будущем и, если возможно, не допустить дальнейшего развития и расширения системы, вызывающей подобные явления».

Затем Вандервир показал, как в США выросли огромные, тесно связанные между собой корпорации, захватившие все главные отрасли промышленности. Он сказал: «Мы создали у себя огромное промышленное производство. Иногда, задумываясь о нем и о цифрах, в которых оно выражается, нас охватывает ужас. Мы недоумеваем, что же будет дальше. Чем крупнее предприятие, тем больше оно пожирает. В него приходится вкладывать по меньшей мере шесть, а то и десять или двадцать пять процентов годовых доходов, иначе оно придет в упадок».

Вандервир говорил об огромных финансовых корпорациях, контролирующих эти гигантские монополии:

«Самый большой трест, стоящий над ними всеми,— это так называемый денежный трест, состоящий из нескольких объединений предпринимателей; одно из них известно под названием группы Моргана, которая располагает 22 245 миллионами долларов; второе — группа Бэйкера, или группа первого Национального банка,— располагает 11 миллиардами долларов; и третье — группа Стилмэна, или группа Национального городского банка,— располагает 11 миллиардами долларов.

Это гигантское объединение владеет богатством, равным стоимости всего недвижимого имущества штатов, расположенных западнее Миссисипи, на север и на юг. Эта колоссальная монополия уничтожает инициативу, кладет под сукно изобретения, душит деловой кредит. И вам и мне известно — а этим ребятам тем более,— что эта сила подрывает все без исключения источники информации. Правду можно узнать только случайно. Доказательства этого вы получите из уст подсудимых...

Наконец, вы создали таким образом — и это, пожалуй, важнее всего — нечто такое, что стало сильнее, чем ваше правительство; нечто такое, что само превратилось в правительство, непогрешимое правительство вашей страны, которое ежедневно определяет, что́ вы будете есть, сколько получите за свою работу, чему должны учиться и как должны питаться ваши дети, форму медицинского обслуживания младенцев; кроме того, эта сила совершенно уничтожила деловую этику, деловую мораль.

Несколько лет тому назад, когда рассматривался проект закона, запрещающего фальсификацию продуктов питания, доктор Уили сказал: «Если вы заставите нас назвать вещи своими именами, это приведет к банкротству всю пищевую промышленность страны».

Как все это отражается на будущем рабочих и на жизни грядущих поколений? Как это влияет на проституцию? Мы покажем вам, какое будущее сулит девушке существующая система. В рабочих семьях детская смертность в четыре раза выше, чем в семьях промышленников, торговцев и лиц свободных профессий. И ради чего все это совершается?

Ради того, чтобы горстка людей стала богаче Креза; ради того, чтобы они владели таким количеством автомобилей, что у них не хватает времени даже сосчитать их, чтобы они окружали своих собак такой роскошью, о которой не могут мечтать ни мои, ни ваши дети, чтобы они могли давать обезьяньи обеды и праздновать собачьи свадьбы».

С язвительным презрением Вандервир продолжал: «Мы раздробили тресты на мелкие части. К чему это привело? Зачем мы это сделали? Я уже говорил, что мы создали нечто большее, чем мы сами, но это нечто кажется мне похожим на пирамиду, перевернутую вверх основанием. Она опирается главным образом на спину трудящихся, служит источником дивидендов, и именно против этого ведет свою борьбу ИРМ...»

Вандервир рассказал о конфликтах между рабочими и предпринимателями, приведших к созданию ИРМ. Рассказал о своих собственных усилиях, о том, как год тому назад в разговоре с губернатором штата Вашингтон Листером он пытался убедить предпринимателей, чтобы они согласились на введение девятичасового рабочего дня в лесной промышленности. Он опроверг обвинение в том, что

стачка рабочих лесной промышленности была результатом заговора, ставившего целью нарушить работу лесной промышленности. Вандервир разоблачил Уейерхаузера и других лесных магнатов. Совсем не патриотизм их волновал и даже не лес для самолетов, а исключительно прибыли, которые они стремились извлечь из высоких цен, низкой заработной платы и изнурительно долгого рабочего дня. Вандервир нарисовал картину убийств на медных рудниках в Бьютте (штат Монтана) и в Бисби (штат Аризона); рассказал о том, как наемные бандиты фирмы «Анаконда коппер» убили организатора ИРМ Фрэнка Литтла, о выселении 1186 горняков в пустыню в штате Аризона. Вот один из рассказанных эпизодов бурных событий, разыгравшихся в Бьютте.

«Много лет существовали условия, волновавшие горняцкий поселок. Дирекция медных рудников в Бьютте ввела так называемую систему «карточек для проверки» — систему, о которой вы никогда не слышали и в существование которой, может быть, с трудом поверите. Человек может быть самым квалифицированным горняком в мире, но он не получит работу в Бьютте, если состоит в профсоюзе. Он должен обратиться в центральное бюро и пройти опрос; затем ему предлагают наведаться после того, как дирекция проверит его биографию. Если окажется, что он всегда был бессловесным рабом, ему выдают белую карточку, дающую право не на работу, а на то, чтобы ее искать.

Вот какое там положение, а когда рабочие забастовали, против них выставили пулеметы. Хозяева терроризировали, избивали и принуждали рабочих к непосильному труду и дошли до таких форм угнетения, которые человек не может терпеть, не потеряв человеческого облика.

Затем наступил самый драматический момент обвинения, выдвинутого нами против правителей Америки. За десять месяцев до суда в Бьютте произошла тяжелая трагедия. По вине самой крупной в мире фирмы по добыче меди «Анаконда коппер» 18 июня 1917 года во время пожара на шахте «Спекулейтор» в огне погибли сто семьдесят пять горняков. Когда Вандервир рассказывал об их судьбе, казалось, будто принявшие мученическую смерть люди стоят в напряженно притихшем зале суда и привлекают к ответу чудовищную корпорацию, поглотившую сначала их здоровье, силу, а затем и жизнь. Вандервир ска-

зал: «Если вы никогда не видели пожара в шахте и не знаете, что это такое, я не могу его вам описать. Никто не в состоянии нарисовать вам картину подобного пожара. Она превосходит воображение. Люди пошли к шахте и натолкнулись на запертые ворота. Вход был запрещен. Жены и дети не могли войти, чтобы посмотреть, живы ли их мужья и отцы или погибли в огне.

Женщины шли к шахте с плачем и криками, и в сердце у них был ужас, знакомый всем горняцким женам из прежнего опыта. Наконец, тела погибших были подняты наверх. Вместе с ними были подняты на поверхность нашедшие их люди, которые и рассказали, как произошло несчастье.

Затем несчастные жены и дети пошли в морг и увидели сто семьдесят пять трупов. Шестьдесят восемь совершенно обуглились, почернели и их невозможно было опознать; родственникам сказали, что во избежание распространения пожара под землей компания построила глухие бетонные перегородки. Когда начался пожар, рабочие устремились к подземным выходам в другие шахты, но натолкнулись на перегородки. Там и были обнаружены трупы, нагроможденные в одну обуглившуюся кучу,— жертвы алчной погони за золотом. Вам говорят, что инициатором забастовки была ИРМ. Но уверяю вас, что именно эта трагедия привела людей в бешенство...»

Все это произошло в неофициальной столице штата Монтана Бьютте — городе, которым правила армия наемных бандитов, состоящих на постоянной службе у владельцев медных рудников. Против компании даже не было возбуждено никакого обвинения.

Один из подсудимых, Джон Фосс, позже дополнил рассказ Вандервира следующим описанием морга в Бьютте после катастрофы.

«Снаружи стояла толпа, среди которой были горняки, женщины, дети. Многие плакали, когда я входил в здание морга. Там лежало около пятидесяти трупов погибших горняков. Среди погибших, пожалуй, не было ни одного человека старше тридцати пяти лет. Я шел мимо них и смотрел... Пальцы рук у трех трупов были ободраны до второго сустава, торчали оголившиеся кости. Мне сказали, что трупы были найдены в шахте у перегородок, около которых эти попавшие в западню люди боролись за свою

жизнь, пытаясь вырваться. Они царапали руками бетонное перекрытие, пока не ободрали с пальцев мясо до второго сустава. Осмотрев морг, я вышел и разрыдался».

Один из немногих горняков, спасшихся от огня,— ирландец Шеа — подтвердил это в своих показаниях. Он сказал, что «в Бьютте больше вдов, чем в каком бы то ни было городе Соединенных Штатов».

«Вы поэтому решили остаться холостяком?» — спросил Вандервир. Шеа ответил: «В Бьютте я ни в коем случае не дожил бы до старости».— «Что бы вам помешало?» — спросил Вандервир.— «Заболел бы обычной для горняков чахоткой... в шахте жара и медная пыль...»

Другие свидетели показали, что посредством подкупа корпорации полностью захватили в свои руки все источники информации в городе. Свидетель обвинения А. У. Валлизер, работавший в газете «Бьютт ивнинг пост», сказал на перекрестном допросе следующее:

Вопрос. Какова позиция вашей газеты по вопросу о положении рабочих в Бьютте? Поддерживала ли ваша газета бастующих во время недавней стачки?

Ответ. Нет, сэр, разумеется, нет.

Вопрос. Сообщали ли вы на страницах своей газеты, что в шахте «Спекулейтор» были сооружены глухие бетонные перегородки, вследствие чего горняки попали в западню и погибли?

Ответ. Нет, сэр.

Вопрос. Вы не сообщали?

Ответ. Нет, не сообщал.

Вопрос. Допускали ли вы когда-нибудь искажения в том, что вы писали, для того чтобы приспособиться к политике вашей газеты, как вы ее понимали?

Ответ. Возможно. Кое-что я искажал, кое-что смягчал. Это я неоднократно делал.

После запрещения Лэндисом вопроса относительно продажи трупов погибших их семьям по $12^1/_2$ долларов за каждый Вандервир спросил Валлизера:

— Выступали ли вы против устройства в шахте перегородок?

— Нет, сэр.

— Выступала ли против этого ваша газета?

— Насколько мне известно, нет.

— Пытались ли вы установить, на кого падает ответственность за гибель горняков?

— Это не мое дело.

— Посещали ли вы когда-нибудь контору фирмы «Анаконда майнинг компани» на шестом этаже Хеннеси Билдинг?

— Да, сэр.

— Видели ли вы когда-нибудь там винтовки?

— Я видел винтовки в зале профсоюза горняков и в Финлендер Холл.

— Отвечайте на мой вопрос. Видели ли вы винтовки на шестом этаже Хеннеси Билдинг?

— Да, сэр. Я видел их везде в Бьютте.

Валлизеру были заданы вопросы, касавшиеся гибели организатора ИРМ Фрэнка Литтла, повешенного после произнесенной им речи во время вспыхнувшей после пожара забастовки. Если бы Валлизеру были сообщены имена пяти человек, нанявших автомобиль и похитивших Фрэнка Литтла, опубликовал бы он их или нет? «Нет, сэр», — ответил Валлизер.

Допрос свидетелей, подсудимых и защиты начался на восемьдесят шестой день слушания дела. Мы стремились главным образом разбить обвинение в заговоре. Это обвинение — правительства любят прибегать к нему по отношению к организациям рабочего класса, успешно борющихся против существующей социальной системы, — всегда трудно опровергнуть в силу его характера. Оно опирается не на доказанные факты, а на предполагаемые цели и принципы обвиняемых. Пользуясь цитатами из трудов, излагающих социалистическое учение, из настоящих и фальшивых документов, из заявлений, сделанных во время забастовок и общественных кампаний, обвинение стремится уничтожить привлеченную к суду организацию. По тем же причинам защита должна стремиться поддержать и правильно разъяснить принципы, проповедуемые подсудимыми.

Все подсудимые, принадлежавшие к ИРМ, непоколебимо стояли на позиции, что «рабочий класс не имеет ничего общего с классом предпринимателей», что не может быть мира, пока миллионы людей терпят голод и нужду, а всеми благами жизни пользуется горстка капиталистов. Показания подсудимых охватывали более чем тринадцатилетний период существования организации, рисовали незабываемые картины ожесточенных боев на его протяжении и рассказывали суду об ужасающей эксплуатации

и невыносимых условиях труда в горной промышленности, на морском транспорте, в сельском хозяйстве, в лесной и во многих других отраслях промышленности. Многим подсудимым удалось доказать порочность существующей социальной системы, разоблачить роль, которую играют шпики и наемные бандиты, пригвоздить к позорному столбу этику частного предпринимательства и показать, что мировая война — это схватка между двумя группами крупных хищников.

Первым из нас защитительную речь произнес главный организатор ИРМ Джеймс Томпсон. Он привел слова верховного судьи Брэндиса, объявившего, что весь правительственный аппарат Соединенных Штатов находится в руках предпринимателей и что для богатых один закон, для бедных — другой.

Обвинение попыталось отыграться, задав Джеймсу вопрос, каковы его взгляды на «свободную любовь». Вандервир дал достойный отпор этой атаке. Он спросил, считает ли ИРМ, что молодых девушек следует выдавать замуж за развращенных представителей европейской знати. «Безусловно, нет». Полагает ли ИРМ разумным соединять браком состояние Асторов с состоянием Вандербилтов? «С финансовой точки зрения для капиталистов это хороший союз, — ответил Томпсон, — но мы не согласны с тем, что браки должны основываться на экономических соображениях. Мы верим в счастливые браки, в нормальную, естественную жизнь».

Многие допрошенные ранее свидетели пытались доказать, что ИРМ была инициатором необоснованных забастовок. Хорошо ответил на это Фрэнсис Миллер, рассказавший о стачке 25 000 текстильщиков в январе 1912 года в Лоуренсе. Потогонная система в текстильной промышленности привела к повышению производительности труда рабочего за двадцать пять лет на 400 процентов и увеличила в этом районе заболеваемость туберкулезом среди женщин и детей вдвое и втрое против прежнего среднего уровня. Зимой 1912 года предприниматели объявили о снижении заработной платы. Рабочие, действовавшие под руководством небольшого местного отделения ИРМ, объявили забастовку и прекратили работу на всех без исключения фабриках. Приведя официальные цифры, опубликованные правительством, Фрэнсис Миллер показал, как необходима и правомерна была эта забастовка.

После Миллера свидетельское место занял Винсент Сент-Джон, с которым я впервые познакомился в его превращенном в крепость кабинете в Чикаго. Он был генеральным секретарем ИРМ в период с 1908 по 1914 год. В течение трех лет, предшествовавших аресту, он занимался добычей руды на приобретенном им небольшом земельном участке. Таким образом, обвинение против него было возбуждено, во всяком случае, не за действия, направленные против войны. Он был включен в число обвиняемых потому, что был известен в стране как бесстрашный борец за дело рабочих.

Сент-Джона много раз избивали наемные бандиты. Одна рука у него была искалечена выстрелом из револьвера. Подобно Биллу Хейвуду, он примкнул к ИРМ вместе с Западной федерацией горняков, в которой оба они работали на выборных должностях. Они вместе руководили многочисленными забастовками. Во время забастовки горняков в Голдфилде (штат Невада), в результате которой горняки добились восьмичасового рабочего дня, Сент-Джон был арестован, но горняки напали на тюрьму и освободили его.

Обвинение широко пользовалось цитатами из переписки и брошюр, относящихся ко времени пребывания Сент-Джона на посту генерального секретаря ИРМ, особенно из написанной им брошюры «История, структура и методы ИРМ». Там имелась фраза о том, что «вопрос о «справедливости» и «несправедливости» нас не интересует». Говорилось также, что любая тактика, приводящая к осуществлению цели при наименьшей затрате времени и энергии, оправдана. Вандервир задал Сент-Джону вопрос, почему он взял слова — справедливость и несправедливость — в кавычки. Подробно ответив на этот вопрос, Сент-Джон сказал:

«Они (класс предпринимателей) считают стачку справедливой только тогда, когда нет никаких шансов ее выиграть; когда им выгодно, чтобы рабочие бастовали; когда им нужно уничтожить самые зачатки рабочей организации. Тогда забастовка «справедлива».

Во время забастовки в Лоуренсе вопрос шел не только о повышении заработной платы, не только о жизни и смерти участников забастовки и их детей, но и о судьбе будущих поколений рабочих. Детская смертность в семьях текстильщиков достигает четырехсот из тысячи детей

в возрасте до одного года. Рабочие Лоуренса прекратили работу, борясь не только за свои непосредственные требования, — они бастовали ради спасения жизни четырехсот еще не родившихся детей. Они бастовали ради сохранения человеческого рода в этой части страны... Право этих мужчин, женщин и детей, право этих, еще не родившихся младенцев неизмеримо выше любых прав, которыми могут обладать другие группы или представители других интересов в этом вопросе».

Небекер пытался добиться от Сент-Джона признания, что он был сторонником открытой борьбы и революции с целью свержения правительства. Это Небекеру, конечно, не удалось; тогда он спросил Сент-Джона, что тот подразумевал под словами «любая тактика оправдана». «Я сказал, — возразил Сент-Джон, — любая тактика, приводящая к осуществлению цели».

Всегда невозмутимый шотландец Чарлз Ламберт отбросил всякую вежливость, как только занял свидетельское место. Обвинители, раздраженные сильными пропагандистскими речами подсудимых, заявили Чарли, что на все вопросы он должен отвечать только «да» или «нет». Небекер спросил: «Считаете ли вы, что правосудие в нашей стране является правосудием капиталистическим?» Чарли ответил: «Да».

Вопрос. Могут ли рабочие добиться справедливости в суде?

Ответ. Нет.

Вопрос. Данное вами наименование «капиталистические суды» относится ко всем судам страны?

Ответ. Да!

«Следовательно, — спросил Небекер, — по-вашему, это тоже капиталистический суд?»

Чарли ответил: «Да». Тогда Небекер закричал: «Вы не верите, что этот суд может вынести справедливое решение?» Последовал выразительный, хотя, может быть, неразумный ответ: «Я не могу рассчитывать на справедливость от таких... как вы!» Чарли потом получил за этот ответ суровый выговор от адвокатов, которым была поручена защита. На скамье подсудимых мнения о разумности приятной, хотя и нецензурной реплики Чарли разделились.

Генеральный секретарь ИРМ Билл Хейвуд давал показания в конце процесса. Когда стало известно, что

БИЛЛ ХЕЙВУД

«главный конспиратор» будет давать свидетельские показания 9 августа, в суд явились многие видные деятели рабочего движения. Среди них находились «матушка» Джонс и ветеран социалистического и рабочего движения и основатель ИРМ Юджин Дебс. Места для представителей печати занимались с боя.

Обширные галереи для публики были переполнены. И друзья и враги пришли послушать показания одного из самых выдающихся деятелей американского рабочего движения.

Дебс и «матушка» Джонс были почетными гостями. Их усадили за столом защитников близко к переднему ряду подсудимых. «Матушка» Джонс, ей было тогда далеко за восемьдесят, сидела почти вплотную ко мне. Я спросил ее, как она себя чувствует. Ее голос, ставший с возрастом резким и хриплым от долголетних выступлений на собраниях, прозвучал в зале так громко, словно она намеренно хотела нарушить величественную тишину в зале суда: «Очень хорошо! Спасибо! Превосходно!»

Я встречался с «матушкой» Джонс еще осенью 1913 года в Виктории, где она выступала от имени горняков острова Ванкувер. Я организовал тогда для нее прием. Нагнувшись вперед, я шепотом спросил ее: «Вы меня помните?» Она ответила: «Да». Учитывая ее возраст и то обстоятельство, что многим видным деятелям трудно запомнить всех людей, с которыми они кратковременно встречались, я с сомнением спросил: «Где вы меня видели?» И услышал в ответ: «В Виктории, в Британской Колумбии».

В течение четырех знойных дней Большой Билл рассказывал, отвечая на вопросы Вандервира, захватывающую повесть своей жизни, посвященной служению рабочему классу. Он родился в 1869 году в Солт-Лейк-сити (штат Юта) и начал работать в шахте с девяти лет. Он работал в шахте до тридцати одного года, пока не перешел на руководящую работу в Западной федерации горняков. На его теле было немало рубцов от избиений, которым он подвергался. Хейвуд рассказал, как его похищали, бросали в тюрьму, как его судили по сфабрикованному обвинению в убийстве бывшего губернатора штата Айдахо. Впоследствии, после того как Большой Билл просидел полтора года в тюрьме, оказалось, что это преступление со-

вершил профсоюзный шпик, сам сознавшийся в своей вине.

Хейвуд спокойно излагал историю борьбы горняков в Скалистых горах, в штатах Колорадо, Айдахо и Монтана, рассказывал, как он руководил борьбой текстильщиков в Лоуренсе и Паттерсоне, о своих посещениях Европы и о поездке по Англии с циклом лекций. Несмотря на возражения Небекера, защита представила суду фотографию, на которой был изображен Хейвуд во время выступления на огромном митинге в Лондоне в Тауэр-Хилле.

Вандервир просил Хейвуда рассказать о забастовке горняков в Кер д'Ален (штат Айдахо) в апреле 1899 года. Шахтовладельцы вызвали наемных бандитов и регулярные войска. Около тысячи горняков были арестованы и помещены в лагерь. Их должен был судить военный суд. Они находились в длинном низком здании с земляным полом, в котором рядами стояли койки. Горняков продержали в таких условиях около семи месяцев. Билл сказал суду: «Заключение в условиях страшной тесноты сильно подорвало здоровье горняков, а положение, в котором очутились их жены и дети, не поддается описанию. Белые офицеры, под командой которых находились солдаты-негры, послали белым женщинам приказ развлекать солдат-негров... Женщин, приносивших мужьям пищу, насиловали на глазах у их мужей. Пока одни солдаты насиловали жен, другие держали мужей.

Газеты, в том числе и газета, издававшаяся Западной федерацией горняков, были запрещены, а их редакторы брошены в тюрьму. Такова была участь всех, кого подозревали в сочувствии федерации. Сотни горняков были изгнаны из округа».

Вопрос. Вы хотите сказать, высланы?

Ответ. Это делалось не так, как в штате Колорадо. Горняков запугивали и вынуждали бежать. Во всем округе было объявлено военное положение.

Вопрос. Имелись ли убитые?

Ответ. Один человек был убит во время взрыва фабрики и только один, позже,— солдатами.

Вопрос. Каков был исход забастовки?

Ответ. Она тянулась до полного истощения сил бастующих. Однако в результате забастовки заработная плата не была снижена. Но именно здесь впервые была введена система «проверки».

Затем Хейвуд остановился на знаменитой стачке в Крипл-Крик (штат Колорадо). Борьба шла за восьмичасовой рабочий день. Низшая инстанция верховного суда штата объявила эту забастовку противоречащей конституции. Незаконные действия суда, пренебрегшего по указке шахтовладельцев существующим законом, еще более укрепили рабочих в том мнении, что политические победы обманчивы и полагаться следует только на «прямые действия». Стачка следовала за стачкой. Между войсками и вооруженными горняками началась открытая война, сопровождавшаяся тяжелыми потерями с обеих сторон. Это был один из наиболее острых периодов в истории американского рабочего движения.

В связи с описанными Хейвудом событиями защита попыталась подчеркнуть причины, заставлявшие Хейвуда и ИРМ избегать в борьбе «политики». Излагая историю длительной борьбы за восьмичасовой рабочий день, Билл напомнил, что под нажимом общественного мнения республиканская и демократическая партии были вынуждены высказаться за внесение в конституцию штата Колорадо поправки, «узаконивающей» восьмичасовой рабочий день. Проведенный среди населения референдум огромным большинством голосов поддержал поправку, но, несмотря на это, она была отвергнута законодательным собранием штата.

Вопрос. Добились ли вы в конце концов введения восьмичасового рабочего дня?

Ответ. Добились только тогда, когда забастовали.

Вопрос. Сколько времени понадобилось профсоюзам, чтобы добиться принятия закона о восьмичасовом рабочем дне?

Ответ. Много лет — восемь или девять.

Вопрос. Долго ли боролись рабочие посредством прямых действий на промышленных предприятиях?

Ответ. Очень недолго — когда компании поняли, что рабочие взялись за дело всерьез.

В ходе дальнейшего допроса защита представила вещественное доказательство, числившееся за номером 428. Это был плакат—флаг США. На каждой полосе флага был напечатан лозунг, например: «Военное положение в штате Колорадо», «В штате Колорадо отменена свобода слова», «Неприкосновенность личности больше не существует в

штате Колорадо» и т. п. Этот плакат, автором которого был Хейвуд, разоблачал незаконные действия властей штата Колорадо и Союза граждан этого штата. Хейвуд напомнил суду слова генерал-адъютанта Белла: «К черту неприкосновенность личности, обеспечьте им вместо этого вскрытие после смерти». Большой Билл рассказал также о том, как были разгромлены кооперативные магазины, принадлежавшие федерации горняков, как он был избит солдатами, как в Теллурайде был арестован финн Генри Мэкки за отказ чистить выгребную яму. Его в наручниках приковали цепями к телеграфному столбу и оставили во время пурги в снегу. Хейвуд рассказал, как его арестовали вместе с другим профсоюзным работником и предъявили обвинение в «оскорблении флага».

Вандервир спросил Хейвуда, помнит ли он о страшной безработице, свирепствовавшей в 1893 и 1894 годах,— не наблюдал ли он со стороны предпринимателей «проявления какой-либо заботы о рабочих»? Хейвуд ответил: «В те времена предприниматели предлагали травить безработных мышьяком». (Он имел в виду редакционную статью, напечатанную в одном из ведущих чикагских журналов. В ней говорилось: «Дайте им хлеба, положите в него стрихнин».) «Никто не делал никаких попыток дать безработным работу или как-нибудь их поддержать. Так предприниматели относились не только к иммигрантам, приехавшим из-за границы, но и к американским гражданам — уроженцам США, оказавшимся безработными».

И те же люди, продолжал Билл, устраивали собачьи свадьбы и обезьяньи обеды. Об упомянутой Биллом свадьбе пуделей сообщалось в газетах незадолго до начала процесса. На ней присутствовало светское общество, в том числе семьи Пенроуз и Макнейл, которым принадлежали акции компании «Юта консолидейтед коппер». Я как сейчас слышу гневные и презрительные слова Хейвуда:

«Дочери Фрэнка Гарви, г-жи Пенроуз и г-жи Макнейл присутствовали у этих пуделей на свадьбе и соблюдали все правила поведения, принятые в светском обществе. Мы думаем, что эти люди должны так же трудиться, как трудится рабочий класс... Мы хотим лишить их возможности отбирать у нас то, что нам принадлежит. Такова наша идея».

Несомненно, такова была идея. И подсудимые подверглись судебному преследованию именно за то, что они

защищали рабочих против алчности американских предпринимателей. Другим нашим преступлением, с точки зрения предпринимателей, были выступления против войны, на которой капиталисты наживали неслыханные прибыли. На суде фигурировали антивоенные плакаты, которые ИРМ расклеивала по всей стране. Они гласили: «Вступить в армию и флот — значит быть готовым умереть». «Зачем быть солдатом? Будь человеком, вступай в ИРМ и борись за себя и за свой класс». «Солдат — это человек с винтовкой, но виноват в войне тот, кто прячется за спиной человека с винтовкой».

Хейвуд, писавший эти лозунги, смело отстаивал свою позицию защиты рабочего класса и правоту движения против войны на протяжении всего процесса. Он ни разу не дрогнул во время жестокого перекрестного допроса, который велся чрезвычайно умело. Защищаясь, он защищал всех нас.

Мне памятна также защитительная речь ветерана рабочего движения самоотверженного Джорджа Спида. Ему было тогда шестьдесят четыре года, он был членом Международного товарищества рабочих и в довоенные годы вел упорную борьбу за свободу слова. Имя Джорджа Спида неоднократно вносилось в черные списки, его высылали, избивали, сажали в тюрьму. Хотя жестокий тюремный режим порой вызывал у Джорджа Спида раздражение, он оставался добродушным и терпимым человеком, всегда готовым помочь молодым членам организации и объяснить им принципы социализма, как он их сам понимал.

Спид нарисовал живую картину того, как судья выносил решения по знаменитым массовым процессам, состоявшимся во время кампании за свободу слова в Спокейне:

— Я сидел в зале суда, когда ввели тридцать или сорок обвиняемых; судья выносил решения мгновенно:

— Вы выступали?

— Нет.

— А намеревались выступить?

— Да.

— Сто дней тюрьмы и сто долларов штрафа.

И тут же судья обращается уже к следующему подсудимому:

— Вы выступали?

— Я читал декларацию независимости.
— Сто дней тюрьмы и сто долларов штрафа.

Людей приговаривали одного за другим, как только они появлялись перед судом.

Защитник просил Джорджа рассказать о своем мировоззрении. Джордж ответил: «Мое мировоззрение определяется просто: вся история человечества — это история страданий и борьбы; в обществе существует два класса, непримиримо враждебных друг другу,— класс предпринимателей и рабочий класс. В интересах предпринимателей покупать рабочую силу как можно дешевле. К этому убеждению я пришел в молодости, когда в 1883 году ко мне в руки попала марксистская листовка. Она изменила всю мою жизнь. Прежде я был довольно беспечен, а после этого старался посвятить все свое время тому, чтобы сделать жизнь моих товарищей-рабочих и мою лучше».

Я подумал, что и я рано пришел к такому же убеждению: помню, что, когда я услышал эти гордые, прекрасные слова, у меня стало теплее и веселее на душе. Когда наступила моя очередь давать показания, защитник задал мне несколько вопросов, рассчитанных на то, чтобы расположить присяжных в мою пользу. Пятеро моих братьев были участниками войны. Двое из них — Роберт и Гарри — были убиты. Фред отравлен газами. Герберт, оправившись после ранения, вернулся на фронт. Гарольд, заболев от лишений, лежал в Париже в госпитале. Я служил на английских, бельгийских и американских кораблях. Все это стало известно на суде. Тогда Небекер задал мне вопрос: «Готовы ли вы поддержать войну?» Я ответил: «Нет!» — «Почему?» — спросил он. По примеру многих подсудимых, которых допрашивали до меня, я сразу обратился к присяжным с речью, в которой пояснил им, какая это была война, как она возникла в результате экономического соперничества и борьбы за захват колоний, экспансионистских стремлений Германии и английского сопротивления этим стремлениям. Я рассказывал присяжным о построенной на Среднем Востоке Багдадской железной дороге, в которой были чрезвычайно заинтересованы германские империалисты, но тут Небекер меня перебил: «Хорошо, достаточно».

Он представил суду циркулярное письмо, посланное мною во все отделения Производственного профсоюза рабочих морского флота в мою бытность генеральным сек-

ретарем на Великих озерах. В письме говорилось: «Все не знающие пути мятежники и бродячие кошки должны направиться на Эри и взяться за построение сильной организации рабочих морского флота». Что это означало? Я объяснил: «Это призыв к членам профсоюза взяться за дело и создать организацию». Небекер пытался истолковать приведенные слова как призыв к саботажникам. Что еще могут означать «бродячие кошки»? Он задавал много вопросов, и я отвечал на них, пока он меня не вывел из терпения и я воскликнул: «Да к черту ваших кошек!» Эта вспышка вызвала взрыв смеха в суде, и перекрестный допрос был прекращен.

К концу разбирательства дела перед судом предстал пробравшийся в ИРМ шпик — Лоуренс Макдоно. Во время перекрестного допроса он сказал Вандервиру, что ему было приказано проникнуть в ИРМ, когда он был полицейским сыщиком, и следить за тем, чтобы эта организация не занималась преступной деятельностью.

Вандервир. Вы были столь активным членом ИРМ, что стали секретарем 85-го местного отделения филиала № 6 в Чикаго?

Шпик. Да, сэр.

Вандервир. В таком случае, может быть, вы объясните, почему, когда в Чикаго была забастовка, вы послали Биллу Хейвуду письмо, в котором вы, как секретарь местного отделения, выражали мнение, что «стачка слишком пассивна, не мешало бы придать ей немного более резкий характер»?

Шпик пытался это отрицать, но Вандервир убил его последним вопросом: «Вы были исключены из ИРМ, не правда ли?» Макдоно ответил: «Да, мне была поручена другая работа».

Затем начались заключительные речи сторон.

Небекер выступил с краткой и общей характеристикой дела. Более подробное изложение вопросов он собирался предоставить своему помощнику Клоду Портеру. Портер выдвинул свою кандидатуру на пост губернатора штата Айова и намеревался произнести большую политическую речь. Он хотел извлечь выгоду из бешеной ненависти к ИРМ, раздуваемой в печати. Однако ему так и не удалось произнести эту речь, ибо, к нашему общему изумлению, Вандервир объявил, что он отказывается от своего права защитника выступить с заключительной

речью. Он поблагодарил присяжных за проявленное терпение, просил их проявить «христианскую справедливость».

Я до сих пор не могу понять, почему он принял такое необычное решение. На таких процессах защитники ни в коем случае не должны отказываться от своего права выступить с заключительной речью. Никто не сомневался в том, что мы будем осуждены, хотя некоторые подсудимые и были исключены из дела, чтобы облегчить обвинению возможность требовать безоговорочного признания виновности. Была упущена превосходная возможность выступить с уничтожающей обвинительной речью против предпринимателей и всей их преступной деятельности, как законной, так и незаконной.

Судья в течение полутора часов инструктировал присяжных. Он дал им директиву нас осудить. И присяжным понадобился всего лишь час, чтобы всех нас признать виновными. Нам всем по очереди предложили изложить основывающиеся на законе возражения против приговора, если таковые у нас имеются. Один из нас, Х. И. Кэйн, превосходно на это ответил. Повернувшись лицом к главному прокурору и указывая на него пальцем, он сказал: «Мы отправимся туда, чтобы подготовить место для вас». Он выразил нашу общую мысль.

Нас вызывали группами для оглашения приговора. Двенадцать человек были приговорены к одному году и одному дню тюрьмы. Я попал в эту группу. Когда нас выводили, Лэндис спросил, будем ли мы просить об освобождении под залог до рассмотрения апелляции. Мы ответили утвердительно. Тогда он вернул нас обратно в зал суда и оштрафовал каждого на 30 000 долларов. Другие подсудимые были оштрафованы на такую же сумму.

Тридцать три человека были приговорены к пяти годам тюрьмы, тридцать два — к десяти и шестнадцать — к двадцати годам. В числе последних находились Билл Хейвуд, несколько членов Исполнительного комитета, редакторы и другие видные деятели организации.

Я готовился к более суровому приговору. Думаю, что одной из причин его неожиданной мягкости была неосведомленность властей о моей деятельности до июля 1916 года, то есть до момента моего формального вступления в организацию. Американскому правительству были направлены протесты против моего ареста от организации Британской Колумбии, входившей в Американскую феде-

рацию труда, от отделения в Беверли моего прежнего союза, и от его районного совета в Гулле. Мне рассказывали, что за меня заступился также Билл Торн. Секретарь Федерации труда Британской Колумбии, тоже протестовавший против моего ареста, упрекал меня в письме за то, что я вышел из АФТ. Он писал: «Надо же вам было связаться с кучкой анархистов! Вы неминуемо должны были попасть в беду».

После вынесения приговора нас ввели в большой зал в здании федерального суда, где шел процесс. Биллу Хейвуду и другим, осужденным на двадцать лет, приговор был объявлен в последнюю очередь.

Я еще сегодня вижу, как этот высокий мужественный человек входит в комнату во главе своей группы и вдруг затягивает песню, которую мы все подхватываем и поем полным голосом, чтобы толпы людей, собравшиеся на улицах, услышали, как кончился этот многозначительный процесс.

Через широко раскрытые окна здания федерального суда лилась песня о «вечной солидарности», звучавшая как вызов. Таков был дух «пленников классовой войны», на которых пала месть самого злобного в мире правящего класса. Таков был конец суда над ИРМ в Чикаго.

II

Нас привели обратно в грязные и мрачные камеры тюрьмы округа Кук, где мы пробыли почти десять месяцев. Моими товарищами по камере были в то время редактор журнала ИРМ, выходившего на шведском языке, Карл Ахлтин и Джерри Сопер, добродушный сточетырнадцатикилограммовый верзила, заполнявший собой большую часть нашего крошечного помещения. Карл получил двадцать лет. Джерри, приговоренный всего лишь к году тюрьмы, удивил судью Лэндиса своей просьбой разрешить ему отбыть еще год вместо меня. У меня есть семья, а у него нет, сказал он. Этот благородный поступок вполне соответствовал философскому отношению Джерри к своему заключению: он выражал также презрение осужденных к жестокому приговору и был одним из проявлений бесстрашия и товарищества, столь характерных для ИРМ в те бурные годы. Презрение и горечь иногда приправлялись юмором. Помню, как Бен Флетчер — един-

ственный негр среди обвиняемых,— услышав, что он приговорен к десяти годам, воскликнул: «Судья говорит сегодня очень скверным английским языком — слишком длинными фразами» *.

Вскоре после нашего возвращения в тюрьму округа Кук пришло приятное известие, что мы не останемся тут. Нам было приказано собрать свои вещи. На следующее утро мы стояли, скованные попарно, выстроившись в шеренгу, в ожидании отправки в федеральную тюрьму. Начальник тюрьмы Дэвис, проходя вдоль шеренги, время от времени останавливался, чтобы потуже завинтить наручники, в последний раз наслаждаясь жестокостью, которую он всегда проявлял по отношению к нам.

Затем нас посадили в специальные железнодорожные вагоны и повезли в каторжную тюрьму в Левенуорт (штат Канзас), находившуюся на расстоянии 600 миль. По дороге мы распевали песни ИРМ и обсуждали перспективы организации. Потом вагоны были переведены на запасный путь с высокими стенами по сторонам и большими железными воротами в обоих концах. Ворота позади нас с лязгом закрылись, нас вывели из вагонов и сняли наручники. Внутренние ворота распахнулись, и мы вошли в тюрьму.

Нас сразу же собрали в церкви; начальник тюрьмы поднялся на кафедру и обратился к нам с речью. Он сказал, что, хотя все мы принадлежали к одной организации, в тюрьме каждый из нас отвечает только за себя и к каждому будут подходить индивидуально в зависимости от его поведения. «Приятно проводить время» может тот, кто будет «первоклассным» заключенным, и каждый из нас может «этого добиться хорошим поведением».

Мы вышли из церкви. При нашем приближении к зданию, где находились камеры, которые должны были стать нашим временным жильем, раздались громкие и отчетливые звуки «Интернационала». Волнующая мелодия лилась нам навстречу из больших открытых окон камер. Один из членов ИРМ, уже отбывавший срок, приветствовал нас, исполнив «Интернационал» на инструменте, который ему было разрешено держать в камере, как участнику тюремного оркестра. Теперь-то мы уже знали, чего стоила речь

---

* Игра слов: выражение long sentences имеет два значения — «длинные фразы» и «приговоры на длительные сроки».— *Прим. перев.*

начальника тюрьмы, чего стоили его рассуждения о том, что организация и солидарность остались за тюремными стенами.

На следующее утро нас повели в душевую. После душевой нам дали мазь против вшей. Один из заключенных следил за тем, чтобы мы ею воспользовались. Затем мы все по очереди должны были сесть голыми в старое грязное парикмахерское кресло и дать себя побрить. Некоторые заключенные, в том числе и я, в результате этого испытания лишились холеных усов. Мы получили тюремную одежду с номером на спине и впереди на каждой штанине и были назначены на работу. Одни изготовляли кирпичи, другие плотничали или занимались слесарной работой, многие работали на разбивке камня. Некоторые, и среди них я — заключенный № 13187,— были посланы на принудительные работы вне тюрьмы — на строительство шоссейной дороги. Мы работали лопатой и киркой на строительстве канзасской дороги; нас окружали конвойные, вооруженные дубинками. Четверо конвойных с винтовками сидели на высоких табуретках на обоих концах участка работы партии.

Начальнику тюрьмы пришлось скоро убедиться, что нашу организацию невозможно было сломить тюрьмой. По субботам заключенные не работали и после обеда им показывали в церкви какие-нибудь очень старые фильмы. Тридцати членам ИРМ было однажды приказано разгружать платформы с углем во время субботней демонстрации фильма. Через неделю это повторилось. Шел густой снег. Их просьба о прекращении работы была отвергнута.

Все работавшие, включая и нескольких заключенных, не принадлежавших к ИРМ, сложили инструменты, отказавшись работать. Всех их перевели по одному в корпус «Б», где я находился в камере № 238, и посадили в камеры в нижнем этаже. «Черная дыра» — так назывались камеры, обычно служившие карцером,— не могла вместить всех. Из камер были вынесены койки, и люди, каждому из которых выдали только одеяло, должны были спать на бетонном полу. Их посадили на хлеб и воду. Все семь часов тюремного рабочего дня — четыре часа утром и три после обеда,— они стояли с поднятыми над головой руками, прикованные к верхней перекладине двери камеры. Они ежедневно подвергались этой пытке. Время от времени к ним заходил помощник начальника тюрьмы и,

согласно тюремному обычаю, требовал от них раскаяния. Они отвечали ему ругательствами.

Мы решили, что ни один член ИРМ не должен разгружать по субботам уголь, пока наших товарищей держат в цепях. Но никого из нас не назначали на эту работу. А через две недели победивших забастовщиков освободили из карцера. Пока я находился в тюрьме, разгрузка угля по субботам не производилась.

Членов ИРМ обвиняли во всех нарушениях тюремной дисциплины, носивших организованный характер. Однажды в воскресенье в столовой, где обедало более тысячи двухсот заключенных, нам дали компот из изюма, полный песка. Это «вкусное» блюдо подавалось в третий раз. В знак протеста мы начали стучать ложками по эмалированным кружкам, выражая этим свое недовольство. Вскоре нас поддержали обедавшие. Разразилась буря. Мы швыряли тарелки с компотом на пол, а вслед за ними и остальную посуду. Охранники покинули свои места между столами (я никогда не видел, чтобы они так быстро двигались) и стали по стенам столовой, прислонившись к ним спиной, не желая рисковать. Начальник охраны, отдававший нам приказания с возвышения, поднял дубинку вертикально перед собой. Это значило: «встать!» Затем он махнул дубинкой в сторону: это была команда выйти из помещения. Никто не двинулся с места. Только когда к нам рискнул войти помощник начальника тюрьмы и стал уговаривать нас выйти, опасный момент прошел.

На следующее утро состоялся дисциплинарный суд, на котором председательствовал заместитель начальника тюрьмы. Многие члены ИРМ были посажены в «черную дыру». Некоторых заключенных, белых и негров, послали вечером избивать наказанных битами для бейсбола. Уильяму Морану нанесли тяжелую рану в голову. Молодого англичанина из Бирмингама Берта Лортона держали в одиночке более года. Он так и не признал своей вины. Остальные члены ИРМ, выделенные в отдельную группу, были направлены на разбивку камня. Герберт Маккэтчен, работавший в столярной мастерской, отказался дробить камень. Он тоже был закован в цепи и все еще оставался в «черной дыре», когда меня освободили.

Когда членов ИРМ послали дробить камень, двор, где производилась эта работа, превратился в центр горячих споров. К ним присоединились заключенные, работавшие

на кирпичном складе, который примыкал ко двору, где мы дробили камень. Одному из них, осужденному на пять лет за грабеж и уже почти отбывшему свой срок, я довольно подробно изложил принципы социализма. Однажды он вытащил из-за пазухи иллюстрированный журнал с обычными заманчивыми объявлениями, рекламирующими быстроходные автомобили, и начал с энтузиазмом расхваливать эти машины. Характер его интереса к ним не оставлял сомнений. Я спросил его: «Уж не собираешься ли ты взяться за прежнее ремесло?» — и объяснил ему, что в таком случае он снова очутится в тюрьме, не говоря уже о том, что подобная жизнь антиобщественна. «Как! — воскликнул он,— вы же объясняли, что класс капиталистов грабит рабочих, забирая себе производимые ими богатства! Что же дурного в том, что я отберу у них награбленное?» А я потратил на него так много времени! Он был безнадежен, и я отказался от мысли его переубедить.

Во дворе, где мы дробили камень, к нам присоединились ребята из Сакраменто *. Они были только что осуждены. Вполне сознавая, что суд не вынесет по отношению к ним справедливого решения, они отказались от показаний и в продолжение всего долгого процесса хранили горькое молчание. Как рассказывает в своих воспоминаниях Билл Хейвуд, они нарушили молчание только для того, чтобы после объявления приговора запеть «Интернационал». Однажды конвойный по фамилии Дрисколл приказал одному из сакраментских ребят поторапливаться с работой и получил надлежащий ответ. Между ними началась борьба. Заключенный сгреб часового в охапку и швырнул его за спину дробильщиков камня. Кто-то ударил конвойного рукояткой молотка по голове, и он потерял сознание.

Кто ударил часового? Тюремные власти этого так и не узнали, несмотря на тщательное расследование. То обстоятельство, что среди наших ребят не нашлось доносчика, завоевало нашей организации большой авторитет. Мой сосед по столовой, осужденный пожизненно, как-то мне шепнул: «Вы, члены ИРМ, славные ребята. Я тут уже пятнадцать лет и не слышал еще, чтобы о нападении

* Вторую группу членов ИРМ судили по аналогичному обвинению в Сакраменто (Калифорния) вскоре после процесса в Чикаго.

на часового никто не донес. Вы, должно быть, хорошо организованы».

Мы действительно были организованы и не теряли времени. На дворе, где дробили камень, шло обсуждение основных вопросов политики рабочего класса. Наш процесс опроверг доктрину «прямых действий», исходящую из того, что только производственные профсоюзы в состоянии уничтожить капитализм, ибо он демонстрировал политическую роль государства во время действий, направленных против рабочих. Возникшие у меня новые мысли по этому поводу были подкреплены брошюрой Ленина «Очередные задачи Советской власти», экземпляр которой я получил в тюрьме. Почти в то же время нам стало известно о великом живом примере, к которому эта брошюра имела близкое касательство. Речь идет о всеобщей забастовке в Сиэтле, продолжавшейся с 6 по 11 февраля 1919 года. Я узнал о ней из писем друзей, находившихся на воле.

В результате забастовки, объявленной Центральным рабочим советом (АФТ), в городе замерла вся жизнь. Работу прекратили не только все промышленные предприятия и транспорт, но и пекарни, молочные заводы, магазины, отели, рестораны, парикмахерские и прачечные. Муниципалитету пришлось обратиться к руководившему всеобщей забастовкой стачечному комитету с просьбой разрешить работу электростанции и других предприятий коммунального обслуживания. Нигде работа не начиналась без разрешения комитетов, организованных для обеспечения общественно необходимого обслуживания. Эти комитеты открыли двадцать один питательный пункт; их обслуживал профсоюз работников ресторанов. Комитет завербовал триста бывших солдат, на обязанности которых лежало поддержание порядка в городе. Они действовали по всему Сиэтлю. Тогда мэр города Оле Хансон объявил, что Сиэтл находится во власти «большевистской революции». Он мобилизовал и вооружил две тысячи пятьсот человек и вызвал в город войска. Политический характер забастовки стал ясен для всех и в том числе для активно участвовавших в ней членов ИРМ. После возобновления работы более тридцати членов ИРМ было арестовано, согласно закону штата о «преступном анархизме».

У меня в камере была писчая бумага. Эта привилегия была мне предоставлена для того, чтобы я мог писать со-

чинения на английском языке для одного из классов тюремной вечерней школы. Я писал на этой бумаге брошюру, в которой поднимал перед ИРМ многие спорные вопросы, нуждавшиеся в разрешении. Когда брошюра была окончена, я спрятал листы исписанной бумаги в ящик под слой сигар, которые прислал мне один друг,— курить разрешалось. Суд над нами показал, говорилось в брошюре, что с политической ролью государства необходимо серьезно считаться. Прямые действия отнюдь не являются только орудием борьбы рабочих за свои экономические интересы, как утверждает большинство членов ИРМ. Все крупные забастовки, направленные против существующего социального строя, были забастовками политическими! Нас обвиняли в саботаже. Как видно из показаний свидетелей, выставленных обвинением, это обвинение было беспочвенным. На страницах брошюр и на трибунах собраний я осуждал пропаганду саботажа, ибо она может привести к неразборчивому применению саботажа безответственными элементами, в результате чего члены ИРМ без надобности окажутся под угрозой сфабрикованных обвинений.

Я показал свою рукопись Биллу Хейвуду. Он согласился с моей точкой зрения на роль государства и с моими выводами относительно политических стачек, но сказал, что, если брошюра будет опубликована, она вызовет разногласия внутри организации. Что же касается саботажа, Хейвуд был совершенно не согласен со мной и подробно объяснил, как можно саботировать, не разрушая предприятий и не нанося ущерба рабочим. Он настаивал на том, что от этого мощного оружия в борьбе промышленных рабочих нельзя отказываться. Он заметил: «Джордж, вы напрасно выступаете против саботажа».

Шофер грузовика, увозившего щебень, согласился бросить брошюру в почтовый ящик... если он найдет конверт под подушкой сидения водителя. Я пошел на риск, и рукопись благополучно дошла до руководящего центра организации.

Брошюра вышла под названием «Обращение к американским рабочим». Руководство вычеркнуло все еретические высказывания о государстве, политических забастовках и саботаже. Но содержавшийся в брошюре призыв продолжать борьбу, крепить организацию и изложение принципов ИРМ нашли живой отклик в массах. Было рас-

продано несколько изданий брошюры — в общей сложности 100 000 экземпляров.

Тюрьму периодически посещала комиссия по досрочному освобождению. Среди членов ИРМ считалось вопросом принципа и солидарности не обращаться в комиссию, которая старалась выудить признание вины. От помилования было решено отказаться, если бы оно было предложено. Благородная позиция, хотя, на мой взгляд, мы ничего от нее не выигрывали и много теряли. Когда наступила моя очередь явиться в комиссию, наша группа решила, что ее член, Харди, должен предстать перед комиссией. Если, паче чаяния, меня освободят под честное слово, я должен немедленно нарушить его и отправиться в Англию, чтобы рассказать английским рабочим о нашем процессе и организовать солидарные выступления протеста против вынесенных в Чикаго несправедливых приговоров. Это, конечно, означало бы, что по возвращении обратно я должен вернуться в тюрьму и отсидеть полный срок.

Первый вопрос, заданный мне комиссией, гласил: «Виновны ли вы в преступлении, за которое осуждены?» Я ответил: «Нет».

— Оправдываете ли вы преступление, в котором были признаны виновным?

— Мы не совершили никаких преступлений, поэтому мы невиновны и нам не в чем оправдываться.

— Верите ли вы в необходимость уничтожения собственности?

— У членов нашей организации нет собственности, которую можно было бы уничтожить.

— Уничтожали ли вы когда-нибудь собственность?

— Нет.

— Но вы были признаны виновным «в саботаже»?

— Возможно, но мы были невиновны.

Затем меня спросили:

— Если вы будете освобождены под честное слово, признаете ли вы себя виновным? — Я ответил решительным «нет».

— Верите ли вы в необходимость свержения правительства Соединенных Штатов?

— Мы верим в необходимость изменения существующей системы капитализма и в ее замену социалистическим строем. Каким образом это произойдет, зависит от форм

сопротивления, которое будет оказываться организованным по производственному принципу рабочим и всем людям, стремящимся к установлению социализма.

Я не был освобожден досрочно под честное слово. Позднее, когда мой срок подходил к концу, мне сказали, что после освобождения я буду выслан. Член комиссии по эмиграции, грубый субъект с одутловатым, лишенным всякой мысли лицом, обрушил на мою голову самые фантастические обвинения. Я обвинялся в том, что являюсь сторонником уничтожения частной и государственной собственности, сторонником насильственного свержения правительства Соединенных Штатов и убийства государственных деятелей.

«Над чем вы смеетесь?» — спросил он в присутствии остальных членов комиссии, не сводивших с меня глаз. Я сказал: «Откуда вы взяли всю эту чепуху?» — «Это наше дело, мы находимся тут не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы»,— заявил член комиссии.

Через несколько месяцев в тюрьме быстро распространилось известие о том, что двенадцать членов ИРМ, осужденных на небольшие сроки, будут вскоре освобождены. Многие заключенные желали нам удачи, что свидетельствовало об уважении, завоеванном ИРМ благодаря царившему в ней духу солидарности; этим качеством восхищались почти все заключенные. Во время последнего завтрака мой сосед, осужденный на пожизненное заключение, спросил меня шепотом: «Что вы собираетесь делать на воле?» — «То же, что и раньше»,— ответил я.— «Будьте осторожны, сюда не возвращайтесь»,— сказал он мне.

Двенадцать освобождаемых попрощались с товарищами и направились в «счастливый угол», чтобы переодеться. В «счастливом углу» мы сбросили тюремную одежду, надели свою, и вместо номеров нас снова стали называть по именам. Я перестал быть № 13187.

Билл Хейвуд работал в «счастливом углу» на складе. Пока я одевался, он сообщил мне о решении, принятом группой. Мне поручалось предложить руководству ИРМ немедленно направить меня в Англию. Конференция представителей ИРМ в северо-западных штатах, которую я предложил созвать, должна была обсудить вопрос о том, как собрать деньги для внесения залога, чтобы освободить всех членов ИРМ, которые ждали решения верховного суда. Я обещал Биллу приложить все усилия, чтобы

залог был внесен за возможно большее число арестованных. На мой взгляд, одним из первых надо было освободить Герберта Макканена, который, как я узнал позже, умер в цепях в «черной дыре».

Я оставался под стражей еще несколько часов, так как власти собирались перевести меня в тюрьму города Канзаса, где я должен был ждать высылки. Но мне разрешили отлучиться из тюрьмы, чтобы послать в Сиэтл телеграмму о том, что за меня установлен залог в 1000 долларов. Деньги прибыли в 3 часа дня. Как только члены ИРМ в Сиэтле получили телеграмму, они энергично взялись за дело и собрали нужную сумму среди лесорубов и других рабочих.

Небольшая железная дверь открылась; передо мной раскинулась широкая зеленая лужайка, доходившая до шоссе. Ее пересекала асфальтовая дорожка, окаймленная клумбами с пышно распустившимися цветами. Надо мной было ясное голубое летнее небо Канзаса. После долгого пребывания за высокими тюремными стенами под бетонной крышей корпуса «Б» небо казалось бескрайным. Я был свободен. Вдыхая свежий воздух, я шел по зеленой траве, любуясь пышной листвой деревьев. Я вышел в прекрасный широкий мир.

Вскоре я сел в поезд, направлявшийся в город Канзас.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОБЕГИ И ПРОБУЖДЕНИЕ СОЗНАНИЯ

Поезд свободы. Поездка в Англию. Дружелюбный официант. Комические обстоятельства возвращения в США. В пути. Дипломатический шаг. «Вы — политический деятель». Безбилетный пассажир. Переодевание. Вооруженные рабочие. Беседа с Лениным. Волнения в Германии. Снова арест. Саботаж на капустных грядках. Джек Таннер выходит из ИРМ. Разрыв с ИРМ. Приказ о высылке.

I

Я приехал на вокзал перед самым отходом поезда в Сиэтл. На платформе я встретил Роя Брауна, с которым сидел в одной камере, и еще одного товарища по заключению — Уолтера Смита. У каждого из нас в кармане было всего пять долларов — сумма, выдаваемая заключенному при освобождении. Мы отправились прямо в вагон-ресторан и заказали курицу с гарниром. Каким вкусным показался нам этот первый обед на свободе, как мы им наслаждались!

В ресторане какая-то аристократического вида дама рассматривала нас в лорнет. Явно желая еще более шокировать ее, Уолтер Смит взял куриную ножку в руки и начал есть ее так, как это было принято во времена Генриха VIII. Поезд быстро шел по пустынным равнинам штата Вайоминг. Пейзаж был однообразный — ничего, кроме кустиков шалфея, но нам он казался прекрасным. Вскоре мы проехали Большой каньон, дорога вилась вокруг вершин Скалистых гор, по поросшим сосновым лесом склонам, поднимаясь к перевалу; внизу в долинах виднелись клочья облаков. Наконец, мы спустились по обращенному к Тихому океану склону гор в обширный лесной район. Среди деревьев мы заметили дымки, поднимавшиеся от двигателей, работавших в станах лесорубов. Это был дым из мира труда, дым сражений, к которым мы

возвращались. Наши мысли снова вернулись к тем, кого мы оставили в тюрьме.

В Сиэтле нас встретила делегация ИРМ и множество друзей. Замечательно было очутиться опять дома. Эдит с доблестью выдержала тяжесть борьбы. Я нашел, что Эдна, Джордж и наша вторая дочь Айрис сильно выросли. Комнаты в доме казались огромными. Ни стражников, ни занесенных над головой дубинок. На стену не падает тень от решетки, сквозь чисто вымытые оконные стекла светит солнце. Не слышно топота ног приближающихся часовых или шагов заключенных, мечущихся по камерам, как звери в клетке. Не раздаются громкие вопли людей, потерявших самообладание. Не слышно гневных возгласов или рыданий людей, нервы которых не выдержали напряжения. Мы были свободны — как это прекрасно! Но наши сердца были полны твердой решимости добиться освобождения наших товарищей, полны презрения к преследователям, и мы твердо решили не отступать, какие бы трудные и опасные задачи ни стояли перед нами. Тюрьма была кошмаром, но страх перед ней исчез. Мне кажется, что именно после всего того, что я испытал в тюрьме, у меня сложилась твердая уверенность в победе рабочих во всем мире, в победе социализма и в том, что труд людей станет радостным для них. Чудесно жить, веря в грядущую победу.

Встреча нас рабочими говорила о солидарности рабочего класса. Когда мы отправились к магистральной дороге, где обычно собирались лесорубы, когда они работали на этом участке, нас окружили рабочие, забросавшие нас вопросами — в чем мы нуждаемся, как чувствуют себя друзья, находящиеся в тюрьме, как собрать средства для уплаты залога. Пока мы беседовали, несколько человек куда-то скрылось. Вскоре они вернулись и передали нам 150 долларов. «Разделите между собой эти деньги,— сказали они.— Ребята хотят, чтобы вы недели две отдохнули». Они собрали эти деньги в кафе и игорных комнатах или просто у проходивших по улице членов профсоюза. Мы поблагодарили их, но ответили, что отдых придется немного отложить. События развертывались быстро. Была созвана конференция северо-западных районов. Несмотря на риск, с которым это было сопряжено, на конференцию собралось около шестидесяти человек. Был организован комитет по сбору денег и облигаций для вне-

сения залога. Комитету было поручено организовать сбор облигаций «займа Свободы» и облигаций военных займов, которые принимались вместо денег при внесении залога. Многие рабочие купили облигации «займа Свободы» под давлением хозяев и были рады нашему предложению «использовать облигации для уплаты выкупа за пленников классовой войны». Была собрана крупная сумма — 114 тысяч долларов. Во время всеобщей забастовки в Сиэтле установилась мощная классовая солидарность между членами профсоюзов, входящих в АФТ, и профсоюзов, примыкающих к ИРМ. Такой солидарностью и объяснялся успех сбора средств.

Эти здоровые народные силы добились также избрания на пост мэра города либерального кандидата — д-ра Е. Дж. Брауна, обещавшего защищать гражданские свободы. Многие члены ИРМ отказались от своего предубеждения против «политики» и отдали Брауну свои голоса, чтобы провести его на пост мэра. Вскоре после избрания Брауна ИРМ подвергла проверке его обещания. Мы объявили о созыве на одном пустующем участке митинга, на котором в качестве главного докладчика должна была выступить социалистка Кэйт Садлер. Митинг был многолюдным. Как только Кэйт начала говорить, на улице показался отряд полиции, маршировавший в полном боевом порядке. Кэйт храбро продолжала говорить, стоя на ящике, не обращая внимания на полицейских, наносивших направо и налево удары дубинками. Наконец, они сшибли ее с ящика. Затем полицейские совершили налет на новое помещение ИРМ и навесили на дверь огромный замок. К мэру направилась делегация, чтобы заявить ему протест и напомнить о его обещаниях. Он признал свое бессилие перед банкирами, предпринимателями и продажной политической машиной, хозяйничавшей в городе.

II

В середине сентября 1919 года я поехал по заданию в Англию. Не желая привлекать внимания властей к своему отъезду, я отправился сначала в Канаду, тайно перейдя границу США, и из Монреаля взял билет в Европу.

Это было, вероятно, самое веселое из моих трансатлантических путешествий. С самого его начала официант, обслуживавший каюты третьего класса, в одной из которых

я ехал, начал объяснять мне принципы социализма. Сначала я помалкивал, так как в моем опасном положении должен был соблюдать осторожность. Официант был шотландец, один из тысяч классово сознательных социалистов, не входящих ни в какую организацию, ставших активными в результате великой борьбы, развернувшейся в Клайдсайде в 1915—1916 годах. Это был живой пример революционного настроения, широко распространенного среди рабочих в первые годы после войны. Он говорил с жаром и гордостью об Уильяме Галлахере, Джоне Маклине, Эмануиле Шинуэлле. Он объяснил мне, почему я должен выступать за русскую революцию. В конце концов я изложил ему свои взгляды, и наши беседы продолжались, пока корабль не прибыл в Ливерпуль. Замечу кстати, что после одного-двух дней пребывания в море к питанию, которое я получал как пассажир третьего класса, стали добавляться бутерброды с курицей и фрукты из буфета первого класса.

Я прибыл в Англию за день до объявления забастовки железнодорожников страны, начавшейся 27 сентября 1919 года. Эта забастовка была первым крупным эпизодом в послевоенной борьбе рабочих, интенсивность которой непрерывно возрастала и, наконец, достигла высшей точки в 1926 году, когда была объявлена всеобщая забастовка. Я одолжил велосипед и поехал в руководящий центр железнодорожников в Гулле. Я выступал на митингах бастующих в течение всей победоносной недели, во время которой железнодорожники дали отпор совместной попытке правительства и предпринимателей снизить заработную плату.

В начале октября, сразу после окончания забастовки железнодорожников, я поехал в Лондон и изложил Национальному комитету цеховых старост свой план организации в Англии кампании за солидарность с тяжело угнетаемыми американскими рабочими. Дэйв Рамзей, Джек Таннер и Чапмен обещали оказать нам всемерную помощь. Джордж Лэнсбери, с которым я уже познакомился в Гулле, тоже обещал свою помощь и опубликовал в газете «Дейли геральд», редактором которой он был, статью, одобрявшую как мой приезд, так и цель моего приезда. Это привело в действие Скотланд-Ярд. За мной следили, и полицейские из отдела уголовного розыска явились за мной в контору цеховых старост на Тюдор-стрит и спро-

сили меня, кто я по национальности. Я ответил: «Англичанин». Они потребовали доказательств. Я ответил, что это их дело — доказать ложность моего заявления. Они могут проверить в Сомерсет-Хаузе подробности сообщенных мною сведений. Наконец, я показал им свидетельство о рождении, чтобы они не отобрали у меня канадский паспорт.

Комитет цеховых старост разработал план кампании и поручил Дэйву Рамзею ее возглавить. Я уехал в Южный Уэльс, где А. Дж. Кук и Артур Хорнер проявили интерес к нашему обращению и оказали нам существенную практическую поддержку. После митингов в местных отделениях профсоюза горняков мы организовали митинги в центральных графствах, в Ланкашире, Йоркшире и северо-восточных районах страны. Наконец, в декабре 1920 года я очутился в легендарном Клайдсайде, где развернулись бои, за которыми я давно следил с большим интересом. Я провел целые полдня в доме Джона Маклина. К несчастью, этот всеми уважаемый лидер клайдсайдских рабочих был уже тогда тяжело болен. Он так и не оправился от болезни, вызванной насильственным питанием в тюрьме во время объявленной им голодовки. Горько было видеть его тяжело больным, ибо я, как и многие другие, был убежден, что он будет в числе главных лидеров революционного движения в Англии.

В то время мелкие социалистические группы Англии особенно энергично занимались политическим анализом обстановки, длительными, трудными переговорами, в результате которых летом 1920 года была основана Коммунистическая партия Англии.

Среди передовых рабочих существовали острые разногласия по тактическим вопросам, им мешали укоренившиеся у них «узкие» взгляды, но они стремились найти путь к единой партии рабочего класса, способной осуществить социальный переворот. В первые послевоенные годы миллионы рабочих были готовы к этому перевороту и страстно его желали. Лично я извлек очень много полезного из национальной конференции цеховых старост, состоявшейся в конце 1919 года. Я присутствовал на конференции как делегат братской организации ИРМ. В некоторых речах участников конференции повторялись неверные взгляды, известные мне из долгого опыта работы в ИРМ.

Ответные выступления Артура Макмануса и других докладчиков укрепили возникшее у меня после пребывания в тюрьме убеждение, что ИРМ должна во многих отношениях начать мыслить по-новому.

Мне необходимо было вернуться в США, чтобы доложить о выполнении данного мне задания. Но на моем паспорте была поставлена красными чернилами печать «Действителен только в Канаде». Это случилось, когда я легкомысленно обратился за разрешением на посещение Осло, куда собирался поехать в качестве делегата Международной конференции работников транспорта, на которую была приглашена ИРМ. Вот беда! Мой паспорт не годился даже для поездки в Канаду, где за мной будут следить власти.

Я отправился в Ливерпуль и выехал из Англии в качестве кочегара на пароходе компании «Уайт стар», шедшем в Портленд (штат Мэн). В этом американском порту не было особенно строгого контроля. Таким путем часто пользовались разыскиваемые полицией бойцы Ирландской республиканской армии. Молодой Джек Бреддок, рассказавший мне об этом пути, переживал романтическое приключение, помогая моему «бегству». Для меня же оно оказалось далеко не романтическим. Я и раньше работал кочегаром на электростанции, но никогда не имел дела с пятью пылающими корабельными топками. Я был ослаблен двадцатью одним месяцем тюрьмы, да и перед этим долго не занимался физическим трудом, и эта работа показалась мне невыносимо тяжелой. На второй день у меня кровоточили руки. В конце вахты, когда надо было почистить топки, я едва мог действовать горячей железной кочергой. Я почувствовал большое облегчение, когда молодой помощник кочегара, мечтавший стать кочегаром, согласился поменяться со мной местами.

Мой третий приезд в Америку был поистине безумным предприятием. Как только мы бросили якорь в покрытой снегом портлендской гавани, у сходен сразу появился представитель иммиграционных властей. Обойти его не было никакой возможности. Единственным иным путем сойти на берег был приставленный к боку парохода и круто спускавшийся на пристань желоб, по которому спускали багаж. Я ждал, пока чиновник повернется спиной. Затем быстро скатился по скользкой, покрытой снегом поверхности желоба, ударился о пристань, покатился по ней

и уперся ногами о стену пакгауза из рифленого железа. Мои ноги громко стукнули по железу. Я вскочил, прежде чем иммиграционный чиновник сообразил, что произошло. Пока он смотрел, я еще несколько раз ударил по железу, делая вид, что сбиваю снег с башмаков. Затем пошел прочь, стараясь сохранять хладнокровие. Матросы с другого корабля шли группой к воротам дока. Я присоединился к ним. У ворот я остановился и стал шарить по карманам, делая вид, что ищу пропуск, которого у меня не было. «Проходи,— сказал стоявший у ворот человек.— Найдешь, когда будешь возвращаться назад!» На следующее утро я был в Нью-Йорке, откуда выехал в Чикаго по железнодорожной линии «Твентиес сенчюри лимитед».

Я сделал подробный доклад руководству ИРМ. Во время доклада я впервые стал настаивать на необходимости изменить позицию ИРМ и усвоить более широкий взгляд на революционные задачи рабочего движения. В течение последующих нескольких месяцев этот вопрос стал приобретать для нас все большую и большую остроту. Мое нелегальное положение заставляло меня непрерывно разъезжать. Из Чикаго я отправился через всю страну на Тихоокеанское побережье, выступал по пути на многих собраниях членов ИРМ и, наконец, попал домой. Но не надолго. Я устроился на работу недалеко от Сиэтла на строительстве моста. Когда в первую же субботу я приехал домой, оказалось, что полиция произвела у меня дома обыск и забрала папку с вырезками из газет, содержавшими сообщения о моих выступлениях в Англии, а также мою фотографию. Эдит настаивала, чтобы я немедленно уехал. Я вернулся на работу, но через несколько дней мне сообщили, что меня собираются арестовать и я должен скрыться в подполье, иначе буду обвинен на основании действующего в этом штате закона о «преступном анархизме». Такое обвинение означало бы тюремное заключение сроком до четырнадцати лет. По решению руководства организации я ушел в подполье.

Через две недели я был избран делегатом на конференцию рабочих судостроительной промышленности, которая должна была состояться в Нью-Йорке. Мне удалось незаметно выехать из штата Вашингтон, а в мае 1920 года я принимал участие в съезде ИРМ в качестве делегата от рабочих судостроительной промышленности.

Руководство ИРМ поручило мне составить проект доклада исполкома. Просматривая резолюции, принятые исполкомом, я натолкнулся на единогласно принятое решение примкнуть к Коммунистическому Интернационалу. Этот вопрос никогда не обсуждался в газетах, издававшихся ИРМ. Насколько мне было известно, члены ИРМ никогда не слышали о решении о вступлении в Коммунистический Интернационал, и оно, несомненно, должно было вызвать на съезде острые разногласия. Я спросил членов исполкома, каким образом они предполагают сообщить делегатам об этом решении; один из них сказал: «Мы предоставим это Джорджу». Задача была щекотливая. Я также хотел, чтобы эта резолюция была утверждена. Я пошел по пути, который, как мне в тот момент казалось, сулил наибольшие шансы на успех. Коммунистический Интернационал, писал я, выступает за организацию профсоюзов по производственному принципу, как за средство укрепления революционного движения. Он считает, что покончить с капитализмом, рассчитывая только на парламентскую борьбу, невозможно. Доказательством этого является русская революция.

Исполком ИРМ одобрил такой дипломатический ход. Но он уклонился от определения основного вопроса: в чем именно состоят политические действия в борьбе рабочего класса. Это был чисто оппортунистический подход, что подтвердили последующие события.

Второй конгресс Коминтерна, состоявшийся в 1920 году, занял дружественную позицию по отношению к ИРМ. Конгресс охарактеризовал эту организацию как «подлинно массовое движение... революционное и поддерживающее связь с массами», вследствие чего решил, что вхождение ИРМ в Коммунистический Интернационал «возможно и желательно». В то же время Коммунистический Интернационал осудил недооценку ИРМ политической борьбы и указал, что рабочий класс, лишенный политической партии, «подобен телу, лишенному головы».

Именно в этом свете и следовало изложить съезду вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. Отказ от этого означал уклонение от политической ответственности.

На съезде, председателем которого я был избран, поднимался вопрос о присоединении к Коммунистическому Интернационалу. К моему изумлению, никто не сказал ни

слова. Я дважды указывал на чрезвычайную важность этого вопроса. Но никаких выступлений не последовало. Больше об этом вопросе никто не вспоминал, и решение о присоединении к Коминтерну было утверждено в результате единогласного одобрения доклада исполкома ИРМ.

На этом съезде я получил наибольшее число голосов при избрании генерального секретаря ИРМ. Когда производилось голосование, один из делегатов воскликнул: «Черт побери! Я буду за вас голосовать, хоть и знаю, что вы политикан».

Это было, по существу, признание моих изменившихся взглядов.

Мое избрание на пост генерального секретаря явилось для меня большой неожиданностью. Я не выступал с заявлениями, не старался привлечь голоса на свою сторону. «Колеблющиеся» энергично возражали против моей кандидатуры, называя меня «политиканом» и человеком, стремящимся заполучить руководящий пост. Их недовольство вызвала моя статья, помещенная в журнале «Уан биг юнион мансли»,— статья, содержавшая критику смешанных отделений профсоюзных организаций в городах западных штатов. В этих городах безработные члены профсоюзов, из которых многие были слишком «революционно настроены», чтобы работать, постоянно выносили какие-нибудь решения, и в частности решения об организации забастовок, неблагоприятно отражавшиеся на положении членов профсоюза, имевших более постоянную работу на лесозаготовках и на строительстве. Я был избран значительным большинством голосов, одержав победу над двумя другими кандидатами. Такой успех дал мне возможность подвергнуть испытанию на деле некоторые из моих новых взглядов.

Это был период жестоких репрессий по отношению ко всем активным организациям рабочих, гонений на ИРМ и на коммунистов, расколотых в тот момент на две партии. В результате организованных Пальмером налетов коммунисты были вынуждены уйти в подполье. Тех, кто был известен как коммунист, арестовывали десятками. Полиция произвела обыск в сотнях квартир, позаботившись даже получить предварительно ордера на обыск. Около тысячи пятисот членов ИРМ находились в тюрьме, приговоренные к большим срокам или в ожидании суда. Профессиональные шпики фигурировали во всех процессах и

давали одни и те же ложные показания, точно так же, как они это делают теперь во время процессов против коммунистов или прогрессивных деятелей. Во время одного из процессов в число присяжных оказался избранным человек, сочувствовавший ИРМ. Он отказался подать голос за обвинительный приговор. Тогда в комитете присяжных его били и терзали до тех пор, пока он не сдался и не присоединил свой голос к обвинительному решению, вынесенному теперь единогласно.

Необходимо было организовать сплоченный отпор этому террору. Чикагская организация ИРМ все еще существовала легально, хотя каждую минуту могла быть разгромлена и загнана в подполье. В первую очередь необходимо было положить конец нападкам на коммунистов со стороны редакторов газет, издаваемых ИРМ. Это была нелегкая задача. Первое столкновение у меня произошло с редактором журнала «Уан биг юнион мансли» Джоном Сэндгреном. Он хотел поместить антикоммунистическую карикатуру под заголовком «Нарядились, а ехать некуда». Во многих отношениях эта карикатура отражала установки, распространенные в еще молодом коммунистическом движении, но я решил не допустить ее опубликования. Мой старый товарищ по заключению Рой Браун — в то время председатель ИРМ — согласился со мной. Редакторы ИРМ на еженедельном совещании постановили не печатать карикатуры, но Сэндгрен сказал, что заявит протест и будет апеллировать к членам ИРМ. Мы решили, что можем потерпеть поражение, если бросим вызов по этому вопросу противникам коммунистов, и решение было отменено. Но при наборе журнала наборщики, знавшие о нашем прежнем решении, отказались изготовить в таком виде матрицы. Мне пришлось отправиться к ним, объяснить, почему карикатура должна быть помещена, и убедить их прекратить «стачку».

Затруднения исходили не только со стороны ИРМ. Однажды Сэндгрен принес экземпляр «Коммуниста» — официального органа Коммунистической партии,— содержавший статью под заголовком «Условия сотрудничества»; речь шла о сотрудничестве между ИРМ и коммунистами. Сэндгрен аккуратно подчеркнул синим карандашом некоторые места, носившие особенно диктаторский характер.

«Вот что они о вас думают»,— сказал он.

Я был взбешен. Статья содержала ряд нелепых требований, например требование, чтобы в состав редакторов периодических изданий ИРМ вошли коммунисты. Несколько раньше мы получили письмо с предложением созвать объединенное совещание представителей обоих исполкомов. Опубликование подобных «условий» должно было вызвать среди членов ИРМ возмущение; поэтому я решил не посылать членам исполкома письма, написанного нами ранее и содержавшего наше согласие на созыв совещания. Несколько позже состоялось предварительное совещание при участии представителей Коммунистической партии Чарлза Эшли и Боба Майнера. От ИРМ в совещании участвовали я и Ральф Чапмен, ставший впоследствии ренегатом.

Так обстояли дела, когда в начале декабря 1920 года я снова отправился в Европу для участия в международной конференции синдикалистских профсоюзов. Она должна была состояться в Берлине, и, как нам говорили, в ее работе должны были принять участие представители русских профсоюзов.

III

Я снова выехал в Европу из Монреаля, бывшего для меня «портом спасения». Я приехал туда под вымышленным именем и состряпал историю, благодаря которой мне удалось получить разрешение на поездку в один конец до Ливерпуля. В Лондоне я встретил Тома Баркера, тоже направлявшегося на конференцию, и с помощью немецких моряков нам удалось вместе перебраться из Гулля в Бремен, спрятавшись в трюме парохода. Из Бремена мы сразу же выехали в Берлин.

Это была странная конференция. На ней пришли в столкновение многочисленные противоположные течения, волновавшие в то время международное рабочее движение. Всесоюзный центральный совет профсоюзов Советского Союза прислал на конференцию своих делегатов. Джек Таннер представлял английский Национальный комитет цеховых старост. На конференции присутствовали представители Голландии, Швеции, Франции, Аргентины и Германии. Среди немцев были антисоветски настроенный анархист по имени Рудольф Рокер, а также анархист и лицемер Сучи, главная цель деятельности которого, по-

видимому, состояла в том, чтобы добиться освобождения анархистов, заключенных в России в тюрьму за контрреволюционную деятельность.

Именно из этих кругов исходила инициатива созыва конференции. С первого же дня, когда Рокер и компания пространно изложили хорошо известные анархистские взгляды на роль государства (однако новая обстановка, созданная русской революцией, ежедневно показывала неправильность этих взглядов), стало ясно, что конференция была задумана для осуществления раскольнических целей. Она должна была привести к созданию международной группировки европейских анархистов и синдикалистов для противодействия Советскому Союзу. В длинном ряде аналогичных попыток создать в Европе антикоммунистический «интернационал» эта была одна из первых.

Даже среди делегатов — анархо-синдикалистов подобный план встретил значительное сопротивление, в основе которого лежало главным образом классовое чутье. Совместно с Джеком Таннером, Томом Баркером и еще двумя участниками конференции я был избран в состав комиссии, которой было поручено выработать проект резолюции о политической линии. Таннер был уполномочен включить в резолюцию пункт о диктатуре пролетариата независимо от тех целей, которые поставит перед собой предполагаемый «интернационал». Рокер предложил на открытом заседании конференции заменить слово «диктатура» словами «господство рабочего класса». После горячих дебатов анархистская группа заявила, что не допустит принятия пункта о «диктатуре», и грозила уходом с конференции. Я сказал, что ради сохранения «единства» буду голосовать за «господство» на том условии, что, поступая так, я полностью и безоговорочно поддерживаю русскую революцию и рабоче-крестьянское правительство.

После того как резолюция с внесенной в нее поправкой была принята, я внес предложение «не допускать создания какого бы то ни было синдикалистского интернационала» и «направить от каждой делегации, представленной на конференции, делегатов на международную конференцию, которая соберется в Москве». На созыв этой конференции некоторые профсоюзные организации — и в том числе французская и русская — уже согласились. Пред-

ложение было принято большинством голосов, и на этом берлинская конференция закончилась.

В тот вечер произошла моя первая неофициальная встреча с русской делегацией и меня спросили, хочу ли я поехать в Москву. Я сказал, что исполнительный комитет моей организации дал мне указание поехать в Россию, если это окажется возможным. Тогда мне была вручена пригласительная телеграмма от Коминтерна. Руководитель русской делегации сказал: «Там вы встретитесь с Лениным». Том Баркер получил приглашение меня сопровождать.

Мы отправились в Штеттин и спрятались в трюм парохода, шедшего в Эстонию, среди балласта, состоявшего из мокрого песка. Первую ночь мы провели в трюме. Что это была за ночь! Было так холодно, что мы не могли спать, и на протяжении нескольких часов я ощупью бродил по трюму в полной темноте. Затем я нашел какую-то перекладину и, держась за нее, стал отбивать шаг на месте с двойной целью — согреться и узнать, сколько прошло времени. Было слишком темно, чтобы посмотреть на часы. В конце концов мне стало невмоготу, и я решил во что бы то ни стало выглянуть наружу.

Я приподнял крышку люка и вылез наружу. Вокруг меня было несколько сот русских солдат. Это были, как я потом узнал, репатриированные из Германии военнопленные. Позвали офицера. Пока он меня допрашивал, наверху появился Том Баркер. Офицер пробовал задавать вопросы по-русски, по-немецки и по-французски, пока я не сказал, что я англичанин. «Куда вы направляетесь?»— спросил он.— «В Москву».— Что вы там собираетесь делать?» — «Собираюсь повидать Ленина»,— ответил я.

Офицер улыбнулся. Наверное, он подумал, что я не в своем уме. Он спросил, есть ли у меня мандат. «Конечно»,— и я вытащил свои документы. После этого к нам стали относиться как к товарищам. Нас угостили кофе с бутербродами, отвели нам койки, предложили питаться вместе с солдатами и разрешили находиться на палубе. Остальную часть путешествия мы провели на воздухе под бледно-голубым декабрьским небом Балтики.

К тому времени, когда мы прибыли в Эстонию, нам стало ясно, что большинство бывших военнопленных поддерживает Советское правительство. Это стало еще более очевидным, когда мы прибыли в порт. Офицер спросил:

«Как же вы сойдете на берег?» Я предложил двум солдатам, сидевшим на крышке люка, временно обменяться с нами верхней одеждой и головными уборами. Эта мысль показалась офицеру забавной, и он согласился. Мы спустились на берег в потертых шинелях с мохнатыми папахами на головах. Два русских солдата сошли на берег в фетровых шляпах.

На берегу мы выстроились вместе с русскими солдатами, вышли из доков и сели в товарные вагоны, стоявшие на запасном пути. Дорога была очень тяжелой. При температуре ниже нуля, без пищи, с частыми и долгими остановками, мы до русского пограничного города Ямбурга (Кингисеппа) ехали двадцать четыре часа. Мы с Томом на несколько дней застряли в этом городе. Наша поездка была нелегальной, и поэтому о нашем приезде не было сообщено заранее. Нам отвели место в спальном вагоне, стоявшем на привокзальных путях. Все вокруг нас свидетельствовало о недавних ужасных боях, кончившихся разгромом контрреволюционных сил Юденича. Железнодорожный мост рухнул в реку, телеграфные провода были сорваны, дома разрушены, церкви пробиты английскими снарядами, которыми Черчилль снабжал войска интервентов, надеясь «задушить большевизм в зародыше».

Однажды в Ямбурге ко мне в вагон пришел какой-то молодой парень. Он крепко пожал мне руку и выразил свою радость по поводу моего приезда в Россию.— «Вы меня помните?» — спросил он. Я признался, что не помню. «Я организовал митинг в Филадельфии, на котором вы выступали»,— сказал он. Подобно многим молодым русским рабочим, он был взволнован коренными социальными переменами, происходящими на его родине, и вернулся из Америки для участия в борьбе за революцию. Теперь он был таможенным контролером. Я встречал его еще несколько раз, когда переезжал латвийскую и финляндскую границы.

Вечером на четвертый день моего пребывания в Ямбурге я выехал в Москву через Петроград, куда прибыл поздно ночью, и остановился в «Астории». Рано проснувшись и подняв шторы, я впервые увидел армию, о подвигах которой я уже много слышал во время нашего путешествия. Никогда не забуду открывшуюся передо мной картину. Площадь была покрыта глубоким снегом. Жен-

щина с винтовкой со штыком на плече мерно ходила взад и вперед, охраняя штабеля дров, сложенные под тенью золотого купола Исаакиевского собора. Я был глубоко взволнован открывшимся моему взору видом — передо мной была знаменитая Красная гвардия, передо мной была представительница вооруженных трудящихся масс, той самоотверженной силы, которая спасла ленинскую цитадель от белогвардейских армий, живое воплощение нового государства рабочих. В то время у меня было в известных отношениях лишь довольно смутное представление об этом государстве, которое должно было потрясти и изменить весь мир трудящихся. Образ этой женщины-красногвардейца прочно запечатлелся в моей памяти. Она была символом победы и надежды среди всех виденных мною картин страшного разрушения, нанесенного молодому Советскому государству империалистическими державами в течение трех лет войны и блокады.

Через три недели в Москве я увидел вождя, руководившего этим величайшим в истории переворотом, человека, который нанес поражение капиталистическому миру. Я приготовился к встрече с гением. Мысленно взору представлялся рослый суровый человек, отягощенный бременем тяжелых, ответственных задач, стоящих перед страной, борющейся с разрухой. Но Ленин оказался совсем другим. В Кремле меня встретил с улыбкой человек небольшого роста и скромного вида, в такой же скромно обставленной комнате. Он сразу создал непринужденную обстановку, дал мне почувствовать, что я нахожусь среди друзей. Со смеющимися глазами Ленин спросил меня по-английски: «Как вы сюда добрались?» Когда я рассказал ему о том, как я путешествовал, Ленин был очень доволен: «Замечательно, просто замечательно». Потом он спросил: «Вы коммунист?» — «Да»,— ответил я.— «Значит, вы член нашей партии?» — спросил Ленин. Я ответил отрицательно. «Как же вы можете быть коммунистом, оставаясь вне партии?» — поинтересовался Ленин.— «Я много лет изучал труды Маркса и Энгельса, а также Иосифа Дицгена и Дарвина. Мне понятен материалистический взгляд на историю, и я поддерживаю двадцать одно условие приема в Коммунистический Интернационал»,— ответил я.— «Тогда почему же вы не в партии?»

Я рассказал Ленину о своих сомнениях относительно возможности пропаганды вооруженного восстания в

США. Учитывая, что печать все время твердит народу, что большевики стремятся установить в Америке Советы путем насильственного свержения правительства, такие разговоры будут на руку врагу. Широким массам трудящихся они будут казаться «лишь подтверждением того, что им старается внушить печать». «Это привело бы к изоляции партии,— заметил я.— Вот почему я отказался вступить в партию».

Я отказался бы распространять листовки, пропагандирующие вооруженное восстание. Если бы меня — генерального секретаря ИРМ — поймали за этим занятием, это привело бы к тому, что не только я один буду приговорен к длительному тюремному заключению. В тюрьме сидят полторы тысячи членов ИРМ, многие из них ждут суда. Улики, на основе которых мне вынесут приговор, будут долгое время служить уликами против любого члена нашей организации при рассмотрении его дела в суде.

«Поэтому,— сказал я,— несмотря на то, что я являюсь сторонником дисциплины в партии, я, несомненно, оказался бы вынужденным отказаться от распространения такого материала, если бы мне это предложили. Меня должны были бы исключить из партии за оппозицию. Зачем же вступать в партию, заведомо зная, что тебя исключат?»

Ленин попросил меня рассказать ему о настроениях рабочих и изложить свое мнение о том, какой следует придерживаться политики и как вести пропаганду при существующем положении вещей. Я сказал: «Я материалист и атеист. Однако, если бы мне пришлось выступить на собрании искренне или фанатически верующих и я начал бы свою речь словами: «Ни бога, ни дьявола нет, рай и ад не существуют, а Иисус Христос был бродягой и революционером»,— все присутствующие немедленно покинули бы собрание. И, напротив, если бы я дал научное объяснение «эволюции идеи о боге», даже основанное на книге Гранта Аллена, меня бы выслушали. Возможно, 10 процентов слушателей согласились бы поближе познакомиться с моими взглядами. Точно такой же эффект произвела бы на рабочих пропаганда вооруженного восстания».

Ленин все это внимательно выслушал. Затем он обменялся несколькими словами по-русски с Борисом Рейн-

штейном, который был в Соединенных Штатах членом Социалистической рабочей партии и присутствовал при нашей беседе на тот случай, если бы понадобился переводчик. Рейнштейн сказал: «Товарищ Ленин считает, что вы правы». Ленин спросил: «Что, по вашему мнению, можно сделать в Америке?»

«Создать легальную партию и добиться легального положения, даже если придется отказаться от названия «коммунистическая»,— ответил я. Он спросил: «Что вы можете предпринять для этого?» Я заверил его, что «помогу ее создать». «Прекрасно»,— ответил Ленин.

Затем он спросил меня, знаком ли я с кем-либо из руководящих членов исполкома Коминтерна. Когда я ответил, что с некоторыми из них уже встречался, он спросил: «Что вы им говорили?» Я ответил: «То же самое, что сказал вам».

Наша беседа носила такой характер: Ленин задавал вопросы, а я по мере сил старался на них ответить. Терпение, с которым он слушал, было превосходным примером того, к чему он всегда призывал коммунистов — внимательно прислушиваться к словам рабочих. Ленин сказал, что он беседовал с рядом членов ИРМ, вернувшихся из Соединенных Штатов, но натолкнулся на множество противоречивых суждений и что поэтому он рад, что впервые получил возможность обменяться мнениями с официальным представителем этой организации.

Теперь мне надо было как можно скорее вернуться в Соединенные Штаты. Тем же путем, как я прибыл в Советский Союз — через Ямбург и Эстонию,— я благополучно добрался до Берлина. Затем начались неприятности. Вместе с одной женщиной, которой было поручено сопровождать меня, я приехал в Бремен, откуда надеялся тайно выехать в Англию; но здесь нас обоих арестовали. Два сыщика явились в гостиницу и потребовали у меня паспорт. Я предъявил им паспорт на чужое имя, но, к несчастью, без полицейской отметки. В тюрьме они допрашивали меня в течение двух дней. Из опыта я знал, что лучшая тактика — ничего не говорить и не отвечать ни на какие вопросы. Но на третий день они предъявили мне фотографию, на которой я был изображен у могилы Карла Либкнехта в Берлине в тот момент, когда я возлагал на нее венок. Стоявший передо мной сыщик, ухмыляясь,

сказал по-немецки: «Господин Харди из Американского рабочего союза».

На следующий день мне объявили, что я «приговорен» к аресту на пять суток за сообщение полиции ложного имени. Меня поместили в камеру с двумя койками. Обе они были уже заняты. Две ночи я спал на каменном полу. Через пять дней меня перевели в центральную тюрьму.

В первое утро во время разрешенной арестованным прогулки во дворе ввели молодого парня с пушистой бородкой. На голове у него сидел непомерно большой котелок, он был во фраке и слишком коротких полосатых брюках и выглядел очень комично. Новый арестант ходил по двору, как полагалось по правилам, с руками за спиной, выпятив корпус вперед. Я расхохотался.

Раздался громкий окрик: «Смеяться запрещается!» Это вызвало у меня новый приступ смеха. Я был не в силах его сдержать. Меня вытащили из вереницы прогуливающихся заключенных и посадили на три дня в одиночку. И вот я был в тюрьме, лишенный возможности связаться с внешним миром. Полиция знала мое настоящее имя, но не предъявила мне никаких обвинений. Долгое время я колотил башмаками в дверь камеры, поднимая страшный грохот, чтобы привлечь к себе внимание. Затем я попробовал другой способ: написал председателю ИРМ Рою Брауну письмо, в котором сообщил ему о своем аресте, об условиях, в которых меня держат, и просил «начать в связи с этим кампанию одновременно в восемнадцати наших журналах». Конечно, письмо так и не вышло за пределы тюрьмы. Но свое дело оно сделало. Меня вызвали к начальнику тюрьмы. «Почему вы причиняете нам столько неприятностей?» — спросил он мягко. Я ответил ему, что должен знать, на основании какого обвинения меня держат в тюрьме. Он сказал, что не может этого сделать, но разрешил мне получать раз в день питание с воли, покупать фрукты, вернул мне мою бритву, предоставил право посещать тюремную библиотеку и удовлетворил еще некоторые выставленные мною требования.

После разговора с начальником тюрьмы меня вызвали в суд. Судья спросил меня через переводчика, где я достал паспорт, в каком месте перешел границу Германии, и задал множество других вопросов, на которые я не мог ответить. Единственное, что мне оставалось —

это требовать, чтобы мне сообщили, почему меня держат в тюрьме.

Наконец, судья огласил целый список обвинений. Я обвинялся в проживании в Германии без регистрации в полиции, в том, что у меня был фальшивый паспорт, в даче ложных сведений для получения визы... Затем судья начал задавать вопросы, на которые я отказался отвечать, пока не получу защитника. Он ответил: «В этот суд защитник не допускается».— «В таком случае, я не стану отвечать на вопросы». Судья заорал: «Тогда вы навсегда останетесь в тюрьме! Уведите его!»

Впоследствии я узнал, что мою провожатую допрашивали в полиции в течение недели и лишь после этого освободили. Несмотря на применение пыток при допросе, она ровно ничего не сказала. Ее поведение было превосходным примером классовой сознательности, великой международной солидарности, которая в последующие годы стала гордостью рабочего движения во всех странах.

Через пять недель я предстал перед судом. Мои друзья с воли нашли мне защитника, но он не знал о моем плане защиты, для подготовки которой у меня было достаточно времени. Защитнику не дали свидания со мной. На суде было зачитано обвинение, и немецкий защитник выступил с возражениями. Мне до сих пор неизвестно, о чем он говорил. Затем судья спросил, хочу ли я сделать какое-нибудь заявление. Я ответил утвердительно. Вот какие я представил доводы:

В Америке меня обвиняли в действиях, направленных против войны, и оштрафовали на 30 000 долларов. (О тюремном заключении я умолчал.) После войны моя организация поручила мне поехать в Германию, чтобы изучить условия жизни там и как можно больше узнать о немецком народе. Английские власти испортили мой паспорт. Я не мог путешествовать под своим именем, и мне пришлось воспользоваться паспортом, на котором и было построено все обвинение. Необходимо принять во внимание, что факт получения паспорта не явился нарушением германских законов. Ввиду обстоятельств, связанных с возложенным на меня поручением, возникает вопрос, были ли у меня преступные намерения или нет, и были ли побуждения, заставившие меня приехать в Германию, дурными или хорошими. Я не зарегистрировался в полиции, так как передо мной стоял выбор — нарушить ли мне гер-

манские законы, продолжая пользоваться чужим паспортом, или нарушить их, не зарегистрировавшись в полиции. Я избрал второе, как менее серьезное преступление... Я добавил, что, по моему мнению, немецкий народ совсем не таков, каким мне его изображали. Я теперь убежден, что германские власти, безусловно, разрешили бы мне беспрепятственно оставаться в стране.

Мне был задан вопрос, где я жил в Берлине. Я ответил: «Я жил среди рабочих в рабочем районе, посещал места, где находятся биржи труда. Видя, что рабочие живут не слишком зажиточно, я снимал у них комнату, останавливался в том или другом доме всего на несколько дней». Адрес? У меня не было постоянного адреса, я не помню даже названий улиц и номеров домов. Трое судей стали совещаться. Затем председатель суда заявил, что «я неплохой человек», и оштрафовал меня на 37 марок — ничтожная сумма при существовавшем тогда курсе — и меня отпустили на свободу.

Но, когда я вышел из суда, меня снова арестовали и бросили в тюрьму. Вскоре меня посетил английский консул. Он сказал, что присутствовал на суде и хочет задать мне несколько вопросов.

«Почему вы разъезжаете по Европе с фальшивым паспортом?» Я ответил: «Потому что вы и вам подобные не даете мне возможности разъезжать иным способом». Затем консул сказал: «У вас было в жизни немало неприятностей, не правда ли?» Я ответил: «Мир полон неприятностей». Консул заявил, что пришел мне помочь. «О, нет, вы пришли, чтобы причинить мне новые неприятности,— ответил я.— И вообще, кто просил вас сюда являться?» Это его рассердило: «Вы не можете добраться до Англии без моей помощи»,— сказал он.— «А кто, черт побери, сказал вам, что я хочу ехать в Англию?» — «Хорошо, но вы не можете уехать без моей помощи». Мы зашли в тупик и оба были в бешенстве. Два арестовавших меня сыщика присутствовали при нашем разговоре. Немцы еще относились к Англии враждебно. Сыщики были в суде во время разбора моего дела и пришли в восторг от моего отношения к консулу. Когда я попросил их отвести меня к некоему г-ну Поттсу, которому было поручено мое дело, они, поговорив между собой, согласились.

Был прекрасный солнечный день. Мы шли по улицам в канцелярию полицейского инспектора. Я не был на свободе, но чувствовал себя почти так же, как тогда, когда вышел из каторжной тюрьмы в Левенуорте. Позади нас семенил кругленький и низенький консул. Он вошел вслед за нами в канцелярию полицейского инспектора. Тот спросил меня по-английски, что мне угодно. «Во-первых,— сказал я, указывая на консула,— я хочу, чтобы этот человек ушел». Консул безропотно вышел. Затем я спросил, почему меня задержали после того, как меня освободил суд. По словам инспектора, указание задержать меня было получено из Берлина. Это все, что ему известно. Он согласился за мой счет телеграфировать в Берлин. Через два дня он вызвал меня в свою канцелярию и сообщил мне, что меня задержали, чтобы выслать из Германии.

После долгих споров меня, наконец, освободили в страстную пятницу. Друзья нашли для меня поручителя из местных жителей, и я был освобожден при условии, что буду ежедневно являться в полицию. Мне надо было во что бы то ни стало избежать высылки, так как это могло бы вызвать большую шумиху и навлечь на меня неприятности по возвращении в Англию. На следующее утро я явился в полицию в 10 часов утра, как было предписано, вместе с моим поручителем, у которого я поселился. Нельзя ли освободить меня от явки в полицию в пасхальное воскресенье и понедельник, так как я хочу присутствовать на церковной службе, которая начинается в 10 часов? Дежурный чиновник возразил, издав несколько лающих звуков, как это умеют делать только немцы. Начался ожесточенный спор. Наконец, он обратился за разрешением к вышестоящему начальнику, и моя просьба была удовлетворена.

В воскресенье утром я попрощался с хозяином дома и его женой и выехал в Берлин. Мои поручители согласились отвечать за мой побег. Впоследствии мне стало известно, что в течение нескольких месяцев их часто навещала полиция, справлявшаяся, известно ли им что-нибудь о г-не Харди. В пасхальный понедельник я прибыл в Штеттин, спрятался в трюме пассажирского парохода «Принцесса Луиза» и через двое суток высадился в Лондоне в доках Миллуол.

На обратном пути в Чикаго я столкнулся с новыми опасностями и волнениями. В те бурные революционные

годы полиция всех стран Европы бдительно следила за тем, чтобы рабочие не ездили в Россию и из России. Я приехал в Англию в апреле вскоре после объявленного 31 марта 1921 года локаута горняков, когда правительство и предприниматели повели прямое наступление против заработной платы горняков. На основании закона о чрезвычайных полномочиях в стране было объявлено чрезвычайное положение. Полиция следила за всеми известными активистами рабочего движения. Я хотел, чтобы кто-нибудь отправился со мной в Соединенные Штаты для участия в агитационной поездке, организованной ИРМ.

Для этой цели я пошел в руководящий центр Коммунистической партии, с основания которой не прошло еще и года. Председателем партии был тогда Артур Макманус. Я высказал ему мысль, что для такой поездки подошел бы Джек Таннер. После посещения Советского Союза он, по-видимому, отказался от анархистских идей и выступал на собраниях в поддержку Советского правительства. Джек охотно согласился поехать в США. Мы выехали вместе в Ливерпуль через Манчестер, где остановились в гостинице «Динсгейт».

Оба мы были уже в постелях, когда в дверь громко постучали. В комнату вошли два сыщика, направились прямо к Джеку и потребовали, чтобы он назвал себя. Джек сделал глупость, зарегистрировавшись в гостинице под вымышленным именем. Он был слишком хорошо известен, чтобы такая уловка удалась, и его тотчас же арестовали.

Я взял билет на проезд в Канаду как эмигрант — паспорта для этого не требовалось. На следующее утро я выехал в Ливерпуль. Я старался вести себя как можно непринужденнее, но в то же время внимательно наблюдал, не следит ли за мной полиция, и задолго до часа отправления парохода находился уже на его борту. Джек Таннер прибыл на пароход перед самым отплытием. Он провел ночь в тюрьме и уплатил большой штраф. Я спустился к нему в каюту и застал там двух сыщиков. Они обратились ко мне: «Вы — мистер..?» — «Да»,— ответил я. Они обыскали мой чемодан, затем поспешили сойти с парохода, заявив, что не сомневаются в том, что еще встретятся со мной. Это звучало зловеще.

После очаровательного путешествия, которого, я уверен, Джек никогда не забудет, мы поздним субботним ве-

чером прибыли в Монреаль. Полиция уже поджидала нас и не разрешила высадиться на берег. Нас отправили в иммиграционное депо, где мы провели под арестом субботний вечер и все воскресенье.

В понедельник утром меня допросил начальник политической полиции. Он заявил, что мы оба будем высланы, ибо существует подозрение, что мы большевики. Я энергично протестовал. «Не называйте меня большевиком,— сказал я,— и выпустите меня. Я уеду следующим пароходом. Это ужасно! Убеждают людей ехать сюда, а потом сажают за решетку».

На вопрос о моей профессии я ответил: «Огородник».

— Что вы знаете об ИРМ?

— Что это такое?

— Индустриальные рабочие мира.

— Никогда о них не слышал.

— Что вам известно о саботаже?

— Ничего.

— Как, вы не знаете, что это такое? И он мне объяснил, что, если люди, у которых есть повод для недовольства, попытаются отомстить, сажая капусту корнями кверху, а листьями в землю, это и есть саботаж. Я был теперь убежден, что им известно, кто я.

Однако дело приняло не тот оборот, какого я боялся. После завтрака меня допросил председатель иммиграционной комиссии. Он сказал мне, что начальник политической полиции не поверил ни одному моему слову. Он задал мне те же самые вопросы. Мои ответы тоже были в точности такими же, как и прежде. Я настаивал на том, что произошла ошибка и я совсем не тот, за кого они меня принимают. «Если это так,— сказал он,— нам в Канаде нужны такие люди, как вы». Я почувствовал некоторое облегчение. Меня подвергли в комиссии третьему допросу, но я твердо держался своих ответов и повторил свой протест. В конце концов они освободили меня условно после того, как я назвал им человека, живущего в Англии, который мог за меня поручиться. Их почти убедила выдуманная мной история. На этом этапе своего путешествия я фигурировал под фамилией Кэмпбелл и почти уверен, что они приняли меня за Дж. Р. Кэмпбелла, видного деятеля, возглавлявшего рабочее движение на Клайде.

Вскоре без всяких условий был освобожден Таннер.

Мы поспешно выехали по железной дороге в Гамильтон (провинция Онтарио), а оттуда в Чикаго.

Я вернулся к работе в руководстве ИРМ с твердым намерением добиться таких изменений, которые превратили бы ИРМ в боевую организацию, проводящую политику, соответствующую новым перспективам, открывшимся перед рабочим классом после русской революции. Однако я прекрасно понимал, что нелегко будет разбить глубоко укоренившуюся предвзятость и враждебность к «политике», развившейся в ИРМ. Я надеялся, что достижению этого будет способствовать агитационная поездка Таннера, и мы как можно скорее снарядили его в путь. Он должен был сначала направиться на север, в Сиэтл, затем на Тихоокеанское побережье, потом обратно на восток, в Чикаго. Его лекции имели большой успех. Затем что-то произошло — что именно, мне так и не удалось в точности узнать. От Таннера пришло письмо, в котором он, не объясняя причины, сообщал, что возвращается в Англию. Мы так и не смогли его переубедить. Остальные лекции пришлось отменить. Я попрощался с ним в Нью-Йорке с чувством глубокого огорчения.

Между тем внутри ИРМ назревал кризис. После моего доклада о Берлинской конференции синдикалистов, поддержанного исполкомом ИРМ, консерваторы мобилизовали свои силы. На состоявшемся в 1921 году съезде ИРМ оппозиция во главе с Джоном Сэндгреном выдвинула все старые, избитые доводы об опасностях, к которым ведет «господство политиканов», теорию, что революция в основном дело производственного характера, что классовая борьба возникает только «непосредственно на месте производства», что новое общество должно быть построено «в рамках старого», как это изложено во вступлении к уставу ИРМ. В общем, оппозиция требовала сохранять чистоту организации, живущей только прошлым и в прошлом. Реакционные элементы нашего движения подчас с патологическим неистовством оказывали сопротивление неизбежным переменам.

Группа Сэндгрена всемерно старалась провалить предложение послать делегатов на конгресс Красного Интернационала профсоюзов, который должен был вскоре состояться в Москве. Группа потерпела поражение, и предложение было принято подавляющим большинством. Было решено послать на конгресс одного делегата. Выбор деле-

гата, павший на Джорджа Уильямса, оказался неудачным. На съезде он сказал, что полностью согласен с намеченной в моем докладе политикой поддержки Советского правительства и принятия двадцати одного пункта Коммунистического Интернационала. Но на конгрессе Профинтерна Уильямс не произнес почти ни одного слова, а на обратном пути в Америку присоединился в Германии к отколовшейся разношерстной группе анархистов, пытавшейся образовать «интернациональную» оппозицию.

Пока Джорж Уильямс отсутствовал, истек срок моих полномочий как генерального секретаря, и я отправился в агитационную поездку по стране. На митинге в городе Сюпириор (штат Висконсин) я очень резко выступил против анархистов. Возражая против теории ИРМ, исходившей из того, что для преобразования общества нужны только производственные профсоюзы, я задал следующий вопрос: «Предположим, что завтра вы смогли бы захватить в свои руки средства производства и распределения. Что бы вы предприняли?» Кто-то крикнул: «Вооружили бы рабочих». «Правильно,— заметил я.— А что это означает? Начало государства трудящихся». (Громкие аплодисменты.) Тогда я сказал: «Именно так поступили русские и благодаря этому одержали под руководством Ленина и рабоче-крестьянского правительства победу». Снова раздались аплодисменты. Здравый смысл и классовое сознание одержали верх.

Среди слушателей находился один из членов исполкома ИРМ. Он послал руководству телеграмму, в которой заявил, что я произношу коммунистические речи. Я получил распоряжение немедленно вернуться в Чикаго, и мои выступления были отменены.

Том Баркер и некий Грин, вернувшиеся из России, были вызваны руководством ИРМ, которое предложило им рассказать о моих переговорах в Москве. Исполком, как мне заявили, расценивает мое поведение как намерение ликвидировать ИРМ. Именно это обвинение было выдвинуто против меня впоследствии. Когда исполком потребовал у меня объяснений по поводу моего поведения в Сюпириоре, я повторил все то, что сказал на митинге. Затем я задал руководству вопрос: «Как вы будете защищать рабочих, завладевших промышленными предприятиями?» Ответ мог быть только один. Они колебались. «Будете ли вы вооружать рабочих?» — спросил я. Некоторые отве-

тили утвердительно, другие пытались уклониться от высказывания, но я требовал прямого ответа. Наконец, все, за исключением председателя, сказали: «Да!» Кто-то предложил, чтобы я продолжал свою агитационную поездку. Я согласился при условии единогласного решения. Оно было принято, после чего на всех собраниях я призывал к вступлению в Красный Интернационал профсоюзов и к поддержке Советского правительства.

Но перемирие скоро кончилось. Уильямс прислал из Германии телеграмму, в которой настаивал, чтобы вопрос о вступлении в Профинтерн до его возвращения не поднимался. Я получил по телеграфу распоряжение не касаться этого вопроса в своих выступлениях. Первое столкновение произошло в Нью-Йорке, где я должен был выступать в Уэбстер-холле. Два члена исполкома ИРМ специально приехали в Нью-Йорк из Чикаго, чтобы предложить мне не упоминать на собраниях о Профинтерне. Я отказался. После длившегося целый день спора мне объявили, что мне не разрешат выступить и что вместо меня назначен уже другой докладчик. В конце концов мне предоставили слово при условии, что я не буду упоминать о Красном Интернационале профсоюзов. Я сдержал обещание, но, по существу, сказал в своей речи все, что хотел; я всемерно старался разоблачить деятельность реакционного Амстердамского Интернационала, но делал это, не выходя из установленных для меня рамок. На следующий день пришла новая телеграмма: «Отменить все собрания после выступления в Паттерсоне». Зал был переполнен, присутствовало более тысячи человек, и я мог отвести душу. После самой резкой критики в адрес консервативных членов исполкома я сказал: «Они не извлекли из русской революции никаких уроков; подобно Бурбонам, они ничему не научились и ничего не забыли». Моя речь имела большой успех. Это было мое последнее официальное выступление от имени организации, хотя и не лебединая песнь в ИРМ, ибо я вместе с группой, в которую входили такие лидеры, как Рой Броун, Майк Новак, Джо Брандт и многие другие, еще долгое время пытался создать движение меньшинства внутри ИРМ. Вскоре после моего разрыва с руководством ИРМ я вступил в Американскую коммунистическую партию.

Наша группа меньшинства собрала среди членов ИРМ достаточно средств для выпуска «Бюллетеня единства»,

в котором мы излагали свои взгляды и подчеркивали необходимость политики единого фронта в борьбе рабочих. Мы стремились показать тесную связь между борьбой за повышение заработной платы и политическими требованиями. В 1922 году в январском номере бюллетеня я писал: «Чтобы вести игру, затрагивающую социальные вопросы, нам нужны руководители, способные отдать себе ясный отчет в происходящем и действовать быстро...»

Мы разъяснили порочность старого лозунга «Долой политику!» «Чтобы американское рабочее движение стало действенным,— писал я,— нам необходимы люди, которые смогут дать правильную оценку политическому положению и понять события, развертывающиеся в промышленности. Необходимо и то и другое... Экономические организации рабочего класса должны быть в состоянии предвосхитить шаги предпринимателей. А эти шаги, как мы знаем из опыта последних лет, носят далеко не всегда экономический характер, а часто сугубо политический. Что я сделал во время поездки по Англии для наших доблестных товарищей — рабочих, сидевших в тюрьме? Чего мы хотели достигнуть, когда дважды ставили в Палате общин вопрос об ИРМ? Ради чего я просил английских рабочих направить протест в Вашингтон и добился этого? Разве все это не относилось к сфере политики?»

В соответствии с данным Ленину обещанием я вместе с другими членами группы меньшинства в ИРМ агитировал за поддержку созыва конференции, в результате которой была создана Рабочая партия, обеспечившая Коммунистической партии в конечном итоге возможность легального существования. Я был послан на эту конференцию делегатом от группы меньшинства.

Противоположность позиций нашей группы и реакционного руководства ИРМ выявилась полностью. Чем больше мы разоблачали наших руководителей, тем яростнее выявилась их злоба и тем ниже было их падение. Однажды они организовали налет на редакцию выходившей на венгерском языке газеты ИРМ. Захватив помещение редакции и угрожая револьвером редактору газеты Ньюмэну и управляющему Бартеллу, реакционеры похитили все документы, захватили имевшиеся в кассе деньги и чековую книжку. Мы сразу отправились в банк, приостановили платежи по чекам, открыли редакцию в новом помещении, напечатали «сенсационное» описание на-

лета и вновь выступили с заявлением, излагавшим политику меньшинства. Тогда вооруженные члены ИРМ напали на Бартелла, избили его до потери сознания и отобрали деньги, собранные им для газеты.

Описывая этот инцидент, Бартелл указал: «Перед тем как я потерял сознание, я услышал, как кто-то сказал: «Когда мы поймаем Харди, ему достанется еще больше». Были еще и другие ожесточенные столкновения, в которых участвовали члены исполкома. Подобные бандитские выходки явились началом конца организации, вписавшей славные страницы в историю профсоюзного движения Соединенных Штатов.

15 января 1922 года я отправился в агитационную поездку, организованную обществом друзей Советской России, для сбора средств в фонд помощи голодающим в России. В середине поездки я получил телеграмму от руководства ИРМ, содержавшую угрозу взять обратно залог, внесенный за меня, когда я был приговорен к высылке. Это означало бы для меня немедленное заключение в тюрьму и последующую высылку. Рой Браун поместил в «Бюллетене единства» текст телеграммы вместе с обращением ко всем членам ИРМ, выражавшим уверенность, что они не одобрят «этого поступка, превращающего руководство ИРМ в тюремщиков в интересах правящего класса». Протесты сыпались градом, и исполком не смог осуществить своей позорной угрозы. Я помню, что на глазах честного борца за дело рабочего класса Тома Уайтхеда, бывшего в то время секретарем северо-западного комитета ИРМ по организации защиты арестованных, выступили слезы, когда во время собрания в Сиэтле я показал ему эту телеграмму.

Вскоре я был исключен из ИРМ. Это произошло после того, как были опубликованы мои заметки в поддержку предложения о присоединении ИРМ к конференции всех независимых профсоюзов, не входящих в Американскую федерацию труда. Исполком изобразил это как попытку ликвидировать ИРМ, и меня с Майком Новаком исключили. Уильям Беннет писал в газете «Билдерс оф Бритиш Колумбия», что «ИРМ была первой в Америке профсоюзной организацией, исключившей из своих рядов членов организации — коммунистов за их политические убеждения».

Меня не вызывали в организацию, чтобы я мог ответить на предъявленные мне обвинения. Я узнал о своем исключении из газет ИРМ. Я отказался обжаловать исключение, хотя члены ИРМ со всех концов страны настаивали, чтобы я это сделал. Отчасти я поступил так потому, что к этому времени был уже целиком поглощен работой в Профинтерне и должен был выехать в Германию.

Перед отъездом в Берлин я выступал на нескольких митингах от имени Коммунистической партии Канады. Однажды ясным солнечным утром я ждал после собрания в Китченере (провинция Онтарио) поезда на Галт. Мимо платформы пронесся товарный состав. В конце платформы показался человек, с ног до головы покрытый пылью. Это был мой близкий друг Тим Бак. «Откуда ты взялся, Тим?» — спросил я.— «Только что соскочил с товарного,— ответил он.— Был далеко на Западе, в Кроус Нест Пасс, в Британской Колумбии. Занимался организационной работой». Вот как жили ветераны профсоюзного движения. Проехать зайцем тысячи миль было обычным делом. Я хотел бы знать, как хорошо представляют себе эти условия наши более молодые товарищи. После 1922 года, когда произошла моя неожиданная встреча с Тимом, я много раз встречался с ним, но моему мысленному взору всегда представлялась покрытая пылью фигура, шагающая вдоль платформы.

Я поехал в Гамильтон, чтобы выступить там по случаю празднования 1 Мая. В городе царило возбуждение. Тысячи безработных присоединились к демонстрации. Когда демонстрация проходила мимо редакции газеты «Спектейтор», оскорблявшей на своих страницах безработных, раздались враждебные выкрики. Появились полицейские на мотоциклах. Когда участники демонстрации двинулись по узким боковым улицам к рыночной площади, где должен был состояться митинг, они оказались запертыми между полицейскими отрядами, шедшими впереди и сзади. Полицейские напали на демонстрантов, пустив в ход дубинки. Было много раненых и арестованных, но мужественные участники демонстрации бесстрашно продолжали путь и достигли площади. Я выступал с автомобиля. Меня слушала огромная толпа, к которой присоединилось множество людей, возмущенных жестокостью полиции,

На следующий день суд оштрафовал около тридцати демонстрантов на большие суммы за нарушение общественного порядка. Наш товарищ Джек Каунселл, ныне покойный, выступил защитником. Он сказал, что демонстранты ни в чем не виновны, демонстрация носила мирный характер, ее участники не имели никаких дурных намерений, а лишь воспользовались своим законным правом праздновать день 1 Мая.

Тут судья перебил защитника и сказал, что он тоже присутствовал на митинге на рыночной площади. «Вы меня не убедите, что оратор, которого я слышал, не знал, чего он хочет»,— добавил судья.

Это был последний митинг, на котором я выступал в Канаде. Вскоре я выехал в Берлин.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

НАСИЛИЕ — ИХ КРЕДО

Первый период жизни. Америка в горниле испытаний. Список злодеяний. Мученики Чикаго. Страшный год. Линчевание Фрэнка Литтла. Налет на Сентралию. Герой Сибири. Джо, который никогда не умрет. «Долой хозяев!». Вспышка молнии.

I

Так на тридцать восьмом году моей жизни окончился тот ее период, который я считаю первым периодом своей жизни; он относится к той бурной эпохе, которая началась, когда над эксплуататорами трудящихся еще сияло безоблачное небо, и окончилась ураганом войны, после которого забрезжил рассвет подлинной свободы. Это был период, в течение которого неотесанный парень из Йоркшира познакомился с миром и возмужал, приобретая почти весь свой жизненный опыт в профсоюзах и в рабочем движении. Это был период тяжелых испытаний и заблуждений, иногда даже ложных путей, но в то же время — период упорных поисков правильного пути познания подлинных движущих сил общества, существующего за счет трудящихся, ибо без познания их мириады ожесточеннейших боев рабочих не могут дать плодотворных результатов. Это было время, когда я переменил десяток разных профессий, познал простое житейское счастье, семейные радости, красоты природы и в то же время — тяжелый труд под плетью суровой необходимости; я воспитывал детей и сидел в тюрьме; я познал радость товарищества и горечь неизбежных ссор при защите дела трудящихся.

Наступал второй период моей жизни, когда пламенные надежды, вызванные потрясшими весь мир событиями 1917 года, претворились в свободу для многих народов, когда правильный путь вперед, с трудом нащупываемый рабочими массами в первые годы, стал ясен всему миру. Тот период, когда в Европе и Азии, в Африке и Велико-

британии на мою долю выпало счастье идти по этому пути, стать свидетелем ряда великих моментов борьбы и, смею надеяться, внести свою лепту в дело освобождения трудящихся.

Америку я оставил навсегда. Но я не могу в этом повествовании не вернуться мысленно назад и не посвятить несколько страниц размышлениям о том, какой была Америка в то время, когда я ее знал, о расцвете и упадке организации, которой я посвятил бо́льшую часть первого периода своей жизни, о положении Америки и американского народа в современном мире.

Культ насилия, алчность и злоба правящего класса Америки, которые сегодня как никогда поражают и тревожат народы мира,— вот обстановка, в которой протекала бо́льшая часть первого периода моей зрелой жизни.

Этот культ был тем горнилом, в котором в течение более ста пятидесяти лет формировалась экономическая, политическая и общественная жизнь Америки. С другой стороны, он обусловил возникновение различных организаций, процветавших среди рабочих. Особенно примечательно то, что он вызвал к жизни ИРМ с ее героизмом и ложными доктринами, ожесточенной классовой позицией и ограниченным горизонтом, с ее силой и слабостью. Об истоках этого американского культа много писали другие авторы. История его хорошо известна, хотя ее часто забывают люди, приписывающие ежедневные агрессивные высказывания американских государственных деятелей исключительно страху, охватившему их в мире, который начинает поворачивать к социализму.

Пока я томился в тюрьме округа Кук в ожидании суда, я прочитал книгу, частично объясняющую на основании официальных отчетов преступное происхождение американской системы. Я имею в виду книгу профессора Чарлза Бирда «Экономическая интерпретация конституции США» — замечательный исторический труд, который я высоко ценю и которым пользовался в течение многих лет.

Эта книга, естественно, произвела на меня глубокое впечатление, усиленное еще теми обстоятельствами, при которых я ее читал. Бирд вспоминает, что конституция США была ратифицирована насильственным путем. В Пенсильвании были призваны на помощь хулиганы, которые тащили членов палаты штата на заседание, чтобы собрать кворум: «Эти исполнители при деятельной под-

держке черни врывались в жилища членов палаты, хватали их, тащили по улицам к зданию палаты и вталкивали их в зал заседаний в изорванной одежде и с бледными от ярости лицами».

Как внутри страны, так и за ее пределами властители Соединенных Штатов добились господствующего положения путем обмана, подкупа и кровопролития. Слова «свобода» и «права человека» в их устах были ложью, произносимой только для того, чтобы замаскировать свои преступления. Из поколения в поколение классовая борьба в США представляла собой летопись пыток, убийств, постоянными жертвами которых являлись люди, боровшиеся за предоставление прав человека трудящимся. В наше время жестокие изуверы — американские империалисты — прибегли в войне к напалму и бактериологическому оружию, чтобы истребить половину населения Северной Кореи, а теперь они опять грозят массовыми убийствами при помощи водородных бомб, пытаясь путем запугивания подчинить себе весь мир. Пока не поздно, все миролюбивые народы должны извлечь из этого урок. Это — бесчеловечно! Это — отвратительно! Надо обуздать империалистов, пока они не вовлекли все человечество в новую мировую войну.

Все злодеяния и насилия, совершаемые над американскими рабочими и над народами других стран, всегда тщательно подготовлены. Вину неизменно возлагают на жертвы — на живых или мертвых,— как бы ни была очевидна и велика возведенная на них ложь. Официальные представители и печать заранее получают подробные инструкции, обвинение тщательно подстроено, обвиняемым выносится приговор еще до того, как они предстают перед судом. Если дело возбуждено против лиц, придерживающихся социалистических взглядов, то подсудимым до и во время суда приписываются самые низкие побуждения. Правосудие? Какая насмешка! Я знаю по опыту долгих лет, что из многих десятков процессов, проведенных на Североамериканском континенте, только в четырех случаях такие сфабрикованные обвинения против лидеров рабочего класса были признаны необоснованными.

Негодяи неизменно прикрывались патриотизмом, убийцы изображали себя людьми, воодушевленными самыми высокими идеалами, людьми, защищающими свободу и права человека.

В течение ряда лет я вел список этих злодеяний. Он ведет свое начало с 70-х годов прошлого века, когда пенсильванские горняки, большей частью ирландцы, восстали против снижения заработной платы. После того как их профсоюз был распущен, он тайно продолжал свою деятельность под флагом старинного ирландского ордена Гибернийцев *.

Этой организации власти дали прозвище «Молли Магвайрс». Профсоюзный шпик из агентства Пинкертона организовал в провокационных целях поджог и убийство. После этого на основании ложных показаний, полученных от известных преступников, в 1877 году были повешены девятнадцать горняков, а в 1879 — еще несколько человек.

Уже тогда, когда совершилось это узаконенное убийство, печать обнаружила всю свою трусость. Английские профсоюзы изображались, между прочим, как вдохновители самых тяжких преступлений. «Нью-Йорк таймс» писала в передовой статье 14 мая 1876 года:

«Английские профсоюзы прибегали к избиениям, убийствам и поджогам, чтобы вселить ужас в сердца тех, кто им сопротивлялся. Этот источник зла был перенесен на американскую почву, и сейчас в горнопромышленных районах Пенсильвании мы видим его неизбежные плоды...»

Юджин Дебс писал в 1907 году:

«Люди, погибшие на эшафоте, как закоренелые преступники, были вождями профсоюзного движения, первыми жертвами классовой борьбы в США».

Я близко знал Люси Парсонс, вдову одного из четырех рабочих, признанных виновными в убийстве во время агитации за восьмичасовой рабочий день в 1886 году; эти четыре героя, которые находились в тюрьме округа Кук до того, как туда бросили членов ИРМ, умерли на виселице. В действительности убийцей был агент-провокатор, бросивший бомбу в мирных людей, собравшихся на открытый митинг. Парсонс, Энгель, Шпис и Фишер были невиновны. Позднее трех из чикагских обвиняемых, приговоренных к пожизненному заключению, пришлось освободить, после того как губернатор штата Джон Алтгелд получил неопровержимые доказательства их невиновности и помиловал их.

* Тайный римско-католический орден, существовавший в Ирландии (Иберния — древнеримское название Ирландии). У ордена были отделения в США и Великобритании.— *Прим. ред.*

Один из друзей Алтгелда предупреждал его, что он погубит свою политическую карьеру, если помилует этих людей. Он ответил: «Если эти люди были осуждены несправедливо, я дам им свободу, даже если для меня это будет означать политическую смерть». Надо было обладать мужеством, чтобы так смело пойти против течения.

В Англии Уильям Моррис напряженно боролся за спасение от виселицы четырех невиновных людей. В газете «Коммонуил», редактором которой он был, Моррис осуждал оппортунистов типа Генри Джорджа, сторонника единого земельного налога, который сперва заявил, что он убежден в невиновности этих людей, а потом предательски присоединился к их палачам. Генри Джордж писал: «Утверждение судьями верховного суда штата Иллинойс... после подробного ознакомления с показаниями свидетелей... решения присяжных заседателей и приговора опровергает мнение, будто чикагские анархисты были осуждены без достаточных улик» («Стандард», 8 октября 1887 года).

Так из года в год плели смертоносную паутину лжи.

1912 год

Забастовка текстильщиков в Лоуренсе, о которой уже упоминалось при описании суда над членами ИРМ. Стачка была всеобщей. Солидарность небывалая. Поддержка по всей стране. И вот полицейский убил одну из бастовавших, итальянскую девушку Анну ла Пиза, и затем юноша-сириец получил удар штыком в спину. Но обвинили в убийстве двух профсоюзных организаторов — Джозефа Эттора и Артуро Джиованитти, хотя они в этот момент оба выступали на митинге за две мили от места происшествия. Их продержали в Салемской тюрьме семь месяцев, чтобы обезглавить руководство стачки. Рабочие вернулись на фабрики лишь после того, как добились некоторых уступок, несмотря на то, что полиция, нанятые компанией бандиты и милиция сделали все возможное, чтобы сорвать стачку.

1913 год

Сборщики хмеля на принадлежавшем миллионеру ранчо в Уитфилде (штат Калифорния) объявили забастовку. Они работали при температуре около 40°, получая

нищенскую заработную плату. Не хватало воды. Санитарные условия были ужасны. На ранчо работали два организатора ИРМ. Когда они предъявили хозяину свои требования, он отхлестал их перчаткой по лицу. Затем он послал за шерифом и его вооруженными помощниками, которые подняли стрельбу и убили мальчика-водоноса. В последовавшей затем схватке один из рабочих убил помощника шерифа. Но под суд за убийство отдали двух организаторов ИРМ — Форда и Сура, которые были приговорены к пожизненному заключению.

1914 год

Стачка горняков, работавших на рудниках «Колорадо фюэл энд айрон компани» — Рокфеллеровский концерн. Горняков выселили из принадлежавших компании домов. Они поставили палатки, поселились в них и продолжали борьбу. Однажды ночью войска подожгли палаточный поселок, предварительно облив брезент керосином. Ветер благоприятствовал преступникам. Женщины и дети сгорели заживо. Чтобы привлечь внимание общественности к этому чудовищному преступлению, «матушка» Джонс (умершая в 1930 году в возрасте ста лет) и еще многие женщины пикетировали в течение нескольких дней здание, где помещались конторы Рокфеллера в Нью-Йорке.

1916 год

Страшный год. Горняки компании «Масаба айрон рейндж» начали забастовку. «Юнайтед Стейтс стил корпорейшн», всегда готовая применить насилие, организовала целую экспедицию из вооруженных полицейских и нанятых компанией головорезов, убийц, профсоюзных шпиков. Один из бандитов застрелил Джона Алара, рабочего-финна, когда он сидел у себя на веранде с маленьким ребенком на руках. Ник Мазонович, следуя принципу «око за око, зуб за зуб», убил, в отместку, этого бандита. И опять трем руководителям забастовки — Сэму Скэрлетту, Треска и Шмидту предъявили обвинение в убийстве. Они были оправданы лишь потому, что во время процесса Мазонович признал себя виновным. Но дядюшка Сэм — мстительное существо. Скэрлетту не довелось выйти на

волю. Во время чикагского процесса, несмотря на отсутствие улик, он был приговорен к двадцати годам тюрьмы.

Еще через год объявили забастовку рабочие лесопильного завода в Эверетте. Были завербованы головорезы, которых зачислили помощниками шерифа. 30 октября они схватили сорок рабочих, только что прибывших на пароходе из Сиэтла, вывезли их из города в Беверли-парк, избили прикладами, дубинками и острыми кирками до бессознательного состояния и бросили там. Рабочие решили вернуться с большими силами и устроить митинг протеста. Свыше трехсот человек сели в Сиэтле на специально зафрахтованное судно «Ворона». Шпик из агентства Пинкертона предупредил об этом шайку в Эверетте. Шериф Макрей и его «патриоты» залегли в доковых складах. Как только судно подошло близко к причалу, они осыпали его градом пуль. Палуба была забита людьми, и, пока «Ворона» успела развернуться и уйти обратно в открытое море, пять человек было убито и пятьдесят ранено. Многие упали за борт и исчезли навсегда. На судне у одного человека было ружье и он дал ответный выстрел; его потом обвинили в убийстве одного из бандитов, засевших на складе. Это никем не было доказано. Тем не менее все, кто остался жив, по возвращении в Сиэтл были арестованы и семьдесят четыре человека были обвинены в убийстве! Вначале в виде пробы слушалось дело некоего Трэйси. Он был оправдан, и всех остальных освободили. Однако, если бы не поднятый по всей стране после ареста энергичный протест, всем подсудимым был бы вынесен обвинительный приговор, несмотря на явное лжесвидетельство владельцев заводов и их провокаторов.

Сан-Франциско. Тома Муни — руководителя профсоюза рабочих-трамвайщиков — нельзя было подкупить. Следовательно, от него надо было отделаться. Была заложена бомба поблизости от того места, где должна была пройти демонстрация, организованная в связи с подготовкой к вступлению США в войну. Девять участников было убито, сорок ранено. Том Муни и Уоррен К. Биллингс были приговорены к смертной казни, хотя оба доказали полнейшее алиби. Поднявшиеся во всем мире протесты заставили изменить приговор. До своего ареста в 1917 году я принимал активное участие в борьбе за освобождение Муни и Биллингса. После освобождения, в 1922 году, я навестил Тома Муни в тюрьме. Здоровье его было

подорвано, но прошло восемнадцать лет, прежде чем его выпустили, а еще через два года он умер от полного физического истощения.

1917 год

Год ожесточенной классовой борьбы, истерии, раздуваемой поджигателями войны, год бесчисленных злодеяний и насилий. Бастующих горняков в Фениксе (штат Аризона) вытаскивали ночью из домов, угрожая штыками, загоняли в специальный товарный поезд и увозили в пустыню Нью-Мексико, предоставляя их самим себе.

Тулса (штат Оклахома). Рабочих-нефтяников увезли в лес, раздели донага, привязали к деревьям и избили линьками, пропитанными соляным раствором. Затем в кровоточащие спины втирали деготь.

Организатора ИРМ Джона Эйвила подвесили к дереву и оставили умирать. Он выжил и поправился, но лишь для того, чтобы быть арестованным и осужденным на пять лет по обвинению в участии в заговоре.

В том же году было совершено одно из самых вопиющих злодеяний во всей истории рабочего движения США: линчевание Фрэнка Литтла. Это случилось в Бьютте (штат Монтана) после пожара на шахте «Спекулейтор» — того ужасного происшествия, которое, как я уже говорил, было кульминационным пунктом драмы на чикагском процессе. Когда бастовавшие горняки обратились к Фрэнку Литтлу, организатору ИРМ (который в это время лечил в Аризоне сломанную ногу), с просьбой помочь им, он, узнав о забастовке, сразу бросил все и поехал в Бьютт. Я хорошо знал Фрэнка. Мы выступали вместе от имени товарищей по эвереттскому делу. Это был опытный и бывалый ветеран многих боев. Он прибыл в Бьютт и немедленно выступил со своим знаменитым воззванием на митинге бастующих. «Не обращайте внимания на штрейкбрехеров в военной форме. Они не смогут штыками добывать медную руду». Через некоторое время ворвавшиеся к нему ночью головорезы из «Анаконда коппер компани» вытащили его из постели в одной пижаме. Они набросили ему на шею петлю, прикрепили веревку к большому автомобилю и поволокли его по улицам к железнодорожному тупику. Там они его повесили.

На суде Билл Данн, бывший тогда редактором социалистической газеты «Бьютт дейли буллетин», показал, что

на теле Фрэнка были страшные раны, нанесенные крюком. Все нити преступления вели к однорукому Билли Отсу, который, как было известно, работал в компании. Судья Лэндис громко заявил: «Вызвать Билли Отса в суд в течение сорока восьми часов». Это послужило предостережением Билли Отсу, что он должен скрыться. Конечно, он так и не предстал перед судом.

Вскоре после моего освобождения я приехал в Бьютт, чтобы выступить на митинге. Бандиты и их печать подготовили надлежащий прием. «ИРМ не будет говорить в Бьютте сегодня вечером»,— гласил заголовок одной из газет, напечатанный крупным шрифтом поперек всей полосы. В газете говорилось, что «этому большевистскому агенту не позволят оскорблять американские общественные учреждения» в его сегодняшнем выступлении в школе. Это заявил фашистский Американский легион. Но горняки тоже подготовились. Когда я показал газету секретарю профсоюза, он заметил: «Не бойтесь ничего». Горняки выбрали сочувствующего им шерифа, который созвал и вооружил горняков и расставил посты внутри школы и возле нее. На собрание пришло много народу, и я под вооруженной охраной рабочих выступил перед полной энтузиазма аудиторией. Прямо с собрания я вернулся в отель Стил. Хозяйка, вдова Стил, сидела одна в вестибюле. Она угостила меня кофе. «Вы знаете, где вы остановились?» — спросила она. Это была та самая гостиница, в которой они арестовали Фрэнка Литтла. Вне себя от возмущения, она рассказала мне все, что тогда произошло, описала, как убийцы ворвались в его комнату, стащили его с постели, поволокли на улицу. «Я отодвинула занавес,— сказала она,— и видела все, что случилось». Это была пожилая дама, сохранившая в душе свойственное ирландцам сочувствие ко всем угнетенным. «Один из них, грязная свинья, все еще живет в Бьютте и все так же служит в компании «Анаконда»,— сказала она мне с глубокой горечью. На следующее утро я направился к Биллу Данну. Я хорошо знал его еще по Ванкуверу, где он был организатором в профсоюзе электриков. Его редакция помещалась в бывшей церкви. Вооруженный сторож стоял у входа. Ружья лежали наготове около сотрудников, пока они печатали на машинках.

Еще раз я выступал в Бьютте после забастовки 1920 года, во время которой бандиты компании обстрели-

вали массовые пикеты, убили Джо Мэннинга и ранили много людей. Одному молодому ирландцу, по фамилии Салливэн, они прострелили спину. После собрания я отправился навестить его в больницу. Я спросил его, как он себя чувствует. Несколько минут — мне они показались очень долгими — он не отвечал; он лежал, вытянувшись на спине с пепельно-серым лицом. Его взгляд был устремлен на меня. Я чувствовал, что конец его близок. Затем он произнес тихим, но твердым голосом: «Черт возьми, они с нами разделались, но придет день, когда мы с ними рассчитаемся». Его мужество глубоко меня тронуло. Позднее, когда я стал генеральным секретарем ИРМ, я добился, чтобы его положили в Институт спинно-мозговых болезней Мэйо в Миннесоте, но спустя некоторое время врачи признали его болезнь неизлечимой и потребовали, чтобы мы взяли его оттуда. Мы наняли ему уютную квартирку в Чикаго, угловую, с двумя окнами, выходящими на Джексон-парк. За ним бессменно ухаживала медицинская сестра — рыжая ирландка. Она ходила за ним еще в больнице в Бьютте. Она бросила работу и последовала за ним в Миннесоту, дежурила при нем в чикагской больнице и постоянно находилась с ним в его квартире. Отец юноши приехал из Ирландии, чтобы взять его домой. Он его увез, и там через три месяца этот юноша умер.

Во всех этих зверствах правители США неуклонно и последовательно соблюдали свое дьявольское правило — сваливать ответственность за свои преступления на плечи жертв. Правительственное расследование, проведенное в 1920 году, установило, что в «вооруженном лагере» в Бьютте около одиннадцати тысяч человек, занятых на медных копях, «не были допущены к работе по указанию ИРМ». И вслед затем — обычная бессмыслица: «Это последняя ставка ИРМ, и руководители ее хотят, чтобы она была началом революции».

Федеральный судья Буркен придерживался совсем иной точки зрения, хотя его никак нельзя было причислить к друзьям ИРМ. «Члены ИРМ в Бьютте,— заявил он в суде,— искали путей для облегчения тяжелых условий труда и повышения заработной платы, прибегая, если это было необходимо, к стачкам. В ответ на это служащие компании, федеральные агенты и солдаты под командованием должностных лиц, действовавших от имени федеральных властей, вторгались в клубы рабочих— членов

ИРМ, на их мирные собрания, не имея надлежащего ордера на обыск. Члены ИРМ, мужчины и женщины... кроме устных протестов, не оказывали никакого сопротивления и ничем не отвечали на насилие. Беспорядки вызывали только налетчики... [они] ломали и разрушали имущество, рылись в вещах и бумагах, захватывали дела и документы, ругались, оскорбляли, били и разгоняли штыками членов союза... Вообще они развернули в спокойном многолюдном городе оргию террора, насилия и преступлений против граждан США и иностранцев, единственный проступок которых состоял в том, что они мирно настаивали на осуществлении своих бесспорных, законных прав...

Защита и пропаганда зла,— продолжал он,— гораздо менее опасны для страны, чем деятельность партий, попиравших закон и порядок, гуманность и правосудие... они являют собой воплощенный дух нетерпимости — самое тревожное явление в Америке сегодняшнего дня. Мыслящие люди... видят бо́льшую опасность в них и их деятельности, а также в стимулируемой правительством истерии, чем в несчастных, всеми ненавидимых «красных» — мнимой причине всех зол» *.

1918 год

Следующая страница в истории американского террора была вписана лесным трестом, организовавшим налеты в Сентралии. В этом маленьком городке в штате Вашингтон наблюдалась обычная картина: успешная борьба на лесопунктах за повышение заработной платы, возросшее влияние ИРМ, истерическая кампания в печати, открытое насилие, организованное властями. Вот что я услышал из уст очевидцев, когда впоследствии приехал в Сентралию:

Процессия Красного Креста, возглавляемая полицией, мэром и губернатором штата при участии роты Национальной гвардии шагала по городу. Когда она подошла к зданию ИРМ, ряды демонстрантов, как было условлено заранее, расстроились, и они напали на здание. Вооруженные камнями и дубинками, они стали ломиться в двери и окна. Злобная, разъяренная толпа ворвалась в дом и начала ломать мебель и выбрасывать конторское оборудование на улицу. Членов союза избили и вытащили на

* Ловенталь, Федеральное бюро расследований, стр. 96—97.

улицу, чтобы они видели, как эти негодяи жгли их отчеты и мебель. Найденный в помещении граммофон тут же на месте продали с аукциона в пользу Красного Креста. Дом и контору подожгли. Членов союза волокли по улицам с петлей на шее. Слепого газетчика, продававшего социалистические газеты и издания ИРМ, схватили и завезли за много миль, в деревню, где его бросили в канаву. Он не мог понять, где он находится. Прошло немало времени, прежде чем его нашли и привезли домой.

Некоторые члены профсоюза, изгнанные за пределы округа и получившие приказ никогда больше не возвращаться, бесстрашно вернулись, сняли новое помещение и принялись создавать союз. Организация вашингтонских предпринимателей открыто призывала 31 октября 1919 года в своем официальном бюллетене к насильственным действиям. «Заткнуть глотку агитаторам,— кричали они,— повесить большевиков!» В Ванкувере (штат Вашингтон) они организовали от имени «лояльных граждан» «Лигу защиты от большевиков и от советской формы правления — за свободный наем рабочих».

1919 год

Еще одна демонстрация, организованная после создания торговой ассоциацией «комитета» для борьбы с ИРМ. Ассоциация была предупреждена, что полиция не имеет права выступать против ИРМ, так как последняя считается легальной организацией. Эту банду возглавил головорез по имени Уоррен О'Гримм, который только что вернулся из Сибири, где он воевал против большевиков.

ИРМ выпустила листовку, призывавшую граждан сохранять спокойствие. ИРМ обратилась за разъяснением к юристам и выяснила, что имеет право в случае необходимости применять оружие для самозащиты внутри занимаемого ею помещения. Шествие опять остановилось перед зданием ИРМ. По сигналу отряд бандитов атаковал здание, разнес вдребезги окна и двери и ворвался внутрь. Он был встречен залпом огня. «Герой Сибири» О'Гримм упал мертвым. Один из защитников, одетый в военную форму, выбежал из дома через черный ход. Бандиты преследовали его, пока он бежал к реке. Последней пулей он убил племянника председателя торговой ассоциации Дэйла Хаббарда. Тогда террор перешел все границы. Это был рев

ДЖО ХИЛЛ

жаждущих крови. Каждого подозреваемого в том, что он член ИРМ, бросали в тюрьму. Одного из них — Уэсли Эвереста — изуродовали до неузнаваемости и в таком изувеченном виде показывали товарищам-рабочим в других камерах, угрожая им тем, что и их ожидает такая же участь. После наступления темноты ему надели на шею веревку и бросили с моста в реку Чехали.

Все до единого нападающие остались на свободе. Не так поступили с защитниками. От пыток один из них погиб, а другой, девятнадцатилетний Лорен Робертс, сошел с ума. В суде ассоциация предпринимателей составила следственную комиссию. Полиция штата захватила город и суд. Члены Американского легиона явились в суд, одетые в военную форму. Все предосторожности были забыты. На этом процессе Джордж Вандервир, наш главный защитник на чикагском процессе, оказался на высоте, так же как до этого в эвереттском деле.

Но хозяева заранее определили приговор. Семь человек были осуждены на сроки от двадцати пяти до сорока лет каторжных работ в Уолла-Уолла. Один из них, Юджин Барнет, горняк, отец большой семьи, во время этой свалки даже не находился в помещении. Его спросили, почему, услышав стрельбу, он вернулся в горняцкий поселок — за городом, где он жил, а не пошел к месту происшествия, как сделали все остальные. Он не удержался от остроумного ответа, разоблачающего заговорщиков: «Я вернулся домой,— сказал он,— чтобы взять ружье и восстановить закон и порядок».

Ноябрь — памятный месяц в истории насилий в США: это месяц трагедии мучеников Чикаго, эвереттских убийств и узаконенного убийства в 1915 году Джо Хилла, дух которого живет и по сей день во всех странах мира — в песне, ставшей популярной благодаря любимому всеми американцу Полю Робсону; Джо Хилла, чьи песни раздавались в те годы над полями и шахтами, над поселками лесорубов и строительными площадками; Джо с нетерпеливой душой, Джо, который «жил, как художник», Джо, который никогда не умрет.

Точка зрения Джо на роль государства была отчетливо выражена в следующей песне:

Зачем они поднимают лес ружей
За тысячу миль от океана?..
Если ты не знаешь, зачем они это делают,

Объяви забастовку, требуй лучшей зарплаты.
И тогда, клянусь Христом, если ты не умрешь,
Ты будешь петь эту песнь многие годы.
Если мне суждено стать бойцом,
То лишь под красным флагом я буду сражаться.
Если мне придется взять на плечо ружье,
То лишь для того, чтобы сокрушить власть тиранов.

История о том, как владельцы медных рудников сфабриковали против него ложное обвинение, превратилась в легенду, распространившуюся во всем мире, в подлинную балладу о той Америке, которая с беспримерным героизмом и по сей день борется против своих попирающих закон властителей, против позорного положения, существующего в США.

С каким волнением все мы в те дни ловили слова, долетавшие из камеры Джо Хилла, слова, которые мы писали, как лозунги, на плакатах во всех помещениях и залах ИРМ по всей Америке: «Не оплакивайте меня, организуйтесь. Не сомневайтесь — я умру, как жил, сражаясь! Я погибну, как солдат,— в классовой борьбе». «Вывезите мое тело из Юта, я не хочу оставаться там после смерти». В завещании, написанном накануне казни, он говорил:

Мою волю выполнить легко —
Я не владею ничем, что надо делить,
Близкие не будут плакать и рыдать,
Перекати-поле не застряет в болоте.
Мое тело,— ах, если бы я мог выбирать,
Я превратил бы в пепел.
И пусть веселый ветерок
Мой прах развеет там, где расцветут цветы.
И, может быть, цветок увядший
Вернется к жизни и засияет вновь.
Это — моя последняя воля.
Желаю много счастья всем — Джо Хилл.

Его тело было перевезено из Юта в Чикаго. Тридцать тысяч человек присутствовали на похоронах. Прах Джо Хилла в маленьких пакетиках был разослан по всей стране и за ее пределы. Я выступал на одном из бесчисленных митингов, посвященных его памяти, когда в 1916 году члены ИРМ в Кливленде (штат Огайо), собравшиеся на митинг, рассеяли его прах там, «где расцветут цветы»,— на берегах озера Эри.

Люди относятся к истории Джо Хилла с таким великим почтением потому, что в ней звучит вызов на бой, брошенный другой Америкой, рабочей Америкой, отличитель-

ной чертой которой является ее способность давать отпор врагу.

Несмотря на многочисленные заблуждения, движение ИРМ, с которым всегда будет связано имя Джо Хилла, бросило первый большой прямой вызов рабочего класса бесчеловечным властителям Нового Света. Из этого движения выросли многие новые лидеры американских рабочих, которые ясно видят врага, смело берутся за дело и успешно двигают его вперед на всех сложных фронтах борьбы.

В одной из песен Джо Хилла, которой мы часто открывали наши митинги, говорится:

> Почему ты не станешь на дыбы, не рычишь, глупец?
> Почему не сбросишь хозяев со своей спины?..
> Держись крепче, упрямый болван!
> Сбрось хозяев со своей спины!

Да, сбрось со своей спины! Но как?

«Одним здоровым пинком»,— дается ответ в песне.

Таков был путь ИРМ — революционый тред-юнионизм. Но с самых первых лет чувствовалась его несостоятельность. Еще на организационном съезде 1905 года рабочие под влиянием прочитанных ими трудов Маркса настаивали на том, что политические действия должны стать частью классовой борьбы. Ярые сторонники «прямых действий» возражали против этого, другие соглашались с некоторыми оговорками, и только немногие из нас в последующие годы более или менее ясно понимали правильное соотношение между «экономической» и «политической» сторонами борьбы.

Возникали фракции и контрфракции. Члены Западной федерации горняков боялись «политиканов», вроде Винсента Сент-Джона. Билл Хейвуд в своем заявлении в бытность его секретарем Западной федерации горняков пытался сгладить конфликт:

«Будем организовывать стачки по отдельным отраслям промышленности, там, где это необходимо, а потом будем бороться единым фронтом у избирательных урн за полное разрешение рабочей проблемы, выдвигая представителей нашего класса в государственные учреждения».

Но конфликт не так легко было разрешить. Арест Билла Хейвуда по сфабрикованному обвинению в убийстве произошел вскоре после первого съезда ИРМ, и, пока он

сидел за решеткой, федерация в 1907 году вышла из ИРМ. Это было серьезное поражение.

На первых этапах движение тормозилось также крайней позицией, занятой ИРМ по отношению к цеховым профсоюзам, входившим в АФТ. Заявление ИРМ о том, что Американская федерация труда «никогда не была ни американской, ни федерацией, ни тем более федерацией трудящихся», оттолкнуло от ИРМ многих рабочих, обладавших глубоким классовым сознанием, но не согласных с такими крайними взглядами. На съезде ИРМ в 1908 году сторонники «прямых действий», ряды которых состояли главным образом из иммигрантов-горняков, рабочих лесной промышленности и строителей из западных штатов, голосовали за исключение из устава «политического пункта». Этот пункт гласил, что «рабочий класс, и только он один, может и должен осуществить свое освобождение, что производственные профсоюзы и согласованные политические действия всех наемных рабочих представляют собой единственный способ добиться этой цели».

Группа, возглавляемая Даниэлем де Леоном — она представляла собой безнадежное меньшинство — откололась, чтобы основать собственную ИРМ. Но она никогда не стала серьезной угрозой, и никаких эффективных шагов для включения в устав «политических пунктов» больше не предпринималось.

Это проведенное с самого начала исключение «политики» еще больше изолировало ИРМ от широких масс рабочих. Оно привело к возникновению партизанских методов борьбы, к стачкам без серьезной подготовки, к открытой поддержке самых разнообразных форм саботажа. К лозунгу Билла Хейвуда «Боритесь у избирательных урн» прибавились слова «с топором в руке». И даже Билл, после того как его в 1912 году исключили из Социалистической партии и до своего вступления в Коммунистическую партию, был сторонником политики «прямых действий», которую пропагандировали враги политических действий.

Песни Джо Хилла отражают этот бунтарский дух:

Кто-то бросил на линию связку шпал,
И Кэйси с грохотом в реку упал.

Кроме того, постоянные нападки ИРМ на религию оттолкнули многих рабочих. «Есть вы будете вдоволь по-

том, в загробном мире...» Такие насмешки тоже приносили большой вред. Впоследствии мы убедились, что верующие христиане и сторонники других религий отнюдь не принадлежат к реакционерам. Приверженцы церкви объединяются с народом в борьбе против нищеты и войны. Они готовы бороться за мир и социализм. Они поддерживают некоторые моральные устои, которым угрожает загнивающее капиталистическое общество, и нередко разоблачают безнравственность капитализма.

Одного революционного юнионизма было недостаточно, и действительно, как показал опыт, он обанкротился. Часто его практика широко открывала двери агентам и саботажникам. Упадок ИРМ в послевоенные годы еще более ускорился принятыми во многих штатах уголовными законами против профсоюзов, в которых предусматривались большие сроки тюремного заключения для всех «сторонников злодеяний, саботажа, насилия или беззаконных методов террора как средства для осуществления экономических и политических реформ» *.

Эти законы, навязанные с помощью подтасованного состава присяжных и шаек профессиональных лжесвидетелей, странствовавших из одного суда в другой по всей стране, фактически поставили ИРМ вне закона. Это заставило многих членов ИРМ снова призадуматься о политике и государстве, как это случилось в Сиэтле и Бьютте.

У. З. Фостер, нынешний председатель Национального комитета Коммунистической партии США, еще в 1912 году поднял вопрос о провале ИРМ, чтобы привлечь новых членов в профсоюзы. Он глубоко изучил вопросы синдикализма за время поездки в Европу в 1911 году. Когда его выдвинули на пост редактора органа ИРМ «Индастриэл уоркер», Фостер воспользовался этим, чтобы открыть дискуссию. Он написал статью, в которой атаковал тезис ИРМ о невозможности революционизировать цеховые профсоюзы и заявил, что основатели ИРМ допустили «огромную ошибку», пытаясь объединить в одну счастливую семью все враждующие направления.

Он призывал членов ИРМ объединиться с АФТ. Нечего и говорить, что такое предложение навсегда лишило его надежд получить место редактора в одном из органов ИРМ.

---

* Закон, изданный в штате Айдахо 14 марта 1917 года.

В эти годы жестоких раздоров путь вперед был темен, наши перспективы туманны, наши идеи расплывчаты. Удар грома — Октябрьская революция — образовал первый большой просвет среди туч, заволакивающих все небо. Пример и уроки людей, которых выковало первое в мире рабочее государство, заставили увидеть в новом, ясном свете старый туманный лозунг «выдвигать людей своего класса на государственные посты».

Это была вспышка молнии, осветившая дальнейший путь. В 1920 году, когда я вернулся из Москвы, все дороги уже вели к передовой партии рабочего класса, которая сумеет разрешить задачи, считавшиеся ИРМ неосуществимыми,— к Комунистической партии, в которой должен был сосредоточиться накопленный опыт выдающихся руководителей, вышедших из рядов рабочего класса.

Я не могу уделить в этом биографическом повествовании необходимого времени и места для освещения этого вопроса.

Несмотря на то, что с тех пор прошло более трех десятилетий упорной борьбы, эта партия все еще не заняла своего места как массовая политическая партия трудящихся Америки. За период, миновавший после того памятного 1918 года, когда в одном из залов чикагского суда в течение 114 дней шел описанный мной процесс, диктатура монополий в Америке еще более расширила свою систему подкупа и угнетения. И нет сомнения, что террор достигнет еще большего размаха.

И все же он никогда не мог и никогда не сможет в дальнейшем заставить замолчать, победить тех членов славной Коммунистической партии США, которые сегодня несут основное бремя в борьбе за мир и демократию.

Сегодня беззаконие в Соединенных Штатах возведено в закон, уничтожение гражданских свобод называется «защитой свободного мира», безграничное насилие оправдывается «любовью к миру». Это прямая дорога к фашизму: маккартизм, закон Смита, закон Маккарена, закон Тафта — Хартли, закон о контроле над деятельностью профсоюзов — таковы признаки скатывания к фашизму, признаки стремления удержать власть любыми средствами.

Американские рабочие продолжают сражаться. Американский народ — это не масса рабов реакции. В конце концов они ответят ударом на удар.

Задача будет нелегкой. Супруги Розенберг, как и мно-

гие до них, героически противостояли своим убийцам. Лучшие из лучших томятся в тюрьмах. Профсоюзные деятели, артисты, писатели, врачи, ученые и множество простых честных людей вовлечены в великую борьбу и ведут ее бок о бок с руководителями Коммунистической партии. Времени очень мало. Люди, желающие стать властителями всей жизни на земле — в Бьютте, Монтана, Солт-Лейк-сити, в концернах Моргана, Рокфеллера и Дюпона,— готовятся превратить весь мир в ад.

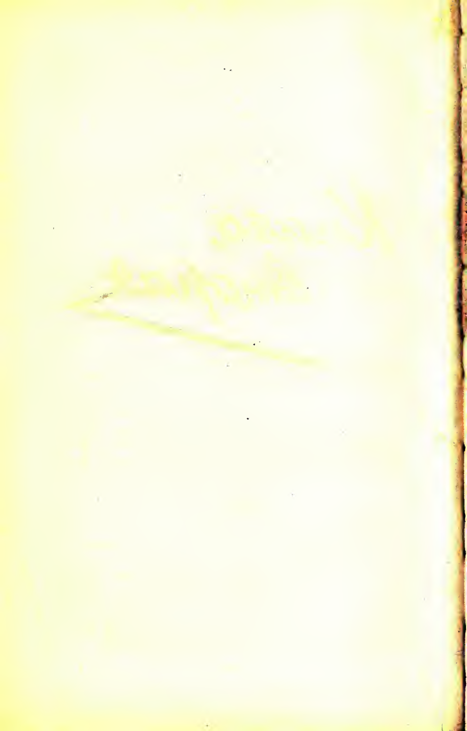
Я вновь вижу Винсента с его искалеченной рукой на трибуне в Чикаго и слышу его слова о забастовщиках Лоуренса: «...они бастовали, чтобы спасти человеческий род в нашей части света».

Теперь идет гораздо более широкая борьба за спасение человеческого рода — борьба против тех, кто утверждает, что скорее погибнут миллионы, чем изменится существующий социальный строй. Наши американские братья стоят на передовой линии этой борьбы.

Помогайте им, как помогли им трудящиеся Англии, Шотландии и Уэльса в 1919 году! Их борьба — наша борьба.

Я снова пою: «СОЛИДАРНОСТЬ НАВЕКИ!»

Книга вторая

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КЛАССОВАЯ ВОЙНА

Kein brot. Картофель под брезентом. Бой у метро Миллентор. Утрата сбережений. Необычная получка. Сценка в кафе. Гамбургское восстание. Великая схватка. Движение меньшинства. Простой парень Уилл и сэр Уилл. Иуда. Межпрофсоюзная вражда. Мэни угощает чаем. Аппетиты рабочих. Между двух огней. «Не стреляйте в рабочих!» Красная пятница. Комитеты действия. Турецкая баня. Свиньи на лошадях. Крикливое заявление Бальфура. Главный урок. Омраченное будущее. Путь к войне.

I

Работа по заданиям англо-саксонского сектора Красного Интернационала профсоюзов позволила мне в какой-то мере претворить в жизнь более широкие идеи, которые порождались революционной практикой тех лет. В то время нашим основным руководством была ленинская работа «Детская болезнь «левизны» в коммунизме», на которую Ленин обратил мое внимание во время нашей беседы в 1921 году. Считалось, что благодаря своему опыту, я смогу оказать помощь в преодолении анархистских и синдикалистских предрассудков, имевших широкое распространение в международном профсоюзном движении. В этом и состояло мое особое задание.

В своей пропаганде и выступлениях в печати мы доводили до сознания движения новое представление о роли государства, подчеркивали необходимость политических действий, которые поддерживались бы экономическими выступлениями, необходимость руководства со стороны централизованного «генерального штаба», правильной тактики на каждом этапе классовой борьбы и неуклонного применения правильной стратегии. Я считаю, что Профинтерн играл значительную роль в укреплении международного единства и взаимопонимания, а также в деле обеспечения руководства и оказания помощи угнетенным рабо-

чим колониальных стран, в создании профсоюзов и разъяснении их особой роли в борьбе за национальное освобождение.

Я находился на этой работе до второго конгресса Профинтерна, на котором присутствовал в качестве делегата от группы меньшинства ИРМ. После конгресса я уехал в Америку, но вскоре вернулся в Германию, где встал во главе вновь организованной в Профинтерне секции моряков, центр которой находился в Гамбурге.

Я прибыл туда в мае 1923 года. Немецкий рабочий класс жил в невыносимых условиях. На него ложилось все бремя военных репараций, установленных Версальским договором. Быстро падал курс марки, и зарплата не могла угнаться за растущими ценами. Но крупные монополии, которые позднее финансировали Гитлера, расширяли и переоборудовали свои предприятия. Стихийно вспыхивали забастовки.

На улицах ежедневно можно было наблюдать сценки, вызывающие чувство жалости. В рабочих кварталах собирались группы домохозяек с пустыми корзинками для покупок. Тяжело было день изо дня слышать одни и те же слова: «Kein Brot, keine Kartoffeln» — «Хлеба нет, картофеля нет». На прилавки с картофелем так часто совершались налеты, что лавочники закрывали их брезентом, оставляя окрытым лишь один угол, чтобы обслужить редкого покупателя. Нередко разбивали витрины продовольственных лавок. Когда это случалось, по всей улице из магазинов выбегали лавочники и закрывали ставни. А в избранных кафе и ресторанах спекулянты проводили дни и ночи в пьяных оргиях. Процветала проституция.

Такова была обстановка, в которой коммунисты и побоевому настроенные руководители профсоюзов в сентябре повели рабочих на всеобщую забастовку. На четыре дня остановились предприятия. В первый день забастовки я видел, как взвод вооруженных полицейских без видимой причины напал на группу докеров и безжалостно избил их резиновыми дубинками. Несколько докеров осталось лежать на улице без сознания. Из разбитых поблизости небольших палаток смело выбежали женщины из Пролетарского санитарного корпуса и оказали первую помощь пострадавшим.

Со своим другом Алексом я отправился взглянуть на Алтону. Проходя мимо одного из переулков, мы увидели

множество женщин, собравшихся перед закрытыми воротами больницы. Они просили разрешить им повидаться с ранеными — их родственниками. Мы направились к ним. В это время позади нас из грузовиков с криком: «Heraus, heraus!» — начали выскакивать полицейские, вооруженные винтовками с примкнутыми штыками. Я сказал Алексу: «Пойдем к ним, и я скажу по-английски, что мы идем на свой корабль». Мы были недалеко от линии причалов, и я думал, что полицейские, может быть, примут нас за иностранных моряков. Но они еще более дико заорали: «Heraus!» Когда мы послушно повернули обратно, один из них подтолкнул меня штыком. Женщины, хорошо зная свою полицию, в панике разбежались.

Вечером мы еще раз вышли на улицу вместе с женой Алекса. Она была храброй молодой женщиной, несколько раз принимала участие в боях. У станции метро Миллентор стоял пустой трамвай. Рабочие заставили вожатого-штрейкбрехера выйти из него. Молодежь пыталась перевернуть трамвай. Человек, называвший себя представителем социал-демократической партии, уговаривал их остановиться. Он не переставая твердил: «Сенат даст вам хлеба!» В это время мимо проезжал автомобиль. Рабочие рассыпались по улице и заставили его остановиться. Шофер выскочил из машины и убежал сообщить полиции.

Полицейские явились быстро, дали один выстрел в воздух, затем целый залп в толпу. Я бросился к стене станции метро, увлекая за собой жену Алекса. Алекс побежал к стене, тянувшейся вдоль другой стороны улицы. Затем мы пробрались в соседний парк и спрятались за каменным сараем для садового инструмента. На фоне желтых стен здания нам были видны оттуда силуэты полицейских. Они пинали ногами, как мертвый скот, свои жертвы.

Некоторые из укрывшихся в парке имели оружие. Они открыли ответный огонь. Когда я на следующее утро проходил мимо места перестрелки, на улице еще оставалось четыре темных пятна крови на том месте, где было убито четыре человека.

Бастующих вынудили вернуться на работу, но обещания о снабжении продовольствием не были выполнены. Скоро печатные машины уже не поспевали печатать денежные знаки, чтобы угнаться за ростом цен.

Некоторые монополии печатали собственные купюры достоинством в миллиарды марок. Это был капитализм в

самом диком, разрушительном и отвратительном его проявлении.

Объявления о курсе марки вывешивались в окнах трамваев. Когда трамваи возвращались в центр города, приходилось снимать старые объявления и заменять их новыми. Люди лишались своих сбережений. А крупные экспортные фирмы легко сбывали за границу свои товары, произведенные за нищенскую заработную плату, и наживали огромные средства в иностранной валюте. Рабочие голодали, мелкие фирмы банкротились, а монополии пожинали плоды. Матросы, вывозившие эти богатства за границу, были сведены до положения галерных рабов.

Секция моряков получала членские взносы в иностранной валюте из Соединенных Штатов, Скандинавии и других стран. В день получки я бегал в ближайший обменный пункт, менял иностранные деньги на огромную пачку марок и торопился назад. Как можно быстрее я выдавал заработную плату, и служащие тут же мчались в ближайшие магазины, спеша обменять полученные бумажки на продукты питания и другие предметы первой необходимости.

В Германии назревала революционная ситуация. Рабочие готовились к новым схваткам; то же делали милитаристы и потенциальные нацисты.

Примерно в это время во время одной из поездок в Берлин я встретил своего старого друга Джеймса Мэннинга, приехавшего с женой из Соединенных Штатов. Мы зашли в небольшое кафе в Шарлоттенбурге. За большим круглым столом сидела группа немцев. Когда мы сели, они все встали и запели «Deutschland, Deutschland über alles». Наше присутствие было явно нежелательным. Один из немцев, не одобрявший их поведение, сказал нам, что они принадлежат к «Стальному шлему» — организации крайних националистов, являвшейся предшественницей нацизма. Затем они опять поднялись и начали выкрикивать: «Долой позор Версаля!» и другие лозунги. Некоторые кричали по-английски.

Я вернулся в Гамбург накануне важных событий. Рабочие, особенно портовики, с которыми я был тесно связан, были настроены по-боевому. Надвигался кризис. До того как он разразился, меня вызвали в Голландию, где рабочие проявляли глубокий интерес к событиям в Германии. В Амстердаме и Роттердаме я выступал на двух замечательных митингах. Я говорил о надвигающейся все-

народной борьбе в Германии (в этом я ошибся) и призывал к самой широкой поддержке германского народа в его борьбе за хлеб и свободу. Я убеждал докеров отказываться пополнять запасы угля, грузить и разгружать немецкие корабли в голландских портах и призывал всех транспортных рабочих к бдительности и «бойкоту всех грузов, идущих в Германию и из Германии». Руководители голландских профсоюзов, с которыми мне пришлось встречаться после митингов, обещали сделать все возможное, и я уехал в Гамбург, весьма удовлетворенный выражениями солидарности.

Когда я вернулся в Роттердам, хотя я и не знал об этом, гамбургские рабочие уже копали окопы, строили баррикады и валили деревья на улицах Бармбека, чтобы остановить броневики. Поезд, на котором я приехал во вторник ночью, медленно вполз в слабо освещенный вокзал. Я почувствовал атмосферу настороженности. Город был в полумраке. Вокруг первого же полицейского участка я увидел колючую проволоку. Транспорт не работал. Во многих направлениях время от времени слышалась перестрелка. На улицах не было ни одного полицейского.

Все они были сняты с постов и принимали участие в сражении в Бармбеке, которое началось на рассвете этого октябрьского утра, когда рабочие напали на несколько полицейских участков и захватили оружие и боеприпасы. Придя домой, я узнал, что хозяин квартиры с согласия своей молодой жены ушел сражаться. На следующее утро мне пришлось идти на работу пешком, и я пришел поздно. Ни помощника, ни машинистки. Они были на баррикадах. В газетах помещались длинные списки убитых и раненых полицейских. Они получили безумный приказ несколько раз штурмовать баррикады, построившись повзводно.

Всю среду рабочие удерживали свои позиции, несмотря на прибытие все новых крупных подкреплений полиции. Из Киля прибыл военный корабль.

Перед лицом превосходящих полицейских сил после незначительных боев или без боя, за исключением нескольких изолированных стычек, рабочие были вынуждены отступить из Бармбека. Они отошли в Бармбек, где на третий день восстания произошел последний бой, и на следующий день они разошлись. По ним с тыла не было сделано ни одного выстрела, хотя они сражались в густонаселенных районах.

Сегодня урок восстания достаточно ясен. Нужна была единая марксистско-ленинская партия, чья деятельность не тормозилась бы «левыми» и правыми оппортунистами, которые были активны в руководстве немецкой Коммунистической партии, до того как ее секретарем стал Эрнст Тельман. Если бы раньше в Германии имелась такая партия, свободная от людей вроде «левых» Рут Фишер и Маслова и правых Брандлера и Тальгеймера, то в Германии и во всем мире события, может быть, сложились бы по-иному. Произойди в Германии революция, а не только гамбургское восстание, нацистские орды никогда, может быть, и не маршировали бы по Европе.

После восстания мне уже нельзя было оставаться в Германии. Меня встретили по дороге на работу и сообщили, что у дверей нашего здания меня поджидают полицейские. Короткое время я работал в другом помещении, но было ясно, что работать по-старому невозможно, и я уехал в Англию.

II

Позади остались годы странствий и надежд. Я думал и надеялся, что, вернувшись на родину, найду, наконец, постоянное пристанище. Я вернулся в Англию, где общественный порядок был потрясен до основания. Развертывалась борьба, которая привела к великой схватке между трудом и капиталом во время всеобщей забастовки 1926 года.

Попытка Черчилля вовлечь страну в войну против России была сорвана благодаря единству воли и действий трудящихся. Но класс предпринимателей и его правительство перед лицом мирового кризиса готовились нанести рабочему классу и его организациям сокрушительный удар. Боевой дух рабочих был высок, но не было соответствующего ему единства. Лейбористские лидеры вроде Макдональда и Сноудена ставили над полем боя плотную дымовую завесу. Среди революционно настроенных рабочих еще были свежи тяжелые воспоминания о «черной пятнице», когда был разрушен тройственный союз железнодорожников, транспортных рабочих и горняков. Коммунистическая партия, над которой все еще тяготели ошибки молодости и неопытности, была одним из инициаторов движения сопротивления; однако она была не в состоянии взять на себя решающее руководство.

Созданное ранее Британское бюро Профинтерна получило твердую поддержку среди членов английских профсоюзов, и особенно среди горняков Файфа и Южного Уэльса. Именно здесь начала формироваться широкая боевая организация — Движение меньшинства. За месяц до моего возвращения, в ноябре 1923 года, состоялась конференция, давшая начало этому движению.

Цели этого движения, как они были определены на первой национальной конференции этой организации в августе 1924 года, состояли в том, чтобы отразить все дальнейшие атаки на заработную плату, добиться стопроцентного членства в профсоюзах, укрепить цеховые организации, создать путем объединения по одному профсоюзу в каждой отрасли промышленности, укрепить национальное и международное профсоюзное единство и бороться за социалистическую Англию.

Вступив в Движение меньшинства, в котором уже активно работали Том Манн, Гарри Поллит, Вилли Галлахер, Нат Уоткинс, Артур Хорнер, Уол Ханнингтон и другие, я стал его национальным секретарем по организационным вопросам. Коммунистическая партия оказала движению полную поддержку. В те дни в нашей памяти были свежи указания Ленина в «Детской болезни «левизны» в коммунизме» о том, что «вся задача коммунистов — уметь *убедить* отсталых, уметь работать *среди* них, а не *отгораживаться* от них выдуманными ребячески-«левыми» лозунгами» *.

Мы усвоили, что должны «еще более и по-новому, а не только по-старому, воспитывать профсоюзы, руководить ими... не забывая, что они остаются и долго останутся необходимой «школой коммунизма» **.

Нужно было сплотить всех, кто верил, что профсоюзы должны участвовать в классовой борьбе — борьбе более широкой, чем их узкогрупповые интересы. Движение меньшинства отвечало этой потребности. Многие из его сторонников и членов находились во власти синдикалистских идей. Я встречался со многими доводами, знакомыми мне еще со времен «Индустриальных рабочих мира». Многие считали, что Коммунистическая партия должна играть маловажную и второстепенную роль; они не понимали, что

* В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 36.
** Там же, стр. 33.

поскольку рабочее движение поставило себе цель изменить общественный строй, постольку возникает необходимость в том, что мы назвали генеральным штабом рабочего движения. В тот период это было характерно для профсоюзного движения в международном плане.

Мы предупреждали против этих тенденций. Вот один из аргументов, который я выдвигал в брошюре, иронически озаглавленной «Приказы из Москвы».

«Имеются еще тысячи синдикалистски настроенных членов профсоюзов, которые не понимают, что капиталистический класс имеет свои вспомогательные организации... Федерация британских промышленников имеет большую группу, работающую в качестве парламентской фракции, присматривающую за правительством, так или иначе оказывающую на него свое влияние... И все же многие рабочие не могут понять необходимость революционной фракции рабочего класса внутри парламента для завоевания влияния — фракции, которую можно использовать в качестве национальной трибуны, служащей интересам рабочего класса».

Политика Движения меньшинства привлекла ряд влиятельных деятелей профсоюзного движения. Среди тех, кто завоевал огромное влияние, будучи связан с этим движением, было немало таких, которые позднее вывернули наизнанку свои политические и профсоюзные одежки. Такие, как Джек Таннер и сэр Уильям Лоутер. Кто сегодня узнает сэра Уилла, например, в подписанном просто «Уилл» письме, которое было помещено в брошюре Движения меньшинства, озаглавленной «Единство»?

«От концепции единства в промышленности,— говорилось в нем,— мы подошли к необходимости единства среди рабочих всех стран, чтобы быть лучше вооруженными для борьбы, а не только для демонстраций, против общего врага — капитализма. Единство часто было святым стремлением, чем-то таким, чего с надеждой ждали, и все же явно недостижимым. Сегодня труднейшая борьба рабочего класса требует его».

Но лучше вспомнить имена других руководителей: замечательного руководителя горняков А. Дж. Кука, генерального секретаря Ассоциации рабочих-фурнитурщиков Алекса Госсипа и многих других, которые ушли от нас, выдержав испытания жизни и оставшись преданными до

конца. Людей, которые не стали молчать, людей, чья жизнь и сейчас служит нам путеводной звездой.

В течение всего 1925 года нарастали события, которые вели к столкновению. В июле 1925 года, в «красную пятницу», силы труда временно одержали победу. В тот момент солидарность профсоюзов железнодорожников и транспортных рабочих с горняками вынудила шахтовладельцев и правительство Болдуина отказаться от наступления на горняков. Движение меньшинства и Коммунистическая партия сыграли немалую роль в достижении такого единства. Однако этот успех дал рабочим лишь время для передышки и подготовки к отражению дальнейших атак.

Насколько сильным был нажим со стороны хозяев, показала июльская забастовка моряков. Как гром с ясного неба, до моряков дошло известие о предстоящем сокращении заработной платы на 1 фунт стерлингов. Это было неслыханное сокращение заработной платы! Оно было *предложено* предпринимателям секретарем Национального союза моряков Хейвлоком Уилсоном. Моряки единогласно проголосовали за забастовку, чтобы сорвать предложенное сокращение.

За год до этого исполком Движения меньшинства поручил мне принять участие в организации кампании солидарности с немецкими моряками, бастовавшими в английских портах. Я приобрел некоторый опыт такой работы в Германии, когда был секретарем секции моряков Красного Интернационала профсоюзов.

Теперь, после того как бастовавшие английские моряки послали в центр Движения меньшинства делегацию с просьбой о помощи, меня снова направили на эту работу. Моя первая встреча с бастующими состоялась в зале муниципалитета. Здесь мне представилась возможность сделать самое убедительное разоблачение правых лидеров, какое я только помню. Окольными путями мы получили дословный отчет о встрече между судовладельцами и руководством моряков, которая состоялась 3 июля. Рассказав немного о том, что бастующим предстоит борьба против самой яростной группы предпринимателей, я поднял над головой отчет и сказал: «Пусть жулики говорят сами!» Я прочел иудины речи, произнесенные Уилсоном во время встречи с предпринимателями... «Сегодня мы заявляем, что сразу отказываемся от одного фунта стерлингов... без всяких споров, без тревожащих заявлений о том, что про-

изойдет, и так далее... Мы совершаем мужественный поступок. Нам лучше предложить сокращение (и, когда я говорю, что мы предлагаем его, вы должны понять, что это предложение исходит от нас), и мы настаиваем на том, чтобы вы приняли его. Таково положение. Итак, мы предлагаем вам этот фунт стерлингов».

Довольно гадкое известие. В зале наступило глубокое молчание, прерываемое лишь голосами жен моряков в заднем конце зала, ругавших Уилсона. Но худшее было впереди. В речи Уилсона дальше говорилось следующее:

«Я чувствую себя спокойно в этом помещении, которое называется Залом св. Георга (помещение профсоюза). Что мне до того, что какой-нибудь парень на корабле ругает меня и говорит, что меня мало убить?»

Затем Уилсон предложил подготовить черный список и выгнать «грязных оборванцев, которые хотят испортить нам дело». А то, что последовало дальше, привело членов уилсоновского профсоюза в неописуемую ярость:

«На некоторых лайнерах я негласно беседовал с некоторыми судовладельцами...— продолжал Уилсон,— последние два года я потихоньку доводил до их сознания одну вещь... что эти люди на лайнерах представляют явную опасность для судовладельцев. Я могу вообразить, что если вам придется пережить великий переворот в стране... а это возможно... представьте, что произошла забастовка горняков и к ней присоединились железнодорожники и докеры... то тогда вы будете иметь дело с этой бандой... этих «опасных людей», как я их называю, действующих против вас... Когда я был в Нью-Йорке, то имел возможность видеть таких «старых служак», как вы их зовете. Они самые гнусные негодяи, которых я когда-либо встречал. Если бы я был судовладельцем, мне было бы стыдно иметь их у себя на корабле».

В заключение Уилсон сказал: «Господа! Я не собирался читать вам лекции. Я пришел сюда просить вас принять наше предложение». Руководитель судовладельцев в последнем заявлении сказал, что принимает предложение. «Мы считаем,— сказал он,— что это поможет нам провести в жизнь другие сокращения... Нам теперь значительно легче принять то, что, как вы поймете, является каплей в море».

Именно Уилсон до собрания выпустил листовку, в которой утверждалось, что во время войны я был герман-

ским агентом. У меня был один экземпляр листовки. Большинство бастовавших ее еще не видело. Я вспомнил подходивший к этому случаю совет Ленина в его «Детской болезни «левизны» в коммунизме»: «...надо не бояться трудностей, не бояться придирок, подножек, оскорблений, преследований...» *.

Ленин говорил, что в большинстве случаев «вожди», выдвигающие такие клеветнические обвинения (вроде содержащихся в листовке Уилсона), «прямо или косвенно связаны с буржуазией и с полицией» **. Я зачитал собранию листовку от первого до последнего слова и спросил: «Нужно ли мне подробно отвечать на это лживое заявление?» В ответ раздался дружный возглас: «Нет!» Мне не было необходимости говорить больше, кроме как указать, что листовка является выпадом не только против меня, но и против их всех. Она была попыткой отвлечь внимание от предательства самого Уилсона по отношению к членам профсоюза. Собрание избрало меня в стачечный комитет, и я стал единственным членом, не принимавшим прямого участия в забастовке. Исполнительный комитет Движения меньшинства уже решил оказать морякам всяческую поддержку, и я передал собранию это обещание.

Битва продолжалась, и не только в Англии. Бастовали экипажи кораблей в портах Южной Африки, Австралии, Новой Зеландии и других стран. Во всех портах им помогали профсоюзы. Это был блестящий пример международного единства действий. В те годы моряки широко распространяли пламенные идеи единства рабочих мира, которые были порождены русской революцией и последовавшими за ней глубокими социальными изменениями.

Нашим паролем было единство. Нашей главной заботой было воспрепятствовать постановке вопросов, которые могли бы расколоть бастовавших. У всех должна была быть одна цель: сорвать сокращение заработной платы на 1 фунт стерлингов. Некоторые из бастовавших хотели решительно выступить за отмену системы найма, называвшейся «ПС-5» и имевшей своей целью помогать Национальному союзу моряков в его сотрудничестве с судовладельцами; но наш комитет отказался от этого требования, так как оно могло бы расколоть рабочих.

---

* В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 35.
** Там же.

Днем и ночью в лондонских доках пикеты не давали экипажам подниматься на борт кораблей. Однажды из Бирмингама пришло сообщение, что на юг едет команда штрейкбрехеров для погрузки на буксир на набережной у станции Темпль. Мы наспех собрали пикет и направились к набережной. «Команда» в своем большинстве никогда не была в море. Когда я потребовал уговорить одного из них не подниматься на борт, он начал умолять меня «не вмешиваться», говоря: «Я не моряк. Я скрываюсь. Меня ищет полиция». Я не поверил и повторил, что в любом случае он не должен срывать забастовку. Он начал умолять, как будто бы мы обладали огромной властью. «Пожалуйста, разрешите мне прийти!» Нам все же не удалось удержать это пестрое сборище от выхода в море. Корабль (он уходил в Австралию) был приведен в Темзу буксирами, экипажи которых входили в Объединенный профсоюз рабочих морского транспорта (ОПРМТ). Его секретарем тогда был Эмануэль Шинуэлл.

Помня о роли, которую Шинуэлл играл в Клайдсайде, мы надеялись на поддержку и послали делегацию в ОПРМТ с просьбой, чтобы его члены больше не буксировали суда в реку и не наносили ущерб забастовке. Шинуэлл отказался дать такие обещания. Объяснение, которое он нам дал, состояло в том, что у профсоюза были соглашения с буксирными компаниями, которые, конечно, были вспомогательными компаниями крупных судовладельческих объединений. Я обвинил его в поддержке организованного штрейкбрехерства против собственных членов, потому что члены его профсоюза тоже бастовали. Позиция, занятая Шинуэллом, подорвала его авторитет среди бастовавших.

Раздоры между профсоюзами — сколько вреда они приносят! Вскоре на одном из заседаний стачечного комитета мы узнали, что ОПРМТ открыл помещение, где бесплатно выдавался чай с бутербродами. Моряков просили расписаться в книге посетителей и сообщить свое имя и адрес. Объединенный профсоюз рабочих морского транспорта надеялся переманить к себе моряков, посещая их дома. Бесполезно было просить моряков, которые бастовали четвертую или пятую неделю и находились на урезанном пайке, воздержаться от получения бесплатного чая и бутербродов. Чем больше бутербродов, тем веселей. Мы убеждали бастующих поддерживать себя любыми сред-

ствами, но не сообщать имени и адреса. Многие из моряков не оставляли своей подписи. Многие из подписывавшихся указывали неверные фамилии и адреса. Они думали, что это — хорошая шутка; но она не могла потешать Мэнни Шинуэлла и его людей, потому что через два-три дня те закрыли свою чайную.

Тогда они предприняли новую попытку. Через членов своего профсоюза, которые уже состояли в стачечном комитете, они попросили, чтобы ОПРМТ получил официальное представительство. Было решено принять в комитет двух членов из Лондонского окружного отделения этого профсоюза при условии, что требование: «Никакого сокращения зарплаты на 1 фунт стерлингов»—будет единственным требованием забастовки. Эти двое представителей несколько раз пытались поднять вопрос о «ПС-5». Когда им это не удалось, они перестали посещать заседания.

Однажды в газетной афише появилось сообщение под заголовком «Провал неофициальной забастовки». Руководство ОПРМТ, хотя Шинуэлл и не играл руководящей роли в забастовке, решило сделать такое заявление для печати. Это предательство вызвало смятение, и забастовка, которая уже продолжалась восьмую неделю, неделю спустя была прекращена. Хотя нам и не удалось предотвратить сокращение заработной платы, предпринимателям потребовалось почти семь лет, чтобы произвести следующее сокращение, и это в то время, когда предприниматели и правительство вели наступление почти во всех отраслях промышленности. Забастовка дорого обошлась хозяевам — около 60 000 фунтов стерлингов в день, по их собственным подсчетам. За девять недель забастовки это составило 4,5 миллиона фунтов стерлингов. А сокращение заработной платы на 1 фунт стерлингов дало им экономию всего в 1,5 миллиона фунтов стерлингов в год. Им потребовалось три года, чтобы заполнить брешь. Признавая это, газета предпринимателей выявила их варварскую психологию, типичную для предпринимателей в те дни накануне великой бури. Комментируя забастовку, она писала: «Нет и тени сомнения в том, что если бы предприниматели уступили, то рабочие, поскольку их аппетиты возрастают во время еды, потребовали бы австралийские ставки зарплаты».

III

Быстро приближались дни, когда «аппетиты» рабочего класса были бы урезаны, если бы хозяева настояли на своем. Во время забастовки моряков Движение меньшинства, возглавлявшееся Гарри Поллитом, проводило кампанию за организацию прочной и единой оппозиции ожидаемому наступлению.

Кое-какие из требований, которые мы популяризировали в 1925 году, были официально приняты конгрессом тред-юнионов в Скарборо, который в некоторых отношениях продвинул движение на несколько шагов вперед.

В одной из резолюций, имевшей особое значение для членов профсоюзов, БКТ официально признавал фабрично-заводские комитеты, ставшие нормальными профсоюзными органами. В другой резолюции осуждалось насильственное подавление рабочих колониальных стран британским империализмом. Примером такого подавления явилось безжалостное убийство китайцев английскими войсками на Нанкин-роуд в Шанхае 30 мая 1925 года. В значительной мере благодаря разоблачительным речам Гарри Поллита, делегата профсоюза котельщиков, правая группа во главе с Дж. Р. Клайнсом и Дж. Х. Томасом потерпела поражение в этом вопросе.

Под давлением рядовых членов председатель БКТ А. Б. Суэйлз во вступительной речи заявил: «Есть предел уступкам, на которые профсоюзы вынуждены идти. Предел достигнут; политика профсоюзов теперь будет состоять в том, чтобы вернуть потерянное, восстановить и улучшить условия труда, зарплаты и рабочего времени, координировать и усиливать борьбу профсоюзов за более широкий контроль рабочих в промышленности».

Такие «левые» заявления и принятие прогрессивных резолюций отражали общее настроение рабочих. Правые лидеры чувствовали угрозу своей политике сотрудничества с предпринимателями. Правительство видело и правильно понимало признаки опасности, грозившей капитализму. Вскоре после Скарборо консервативный кабинет и правое крыло лейбористов нанесли удар рабочему движению. Они действовали согласованно.

Сначала Рамсей Макдональд, Филип Сноуден, Дж. Х. Томас и иже с ними на конференции лейбористской партии в Ливерпуле в октябре 1925 года протащили резолю-

цию, запрещающую коммунистам состоять членами лейбористской партии. Правительство Болдуина начало наступление недели две спустя: оно совершило налеты на помещения Коммунистической партии и Движения меньшинства и арестовало двенадцать руководящих работников. Гарри Поллит, Уэл Ханнингтон, Уильям Раст, Альберт Инкпин и Уильям Галлахер были приговорены к одному году тюремного заключения, Дж. Р. Кэмпбелл и другие — к шести месяцам. Это был тяжелый удар. Однако имелся план создания другой руководящей группы. Боб Стюарт восполнил пробел, приняв на себя обязанности генерального секретаря, а в политическое бюро были введены несколько членов Движения, в том числе и я. Я также исполнял обязанности секретаря Движения меньшинства. Находясь на этом посту, я должен был подготовить отчет исполкома третьей конференции Движения. В докладе после упоминания о том, что боевые силы профсоюзного движения и наша партия взяли на себя главный удар наступавших предпринимателей, говорилось:

«Одно из приписываемых нам открытых выступлений, на которые так часто ссылалось обвинение, состояло в том, что мы обращались к войскам Его Величества... призывая их не стрелять в рабочих во время конфликтов в промышленности. Обвинение воспользовалось, в частности, следующим лозунгом: «Если будете стрелять, то не стреляйте в рабочих!» Движение меньшинства не выдвигало этого лозунга, но... несомненно, каждый представитель рабочего класса одобрит такую политику».

Коммунистическая партия постоянно предупреждала народ о неизбежной борьбе, призывала к тщательной подготовке для отражения наступления. На первое место она ставила защиту горняков. Мы работали не только над созданием единства внутри Англии, но и выступали за организацию международной поддержки. «Солидарность ведет к успеху — раскол означает поражение» — под этим лозунгом Движение меньшинства проводило в эти месяцы свою кампанию в профсоюзах, в лейбористских и кооперативных организациях. Мы также обращали особое внимание на советы профсоюзов, которые, по нашему убеждению, должны были сыграть важную роль в подготовке рабочих к борьбе.

Наши тактические принципы состояли в том, что наступление — лучший вид обороны как в экономической,

так и в политической борьбе. Мы популяризировали требования, выдвинутые Коммунистической партией: «Ни одного пенса из заработной платы! Ни одной минуты сверх рабочего дня!» Это в особенности относилось к борьбе за сохранение заработной платы горняков и их семичасового рабочего дня. Мы выдвинули требование повышения заработной платы машиностроителей на один фунт стерлингов в неделю с целью восстановить прежние ставки, а также предложили программу увеличения заработной платы для всех категорий железнодорожников. Мы выдвигали аналогичные требования от имени рабочих других отраслей промышленности и от имени безработных.

Все эти выступления соответствовали настроениям и желаниям рабочих. Об этом свидетельствовало голосование в более чем пятидесяти окружных отделениях за увеличение заработной платы машиностроителей на один фунт стерлингов и остановка работы на заводе печатного оборудования фирмы «Хоуз» в Лондоне в поддержку этого требования. Рабочие вернулись на работу только по прямому указанию исполкома профсоюза, после того как предприниматели пригрозили национальным локаутом. Имелась угроза повторения локаута 1922 года, в результате которого машиностроителям было нанесено поражение.

Мы выступали главным образом за создание «Промышленного альянса» как части официального профсоюзного движения. В этой области очень много сделал секретарь горняков А. Дж. Кук. Задачей дня было создание объединенного фронта трудящихся, чтобы остановить надвигающееся наступление капиталистов. Но эта идея очень медленно овладевала сознанием рабочих, и к июлю 1925 года еще не было такой единой, сплоченной армии рабочего класса, которая могла бы решительно поддержать горняков, когда те в августе оказались под угрозой национального локаута. Однако под давлением передовых членов специальный комитет, назначенный Генеральным советом БКТ, совместно с исполкомами профсоюзов транспортников и железнодорожников заявил, что прекратится всякая перевозка угля, если владельцы угольных шахт приведут в исполнение свою угрозу. Было дано указание, что «вагоны с углем не должны прицепляться ни к одному поезду после полуночи в пятницу 31 июля». Эта твердая позиция, а также явная решимость рабочих при-

бегнуть к такому бойкоту, на время остановили углепромышленников. Они взяли назад уведомления о локауте. Бурные собрания в «красную пятницу» показали, какая сила заключается в единстве.

Незадолго до этого памятного дня на рассмотрение профсоюзов был представлен проект устава «Промышленного альянса». В уставе говорилось, что цели альянса заключаются в том, чтобы оказывать помощь каждой из входящих в него организаций в их борьбе за сохранение продолжительности рабочего времени и уровня заработной платы, а также гарантировать признание или защиту любого принципа экономического характера, который может быть важным для входящих в альянс организаций.

Это были цели, для достижения которых работали Коммунистическая партия и Движение меньшинства. Однако создание такого мощного фронта, имеющего глубокие корни среди рядовых членов, не соответствовало желанию правых, которые к тому времени еще глубже окопались в Генеральном совете. Когда для утверждения проекта устава была созвана конференция делегатов, Национальный союз железнодорожников попытался внести поправку, направленную против Объединенного профсоюза паровозных машинистов и кочегаров. Поправка имела целью использовать альянс для слияния профсоюзов в определенных отраслях промышленности. Эта цель выходила далеко за пределы его возможностей.

По всей вероятности, это была умышленная попытка разрушить альянс, подсказанная Дж. Х. Томасом и его коллегами по Национальному союзу железнодорожников, которые хорошо знали, что Объединенный профсоюз паровозных машинистов и кочегаров никогда не согласится принять данную поправку. Паровозники, как и горняки и ряд других профсоюзов, к тому времени уже вступили в альянс, а Национальный союз железнодорожников пока воздерживался.

К концу 1925 года необходимость создания альянса стала ясной как никогда. Противник уже подготавливал план широкого наступления по всему фронту. По существу, уже летом было очевидно, что правительство предоставило углепромышленникам субсидию в 10 миллионов фунтов стерлингов, чтобы выиграть время для подготовки. Но, как и раньше, реакционные лейбористские лидеры действовали рука об руку с консерваторами, что очень часто

приводило к поражению английских рабочих. Пока правительство готовилось, правые стремились ликвидировать план создания «Промышленного альянса», а если это не удастся, превратить его в лающего, но беззубого пса.

Однако не было никакого сомнения в отношении того, на чьей стороне были рабочие. Те профсоюзы, которые, решив оттянуть время, прибегали к национальному голосованию по этому плану, получили подавляющее большинство голосов в его поддержку.

В своей председательской речи на конференции Движения меньшинства в августе 1925 года Том Манн совершенно правильно оценил обстановку. Выражая уверенность в успехе и в то же время предупреждая, он сказал: «Мы можем радоваться, что горняки благодаря профсоюзной солидарности успешно задержали наступление предпринимателей. Хотя это ничего не дало горнякам, мы имеем право гордиться, потому что это — свидетельство такой классовой солидарности, которую нужно лишь сделать шире, чтобы получить более значительные результаты. И все же нам нужно спросить себя — готовы ли мы, когда начнется новая схватка, встретить врага? Мы должны быть честными и признать, что не готовы».

Однако правительство Болдуина готовилось быстро. В то время как Дж. Х. Томас заявил, что он против любых действий, которые «угрожают обществу и государству», и говорил, что гражданские обязанности выше профсоюзных, Болдуин и Черчилль собирали силы и завершали свои планы превращения Англии в поле боя в промышленности. Началось создание охватывающей всю страну штрейкбрехерской организации — так называемой Организации обеспечения снабжения. Проходил набор специальных полицейских. Были тщательно отобраны войска и подразделения военно-морских сил, которые было решено использовать в случае необходимости. Страна была разбита на десять районов. Были назначены военные офицеры, которые должны были принять командование, когда начнется забастовка. В то же время мало было сделано для того, чтобы подготовить к борьбе рабочих.

21 марта 1926 года, когда стало очевидно, что борьбу нельзя долго откладывать, Движение меньшинства провело в городской ратуше Баттерси «конференцию действия». Широкие отклики с мест показали, что рабочие готовы к борьбе. Они также показали, насколько возросло

влияние Движения меньшинства. Присутствовало 883 делегата от 547 организаций с общим числом членов 957 тысяч человек. 84 делегата представляли 52 совета профсоюзов.

Конференция призвала к созданию организации рабочей обороны, которая находилась бы под руководством советов профсоюзов. В ее задачу должна была входить охрана ораторов от хулиганских налетов, охрана помещений профсоюзов от поджигателей и вообще защита политических и экономических прав и свобод рабочих.

Были также приняты решения добиться помощи и поддержки кооперативных организаций, обеспечить активное участие в борьбе парламентской фракции и национальной организации лейбористской партии; конференция обратилась к ним с призывом заявить о том, что лейбористская партия предоставляет себя в распоряжение Генерального совета и убедить Генеральный совет предпринять шаги к завоеванию поддержки профсоюзов других стран в предстоящей борьбе.

Последовали пять недель интенсивной подготовки. Мы мобилизовали всех членов Движения на подготовку к действиям, оказывали давление на исполкомы профсоюзов и Генеральный совет и убеждали советы профсоюзов создавать комитеты действия.

К концу этих пяти недель было объявлено о локауте горняков. Настал час испытания: останутся ли в силе обещания, данные горнякам в «красную пятницу» и вновь подтвержденные 26 февраля 1926 года? Под большим давлением во вторник 29 апреля Генеральный совет БКТ созвал в Мемориальном зале в Лондоне конференцию исполкомов профсоюзов. Конференция предоставила Генеральному совету все полномочия для принятия любых необходимых мер, чтобы предотвратить сокращение заработной платы горняков, увеличение рабочего времени и ликвидацию принципа национальных соглашений. Без всякой подготовки, за исключением той, которая была проведена сторонниками Коммунистической партии и Движения меньшинства, на 3 мая была назначена всеобщая забастовка.

Когда известие об этом решении дошло до Гайд-парка, где в воскресенье 2 мая 100 тысяч человек собрались на празднование 1 Мая, оно было встречено с огромным энтузиазмом. Будучи одним из ораторов, я настолько

увлекся, что едва не забыл, что после меня должен выступать член парламента от Тоттенхэма. Я вспоминаю, как он рассердился на председателя за то, что тот не дернул меня за пиджак, чтобы я скорее закончил свою речь.

В тот вечер мы направили из руководящего центра Движения меньшинства директивы своим членам работать по созданию комитетов действия в каждом районе. Однако мы предупреждали, чтобы ни при каких обстоятельствах комитеты действия не брали на себя работу профсоюзов. В них должны были быть представлены «все политические, профессиональные, кооперативные организации и организации безработных — ни одна организация не должна остаться вне комитетов, если мы хотим нанести поражение шахтовладельцам и правительству».

Комитеты действия должны были следить за тем, чтобы выполнялись все решения Генерального совета и исполкомов профсоюзов. Они должны были обеспечивать постоянное пикетирование мест работы, заниматься созданием патрулей. О любых нарушениях порядка нужно было сообщать в соответствующий профсоюз. Каждый рабочий должен был прекратить работу, как только получит указание.

Мы советовали комитетам создавать комиссии по снабжению продовольствием и избирать органы печати и пропаганды, чтобы противостоять яду и лжи прессы миллионеров.

Была определена роль Корпуса рабочей обороны: «Они должны быть членами профсоюза с хорошей характеристикой и находиться под командованием профсоюзных работников. Их обязанности состоят в том, чтобы охранять профсоюзные помещения, типографии, массовые митинги, пикеты и профсоюзных руководителей, занимающих важные посты, поддерживать мир и порядок и препятствовать проникновению агентов-провокаторов и шпионов, которых правительство и предприниматели наверняка зашлют для совершения насилий».

Одним из важнейших предложений было, пожалуй, предложение о создании комитета для работы по установлению дружественных отношений с вооруженными силами, разъяснению среди них действительного содержания борьбы, того факта, что именно «правительство объявило войну против профсоюзов».

Так мы вступили во всеобщую стачку 1926 года, высшую точку, которой когда-либо достигала борьба английского рабочего класса. Эти девять дней, которые потрясли Англию, и по сей день являются богатым источником уроков, включая и те уроки, которые, хотя они, к сожалению, и почти забыты сегодня, окажутся весьма полезными в будущем. Я не буду пересказывать, как огромная армия английских трудящихся вступила в борьбу с изумительной энергией и надеждой и действовала с неослабевающей уверенностью вплоть до того страшного девятого дня, когда их генералы, обнаружив трусость, неспособность и открытое предательство, продались хозяевам и правительству.

Оглядываясь назад, можно видеть, что у нас не было серьезных оснований изумляться такому исходу борьбы. Тот факт, что в пользу всеобщей забастовки было подано огромное большинство голосов—3 653 529 против 49 911,— скрыл от нас истинную позицию Генерального совета. Вначале многие из нас относили эту победу на счет «левого крыла» в совете. Казалось, что этот успех явился воплощением той солидарности, над созданием которой мы так много работали. На деле же мы оказались в плену событий.

Хотя забастовка была объявлена Генеральным советом, правые лидеры были до смерти напуганы ею. Отсюда их попытка после продолжительных переговоров в последнюю минуту избежать забастовки, когда они встретились с премьер-министром Болдуином поздно вечером в воскресенье 2 мая. Но Болдуин не имел никакого желания идти на компромисс. Настал час открытой борьбы. Те, кто намеревался использовать призыв к всеобщей забастовке как средство давления, неожиданно обнаружили, что не было никакого выхода, кроме как идти дальше: они боялись, что в случае их отступления произошли бы широкие неофициальные выступления рабочих, находившихся под влиянием Движения меньшинства. Они не могли позволить себе отменить забастовку, они не могли позволить себе еще одну «черную пятницу». Трудно было даже представить, какие последствия имело бы для них второе такое открытое предательство. Жребий был брошен. Отступление было невозможно.

4 мая забастовали почти три миллиона рабочих. Самой большой неожиданностью для всех было вступление в забастовку печатников, что лишило правительство его са-

мого действенного оружия. Кабинет ответил изданием «Бритиш газетт», которая печаталась небольшой кучкой штрейкбрехеров под руководством Уинстона Черчилля. В ответ печатники — члены профсоюза выпустили от имени Генерального совета газету «Бритиш уоркер». Но совет начал не с той ноги. В первом номере категорически заявлялось, что забастовка не носит политического характера. Газета умоляла рабочих сохранять мир. Поэтому полиция, конфисковав первый номер газеты, тотчас же снова разрешила его распространение.

Не так было с «Уоркерс буллетин», издававшимся Коммунистической партией. Несколько рабочих, распространявших его, были арестованы, и некоторые были приговорены к длительным срокам тюремного заключения.

До забастовки представители правительства настаивали на том, чтобы Организация обеспечения снабжения была создана только по инициативе частных лиц. Но в первый же день стачки правительство отказалось от этой маскировки; личный состав и транспорт Организации обеспечения снабжения были переданы государственным властям. «Беспристрастное» консервативное правительство нанесло первый удар по активистам, и главным образом по известным коммунистам.

Я собирался покинуть помещение Движения меньшинства на Грейт-Ормонд-стрит, когда увидел, что двое полицейских в штатском арестовывают Р. У. Робсона, секретаря Лондонского окружного комитета партии. Они втолкнули его в автомашину и уехали, оставив двух детективов у единственного входа в здание. Было ясно, что готовились новые аресты. Я вернулся и рассказал о случившемся Нату Уоткинсу, единственному находившемуся в то время в здании работнику Движения меньшинства, а затем позвонил Бобу Стюарту. Боб сказал, что мы должны любым способом избежать ареста. «Уходите из здания любым путем,— сказал он,— но не дайте себя арестовать... И не ходите домой».

Наше помещение было на втором этаже в задней части здания и имело лишь одно окно. Карниз находился на высоте двух метров от пола комнаты. Я вскочил на стол и выглянул наружу. Первый раз я делал обзор окрестностей. К окну подходила наклонная крыша пристройки. Между этим сооружением и высокой стеной вокруг лесосклада имелось около четырех футов свободного пространства.

Нат, бывший шахтер, весивший около ста килограммов, сказал: «Я чувствую себя нормально под землей, но никуда не гожусь над землей». Я осторожно соскользнул по шиферной крыше. Упершись ногами в водосточный желоб, скрытый от взглядов штабелями леса, я сумел достать до жерди, которая наклонилась внутрь двора. Мы перебрались по этому «мосту» и оказались на свободе. Я никогда не забуду вида Ната, перекидывающего свою тушу через жердь, и его облегчение после счастливого приземления. Мы обнаружили, что высокие ворота склада были закрыты (так как рабочие присоединились к забастовке), и нам пришлось перелезать также и через них. Мы спрыгнули на улицу и продолжали свою работу. В эту ночь было бы слишком рискованно идти в гостиницу, поэтому мы пошли в турецкие бани — в первый и последний раз в жизни — и пробыли там до утра.

На рассвете следующего дня я отправился к генеральному секретарю профсоюза подсобных рабочих-строителей Сиду Тэйлору и к секретарю окружного комитета профсоюза электриков, примкнувшего к Движению меньшинства. Они согласились предоставить нам небольшое помещение в их здании, и мы работали там до конца забастовки. А тем временем, когда мы получали сообщения и размножали свои бюллетени, полиция недалеко от нас продолжала следить за нашим собственным зданием.

Сообщения из основных центров забастовки свидетельствовали о влиянии Движения меньшинства. Во многих местах применялись решения «конференции действия». Однако наши советы, разосланные членам Движения меньшинства накануне забастовки, не всегда могли быть выполнены полностью. Некоторые профсоюзные работники слишком ревностно выполняли указания исполкомов профсоюзов. Поэтому комитеты действия, за небольшими исключениями, действовали в ограниченных рамках. Конечно, это происходило главным образом из-за отсутствия опыта у многих наших сторонников, но часто также и из-за официальной оппозиции комитетам действия в связи с тем, что они играли политическую роль во всеобщей стачке. Однако там, где они действовали, например в Дареме, они работали замечательно.

У нас было мало опыта руководства забастовкой таких масштабов. Официальное руководство профсоюзного движения не только оказалось жалким и беспомощным — оно

саботировало организационную и политическую подготовку к эффективной забастовке. Даже Движение меньшинства, будучи прежде всего заинтересовано в политической мобилизации, не уделяло достаточного внимания некоторым сторонам организационной работы. Хотя мы знали, на какое предательство были способны правые лидеры, мы не вполне ясно понимали роль, которую играли так называемые «левые» в профсоюзном руководстве. В своем большинстве они вели себя, как флюгер, поворачивающийся по ветру, и капитулировали перед правыми. Мы извлекли хороший урок: добиваясь более левого курса от официального руководства, основное внимание при подготовке к выступлению нужно всегда уделять выдвижению членов руководства из среды рядовых рабочих, обладающих классовым сознанием.

В то время как БКТ упрямо провозглашал, что забастовка является экономической, а не политической,— несмотря на все факты и ежедневные действия правительства, свидетельствовавшие как раз о противоположном,— Коммунистическая партия выдвинула лозунг «Долой правительство Болдуина!» Этот лозунг получил немедленный отклик. Его писали мелом на стенах и тротуарах по всему Лондону в тот самый день, когда он был выдвинут.

Когда армейские обозы стали перевозить продовольствие из лондонских доков под охраной броневиков и конных полицейских, бастующие выкрикивали те же самые слова, обращаясь к войскам. Однажды я видел, как эскадрон добровольческой кавалерии проехал по Блэкфрайарс-роуд. На них были шлемы и наручные броневые накладки. Кавалеристы были вооружены длинными и толстыми дубинками. Но они не были похожи на кавалерию. Далеко не похожи. Кажется, эти объевшиеся консерваторы-добровольцы, выступившие за «короля и отечество», почувствовали облегчение, когда их военные способности так и не были подвергнуты испытанию. Они пытались возместить свою беспомощность тем, что свирепо хмурились на бастующих, столпившихся на тротуарах, которые шутили, смеялись и кричали: «Долой правительство Болдуина!»

Верх лицемерия во время забастовки был достигнут лордом Бальфуром. В штрейкбрехерской газетенке он писал: «Прошло двести тридцать восемь лет со времени ре-

волюции в нашей стране. Ее целью было обеспечение верховенства парламента в государственном управлении... Но теперь нам угрожает революция другого рода. Если она будет успешной, то общество будет управляться не парламентом... не умеренными членами Генерального совета тред-юнионов, а сравнительно небольшой группой экстремистов, которые считают профсоюзы не механизмом для переговоров... а политическим орудием, при посредстве которого сама промышленная система будет окончательно уничтожена».

«Промышленная система», о которой Бальфур проявил столь глубокую заботу,— это, конечно, именно та система, которая выжимает из народа максимальные прибыли для богатых. Более того, говоря о верховенстве парламента в течение жизни восьми поколений, он забыл отметить, что при пяти из них рабочий класс не имел никакого представительства в этой парламентской системе. Он не сказал, что в ходе борьбы за представительство рабочего класса в этом «верховном парламентарном государственном управлении» его класс мучил, бросал в тюрьмы и убивал людей, пытаясь сохранить в парламенте верховенство для богатых. Он также забыл сказать, что до 1918 года у нас не было всеобщего избирательного права и оно было получено лишь после того, как активные женщины Англии прибегли к поджогам почтовых ящиков, участвовали в открытых сражениях на улицах вокруг Вестминистера, а также, как прежде рабочие, терпели мучения, чтобы завоевать избирательное право; они подолгу находились в тюрьмах; их насильственно кормили во время голодовок, которыми они стремились привлечь внимание мира к несправедливости в отношении лишения избирательного права большей половины населения.

За день до заявления Бальфура Дж. Х. Томас, выступая в Хаммерсмите, сказал: «Я никогда не скрывал, что в принципе не поддерживаю всеобщей стачки». То же самое сказал Рамсей Макдональд в день начала забастовки: «Мне не нравятся всеобщие стачки вообще, и я не изменил своего мнения. Я уже говорил об этом в Палате общин. Мне не нравится и эта стачка; честное слово, она мне не нравится...»

Оба они были высшими руководителями и творцами политики социал-демократии в Англии. В конце концов оба дезертировали и примкнули к консерваторам. Люди,

столь же виновные, как и они, называли их предателями за дезертирство из лейбористской партии. Они действительно были предателями. И не менее опасными, чем те, кто проводил политику, приведшую к предательству всеобщей стачки и оставившую горняков бороться в одиночку. Корни предательства лежали в политике социал-демократии. Это основной урок, который рабочее движение еще должно усвоить. Победы положат конец непрерывной цепи предательств лишь тогда, когда будет усвоен этот урок.

Коммунистическая партия и Движение меньшинства были верны рабочим в течение всех испытаний забастовки. Газета «Уоркерс буллетин» неуклонно отстаивала интересы трудящихся и разоблачала обман правящего класса, который лидеры БКТ либо принимали без протеста, либо повторяли в своих мыслях и речах. Что правительство было готово голодом заставить рабочих повиноваться, стало очевидно, когда оно запретило передачу бастующим финансовой помощи, оказываемой рабочими других стран, и издало постановление о конфискации денег, поступавших в помощь бастующим. В бюллетене говорилось: «Бритиш уоркер» самым решительным образом заверяет всех, что забастовки являются чисто экономическим конфликтом. Пусть Генеральный совет потребует... отставки правительства, совершившего ужасную ошибку, и создания лейбористского правительства, которое бы поправило дело».

Лидеры БКТ намеренно не готовились к забастовке. На специальной конференции исполкомов, которая была созвана в январе 1927 года для обсуждения итогов всеобщей стачки, Дж. Х. Томас сказал: «Положение в отношении подготовки было таково: кто бы сказал, что мы стремимся к мирным переговорам, если бы мы решились на девятимесячную стачку и заявили, что будем готовиться к всеобщей стачке? Смог ли бы кто-нибудь утверждать это? Так переговоры вести нельзя. Вряд ли так можно прийти к миру, и другая сторона предвосхитила бы каждый наш шаг».

Эрнест Бевин говорил то же самое: «Я не хочу, чтобы кто-нибудь ушел с конференции под впечатлением, что у Генерального совета имелись какие-либо планы до его созыва 27 апреля».

Рядовые члены профсоюзов как один поддерживали горняков. Бевин лишний раз подтвердил, что они продолжали бы борьбу:

«С большим трудом некоторые профсоюзы подчинялись дисциплине Генерального совета, когда от них требовали не бастовать, а удержать своих членов на работе; иногда им приходилось говорить рабочим, чтобы они продолжали работать, а те не хотели».

И, наконец, самый главный урок. Несмотря на блестящую работу нашей немногочисленной Коммунистической партии перед стачкой и во время ее, она не могла тогда, после этого предательства, взять руководство в свои руки. Несмотря на ее помощь Движению меньшинства и руководящую роль в этом движении, влияние которого среди членов профсоюзов быстро росло в предшествовавшие забастовке годы, влияние Коммунистической партии недостаточно чувствовалось в профсоюзах и вообще в рабочем движении. Будь в той обстановке сильная Коммунистическая партия, достаточно сильная, чтобы обеспечить такое недостающее руководство,— дела бы пошли по-другому. В этом и состоит главный урок всеобщей забастовки: необходимо иметь сильную партию, пустившую глубокие корни среди решающих слоев населения,— в профсоюзных, лейбористских, кооперативных, молодежных, женских организациях и организациях бывших военнослужащих.

Еще один важный урок состоял в необходимости международной солидарности. Транспортные рабочие Голландии объявили бойкот английских кораблей, находившихся в голландских портах. Из Голландии также поступила финансовая помощь. То же самое сделали французские профсоюзы. Тем не менее классовое единство, за исключением замечательной помощи, оказанной горнякам советскими профсоюзами в размере свыше одного миллиона фунтов стерлингов во время локаута, было явно недостаточным.

Хотя за годы после 1926 года международное мировоззрение организованных рабочих вообще прояснилось и укрепилось, солидарность рабочих в международном плане все еще недостаточно сильна, чтобы нанести поражение хорошо организованным предпринимателям.

Главная вина за это ложится на раскольническую деятельность социал-демократического руководства, тех, кого Ленин охарактеризовал (и его слова как никогда верны сегодня) «рабочими приказчиками» империализма, работающими внутри профсоюзов и лейбористской партии. В старое время мы называли их «сторожевыми псами капитала». Таким же образом и реакционные руководители

Американской федерации труда и Британского конгресса тред-юнионов сумели после второй мировой войны расколоть Всемирную федерацию профсоюзов.

Люди подобного толка открыто выражали свою радость, когда окончилась всеобщая стачка. Это никогда не повторится — таков был, по знаменитому выражению лидера Национального профсоюза железнодорожников С. Г. Крэмпа, единственный урок, который они извлекли в 1926 году. Тем не менее эти девять исторических дней полны замечательных уроков, которыми мы руководствовались и будем руководствоваться в будущих боях. Рабочая молодежь Англии и других стран должна хорошо усвоить эти уроки.

После девяти долгих месяцев борьбы горняки потерпели поражение. Национальное соглашение о зарплате, которое они завоевали во время войны, было ликвидировано, хозяева навязывали свои условия округу за округом. Рабочий день был увеличен на один час, заработная плата снижена. Ухудшились условия труда. Проводились массовые преследования, и не только среди горняков. В графстве Ноттингемшир в Южном Уэльсе были созданы раскольнические профсоюзы. Они получили много денег от Национального союза моряков, возглавлявшегося организатором штрейкбрехеров Уилсоном, который уговаривал своих членов продолжать работать во время всеобщей забастовки. «Заработная плата должна быть снижена повсюду»,— сказал Болдуин, и предприниматели всей оравой бросились ее урезать.

Генеральный совет БКТ от предательства перешел к полной капитуляции. От его имени член совета Бен Тэрнер подписал соглашение с сэром Альфредом Мондом, крупным тузом из «Импириэл кемикал индастриз», самой могущественной монополии в Англии. В соответствии с этим соглашением БКТ был обязан сотрудничать с предпринимателями в то время, когда те торжествовали свой успех и вели наступление по всем линиям. Это предательство способствовало тому, что в миллионы домов пришли голод и лишения.

Ослабли боевые надежды послевоенного подъема. Впереди лежали мрачные годы. Миллионы людей, не имеющих работы. «Национальное» правительство, проверка нуждаемости, голодные походы...

Все это явилось результатом поражения организованных трудящихся в 1926 году. Имущий класс переходил в наступление не только в Англии. Повсюду современные империалистические государства приходили в звериную ярость от крупных потерь, их охватывал ужас перед будущим, славным примером которого явилась Советская Россия. Они прибегали к фашизму, готовились к войне как друг против друга, так и против социализма. Началась их бешеная гонка по пути к мировому конфликту.

Первым, на кого напали, примерно в то же время, когда рабочий класс Англии проходил через исторические испытания, был Китай. Здесь национально-освободительное движение черпало силы из русской революции. В то время когда в Англии разгоралась всеобщая стачка, Чан Кай-ши в Китае вступил на длинный путь бесславия, который привел его сначала к предательству национальной революции в 1927 году, а затем к его нынешней дурной славе главного поджигателя и врага мира.

В 1926—1927 годах китайские банкиры, помещики и милитаристы начали войну против рабочих и крестьян, которая спустя двадцать три года должна была окончиться полным поражением для них и для их зарубежных пособников. По всей Азии растущее сопротивление колониальных народов против поистине ужасной нищеты также грозило сокрушить их врагов. Япония, этот сильный и жадный запоздавший хищник среди грабительских иностранных держав, уже бросала жадные взоры на Китай и готовилась напасть на него. Дальний Восток должен был скоро стать центром мировой военной опасности.

Еще в 1922 году представители австралийских профсоюзов на втором конгрессе Красного Интернационала профсоюзов говорили о необходимости совместных оборонительных действий профсоюзов района Тихого океана. Однако никаких действий не было предпринято до Тихоокеанской конференции профсоюзов, созванной по инициативе австралийских профсоюзов в Ханькоу 20—26 мая 1927 года. Эта конференция, на которой от Национального движения меньшинства Англии присутствовал Том Манн, создала Тихоокеанский секретариат профсоюзов.

К тому времени уже существовал террор чанкайшистов. Тысячи демократов, членов профсоюза и коммунистов были зверски убиты в Шанхае, Чанша и Кантоне или

расстреляны и обезглавлены в местах казни. Тихоокеанский секретариат мог работать легально всего лишь несколько месяцев. В середине 1927 года, учитывая, что весь персонал секретариата был известен полиции, возникла необходимость сменить персонал и продолжать борьбу в условиях подполья.

В августе 1927 года, к моему великому удивлению, меня попросили немедленно выехать в Ханькоу и взять на себя руководство работой секретариата.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МИССИЯ В КИТАЙ

Тихоокеанская конференция. Любопытные японцы. Военачальник Тань. Кантонское восстание. Недруг Тома Манна. Неприятности с домовладельцем. Рискованно быть ирландцем. Детский труд. Сценка на Нанкин-роуд. Самая длинная трактирная стойка в мире. Рабочие арестовывают полицейского. Палачи. Вера в победу.

Я глубоко чувствовал, какая честь была оказана мне этим предложением. Работа в международном движении, так много давшая мне в деле приобретения опыта, приучила меня рассматривать проблему братского единства между рабочими Запада и народами колониальных стран как одну из самых важных проблем рабочего движения. Я еще раньше глубоко сожалел о том, что Международная федерация профсоюзов была не в состоянии оказать помощь растущим профсоюзам Востока. Теперь я был рад, что мне поручено отправиться в Китай с этой миссией.

С китайцами я встречался и раньше. Мне приходилось работать вместе с ними на лесопильных заводах в Британской Колумбии. В 1911 году я выступал на митингах в поддержку китайской революции, возглавлявшейся доктором Сун Ят-сеном, которая покончила с маньчжурской династией и превратила монархический Китай в республику. Будучи генеральным секретарем ИРМ, я поддерживал связь с кантонскими студентами в Чикаго. Они снабдили нас адресами в Кантоне и Шанхае, по которым в 1920—1921 годах я направил много марксистской литературы, в том числе замечательную брошюру Мэри Е. Мэрси «Беседа у станка об экономике». Несколько пачек этой брошюры я направил также в Иокогаму.

С глубоким интересом следил я за первой крупной забастовкой моряков во главе с Су Чжао-ченом. Начавшись

в Гонконге, она остановила судоходство по всему китайскому побережью и закончилась победоносно. Товарищ Су, с которым я позднее работал в Шанхае, командовал также вооруженными пикетами в Кантоне, когда был объявлен бойкот английских товаров в знак протеста против массовых убийств в Шанхае, Кантоне и Вансяне. Позднее из-за такого же варварского обращения с китайцами бойкотировались и японские товары. Товарищ Су Чжаочен, обаятельный человек и настоящий революционный руководитель (сколько их было воспитано Коммунистической партией Китая в те первые годы!), умер в Шанхае в 1928 году. Китайский народ понес тяжелую утрату. Ее остро почувствовали все, кто черпал вдохновение в его спокойной, самоотверженной преданности делу, свойственной всем китайским руководителям, которых мне довелось узнать.

Секретариат был создан, чтобы популяризировать программу, принятую на Тихоокеанской конференции, и создавать единство действий для достижения содержащихся в ней требований. Сюда входили требования восьмичасового рабочего дня, еженедельного дня отдыха для всех рабочих, законодательного запрещения ночной работы для женщин, отмены продажи детей на фабрики, свободы слова, собраний, печати и ряд других элементарных человеческих требований.

В те месяцы нарастал конфликт между китайским народом и его угнетателями. По мере усиления борьбы внутри страны все более яростными становились нападки внешних врагов. Последовала длинная цепь китайских «инцидентов». За этим словом, которое в то время империалисты с целью обмана пустили в широкое употребление, скрывались массовые убийства безоружных демонстрантов, бомбардировки с моря мирных жилищ, приносившие смерть многим беззащитным женщинам и детям, и другие неспровоцированные агрессивные действия. Более двадцати лет эти действия были общепринятой формой «разговора» с Китаем. И даже сегодня гангстеры-милитаристы в Америке с большим трудом избавляются от этой привычки.

Я направился в Китай через Европу. В августе 1927 года ехать морем было опасно. Чан Кай-ши, поддержанный иноземными угнетателями, обосновал свое прави-

тельство в Нанкине. Его войска к тому времени оккупировали Шанхай. Все еще продолжались аресты и казни рабочих, студентов, демократов и профсоюзных работников. Я был хорошо известен английским властям, и, если бы даже они меня не перехватили и мне удалось высадиться в Шанхае, я мог поставить под угрозу китайских профсоюзных работников и рабочих, как только в ходе работы вступил бы с ними в контакт.

Ранним сентябрьским утром «состоятельный джентльмен», сильно смахивающий на меня, снял номер в отеле «Ямамото» в маньчжурском городе Дайрен, проехав 6 тысяч миль через Советский Союз и по Южно-Маньчжурской железной дороге. В этом японском городе на китайской земле я провел несколько дней, ожидая парохода на Шанхай. Удушающее воздействие японского господства ощущалось в стране повсюду. На каждом шагу из-под тонкой вуали японской вежливости грубо проглядывало высокомерие оккупантов. Меня везде спрашивали о роде моих занятий. Спрашивали служащие гостиницы, носильщики и официанты в ресторане. Однако это любопытство приносило больше пользы мне, чем им. Когда в конторе гостиницы меня без обиняков спросили о характере моей деятельности, я попросил помочь мне встретиться с «каким-либо авторитетным лицом» на Южно-Маньчжурской железной дороге. Я сказал, что собираю факты о «поразительной предприимчивости» Японии.

Служащие гостиницы сначала проводили меня к своему управляющему, а потом мне назвали некоего господина Дениса и дали его адрес. Судя по имени, я, естественно, предполагал увидеть ирландца. Но, насколько я могу судить, он оказался чистокровным японцем. Он с готовностью ответил на мои вопросы о «развитии» Маньчжурии, которое осуществляется его страной в течение последних двадцати лет. Он дал мне несколько книг, содержавших многочисленные факты и цифры. Это было именно то, что я хотел. Они показывали, как Япония, главным образом благодаря своему контролю над Южно-Маньчжурской железной дорогой, высасывала соки из этой части Китая. Позднее мы с большой пользой применили эти факты, показав, как японские империалисты грабили богатства Китая. На основании этих данных я написал статью для издававшегося секретариатом журнала «Пан-пасифик уоркер» («Тихоокеанский рабочий»).

Какую жестокость и бесчувственность в отношениях между людьми можно было наблюдать в то время в Китае в ходе повседневной работы и поездок по стране! Из Шанхая я направился вверх по реке до Ханькоу. Чрезвычайно сильны были настроения, направленные против Чан Кайши и его иностранных пособников. Во время предыдущего рейса пароход обстреляли с берега. Пуля прошла как раз через каюту, которую отвели мне и одному английскому почтовому чиновнику. Для защиты пассажиров на палубе по бортам были установлены двухметровые стальные щиты. Я задавал своему попутчику, которому довелось объездить весь Китай, вопросы об условиях жизни населения.

«Половина детей умирает, не достигнув пятилетнего возраста,— рассказывал он мне.— Сотни тысяч жителей живут в перенаселенных городах. Канализации нет. Водосточные канавы на улицах кишат микробами. Не удивительно, что дети умирают». «Неужели ничего нельзя сделать?» — спросил я. «А что будет, если они перестанут умирать?» — ответил он, пожимая плечами. Это было типичное для иностранцев рассуждение. Пусть уж лучше люди мрут, как мухи, чем живут, усиливая угрозу империализму. Таково было обычное убеждение иностранцев, и оно все еще живет там, где сохранилось колониальное государство, будь то в Азии или где-нибудь в другом районе земного шара.

В Шанхае товарищи по работе предупредили меня, что я не смогу жить под своим именем. У меня уже имелся кое-какой опыт подпольной работы в ИРМ, и он оказался полезным, когда я приехал в Ханькоу. Старый аппарат секретариата и журнала «Пан-пасифик уоркер», познакомив меня с печатником и рядом других наших товарищей, выехал из Шанхая. Оставшись с «Пэдди», который исполнял обязанности технического помощника, я немедленно взялся за дело.

Почтовые органы отказывались принимать наш журнал к отправке. Мы обошли запрет путем перевозки экземпляров журнала в другой город, откуда он уже отправлялся по почте. Выпустив пять номеров, секретариат решил перевести редакцию журнала в Австралию. Нам нужно было также наладить связь с профсоюзными центрами, которые присылали своих делегатов на Тихоокеанскую конференцию в Ханькоу, и оказывать посильную по-

мощь нашим китайским друзьям, которые работали в труднейших условиях, постоянно находясь под угрозой ареста и казни.

После разгона недолговечного Уханьского правительства национального единства, Нанкин попал в руки генерала Тань Шен-чжи, который обосновался здесь как военный правитель данной области и находился в оппозиции к Чан Кай-ши. Чан Кай-ши послал против него армию. День за днем войска Таня отступали к городу. Затем они подожгли Ханькоу в шести местах и отошли за реку в Учан. Сам Тань отправился вниз по реке на японском пароходе. Ходили слухи, что он скрылся, прихватив с собой 300 тысяч долларов, «конфискованных» в китайских банках Ханькоу.

На следующий день в город вошла наступающая армия. Я впервые увидел китайскую армию. Тяжелые орудия были разобраны. Насильственно взятые в армию китайцы несли на бамбуковых шестах тяжелые части орудий. Солдаты были босы и оборваны. Сбоку у каждого висел зонт. Однако они были хорошо вооружены огнестрельным оружием.

Квартира, в которой я жил, находилась в «специальном районе», на территории бывшей английской концессии, которая была отобрана во время оккупации Ханькоу национально-революционной армией. Из своего окна я видел, как офицеры при помощи солдат снимали штаны с китайцев и безжалостно их избивали. Были казнены шесть студенток университета. Когда мне об этом рассказал один из китайских товарищей, я спросил: «За что?» Он ответил: «За то, что они коротко подстригли волосы и про них говорили, что они были коммунистками». После этого события рабочие и студенты хлынули на улицы, схватили гоминьдановских чиновников и на митинге в одном из пригородов Учана, на котором присутствовало около 30 тысяч человек, путем голосования приговорили их к смерти. Гоминьдановцы были убиты на месте. На следующей неделе в отместку за этот справедливый акт возмездия состоялись массовые убийства.

Коммунисты не поддерживали стрижку волос. Они понимали необходимость избегать ненужных изменений, которые могли ущемить традиционный образ мыслей. Но они действительно выступали против бинтования ног. Волосы стригли главным образом молодые женщины из имущих

классов, получившие образование на Западе. Стрижка волос не была тогда распространенным явлением, особенно в Центральном Китае. Китайские женщины гордились своими блестящими, гладко причесанными волосами, аккуратно сложенными в пучок на затылке.

Напротив моей квартиры по длинным сходням спускались на берег моряки с иностранных кораблей. Какие сцены можно было видеть здесь, особенно когда сходили на берег экипажи американских кораблей! Однажды я видел, как они без какой-либо видимой причины избивали полицейского-китайца.

Во время разгрузки английского грузового судна произошел несчастный случай с одним из китайских грузчиков. У него была раздроблена нога. Он сидел у сходен, истекая кровью. Стоявший неподалеку английский надсмотрщик даже не помог отвести его в сторону. Так он и умер. Труд был дешевый. Жизнь грузчика не стоила даже расходов на рикшу, чтобы отвезти его в больницу.

11 декабря 1927 года вспыхнуло знаменитое Кантонское восстание, во время которого рабочие этого революционного центра в Южном Китае бросили героический, хотя и безрассудный вызов гоминьдану и окружившим город армиям. Одна из задач секретариата состояла в том, чтобы давать в журнале обзор событий в Китае и их оценку. Капиталистическая пресса выступила с нападками на Кантонское восстание, пытаясь изобразить его как дело рук Советского правительства. Выступая против этой клеветы в статье, опубликованной сразу же после восстания, я писал:

«Каковы были реальные силы, которые привели к восстанию? Они не могут быть отделены от борьбы народных масс Китая за национальную независимость. Своей борьбой они обеспечили успех Северного похода и действий на фронте, проходящем по реке Янцзы. Когда была занята богатая долина этой реки, политиканы и генералы испугались пролетариата. Они предпочли сблокироваться с иностранными империалистами и подавить организации рабочих и крестьян. Эти действия означали конец революционного гоминьдана. Неразборчивые в средствах предприниматели, как иностранные, так и китайские, уничтожили все революционные завоевания. И без того низкий жизненный уровень был сведен ниже уровня, существовавшего до похода к Янцзы. Несмотря на казни, рабочие Кан-

тона продолжали наносить удары. Они также были свидетелями борьбы за власть внутри гоминьдана. Этим объясняется лозунг «Спасем революционный гоминьдан!», выдвинутый кантонцами».

Многие все еще продолжали верить, указывал я, что Ван Цзин-вей (который впоследствии стал японским квислингом) и генерал Чан Фа-гуй не зашли в своем предательстве так далеко, как клика Чан Кай-ши. Но, когда рабочие направились с петицией домой к Вану, он приказал их арестовать. Затем «генерал Чан, жаждавший захватить власть в Кантоне, сам попытался совершить переворот. На время прекратилась вся торговля. Разразился финансовый кризис. Жизнь рабочих становилась день ото дня хуже. Быстро возрастала стоимость жизни. Число безработных росло с каждым днем. Усилились преследования и казни. Чан Фа-гуй разоблачил себя. Вот в таких условиях и началось Кантонское восстание». Все, что было сказано в моей статье вплоть до этого места, все это было и остается совершенно верным.

Но после объяснения различных постановлений, изданных временным правительством за те немногие дни его существования, включая освобождение всех политических заключенных в качестве первого акта, я пришел к выводу, что не имелось никакого выхода, кроме как начать это восстание. «Всякого, кто предлагает другой путь,— писал я,— можно спросить, как организовать легальную забастовку... и при этом избежать ножа палача или пуль взвода солдат».

Это была серьезная ошибка с моей стороны. Я ясно увидел ее, когда впоследствии делал политический обзор восстания. Если принять во внимание, что национальная революция была окончательно предана и что Кантон был окружен китайскими и империалистическими вооруженными силами, восстание было левацким выступлением, обреченным на неизбежное поражение. В этих условиях надо было вести борьбу другим путем. Когда Мао Цзэ-дун, наконец, возглавил руководство партией, он доказал это и указал народу путь к завоеванию власти.

Вслед за поражением Кантонской коммуны, которая имела свои положительные черты, частично являясь прелюдией к окончательной победе, власти Ханькоу быстро приняли меры против всех, кто был связан с Тихоокеанским секретариатом, с Бородиным или другими советскими

гражданами, которые раньше работали советниками при гоминьдане и приехали в Ханькоу после установления Уханьского правительства.

Однажды ночью, спустя некоторое время после Кантонского восстания, были совершены налеты на многие дома иностранцев, проживавших в «специальном районе». Рано утром на следующий день, открывая ставни, я увидел, что китайские солдаты захватывают здания Советского консульства. Я видел, как вице-консула и персонал консульства под конвоем отвели в стоявшую на улице автомашину. Только спустя два часа, когда мне позвонил один из товарищей, занимавшийся нелегальной отправкой журнала, я понял всю серьезность обстановки. Он сообщил, что за ночь было произведено свыше двухсот арестов. Армейские кордоны отрезали все подходы к «специальному району». Позднее, когда войска были отведены, мы с «Пэдди» ушли с квартиры.

На некоторое время нам пришлось затаиться, но мы все же не прекращали издание журнала. Это было время, когда в море крови было потоплено временное кантонское правительство рабочих и крестьян. Все иностранные государства, имевшие в Кантоне войска, действовали заодно с китайскими милитаристами. Английские моряки с военного корабля «Мурхен» арестовывали китайских рабочих. Английские торговые суда подбрасывали гоминьдановские войска для подавления восстания.

При создавшихся обстоятельствах нам пришлось покинуть Ханькоу. Мы вернулись в Шанхай, где было сосредоточено национальное руководство китайскими профсоюзами. Теперь первоочередная задача секретариата состояла в оказании помощи китайским рабочим в их борьбе против безжалостного угнетения. В этом и состояла моя основная роль в течение последних трех лет пребывания в Китае.

Во время бесед с китайскими друзьями встал вопрос: нужно ли кому-нибудь возвращаться в Ханькоу? Я считал, что нужно было выяснить ряд вопросов, и вызвался поехать один и узнать, можно ли продолжать там работу.

Я сел на пароход в канун рождества 1927 года. К моему удивлению, он был полон иностранцев, среди которых было много «старых знатоков Китая». Во время рождественского ужина я сидел рядом с одним из них —

агентом торговой фирмы «Маккензи и К°», возвращавшимся после шестимесячного отпуска, проведенного в Англии. Главный инженер, шотландец, сидевший возле него за нашим столом, спросил его, как ему понравилось дома. «Все в порядке,— ответил тот.— Всеобщих забастовок больше не будет. Им дали хороший урок. Профсоюзные лидеры, наконец, пришли в чувство». Затем он добавил: «Знаете, кого я видел в Лондоне? Старого негодяя Тома Манна. Он выступал о Китае на Трафальгарской площади». Инженер спросил: «А много было народу?» — «Да, очень большая аудитория». Потом этот «знаток Китая» расхвастался, что он «посадил в галошу» Тома, выйдя вперед и спросив: «Если вы так любите китайцев, то почему в Ханькоу вы не жили с ними, а останавливались в первоклассном отеле?» Как он сообщил пассажирам парохода «Кун-Во», Том не смог ответить.

Я знал, что Том жил в захудалой гостинице «Ханькоу», но, увы, мое нелегальное положение не позволило мне уличить этого болтуна и назвать себя другом Тома. Инженер вспомнил, что, уезжая из Китая в 1927 году, Том плыл вниз по реке на том же пароходе «Кун-Во». Недруг Тома спросил: «Как он вам понравился?» «Он настоящий джентльмен»,— ответил инженер. По пути Том играл с пассажирами в различные игры и вообще был веселым попутчиком. Кто хорошо был с ним знаком, знает это. «Более того,— сказал инженер,— я обсуждал с ним политическое положение, и, хотя я живу в Китае уже девять лет и думаю, что хорошо знаком с обстановкой, мне пришлось сдаться, потому что он знал положение намного лучше меня».

Выпивка продолжалась. Мои спутники начали с джина, пили тосты за короля, отсутствующих друзей и так далее, а теперь уже пили виски с содовой. Налакавшись виски, торгаш вернулся к разговору о Томе Манне. «О чем он говорил на Трафальгарской площади?» — спросил инженер. «Да всякую дрянь — старый невежда». На минуту инженер замолчал, затем спросил клеветника: «Знаете ли вы, когда я впервые слушал Тома в Глазго?» Краткая пауза. «Ровно сорок лет назад». Снова продолжительное молчание. Затем инженер ответил торгашу так, что я с трудом мог скрыть свое восхищение. «Знаете ли,— сказал он,— насколько мне известно, он уже сорок лет таким путем зарабатывает себе на жизнь. Не такой уж он не-

вежда, как вы думаете». На этом словесная битва окончилась в основном в пользу отсутствовавшего Тома.

Пароход прибыл в Ханькоу рано утром. Не успел я войти в квартиру, как китайский бой сообщил мне, что были солдаты и произвели обыск. Я знал, что они не могли найти ничего такого, что бы можно было поставить мне в вину, но за завтраком все же решил потихоньку перебраться в другое место. Я отправился навестить друзей, которые еще оставались в городе. Они сообщили, что меня искал немец — хозяин квартиры. Он говорил им, что я «большевик». «Что же ответили мои друзья?» — спросил я. Они сказали, что это сущая неправда и что «в наше время страшно говорить такое о ком бы то ни было».

Я немедленно отправился в контору домохозяина, где был принят очень холодно. Хозяин сидел за столом, не произнося ни слова. Наконец, я сказал: «Господин, вы, кажется, хотели меня видеть?» Он встал, прошелся по конторе и ответил: «Да, я хочу, чтобы вы выехали с квартиры».— «Почему?» — «Разве вы не знаете, что к вам приходили китайские солдаты?» — «Что из этого? Меня ведь не было дома».— «Неужели вы не понимаете? Они сумасшедшие. Они все разворуют или разломают». Он спросил о моей профессии и национальности. Я полностью удовлетворил его и его партнера, ответив, что, во-первых, я настоящий журналист и, во-вторых, ирландец. Затем я что-то прибавил о неприятностях, которые я имел от англичан во время войны, потому что выступал против нее. Его партнер вспыхнул. Повертываясь на стуле, он спросил: «Видели ли вы, как утром русские поднимались на корабль по тем сходням?» —«Да».— «Как раз по этим мосткам мы уходили в 1915 году. Тогда англичане подстрекали китайцев плевать на нас. Придет черед и этих проклятых англичан».

Была заложена основа для более сердечных отношений. Я достал записную книжку и взял «интервью» у своих домохозяев, расспросив, как с ними обращались английские власти, когда они были интернированы во время войны. Скоро мы были на короткой ноге друг с другом. Я сообщил им, что должен переселиться из квартиры в гостиницу «Терминус» и уплатил причитавшуюся квартплату. Была произведена инвентаризация. Теперь я был вне подозрений. Меня даже пригласили в немецкий клуб.

Правда, принимать это приглашение было не совсем удобно.

В канун Нового года я выехал обратно в Шанхай. На том же самом небольшом пароходике ехало всего четыре пассажира: итальянский священник, австриец, француженка и я. За первым же завтраком француженка спросила, чем я занимаюсь. Я подумал, что лучше остаться ирландским журналистом, но тот час же попал в беду.

«Ах, какое совпадение!» — воскликнула женщина и сообщила, что она — корреспондентка парижской газеты «Фигаро» и что во время войны она жила в Дублине. Затем она заметила: «Я видела ваше имя на двери каюты, оно не ирландское». «Верно,— ответил я,— я сам из Канады, но мои родители приехали из Северной Ирландии». «Интервьюировали ли вы кого-нибудь?» — «Да, господина Ритчи, почтового чиновника». «Знаете, он встречает меня в Нанкине»,— сказала она. За три месяца до этого, разъезжая под другим именем, я провел несколько дней с господином Ритчи на другом пароходе. Я оказался в довольно неловком положении.

К счастью, когда наш пароходик встал на якоре посередине реки у Нанкина, этот господин не сдержал своего обещания, которое он дал корреспондентке «Фигаро». Я сидел у себя в каюте, решив не выходить из нее, пока не поднимут якорь.

Выдавать себя за ирландца и дальше было очень рискованно. Еще до приезда в Нанкин итальянский священник предположил, что раз я ирландец, то я должен быть и католиком и безусловно соглашусь на то, чтобы он стал моим духовным наставником. В Куйкяне он настоял на том, чтобы я сошел на берег и посетил католическую миссию. Все мои отговорки были отвергнуты, и мы направились туда все четверо. Во дворе миссии нам пришлось проходить мимо огромного распятия. Хотя до этого я за всю свою жизнь ни разу не перекрестился, здесь мне пришлось сделать этот отважный шаг. Я шел последним и так истово перекрестился под внимательными взглядами стоявших невдалеке китайцев, что те не заметили ничего подозрительного.

Часа два мы беседовали с французским священником, который пылал яростью к «большевикам» и безнравственным студентам университета, печатавшим нелегальную литературу и читавшим ее «невежественным кули». Он

согласился пообедать с нами на корабле. За столом я заметил, что неплохо было бы обучить китайцев, чтобы они могли читать легальную прессу. Он чуть не оторвал мне голову. «Ерунда»,— рявкнул он. Когда меня поддержала корреспондентка «Фигаро», он ей ответил: «Оставьте их в покое, и все будет в порядке. Но пусть к ним не лезут эти коммунисты».

Снова я прибыл в Шанхай — в настоящий мир, который так далек от той среды, которую я наблюдал на палубе парохода и в клубах, где европейские чиновники, корреспонденты и дельцы обменивались абсурдными и циничными замечаниями эксплуататоров в отношении Китая и китайцев. Теперь я мог непосредственно наблюдать жизнь простых людей. Работа в секретариате заставляла нас подробно изучать условия их жизни и труда, что являлось основой наших докладов и призывов к оказанию помощи и организации выступлений солидарности со стороны профсоюзов других стран. В этой работе я пользовался огромной помощью и советами Хон Ина (Сянь Ина), председателя Всекитайской федерации профсоюзов и члена Политбюро Коммунистической партии Китая. Мы специально изучали условия труда на предприятиях контролируемого англичанами международного сеттльмента, где 35 тысяч иностранных резидентов властвовали над 800 тысячами китайцев, где на воротах прекрасного парка напротив здания английского консульства можно было видеть табличку с надписью: «Собакам и китайцам вход воспрещен».

Потемневшая и покоробившаяся от времени табличка провисела там много лет. Она долго висела там и после того, как английские газеты начали отрицать ее существование. Позднее в связи с выражениями негодования со стороны китайской общественности и после протестов из-за границы она была снята.

Шанхай, 1927—1929 годы... В эти годы, последовавшие за чанкайшистской контрреволюцией, я был свидетелем всего худшего, что нес империализм подвластным ему миллионам людей, видел всю глубину порождаемого им разврата и угнетения, вызывавших чувство ужаса и отвращения. Я вспоминаю, как многие из нас, коммунистов и членов профсоюза, считали, что опасности подпольной работы не идут ни в какое сравнение со страданиями миллионов людей и с медленным умиранием многих тысяч нищих,

живущих буквально одним лишь подаянием. Рабочим приходилось бороться лишь за то, чтобы остаться в живых. В 1928 году, несмотря на террор, ежемесячно проходило около десяти забастовок, в которых участвовало почти четверть миллиона человек. Бастовали против любой несправедливости: против невыплаты заработной платы в течение многих недель, пятнадцатичасового рабочего дня, произвольных увольнений, насильственного вовлечения в гоминьдановские профсоюзы.

На шелкоткацких фабриках забастовали десять тысяч детей и пятьдесят тысяч женщин. Муниципальный совет создал комиссию для расследования условий детского труда. Комиссия была создана лишь после того, как под руководством мисс Агаты Харрисон была развернута широкая кампания в защиту детей. Харрисон раньше работала в бытовом отделе одного из английских предприятий, а в то время была работником «Христианской ассоциации молодых женщин» в Шанхае.

Комиссия побывала на ряде предприятий и обнаружила, что дети в возрасте до шести лет должны были работать по 12 часов в день. Много часов подряд они стояли у станков, не имея времени даже поесть. Условия в небольших мастерских, как выявила комиссия, «несомненно, были различны — от рабства до гуманных и нормальных условий найма». Комиссия дала хорошую оценку положению на предприятиях хлопчатобумажной промышленности, заявив, что «имеется мало оснований для жалоб», за исключением того, что «уделяется мало внимания состоянию отхожих мест, в связи с чем вблизи фабрик наблюдалось сильное зловоние... В одном случае продолжительность рабочей смены составляла тринадцать с половиной часов, в другом — пятнадцать».

Остальную часть доклада я должен процитировать: «Некоторым детям не платят заработную плату, но матерям разрешается приводить их с собой... На многих фабриках условия работы в ночную смену... самые необычные. Между быстро движущимися и грохочущими станками расставлены корзины со спящими и бодрствующими детьми, в том числе младенцами. В каждом углу спали малолетние дети, которые должны работать, но они изнемогли от усталости или воспользовались отсутствием надлежащего надзора. Одни спали открыто, другие — спрятавшись в корзины с хлопком... Комиссия заметила, что

при ее появлении раздался предупредительный свист, многие дети были разбужены своими соседями и быстро вернулись к станкам.

Зарплата детей, занятых на такой работе, составляет 20 центов серебром [что во время моего пребывания в Китае составляло около 5 пенсов в день.— *Дж. Х.*]. Комиссия с удовлетворением отмечает, что общий жизненный уровень лиц, работающих на хлопчатобумажных предприятиях, включая детей, значительно возрос. Один из свидетелей показал, что двадцать лет назад 75 процентов этих рабочих были очень плохо одеты и совершенно не имели обуви».

На шелкомотальных предприятиях, говорится в докладе, у детей «выработалось своеобразное ритмичное движение всего тела вверх и вниз, благодаря попеременному расслаблению и выпрямлению ног в коленях», потому что им приходилось стоять, чему я сам был свидетель, пять-шесть часов подряд над горячей водой, перебирая коконы, из которых мотали шелк. Муниципальный совет обещал «внимательно рассмотреть» рекомендации комиссии о предоставлении детям моложе четырнадцати лет «непрерывного отдыха продолжительностью в двадцать четыре часа» каждые две недели и ограничить продолжительность их рабочего дня двенадцатью часами. Но ничего не было сделано.

Я и до сих пор очень живо представляю себе старый Китай; он запомнился мне в виде одной сценки на Нанкин-роуд, свидетелем которой я был в день нового, 1928 года.

Магазины были закрыты. Из окон зданий доносились звуки музыки. А на мостовых сотни нищих мужчин, женщин и детей протягивали свои исхудавшие руки, в которых они держали деревянные мисочки, прося хоть одну медную монету. Мужчины без рук и ног, с гноящимися язвами на теле; полуголые, бездомные женщины в лохмотьях, со свалявшимися волосами; многие дети были совершенно голыми на страшном холоде.

Таков был Шанхай, таков был весь Китай до того, как выросла Народно-освободительная армия, вышвырнувшая из континентального Китая империалистов и заклятого врага народа Чан Кай-ши. Сегодня навсегда ушел в прошлое и другой Шанхай, который собирался за «самой длинной стойкой в мире» в Шанхайском клубе или

на ипподроме в центре международного сеттльмента. Я видел их, этих мужчин и женщин «высшей культуры», недоплачивавших даже рикшам их жалкие гроши. Я видел, как они швыряли монеты на оживленной улице и уходили, если рикша отказывался брать жалкую кучку медяков, которые они предлагали за проезд.

Английская и французская полиция в концессиях выдавала гоминьдановскому правительству многих рабочих, которые были известны как коммунисты или подозревались в принадлежности к Коммунистической партии. За три года моего пребывания в Китае это правительство замучило и казнило 30 тысяч своих противников — интеллигентов, демократов, профсоюзных работников, коммунистов.

1 Мая 1929 года коммунисты организовали митинг, который, пожалуй, был самым крупным и смелым мероприятием, проведенным в те годы нелегальной организацией. Был снят зал на одной из самых оживленных улиц международного сеттльмента. Время прихода на митинг было предусмотрительно растянуто. Рабочие приходили группами по три-четыре человека. Они все еще продолжали собираться, когда в зал вошел полицейский, чтобы узнать, что там происходит. Его вежливо разоружили и заперли в небольшой комнате. Митинг состоялся. Четыреста человек прослушали 45-минутный первомайский доклад и разошлись в ночной темноте. Затем освободили полицейского. Самый рискованный момент наступил тогда, когда организаторы митинга вернули ему оружие. Но он убежал, и празднование обошлось без пострадавших.

Однако предпринятая две недели спустя попытка провести еще один митинг имела тяжелые последствия. Рабочие собрались на границе французской концессии и направились по Тибет-роуд к залу, где должен был проходить митинг. Полицейский приказал им остановиться. Руководитель демонстрации просил его пропустить людей. Полицейский вытащил пистолет, рабочий хотел его отнять, но был убит выстрелом в спину. Среди демонстрантов находился фотограф. Когда он фотографировал убитого рабочего, его застрелили два русских белогвардейца, работавшие в расположенном неподалеку театре.

Согласно выцветшей и пожелтевшей вырезке из газеты «Норт Чайна дейли ньюз» от 29 марта 1930 года, которая

пережила все годы моих странствий, в 1929 году было предпринято более сорока попыток провести демонстрацию. Доклад на собрании иностранных налогоплательщиков сеттльмента показывает, какой отчаянной была борьба: шестьдесят два вооруженных столкновения с полицией, среднее число заключенных в тюрьме на Уордроуд — 4422 человека; в канун нового, 1929 года «двадцать пять человек находились под стражей в ожидании казни». Произошло шестьдесят шесть забастовок. Около пятисот различных листовок разбрасывалось с крыш домов и распространялось на предприятиях. Полиция опечатала три школы. В одной из них было обнаружено фортепиано, набитое нелегальной литературой. Были совершены налеты на 51 коммунистическую ячейку. Из 294 арестованных «двадцать пять человек были переданы китайским властям за участие в демонстрациях, распространении литературы и другие подобные преступления».

Иностранная полиция и империалистические эксперты всех видов, проживающие в сеттльменте, по существу, были помощниками палачей китайского народа. На мой взгляд, самым ярким представителем был английский гражданин, который убил мальчика-слугу и был приговорен консульским судом к... восемнадцати месяцам тюремного заключения. И это несмотря на то, что он сам признал себя виновным.

Осенью 1929 года во Владивостоке состоялась вторая Тихоокеанская конференция. Японцы в Маньчжурии установили тщательную слежку, чтобы помешать проезду делегатов. Было решено, что делегаты из стран Азии параллельно проведут конференцию в Шанхае. Конференция продолжалась четыре дня в условиях глубокого подполья. На мою долю выпало сделать доклад о политической и профсоюзной деятельности после конференции в Ханькоу.

Значение выработанной в Ханькоу программы возросло еще более. Нужно было больше чем когда-либо усилить борьбу народов Азии за национальную независимость; укреплять единство между народами всех стран; добиваться такой заработной платы, на которую можно было бы прожить; бороться против быстро растущей опасности войны в районе Тихого океана.

Одним из замечательных событий на конференции явился доклад филиппинской делегации, в которой были представлены оба профсоюзных центра страны. Были до-

стигнуты успехи на пути к их объединению. Основная цель конференции как раз и состояла в том, чтобы преодолеть «двойственный юнионизм», который поощрялся империалистами и их приспешниками. В майские дни следующего года наша совместная работа увенчалась огромной пятидесятитысячной демонстрацией рабочих Манилы, выступавших за единство трудящихся и за независимость страны от американского господства.

Тем из нас, кто принимал участие в Тихоокеанской конференции, выпала огромная честь от имени рабочих технически развитых стран оказать посильную помощь нашим китайским братьям, которые боролись против империализма не на жизнь, а на смерть. Если когда-либо вожди рабочего класса работали под постоянной угрозой смерти, то это были товарищи Чжоу Энь-лай, Ли Лисань, Су Чжао-чен, Цюй Цю-бо, Хон Ин и другие. Я проработал вместе с ними почти три года.

Цюй Цю-бо и Хон Ин, как и многие другие, были убиты чанкайшистскими палачами. Изо дня в день слышать известия об арестах и казнях товарищей, как это приходилось нашим китайским друзьям, и продолжать борьбу с еще большей решимостью — это было доказательством огромного мужества, преданности и веры в окончательную победу. В таких условиях длительное пребывание иностранцев в Китае могло поставить под угрозу жизнь китайских товарищей. Я уезжал с большой неохотой, чувствуя, что, работая вместе с руководителями Коммунистической партии и Всекитайской федерации профсоюзов, я приобрел огромный практический опыт. Я принимал участие в дискуссиях, которые выходили далеко за пределы профсоюзной работы; они касались методов организации на местах работы, забастовочной тактики в условиях террора, пропагандистской работы и способов сохранить жизнь тех, кто вел повседневную работу в быстро менявшихся условиях. Кроме того, возникали многочисленные вопросы работы во вновь образованных революционных районах, такие, как вопрос о союзе рабочего класса и крестьянства, о формах демократической организации, о методах проведения земельной реформы во вновь освобожденных районах, о воспитании бдительности у рабочих и крестьян, о партизанской войне, о стратегии и тактике отражения непрерывных атак врага.

Все это было лишь началом огромной борьбы, требо-

вавшей многих жертв. В течение последующих девятнадцати лет она все росла и крепла, пока, наконец, сопротивление объединенных сил народа, сплоченного Коммунистической партией Китая во главе с Мао Цзэ-дуном, не разорвало цепи, которыми империализм опутал крупнейшую нацию мира.

В одной из последующих глав я расскажу об этой совершенно изменившейся теперь стране и народе, о торжестве гуманности и славной победе, которая, наконец, пришла в результате жертв и борьбы. Всему этому я был свидетелем во время своей второй поездки много лет спустя.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ИНТЕРНАЦИОНАЛ МОРЯКОВ

Харбинские негодяи. Крушение поезда. Кризис в судоходстве. Забастовка в Гамбурге. Как быть с советским судном? Дело рук осведомителя. Борьба за свободу слова в Кардиффе. Сбрасываем шелуху. Безмолвные верфи. Холодные камины. Почему Джимми избрали в муниципалитет. «Перепели» лорда Хау-Хау. Предвыборная агитация в пользу Галлахера. Скандал вокруг раскрашенной принцессы. Пустая трата времени?

I

Еду домой! Так как я путешествовал поездом, то меня попросили остановиться в Мукдене и Харбине и передать кое-какие сообщения местным товарищам. В Харбине я провел три дня. Это было не особенно приятное место. Я пришел к такому выводу еще во время приезда в Китай, когда мне пришлось просидеть здесь два дня в ожидании визы на въезд на Ляодунский полуостров — район Северо-Восточного Китая, контролируемый японцами. Харбин был центром антисоветских интриг, которые плелись белогвардейцами и остатками разбитой контрреволюционной армии генерала Семенова.

Они жили случайными заработками, служа в качестве диверсантов и шпионов у агентов многочисленных правительств. Их излюбленным местом встречи был отель «Модерн». Здесь эти негодяи набрасывались на приезжих, рассказывали жалостные истории о своих неудачах и распространяли антисоветские вымыслы. В большинстве своем это были явные паразиты, которые за всю свою жизнь не проработали и дня, да никогда и не собирались работать. В Харбине было больше ночных клубов по отношению к числу проживавших здесь иностранцев, чем в каком-либо другом китайском городе, и, насколько я знаю, больше, чем в любом другом городе земного шара. Они превратили город в центр разврата и преступности.

Владельцами этих процветающих ночных клубов были главным образом японцы; а женщины из среды белогвардейских эмигрантов, выставляя напоказ свою наготу, забавляли тех иностранцев, в которых они видели богачей. В Харбине создавались группы диверсантов и шпионов для переброски в Советский Союз. Они причиняли много вреда советским людям.

Я видел дело их рук на Сибирской магистрали. Наш поезд следовал за товарным составом, который сошел с рельсов как раз перед мостом. Правда, мы задержались ненадолго. Пассажиры немедленно взялись за расчистку пути от разбитых вагонов с лесом, помогая ремонтным рабочим привести путь в порядок. Пойманные на месте преступления шпионы и убийцы вскоре были расстреляны.

После вступления в Коммунистическую партию в 1921 году мне по характеру работы приходилось много переезжать с места на место. То же самое продолжалось в течение ряда лет и после возвращения из Китая. Эта перемена мест не зависела от моего личного выбора. Я работал в области международного рабочего движения, еще находясь в рядах ИРМ. В тот период формирования всемирного коммунистического движения для коммунистических партий поддержание самых тесных братских отношений было совершенно естественным делом. Это вполне соответствовало нашим условиям. Повсюду предприниматели, помещики и их правительства объединялись в невиданных ранее масштабах против рабочего движения всех стран, и особенно против социалистического общества, строившегося в Советском Союзе.

В то же время рабочие всех стран стали повсюду оказывать поддержку Стране Советов и смотрели на ее успехи как на свои собственные. Коммунисты, будучи единственно последовательными интернационалистами, вполне естественно, должны были обмениваться опытом борьбы и прилагать все усилия к созданию всемирного единства трудящихся вокруг вопросов, которые независимо от того, где они возникали — в Китае или где-нибудь в колониальной среде, в Германии или Абиссинии, Испании, Англии или Южной Африке,— имели самое прямое отношение к условиям труда и заработной плате рабочих и их надеждам на достижение мира и социализма.

Это были годы, когда капиталистический мир шел, спотыкаясь, от кризиса к кризису, все ощутимее приближаясь

к новой мировой войне; когда миллионы людей остались без средств к существованию; когда возмущение народов колоний, сначала спорадическое, росло все шире и глубже и, наконец, стало одним из главных явлений исторического развития.

По возвращении в Англию я опять начал работать в Движении меньшинства среди докеров и моряков. Но мое пребывание на родине опять оказалось кратковременным. В начале ноября 1930 года я узнал, что китайские товарищи просят меня вернуться. Я поехал обратно через Европу и Москву. Я приехал в Москву как раз к началу процесса восьми инженеров, которые обвинялись в совершении диверсий и саботаже. Чтобы присутствовать на этом знаменитом процессе, я временно отложил свою поездку в Китай.

Одна из самых разительных особенностей показаний свидетелей и обвиняемых состояла в том, насколько далеко капиталистические державы, и особенно французский генеральный штаб, зашли в своих планах войны против Советского Союза. Я находился под глубоким впечатлением подробных показаний обвиняемых о тех ужасных делах, которые творили эти заговорщики, занимавшие высокие посты в ключевых отраслях советской промышленности.

Во время процесса мне предложили работать во вновь образованном Интернационале моряков и портовых рабочих с центром в Гамбурге. Мне было очень трудно выбирать между этой работой и возвращением в Китай. С одной стороны, меня сильно привлекала просьба китайских друзей, которых я по-настоящему полюбил. С другой стороны, товарищи из исполнительного бюро Красного Интернационала профсоюзов представили веские соображения в пользу моей работы в новом Интернационале. На состоявшейся в Гамбурге учредительной конференции этой организации, где я выступал с основным докладом, делегаты моряков и докеров двадцати шести стран, включая многие колонии, выразили полную поддержку новой организации. Было ясно, что новая организация могла стать большой силой не только в борьбе против сокращения заработной платы, на что покушались судовладельцы всех стран, но и в борьбе против военных приготовлений. Конференция единогласно избрала меня почетным председателем. Я решил ехать в Гамбург.

Судоходство, на котором прежде всего сказывается спад в торговле, уже испытывало на себе тяжелые удары мирового кризиса. Наблюдалась ожесточенная конкуренция при фрахтовании судов, возможности которого сокращались. Велось непрерывное наступление на условия труда и заработной платы моряков, так как предприниматели стремились переложить бремя кризиса на плечи рабочих. В Англии правительство Макдональда разрешило открыть новую грузовую линию, обслуживаемую английскими судами, и выделило суда для этой цели, увеличив тем самым, как было подсчитано, общую грузоподъемность одних только нефтеналивных судов на 350 тысяч тонн. Это было равноценно подарку судовладельцам сорока пяти судов водоизмещением 8 тысяч тонн каждое, но повлекло за собой дополнительные лишения для моряков и потерю работы для многих из них.

Заработная плата английских моряков снизилась до 9 фунтов стерлингов в месяц при еженедельной работе на палубе в течение 84 часов. Таким образом, заработная плата составляла около 6 пенсов в час. Многие офицеры вынуждены были служить матросами I класса. Число зарегистрированных безработных среди докеров и речников достигало 115 тысяч человек — значительно более одной трети всех работающих. А ведущий журнал судовладельцев хвастался, что сотрудничество Национального союза моряков с предпринимателями позволило судоходству «избежать испытаний, которым подверглись другие отрасли промышленности».

Имелась самая настоятельная необходимость, как писал Том Манн в своем приветствии нашей новой организации, «в настоящей боевой организации моряков и транспортных рабочих... Никогда не забывайте, что моряки и транспортные рабочие являются крупной составной частью трудящихся мира, имеющих одинаковые интересы, права и обязанности».

Работы был непочатый край. Нам нужно было исправить ошибку Международной федерации транспортных рабочих, которая не оказывала помощи данной группе трудящихся в колониальных странах, и расширять союз рабочих империалистических стран с их братьями в колониях. Нужно было также вовлечь в профсоюзы многих неорганизованных моряков и докеров и крепить единство между работающими и безработными.

Из-за недостатка места я не могу подробно рассказать о забастовках во многих портах, от Японии до Англии, от Данцига до Исландии, в которых принимал участие Интернационал моряков и портовых рабочих. Но следует остановиться на одной из забастовок в Гамбурге, в которой нашли свое выражение типичные для того времени настроения.

Забастовка началась в тот момент, когда в порту под погрузкой и разгрузкой находилось два советских судна. Начался спор: одни из бастовавших хотели продолжать работу на них, другие отказывались. Нас попросили уладить этот сложный вопрос. Все мы стояли за быструю оборачиваемость советских судов, за помощь в строительстве социализма. С другой стороны, предоставление льгот этим двум кораблям социалистической страны во время всеобщей забастовки было бы использовано предпринимателями, печатью и социал-демократами для того, чтобы внести разброд в ряды бастующих и подорвать солидарность рабочих. Было ясно, что работавшие на советских кораблях должны были присоединиться к бастовавшим с первого же дня забастовки. Итак, все рабочие прекратили работу. Затем я предложил созвать экстренный митинг, на котором можно было бы убедить бастующих проголосовать за возобновление работы на советских кораблях.

Секретарем Интернационала моряков и портовых рабочих был руководитель немецких моряков Альберт Вальтер, страшно нерешительный человек и оппортунист, каких свет не видал. Он сомневался в отношении того, найдет ли отклик наш призыв, и на мою долю выпала задача выступить на митинге в доках Алтоны и разъяснить рабочим, почему нельзя задерживать советские корабли. Я изложил им простую истину, которая в то время часто находила поддержку со стороны рабочих. Я сказал, что быстрое развитие социалистической экономики соответствует интересам рабочего класса всех стран и что им представляется прекрасный случай продемонстрировать свою солидарность с советским народом. Отклик был потрясающий. Пятьсот или шестьсот человек — все присутствовавшие на митинге, за исключением кучки троцкистов,— проголосовали за возобновление работы на советских кораблях. И европейская печать почти ничего не сообщила об этом голосовании, не говоря уже о том, что она даже не пыта-

лась использовать факт голосования против нас. Это был слишком опасный пример, чтобы привлекать к нему внимание рабочих!

Не одни судовладельцы были нашими врагами. С самого начала против нас делались выпады и с другой стороны, и притом весьма коварные. За несколько лет до этого, после долгого и яростного сопротивления и интриг против ленинского плана строительства социализма в СССР, из России был выслан Лев Троцкий. Буржуазная пресса немедленно подняла его на щит как главного героя контрреволюции.

Мое первое столкновение с Вальтером по вопросам политики произошло, когда я предложил, чтобы Шифартсбунд (боевой профсоюз моряков) начал переговоры с секцией моряков профсоюза транспортных рабочих Германии, куда входили докеры. Вальтер, занимавший руководящий пост в Шифартсбунде, выступал против этого шага к единству. Я настаивал на том, что было бы совершенно неправильно изолировать боевое меньшинство моряков от этой секции, которая имела право вести переговоры, тогда как у профсоюза моряков оно было сведено на нет. Кроме того, пребывание в одном профсоюзе с докерами облегчало достижение единства действий. Но Вальтер не хотел этого. Только после вмешательства Эрнста Тельмана, который сам был гамбургским докером, он в конце концов вынужден был согласиться. Несмотря на сопротивление Вальтера, члены Шифартсбунда, видевшие здравый смысл в нашем предложении, начали вступать в секцию профсоюзов транспортных рабочих. В конечном счете Шифартсбунд свернул свою работу.

В руководство Интернационала моряков и портовых рабочих проник один польский троцкист, скрывавший свои взгляды. Первый открытый бой с ним произошел по предложенной мною программе требований моряков из колоний, работавших на иностранных кораблях. Я предлагал потребовать значительного повышения их заработной платы и связать это требование с борьбой против сокращения заработной платы моряков других национальностей, служивших на тех же кораблях.

Троцкист не соглашался с этим. Он предложил немедленно потребовать, чтобы цветные моряки получали такую же заработную плату, как и английские моряки и моряки других стран. Я утверждал, что было бы совершенно

ЭДГАР АНДРЕ

неверно немедленно выдвигать требование равной заработной платы.

Такое экстремистское требование не нашло бы отклика у моряков-индийцев, получавших всего 1 фунт стерлингов в месяц, тогда как английским морякам платили 9 фунтов. Для них такое требование было нереальным. Во-вторых, даже если бы их можно было убедить в возможности добиться заработной платы в 9 фунтов стерлингов, они бы немедленно поняли, что, как только будут введены такие ставки, вместо них будут принимать моряков-европейцев и они потеряют работу. Я утверждал, что в этом требовании было заложено препятствие на пути к единству действий.

Спор продолжался несколько недель. Вальтер, как всегда, сидел между двух стульев. Меня называли «империалистом», награждали и всякими другими нелестными эпитетами. При поддержке Профинтерна я стоял на своем в этом вопросе и воевал против других сектантских предложений троцкистов, например против установления срока создания нового профсоюза моряков в Англии.

В самый разгар споров я получил от гамбургской полиции приказ о выезде. Под угрозой ареста и трехмесячного заключения я должен был в сорок восемь часов оставить Гамбург. Два дня спустя я уехал в Лондон. Я чувствовал, что среди нас был осведомитель и убедился в этом позднее, когда узнал о том, что поляк был разоблачен как троцкистский шпион, а Альберт Вальтер также стал открытым предателем, после того как был арестован, а затем отпущен гестапо.

Но в рядах немецкого рабочего класса были и другие люди. Моряки многих стран, видимо, и сейчас помнят об интернациональном клубе моряков в Гамбурге, который помещался на Ротесхуд-штрассе. Именно здесь в 1931 году я впервые встретил Эдгара Андре. Он был приятным человеком и прекрасным товарищем, всегда готовым выслушать человека, дать совет и помочь разрешить наболевшие вопросы. Мы крепко подружились. Стойкий коммунист, он был ярким представителем тех отважных рабочих, которые, как я это сам видел во время моего пребывания в Гамбурге, вели революционную работу среди моряков. Он был бесстрашным противником фашизма с первых дней возникновения последнего. Благодаря своей жгучей ненависти к фашизму, он играл видную роль в организации рабочих на борьбу в защиту демократиче-

ских прав. Социал-демократы, имевшие большинство в гамбургском сенате, не обеспечили надлежащей охраны от банд преступников, и те разъезжали по городу на предоставленных им нацистами грузовиках и разгоняли собрания трудящихся. После прихода Гитлера к власти Эдгара арестовали и подвергли ужасным пыткам.

Позднее по пути в Советский Союз я встретил на корабле одного из докеров, которого я хорошо знал, и он рассказал мне о смелом поведении Эдгара Андре на «суде», пригвоздившего к позорному столбу своих обвинителей. Он ни на минуту не колебался, хотя смерть была неминуема. Перед смертью он написал жене трогательное письмо, в котором не имелось ни искорки раскаяния. Это письмо дало ей силы продолжать борьбу. Оно вдохновляло всех нас, участвовавших в те годы в международном рабочем движении.

«Гамбург, 4 ноября 1936 года.

Мамочка моя, самая дорогая, самая верная! Большое спасибо за твое последнее письмо из Парижа. Сажусь за последнее письмо. К сожалению, не знаю твоего адреса, но адвокат Бок из Брюсселя разыщет тебя.

Ты прекрасно знаешь, что я думаю и чувствую. Ты знаешь, что я такой же, как всегда. У меня осталось лишь одно желание — поблагодарить тебя за эти прожитые десять счастливых лет и даже за годы, проведенные здесь. Ты была рядом со мной, верная и храбрая, и благодаря тебе я был стойким и непоколебимым до конца.

Судьба так или иначе настигает всех, кого раньше, кого позже. Я хочу, чтобы ты не горевала долго, а нашла верного и бесстрашного мужчину, который стал бы твоим другом и опорой. Ты не должна навсегда оставаться вдовой. Я знаю, что в мыслях ты будешь часто возвращаться к своему старому другу и верному товарищу, и, как третий в вашей компании, Аякс часто будет в твоей памяти.

В эту последнюю ночь со мной находится д-р Гризебах. Я хорошо поел и, верный своей привычке, с удовольствием выпил сельтерской воды и кофе.

Я стою, не сгибаясь, до конца. Я защищался до последнего и возвращаюсь в небытие без сожаления.

Живи счастливо, мамочка, верная и любимая, храбрая и хорошая. От души целую тебя. Напомни обо мне парижским друзьям.

Мои последние мысли с тобой. Зачем писать больше — ты знаешь, что для меня только одна вещь была дороже тебя. Но из людей ты была первой в моем сердце.

Живи счастливо и долго. Еще раз прижимаю тебя к сердцу и гляжу на твою фотографию, которая лежит передо мной.

До конца твой, *Эдди».*

II

Прошло шесть лет с тех пор, как Хейвлок Уилсон подарил английским судовладельцам пресловутый фунт стерлингов. И судовладельцы изо всех сил старались получить еще одну «каплю в море», о которой они так откровенно говорили Уилсону в 1925 году. Надвигалось новое наступление на заработную плату моряков. Движение меньшинства активно готовилось к борьбе. Лейбористское правительство Рамсея Макдональда всеми силами старалось помешать этому движению, запрещая проведение митингов в доках. Оно нашло себе способных помощников в лице чиновников из Национального союза моряков. Тем, кто осмеливался открыто выступать в портах от имени моряков, выносились многочисленные приговоры к длительному тюремному заключению.

По возвращении в Англию я стал, как и раньше, работать среди моряков и докеров. Когда я был в Кардиффе, там произошло одно из сражений за «свободу слова», которые мы были вынуждены вести против лейбористского правительства.

Фреда Томпсона (он возглавлял Движение меньшинства среди моряков) оштрафовали за выступление на митинге моряков в тупике Саут Уильям-стрит. Полиция возвращала все заявления наших товарищей с просьбой о разрешении выступить в доках. Нам говорили, что мы можем выступать в районе Марле, далеко от доков, где, как полагали, можно было собрать слушателей только в самых исключительных случаях.

Однажды мы попросили разрешения в тот же день выступить на Саут Уильям-стрит в районе доков. Как мы и ожидали, нам ответили отказом. Но с раннего утра по всему району мелом были написаны объявления о нашем митинге. Когда я прибыл в условленное место к десяти часам, там было полно моряков и докеров. Я работал во-

всю, вовлекая их в Движение меньшинства, когда появился полицейский сержант. Мне было приказано немедленно убираться прочь. «Почему?» — «Мешаешь движению на тротуаре».

Я сошел на мостовую, но продолжал записывать фамилии. Мне второй раз приказали проходить. Я запротестовал, говоря, что с моей стороны нарушения нет, потому что уличное движение отсутствует. «Все равно,— сказал он,— убирайся, а не то заберу». К тому времени собралось несколько сот человек. Сержант сказал: «Говорю последний раз, если будешь стоять на месте, то заберу». Я уложил в папку свои бумаги. Сержант отошел. Затем я передал папку своему другу, попросив хорошенько ее беречь, взобрался на ящик и попросил собравшихся подойти поближе. Они сразу же сгрудились вокруг меня, образовав огромный барьер между сержантом и мною. Чтобы вызвать подкрепление, нужно было время, и мне удалось закончить свою речь задолго до их появления. Прибывшие полицейские попытались разогнать собравшихся рабочих.

Толпа опять сплотилась, а полицейских все еще было недостаточно, чтобы ее разогнать. Они столкнули меня с ящика и пинком отшвырнули его в сторону. Теперь я находился на земле, но не переставал говорить. Когда двое полицейских схватили меня за руки, я начал выкрикивать: «Полиция, судовладельцы и правительство действуют заодно против моряков и докеров!» Мне крутили руки, чтобы пригнуть голову к земле, потом понесли, а я кричал изо всех сил. За нами по улице двигалось пятьсот — шестьсот моряков.

В суде мне предъявили два обвинения: «Затруднение движения по улице» и «Неповиновение полицейским при исполнении ими служебных обязанностей». Свидетелями обвинения были сержант и двое полицейских. Из числа слушавших меня не нашлось ни одного, кто бы дал показания против меня. Когда мне предложили задать вопросы сержанту, я спросил: «Все ли свидетельские показания даны?» Судья ответил: «Обычно вопросы свидетелям задаются сразу же после дачи показаний».

Я опять сказал: «Все ли показания даны?» После перешептывания на судейской скамье вызвали второго свидетеля. После его показаний меня снова спросили: «Хотите ли вы теперь задать вопросы свидетелю?» Я повторил свой предыдущий вопрос. Заслушали показания третьего сви-

детеля. Никто из трех не упомянул, сколько человек присутствовало на митинге, а также не сообщил о том, что митинг проходил в тупике, где не было уличного движения и прохожих.

Я стал задавать вопросы, начав с последнего свидетеля. Из ответов на мои вопросы стало известно, что на митинге присутствовало шестьсот человек, что он проходил в тупике и т. д. Затем я спросил: «Что вы скажете, если я стану утверждать, что на митинге было восемьсот человек?» Он ответил: «Нет, столько не было». Когда же я спросил сержанта, сколько человек присутствовало на митинге, он сказал: «Двести пятьдесят». Таким образом, я доказал, что я не мог затруднить уличное движение. Затем я спросил: «О чем я кричал?» Сержант довольно точно повторил лозунг. Время тянулось за полдень, и судья с некоторым нетерпением спросил: «Хотите ли вы выступать в качестве свидетеля или обвиняемого?» Я предпочел последнее.

Доказав, чего стоят показания свидетелей, я объяснил, почему я выкрикивал лозунг, а затем рассказал о наступлении судовладельцев на моряков и о том, как правительство Макдональда поддерживало хозяев. Судья прервал меня: «Вы не имеете права использовать суд для пропаганды». Я настаивал на том, что касалось только показаний в отношении лозунга и что он должен разрешить мне продолжать. Затем я продолжал говорить, полностью воспользовавшись возможностью защитить право моряков проводить митинги и обсуждать свое положение.

Конечно, меня признали виновным и приговорили к штрафу в 10 шиллингов по каждому из обвинений или к семи дням тюремного заключения. Имея по закону право выбора, я выбрал тюрьму. Суд был удивлен. Судьи боялись, что мое заключение на основании таких слабых показаний вызовет возмущение среди моряков. После недолгого пребывания в камере меня опять потащили в суд. Судья сказал: «При аресте у вас имелось 4 фунта стерлингов». Я ответил: «Деньги не мои». Они принадлежат организации». Меня еще раз отправили в камеру, а затем в третий раз привели в суд. На этот раз мне сообщили, что высчитывают 1 фунт стерлингов из имевшихся при мне денег и что я могу обращаться куда угодно. Первый раунд борьбы окончился «насильственным» освобождением.

Мы решили провести митинг, не спрашивая разрешения, и снова мелом написали объявления. Митинг был назначен на следующий день в Марле. Пришло более полутора тысяч моряков, докеров и других рабочих. Полицейские не вмешивались, если не считать того, что они записывали мое выступление. Мы вовлекли в организацию много новых членов.

В январе 1932 года после короткой и безуспешной забастовки, в которой участвовало лишь меньшинство моряков, хозяева навязали нам новое сокращение заработной платы. Вина за нашу неудачу частично ложится на сектантскую политику тех, кто в то время работал в секретариате Интернационала моряков и портовых рабочих. В мое отсутствие (я в то время находился в Москве на заседании исполнительного бюро Профинтерна) Интернационал моряков и портовых рабочих рекомендовал Движению меньшинства в Англии подготовиться к созданию в определенный срок нового профсоюза английских моряков. Движение меньшинства разослало письма сочувствующим, рекомендуя в нем в случае забастовки создавать новый профсоюз. Это отвлекло усилия от главной задачи — объединения сил для оказания сопротивления попыткам судовладельцев сократить заработную плату. Вместо мобилизации моряков на упорную борьбу против судовладельцев при поддержке докеров, как это было в 1925 году, внимание по-боевому настроенных моряков было сосредоточено на организации профсоюза в противовес Национальному союзу моряков. Имелось глубокое расхождение мнений по вопросу о том, правильно ли таким путем решать проблемы, стоявшие перед моряками, хотя их решение действительно задерживалось реакционными лидерами Национального союза моряков. И уж, во всяком случае, нельзя было просто создать новый профсоюз — он должен был родиться в процессе борьбы, в результате которой были бы окончательно разоблачены лидеры Национального союза моряков. Точно так же, как в 1925 году или во время всеобщей стачки, они и теперь использовали профсоюз, чтобы помогать хозяевам.

Движение за создание нового профсоюза имело и некоторые странные последствия. Когда началась забастовка, моряки порта Саут Шилдс дошли до того, что заявили руководству Движения меньшинства среди моряков

о своей готовности отказаться от борьбы против сокращения заработной платы, лишь бы создать новый профсоюз. Эта глупость была результатом политики Интернационала моряков и портовых рабочих, сочетавшей в себе оппортунизм, сектантские идеи и прямую измену со стороны троцкистов.

III

Это были годы, когда Коммунистическая партия начала сбрасывать с себя шелуху сектантства, мешавшего ее росту, и отказываться от многих «диких» взглядов, которые вели к ее изоляции от повседневной жизни и борьбы трудящихся масс. Мы начали выдвигать более положительную и широкую программу, необходимую для защиты и движения вперед рабочего класса, испытавшего предательство правых лейбористов, вынужденного давать отпор наступлению предпринимателей на зарплату и бороться против усиленных приготовлений к войне.

В 1935 году после кратковременной работы в качестве управляющего книжным магазином фирмы «Коллет» я был направлен на работу в Северо-Восточный окружной комитет партии. Это был один из районов, тяжело пострадавших от кризиса. Безработица здесь носила массовый характер. Кругом царили голод и отчаяние. Шахтеры из горняцких поселков не могли найти работы, и это в то время, когда по всей стране камины в домах рабочих давно уже были холодными. На огромных верфях — мертвая тишина. Умелые рабочие руки не находили применения. Замечательным мастерам побережья Тайна было нечего делать. Хозяева принимали на работу молодежь за низкую заработную плату, а отцы оставались на улице. Молодых рабочих и работниц увольняли, как только они достигали возраста, дающего им право на получение заработной платы взрослого рабочего. Они покидали дома и уходили в Лондон и другие города, чтобы там часами простаивать в очередях в надежде получить самую никудышную работу за нищенскую плату.

На Северо-Востоке мы выработали программу необходимых работ, на которых можно было использовать тысячи безработных. Она включала расширение системы канализации и орошения, постройку новых мостов в Дареме и Нортумберленде вместо старых, имевших ограниченную грузоподъемность, проект строительства моста через реку

Тайн, который обсуждался в течение многих лет. Наша программа была разослана профсоюзам, организациям лейбористской партии, кооперативам и другим организациям. Она подверглась широкому обсуждению и была хорошо принята рядовыми рабочими.

Программа была одобрена на массовых митингах безработных. Выступавший с этой программой в качестве одного из руководителей безработных коммунист Джимми Анкрам победил на выборах и был избран членом муниципального совета в Феллинге (графство Дарем).

Джимми выступил с резкой критикой некоторых членов муниципального совета, обвинял их наряду с другими злоупотреблениями в фаворитизме при распределении работ. Я был обеспокоен этим, потому что одно дело — выдвинуть обвинение, а другое — представить доказательства. Когда я попросил Джимми немного сбавить тон, он страшно рассердился. Однако когда спустя немного времени я побывал в Феллинге, то был поражен его популярностью. Почти каждый встречный приветствовал его сердечным «хэлло, Джимми!» Несмотря на его грубоватые и довольно огульные обвинения, которые он по нашему совету изменил, люди считали, что на него в случае беды можно положиться. Это его качество вместе с нашей новой конструктивной программой позволило ему получить поддержку на выборах.

Встретив Джимми как-то после выборов, я спросил, как муниципальный совет встретил наши предложения об обеспечении безработных работой. «Знаешь, что они сделали? — сказал он.— Они ввели меня в финансовую комиссию. Заставили меня драться за деньги. Правительство не дает ни пенса».

Консерваторы ничего не делали, чтобы покончить с нищетой и лишениями. А банда Мосли пыталась использовать социальные условия в своих интересах. Вскоре после того, как я начал работать в Ньюкастле, как-то в субботу утром по улице Вестгейт-роуд, на которой находилось помещение нашего окружного комитета, проехал автомобиль с громкоговорителем, через который объявлялось, что на следующий день на пустыре будет выступать капитан Джойс. Я спросил у Чарли Вудса, секретаря окружкома: «Сможем ли мы остановить их?» У нас оставалось всего двадцать четыре часа. Мы выпустили листовку, наверное,

самую короткую из всех, которые я когда-либо издавал. В ней говорилось: «Внимание! Внимание!»,— а затем указывалось время и место митинга «мослистов»; листовка заканчивалась словами: «Не дадим фашистам выступать в Ньюкастле». Мы напечатали ее как раз вовремя, чтобы раздать группам рабочих, прогуливавшихся на улицах под выходной день. На следующий день около трех часов пополудни на пустыре собралось свыше восьмисот человек. Как только Джойс начал говорить, рабочие запели. Его не было слышно даже через микрофон, и он в ответ запел национальный гимн: «Боже, храни короля». Толпа закричала: «Изменник!» — и запела еще громче. Джойсу пришлось убраться прочь. Углекопы победили. Я думаю, что это было последний раз, когда Ньюкастл слышал голос этого предателя. (Правда, когда началась война, он зарычал по фашистскому радио под именем лорда Хау-Хау.) Митинг окончился при одном «пострадавшем» — Тома Ричардсона оштрафовали за нарушение порядка в общественном месте.

У нас было еще несколько стычек с молодчиками Мосли, и каждый раз мы с честью выходили из схватки с ними. На одном из митингов в Карлейле, когда я говорил об абиссинской войне, развязанной Муссолини, один из таких молодчиков кричал: «Врешь!» Я заметил, что рядом с ним стояло много женщин, и, обратившись к ним, сказал: «Я сейчас расскажу, что эти трусы делали на своем митинге в Олимпии, в Лондоне». Я рассказал, как они избивали кистенями тех, кто пытался их прервать. Среди пострадавших был мой сын Джордж. «Я видел женщин, выбегавших с собрания с исполосованными бритвами грудями. Пришлось вызывать кареты скорой помощи и отвозить пострадавших в больницу...» Дальше я уже не говорил. Женщины Карлейля повернулись к фашисту и недвусмысленно попросили его убираться. Он беспрекословно повиновался. Митинг тут же принял решение: «Запретить фашистам выступать в Карлейле». Делегация передала это требование местным властям.

Спустя две недели, когда один из фашистов хотел провести митинг на том же самом месте, огромная толпа погнала его самого и его шайку головорезов к центру города. Когда они хотели снять один из залов для выступления Мосли, то получили отказ. На этом, кажется, и кончилась фашистская пропаганда в Карлейле.

IV

В этом же году успешно завершилась предвыборная борьба в Западном Файфе, где Уильям Галлахер был избран в парламент от Коммунистической партии. Меня послали помогать в организации избирательной кампании, и я проводил работу в горняцком городке Келти, входившем в тот же избирательный округ. В городе не было партийной организации, и я не особенно надеялся получить сильную поддержку кандидатуры Галлахера. Многие избиратели принадлежали либо к оранжистам, либо к гибернианцам *.

Начинали кампанию мы только вдвоем: одна из читательниц газеты «Дейли уоркер» и я. Сначала мы пошли к одному из работников Британского легиона, о котором говорили, что он хорошо относится к Вилли и, как и многие горняки, зол на лейбористского члена парламента за его неспособность сделать что-либо для ослабления безработицы в городе. К моему удивлению, за несколько дней мы создали избирательный комитет из пятнадцати членов, в основном безработных горняков, а работник Британского легиона оказался очень способным председателем.

Сразу же началась агитация за кандидата. Многие рабочие вызвались помочь. Были созданы новые группы, которые начали проводить замечательную работу, агитируя, распространяя листовки, вывешивая плакаты, проводя беседы. Это была одна из лучших избирательных кампаний, в которых я принимал участие.

Кампания в Келти была для нас настоящим уроком. Мы одержали победу и над католиками и над протестантами и обеспечили поддержку коммунистическому кандидату, выдвинувшему подлинную программу рабочего класса, которая в полной мере соответствовала нуждам населения данного района. Оранжисты и гибернианцы отбросили в сторону глубокие предрассудки, которые в течение многих лет поощрялись правительствами, следовавшими принципу «разделяй и властвуй», и дружно работали в одном комитете, чтобы послать Галлахера в парламент. Это был ответ рабочих на наступление консервато-

* Оранжисты — северо-ирландская протестантская партия; гибернианцы — ирландская националистическая римско-католическая партия.— *Прим. ред.*

ров. Правда, нам пришлось пережить один или два напряженных момента.

Один из выступавших на митинге задал вопрос: «Почему раскрашенная принцесса Марина живет в роскоши, когда рабочие голодают?!» На следующее утро председатель комитета сердито заявил: «Комитет прекращает свою работу». Когда я спросил о причине, он сказал: «Выступавший вчера оратор назвал принцессу Марину раскрашенной дамой. Мы не можем этого терпеть». Я заверил его, что выступавший не должен был говорить такое и что я немедленно пойду в центральный избирательный комитет в Люмфиннансе и положу конец таким выражениям.

«Нет, не надо,— сказал он,— я сам пойду и поговорю об этом». В конце концов мы направились в комитет вдвоем. Здесь он выложил все свои обиды. Получив обещание, что подобные выражения не повторятся, он вернулся домой и добросовестно работал в поддержку нашего кандидата.

Обычно я ходил к избирателям с разными группами агитаторов. Как-то я пошел к одному человеку, который, как мне говорили, ни за что не будет голосовать за Галлахера, потому что он оранжист. У калитки я увидел пожилую женщину. «Поговорите с мужем. Я делаю все, как он делает»,— сказала она и указала на дорожку в саду, где работал ее муж. Я подошел к нему и начал расхваливать своего кандидата. Он резко оборвал меня. «Не трать время попусту»,— сказал он. Сопровождавший меня агитатор поспешил на улицу; он думал, что мы действительно зря тратим время. Но старик, помолчав немного, продолжал: «Я голосую за Галлахера. Хватит с нас Адамсона. Ступай собирать голоса для Галлахера». Я поблагодарил его и, следуя его совету, не стал больше задерживаться. Мой приятель встретил меня словами: «Разве я тебе не говорил». «Ты неправ,— ответил я,— он голосует за Вилли». Он не поверил, и мне пришлось очень долго его убеждать.

Не судите об избирателях заранее. Они живут в меняющемся мире.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

КТО ЖЕ ПАТРИОТЫ?

Снова в путь. Разногласия в Южной Африке. Еще одно общество на пароходе. Врач-изувер. Беседы с Биллом Эндрюсом. Политика дубинки. Работа гитлеровских агентов. Конференция в Вудстоке. Антисемитизм Малана. Спасение чести Англии. Маниаки. Господа в доках Мерсейсайда. Силы рабочих. Прибыли и предательство.

I

Победа Уильяма Галлахера на всеобщих выборах в ноябре 1935 года вселила во всех нас чувство радости. Полный надежд, я вернулся на работу в Северо-Восточную окружную организацию партии. Когда теперь оглядываешься назад, то середина 30-х годов представляется крупным водоразделом нашего движения. Позади лежало поражение 1926 года и долгие годы оборонительных боев против угрожавших рабочим тяжелых последствий этого поражения. Впереди — мировой конфликт между гуманностью и фашизмом. С одной стороны, выдвижение Гитлера в Германии, с другой — успехи народов, которые нашли выражение в триумфе пятилетних планов в Советском Союзе, в победе народного фронта во Франции и Испании, в переизбрании президента Рузвельта и провозглашении «нового курса» в Соединенных Штатах.

И, какая бы проблема ни возникала перед рабочим движением, борьба за сохранение мира стала играть главную, доминирующую роль. Война 1914 года, выношенная тайной дипломатией, которую Ленин разоблачил в 1917 году, свалилась на нас, как снег на голову. Мы в большинстве своем не были готовы к ней, она совершенно расстроила наши международные ряды. Но в 1935 году простые люди во главе с рабочим классом не только распознавали войну в общих чертах, но и куда лучше понимали, какие огромные жертвы она несет. Росла и шири-

лась борьба за то, чтобы остановить фашизм, предотвратить новую мировую войну.

Борьба не завершилась успехом, хотя, на мой взгляд, он был весьма близок; но она заложила основу союза честных миролюбивых людей мира, без которого не было бы нанесено поражение фашизму и не были бы достигнуты успехи, явившиеся результатом этого поражения.

Война или мир? Все чаще и чаще этот вопрос выступал на первый план при обсуждении других вопросов в Испании и Абиссинии, в Советском Союзе и Англии, в Китае и Соединенных Штатах, в голодающих деревнях Ронты и бурлящих колониях.

После длительного отсутствия я вернулся в Ньюкастл, где снова получил приказ отправляться в путь. Я принял его со смешанным чувством: жалко было уезжать из Англии, но в то же время я был доволен, что обогащу свой опыт.

В конце 1935 года нашу партию попросили помочь южноафриканским товарищам в решении ряда организационных и программных вопросов, которые стояли очень остро. Мне было поручено заняться этим делом.

Возникшие вопросы явились результатом того решения шестого конгресса Коммунистического Интернационала, в котором предусматривалась перспектива образования Южно-Африканской республики на базе объединения африканцев, составлявших большинство населения Южной Африки, при полном обеспечении прав национальных меньшинств.

В Южной Африке это решение было истолковано абстрактно, вне связи с неотложными проблемами, стоявшими перед народом, такими, как нищета и опасность фашизма и войны. Одна часть споривших утверждала, что надо стремиться к «созданию правительства рабочих и крестьян», что именно таково значение решений шестого конгресса. В существовавших условиях эта точка зрения была отвергнута как нереальная и направленная лишь на изоляцию коммунистов от широких слоев населения. Этот взгляд был типичен для «экстремистских» программ, о которых в те годы приверженцы Троцкого в левом движении кричали на каждом углу; программ, которые (а в этом, несомненно, и состояло намерение их авторов) отвлекали движение от реальных политических и социальных задач и оказывали огромную помощь и услугу хозяевам, боров-

шимся против прогресса социализма и демократии. С другой стороны, те, кто видел, что этот левацкий маневр направлен на то, чтобы затормозить рост Коммунистической партии, попадали в другую ловушку, предлагая вместо этого программу, направленную на создание «туземной буржуазной республики».

Эти разногласия парализовали движение в Южной Африке. Прежде чем принимать программу, которая соответствовала бы интересам туземного и европейского населения, нужно было урегулировать эти разногласия. Троцкистская фракция полностью использовала тот факт, что в Южной Африке почти не было своей африканской буржуазии. Под «ультралевым» нажимом из партии было исключено несколько руководящих работников. Число членов Коммунистической партии Южной Африки сокращалось. Таково было положение вещей, насколько я представлял его из изучения материалов и документов до своего отъезда.

В одном из иностранных портов я сел на пароход, отправлявшийся в Восточную Африку. Во время путешествия мне снова представилась возможность — которых было так много в моей жизни — наблюдать слуг империализма в том откровенном и непринужденном расположении духа, в котором они пребывали во время своей прогулки по морю вдали от служебных обязанностей. Один из пассажиров был немецкий фашист, следовавший в Танганьику. Другой, мой сосед по столу, был не менее кровожадным. Это был полковник медицинской службы в отставке, работавший перед этим в Индии в качестве тюремного врача. Его презрение к индийцам было безгранично. Своих пациентов из тюрьмы он называл «грязными мерзавцами». Я невольно подумал о том, сколько этих людей этот лекарь свел в могилу. В его обязанность входило наблюдать за телесными наказаниями. Однажды, по его словам, он настолько возмутился поведением индийца, который сек заключенного так плохо, «что и следов не оставалось», что сам схватил кнут «и влепил двадцать таких ударов, после каждого из которых брызгала кровь».

Этот страшный рассказ и тот восторг, с каким врач рассказывал его, преследовали меня много дней. Однажды он присоединился ко мне во время одной из моих вечерних прогулок по палубе после знойного дня в Индийском океане. Я сказал ему, что не согласен с его мнением о не-

обходимости порки для поддержания тюремной дисциплины, не открывая, конечно, своего близкого знакомства с этим вопросом. В ответ (как сейчас вижу его довольный взгляд) он рассказал мне, как он разделался с одним из бежавших заключенных. Беглеца нашли спрятавшимся неподалеку от тюрьмы. «Я хорошенько прицелился, выстрелил и убил его наповал»,— сказал он. Этот врач-тюремщик направлялся в Кению. И сейчас, когда я пишу эти строки, я спрашиваю себя, какой теперь послужной список этого убийцы, сколько человеческих жизней загубили такие люди, как он?

Я прибыл в Иоганнесбург, хорошо представляя себе ограниченность своих знаний о Южной Африке и ее населении. Поэтому после первых бесед с товарищами я провел много недель в городской публичной библиотеке, разбираясь в истории этой страны, в которую я чуть было не попал как солдат тридцатью годами раньше. В своих исследованиях я получал ценную помощь от руководящих южноафриканских коммунистов, особенно от товарищей Вольфсона, генерального секретаря партии Мафутсаньяна, а также от старого вождя южноафриканских рабочих Билла Эндрюса, с которым я встретился позднее в Кейптауне.

Я провел с Биллом незабываемый вечер в его квартире, окна которой выходили в сторону залива. В течение почти сорока лет он принимал участие во всех крупных выступлениях трудящихся и обладал глубокими знаниями и огромным опытом. С особым интересом я слушал его рассказы о предвоенных годах в Южной Африке, когда «Индустриальные рабочие мира» проявляли здесь большую активность. Одним из его соратников был Том Глинн, с которым я встречался в Сиднее, в Австралии, во время своего кругосветного путешествия. В 1911 году он возглавлял сторонников прямых действий в Иоганнесбурге. Он руководил «молниеносной» забастовкой трамвайщиков (это было излюбленное оружие ИРМ), чтобы добиться увольнения одного из чиновников. Застигнутая врасплох администрация была вынуждена удовлетворить требование рабочих и обещала не преследовать бастовавших.

Победа была недолговечной. Глинн и еще один рабочий были уволены, а когда рабочие снова бросили работу, власти вызвали вооруженную полицию, которая охраняла штрейкбрехеров. Это вызвало такое возмущение всех ра-

бочих, что властям, боявшимся, что расстрелы рабочих приведут к быстрому расширению конфликта, пришлось изъять оружие у полицейских, вместо которого их вооружили рукоятками от мотыг. После разгона нескольких митингов бастующих члены ИРМ тоже вооружились рукоятками от мотыг. Произошли ожесточенные схватки.

Испугавшись боевого духа и тактики ИРМ, власти прибегли к американским методам. Они объявили, что на трамвайных линиях найден динамит. По сфабрикованным обвинениям были арестованы двое рабочих.

В то время я читал об этом деле в социалистической печати. Билл Эндрюс рассказал, что было дальше. Во время суда материалы обвинения оказались несостоятельными, так как было установлено, что динамит был положен под рельсы полицейским агентом. Рабочим возместили убытки, причиненные в результате неправильного ареста и заключения. Но бастовавшие были вынуждены вернуться на работу, не добившись удовлетворения своих требований.

Несколько месяцев спустя проходили муниципальные выборы. Члены ИРМ опять создали бригады, вооруженные рукоятками от мотыг. Они забывали всякое благоразумие, как только вступали в «сомнительную область политики». Они совершали налеты на собрания, созывавшиеся кандидатами консерваторов, размахивали дубинками перед носом ораторов, выражая таким способом протест против нарушения законных прав рабочих на проведение собраний.

Эта «политика дубинки» привлекла международное внимание. Я вспоминаю статью в издававшемся в Чикаго журнале «Интернэшенэл сошиалист ревью», а также помещенную в нем фотографию с изображением Мэри Фитцжеральд, выступающей на митинге рабочих в Рэнде (район Иоганнесбурга). Рядом с ней видна прислоненная рукоятка от мотыги. Статья и фотография отражали настроение рабочих Рэнда в те годы, когда Горнорудная палата и правительство стремились сократить заработную плату и подавить профсоюзное движение.

В 1913 году попытки удлинить рабочий день квалифицированных рабочих повлекли за собой забастовку. Были наняты штрейкбрехеры. Горняки не имели намерения идти на компромисс. Мэр Иоганнесбурга С. Хофмейер запретил проводить митинги и собираться группами более шести че-

ловек. Несколько тысяч полицейских были опять вооружены рукоятками от мотыг. В Рэнд было переброшено три тысячи кавалеристов. Призыв провести на базарной площади митинг в защиту свободы слова нашел огромный отклик. Митинг проходил довольно организованно, но, как только он начался, появились полицейские и кавалеристы и начали без разбора избивать дубинками и саблями безоружных людей. Рабочие ответили всеобщей забастовкой, во время которой толпа напала на помещение редакции журнала Горнорудной палаты «Иоганнесбург стар», взявшего под защиту действия полиции.

Многое еще узнал я от Билла Эндрюса о жарких боях, через которые прошли южноафриканские рабочие, о конфликтах, часто выливавшихся в открытую войну. Все это хорошо описано в биографии «товарища Билла» *, которую я с таким удовольствием прочел много лет спустя. Мне показали Фордбург, где некоторые здания еще носили следы знаменитых четырехдневных боев во время всеобщей забастовки в Рэнде, которая началась 1 января 1922 года. Тогда было убито сорок и ранено двести бастовавших. Было убито и ранено много мирных жителей, потому что вызванные правительством и Горнорудной палатой полиция и подразделения бронеавтомобилей стреляли в каждого, кто появлялся в поле зрения. После облав тысячи людей были посажены в тюрьмы или за колючую проволоку. Сотням людей были предъявлены обвинения в убийстве.

То, что я узнал, находясь в Южной Африке, позволяет сделать ужасающие сравнения. С назойливой монотонностью рабочих капиталистических предприятий убеждают увеличивать производство. «Трудитесь в поте лица, работайте усердней, и вы сохраните жизненный уровень и избежите безработицы», — говорят им. Многие высшие руководители профсоюзов старательно пропагандируют этот фальшивый лозунг. Каждый раз, когда я слышу это, я невольно вспоминаю о том, что произошло после того, как Южная Африка в 1932 году отказалась от золотого стандарта. В результате стоимость золота, добытого в 1935 году, возросла до 76 532 тысяч фунтов стерлингов по сравнению с нормальной стоимостью в 45 765 тысяч фунтов

* «The Life and Times of W. H. Andrews, Workers' Leader», by R. K. Cope.

стерлингов. Но кто пожинал плоды этого роста прибылей и доходов? «Конечно, не золотоискатели, — писал я, — ни европейские, ни африканские». В 1936 году африканцы составляли девять десятых рабочих, занятых на крупных рудниках. Их заработная плата равнялась примерно 2 шиллингам в день. Росла пропасть между страданиями и голодом, с одной стороны, и роскошной жизнью богачей, с другой.

В погоне за большими прибылями фондовая биржа Иоганнесбурга превратилась в рай для аферистов и паразитов. Вновь открылись рудники с малым содержанием золота. Были вложены крупные суммы в новые рудники. Строительная горячка изменила лицо Иоганнесбурга, потянулись ввысь громады небоскребов. Но все это не принесло никакой выгоды 400 тысячам белых бедняков и среди них многим фермерам голландского происхождения, согнанным с земли в результате аграрного кризиса. В связи с этим задолженность за аренду земли выросла до 100 миллионов фунтов стерлингов. Касаясь создавшегося положения, я писал в 1936 году: «Многие из этих бедных и нуждающихся людей заняты на правительственных работах, получая от трех с половиной до пяти с половиной шиллингов в день, или работают в промышленности за заработную плату, которая не намного выше той, что получают туземцы». Многие фермеры-буры, потеряв свои фермы, в поисках работы вместе с семьями переезжали в города. Они бродили по улицам Иоганнесбурга и других крупных городов. Раз ко мне подошел высокий худой бур с женой и несколькими малолетними детьми и попросил что-нибудь, лишь бы покормить голодных малышей. Я испытывал чувство жалости и злости. Мне было жалко эту трудовую семью, низведенную до нищенского положения. В то же время меня охватывала злость при мысли о том, что только за первую половину 1936 года рабочие добыли из недр той самой земли, по которой бродила эта семья, 5 миллионов унций золота, обеспечив акционерам 7 миллионов фунтов стерлингов в виде дивидендов. Сравнивая это тяжелое положение многих с богатством небольшой кучки, я также вспоминаю лживый лозунг «политики белого цивилизованного труда», выдвинутый правительством «Единой партии», — политики, основанной на эксплуатации африканского населения. В 1936 году из примерно 400 тысяч человек, занятых на

золотых рудниках, на одного рабочего европейского происхождения приходилось девять африканских рабочих.

Националисты во главе с Маланом, используя обстановку и прикрываясь фальшивой антиимпериалистической пропагандой, преследовали свои фашистские цели. Гитлеровские агенты наводнили страну. Понимая стратегическое значение Южной Африки, Гитлер не замедлил воспользоваться сложной политической обстановкой. Его агенты и шпионы приезжали сотнями. Многие из них прибывали через Юго-Западную Африку, бывшую немецкую колонию, на которую Южная Африка до сих пор имеет мандат. Она была базой для оказания помощи фашистской деятельности, проводимой так называемыми серорубашечниками — фашистской организацией, маскировавшейся под названием «Национальная рабочая партия Южной Африки». В Юго-Западной Африке «Союз рейха», деятельность которого направлялась немецким консулом в Виндхуке, систематически терроризировал немецких граждан, не желавших поддерживать планы Гитлера в отношении Юго-Западной Африки. Он принял такие широкие размеры, что даже назначенная южно-африканским правительством комиссия для расследования была вынуждена признать, что террор доходил до убийств. Тем не менее правительство ничего не делало, чтобы воспрепятствовать проникновению немецких фашистов в политическую жизнь Южной Африки. Их наглость вызывала во мне сильнейшее негодование, когда я видел, как они, встречаясь друг с другом в публичных местах, открыто обменивались фашистскими приветствиями. Положение было чрезвычайно серьезным. К тому же оно было осложнено расовым угнетением, конфликтом между национальностями, а также противоречивыми экономическими и империалистическими интересами. Но фашистская угроза заключалась не только в этом.

«Принятие антисемитской программы конференцией руководимой Маланом Национальной партии (конференция состоялась в Вудстоке в 1936 году), — писал я, — расширило базу для роста фашизма. Принятие потенциально фашистской программы самой крупной оппозиционной партией означало новый курс в ее деятельности — поощрение и поддержку гитлеровских агентов и шпионов. За конференцией последовали многочисленные митинги с целью популяризации новой программы. Все это указыва-

ло на то, что намерения маланистов были самыми серьезными. В парламенте Малан добивался того, чтобы в новом законопроекте об иммиграции было предусмотрено запрещение въезда евреев и чтобы из числа европейских языков, официально признаваемых для целей эмиграции, был исключен еврейский язык. Он внес в парламент предложение, требующее запретить евреям заниматься определенными ремеслами и профессиями, объявить преступлением изменение ими фамилии или занятия ими любой должности на каком-либо предприятии, если на это место могли найтись другие европейцы. Так Национальная партия стремилась организовать расовые преследования евреев, которые, спасаясь от фашистского террора, бежали в Южную Африку.

Касаясь этой политики, я писал: «Либо рядовые члены — в своей значительной части белые бедняки и бедные фермеры — покончат с демагогией Малана, который играет на их антиимпериалистических и республиканских настроениях, на их нищете и страданиях, и заставят своих руководителей организованно выдвинуть в масштабах всей страны требования повышения заработной платы, установление размеров пособий безработным в соответствии со ставками заработной платы, согласованными с профсоюзами, наделения землей безземельных в сельской местности и выдачи пособий бедным фермерам, заставят их объединиться со всеми организациями, готовыми выступить в защиту мира, демократии и свободы для всех рас и национальностей как единственного пути к росту республиканского движения, либо Национальная партия неизбежно пойдет по пути фашизма, элементы которого уже имеются в антисемитской линии Малана».

А что получилось на деле? Переход к новому курсу, намеченному Маланом в Вудстоке, подготавливался годами. Эта подготовка нашла свое выражение в законах о сегрегации туземного населения, в законодательстве, лишавшем демократических и элементарных человеческих прав все прогрессивные элементы африканского, азиатского и европейского происхождения с целью добиться невозможного — уничтожить коммунизм. В этой сложной обстановке Коммунистическая партия столкнулась с большими трудностями в поисках такой программы, которая позволила бы объединить народ, включая туземное население, на борьбу против фашизма и опасности войны.

ДЖОРДЖ ХАРДИ (сын)

Коммунистам приходилось разоблачать фашистскую идеологию и якобы антиимпериалистическую демагогию и в то же время развенчивать правительство «Единой партии», политика которого основывалась на интересах владельцев рудников и богатых землевладельцев. Свыше 6 миллионов фунтов стерлингов в год уходило на субсидирование экспорта сельскохозяйственных продуктов, в котором были заинтересованы крупные землевладельцы. Но бедные фермеры, зависевшие от внутреннего рынка, разорялись и сгонялись с земли. Кроме того, назрела необходимость борьбы за отмену дискриминационного законодательства, направленного против туземного населения. Организованные рабочие должны были убедиться в необходимости борьбы за то, чтобы положить конец сегрегации и помочь организовать рабочих-африканцев.

На съезде южноафриканских коммунистов в 1936 году были отмечены некоторые успехи в борьбе за создание единого антиимпериалистического фронта. Некоторые, хотя и незначительные, успехи были достигнуты благодаря лозунгам: «Работа и хлеб, земля и свобода», «Богатства Южной Африки — для южноафриканцев». Троцкисты были изолированы еще до съезда. Конструктивные решения съезда были направлены на объединение всех демократически мыслящих людей независимо от цвета кожи, национальности и убеждений. Мы провозгласили, что равноправие африканских профсоюзов необходимо для защиты организованных рабочих европейского происхождения. Этот шаг был сделан с целью оградить квалифицированных высокооплачиваемых рабочих от попыток предпринимателей ослабить их единство за счет включения в их число бедных рабочих-европейцев, соглашавшихся работать за низкую заработную плату.

II

В конце 1936 года я вернулся домой и застал партию в разгар самого серьезного за ее существование боевого испытания. В июле началась война в Испании, которую коммунисты первыми стали рассматривать, как репетицию новой мировой войны. В Лондон со всей Англии съезжались молодые парни, чтобы добровольно вступить в Британский батальон Интернациональной бригады, ко-

торый должен был спасти, правда очень дорогой ценой, честь нашей страны.

Члены профсоюзов и лейбористской партии, коммунисты и антифашисты без определенных партийных убеждений обращались к нам с просьбой помочь им добраться до Франции и через Пиренеи попасть в страну, которая сдерживала продвижение фашистов. Смелые патриоты, они были лучшими сынами и выразителями истинных интересов великого трудового народа Англии.

Как и нужно было ожидать, среди приезжавших в Лондон нашлось много авантюристов и неудачников в жизни. Одно из моих первых поручений по возвращении домой состояло в помощи Р. У. Робсону, который занимался организационной стороной отбора добровольцев в Испанию. Нам пришлось много заниматься отсеиванием подозрительных лиц. Мы указали поворот от ворот многим субъектам такого рода.

Помню одного летчика, который утверждал, что летал в Канаде. Робби попросил меня прощупать его. Его летное удостоверение, паспорт и общие сведения на первый взгляд были в порядке. Он говорил, что работал летчиком у одного американского миллионера и регулярно летал из Нью-Йорка в Монреаль и Торонто. Но, когда я задал ему несколько простых вопросов о названиях улиц в Монреале и Торонто, видно было, что он старался угадывать и на большинство вопросов дал неверные ответы. От его уверенности не осталось и следа. Наконец, я спросил его: «Куда ты летал из Торонто»? «На Палм Бич», — ответил он. «Где это?» — спросил я. Он ответил: «В Калифорнии».

Робби молчал. Затем, не вытерпев, он медленно, но выразительно произнес на своем йоркширском наречии: «Врешь, мерзавец!»

Этот «летчик» был одним из опасных людей, может быть, полицейских агентов, которых нужно было отметать.

Несколько месяцев спустя, когда я уже выполнял партийное поручение в Мидленде, я получил телеграмму от своего сына Джорджа. Он просил встретиться с ним в Лондоне. Я сразу понял, зачем ему понадобилось увидеть меня. Он часто говорил о своем желании поехать в Испанию. Теперь же, в феврале 1937 года, Британский батальон понес огромные потери, и как никогда были нужны подкрепления.

В эту нашу последнюю встречу в Лондоне мы просидели с Джорджем до утра. На следующий день под проливным дождем я проводил его на вокзал «Виктория». Джордж был в хорошем настроении и вызывал во мне чувство гордости. Вернувшись домой, я записал сказанные им слова: «...Фашизм нужно разбить в Испании. Если мы не сможем это сделать там, то, так или иначе, придется драться в будущем. Я решил воевать теперь».

Его товарищи, рабочие-печатники, подарили ему золотые часы с соответствующей надписью. Он воспитывался на ненависти к фашизму. Она была у него в крови. Бандиты Мосли хорошо знали его. Однажды их банда напала на него в автобусе и избила до беспамятства. Они сидели сзади него и ударили бутылкой по голове. В другой раз в стычке после фашистского митинга на Трафальгарской площади полицейский сбил его с ног дубинкой и отвел в камеру на Бау-стрит. Вместе с другими он был оштрафован на большую сумму. Никто из фашистов не был арестован после этих нападений.

Он погиб утром 31 марта 1938 года при Каласейте, попав под огонь укрывшегося в засаде итальянского танка. Я узнал о его гибели лишь в июле, когда получил письмо от Джеймса Фаррелла, одного из оставшихся в живых. Он описал бой и рассказал о геройской смерти моего мальчика, погибшего за наше дело.

Я получил много скорбных писем от своих и его друзей. В сентябрьском номере журнала «Принтер» за 1938 год на первой странице был напечатан некролог, в котором говорилось:

«Прекрасный спортсмен, Джордж завоевывал призы для Британской спортивной федерации на велосипедных гонках в Париже, Берлине и Советском Союзе. Не под влиянием минуты и не в поисках приключений оставил он свою работу у фирмы «Марсден пресс» и ответил на призыв о посылке добровольцев на защиту демократии. Он ответил на призыв сознательно, понимая всю опасность и зная об ожидающих его лишениях... Но он также хорошо понимал, что борьба против фашизма быстро превращается в сражение, в защиту самой цивилизации от варварства и разрушения».

Позднее в своем письме в «Принтер» я писал: «Некоторые люди говорили мне, что Джордж напрасно отдал свою жизнь. Они, по-моему, думали, что, имея перед собой та-

кие возможности и большое будущее, он не должен был идти на войну... Мое единственное желание сейчас состоит в том, чтобы его смерть была отомщена борьбой за победу в Испании и вообще против фашизма.

Я хочу сказать несколько слов тем, кто думает, что мы приносим слишком большие жертвы. Если бы испанские республиканцы при поддержке отважных товарищей из Интернациональной бригады не наносили удары Франко у Мадрида, фашистские бомбардировщики, может быть, давно уже летали бы у нас над головами».

Письмо заканчивалось призывом посылать больше оружия в Испанию. Но консерваторы, проводившие позорную политику невмешательства, отказывали в оружии испанскому народу и снабжали оружием его и наших врагов. Несмотря на жертвы, войну нельзя было предотвратить.

III

Война пришла быстро. В наши дни, спустя шестнадцать лет, поток мемуаров и признаний видных политических деятелей предвоенного мира проливает свет на причины войны. Не остается никакого сомнения относительно того, что не кто иной, как Чемберлен и ему подобные, одержимые антисоветской манией, разъединили миролюбивых людей и подорвали все их усилия, направленные на предотвращение войны. Значительное место в этом психозе занимала и звериная ненависть Черчилля к социализму.

Когда сегодня читаешь о том, как Черчилль оттягивал открытие второго фронта, как даже в час победы он намеревался применить немецкое оружие против социализма, многие странные и противоречивые события военных лет становятся яснее. И я вспоминаю, какую борьбу пришлось выдержать рабочим лишь для того, чтобы им позволили выиграть войну.

В 1941 году я отвечал за партийную работу на предприятиях, расположенных на берегах реки Мерсей. Возникало много трудностей, связанных с позицией предпринимателей. Рабочие находились во власти идеи единства с советским народом. Хозяева же ни капли не изменились. Они гнались за максимальными прибылями. За очень редкими исключениями, они все еще оказывали сопротивление «вмешательству» со стороны представителей рабочих

организаций. Во главе Совета по вопросам труда докеров страны был поставлен один из банковских директоров. Несколько профсоюзных чиновников работали контролерами Совета. Некоторые из этих выдвинувшихся господ, стремясь каким-либо образом выделиться, стали носить котелки. Некоторые были настоящими бюрократами. Они были далеки от рабочих и смотрели на них свысока. Бригады грузчиков подбирались неправильно. В Биркенхеде случилось неизбежное. Из-за увольнения нескольких рабочих забастовали полторы тысячи докеров.

Мы направились к секретарю районного отделения профсоюза Саймону Магону и предложили помочь как можно быстрее вернуть членов профсоюза на работу. Он отказался от нашей прямой помощи, но сказал, что не будет возражать, если мы будем проводить свои митинги. Я отправился в доки на один из митингов бастовавших, где выступал Саймон. Собрание было бурным. Когда он начал призывать докеров вернуться на работу, в ответ послышались нецензурные выражения. Когда он ушел на совещание с представителями Совета по вопросам труда, я возглавил митинг. В порту находились танки, орудия и другое военное снаряжение, предназначенное для отправки в Северную Африку. Но я занял позицию, отличную от выступления Саймона. Я сказал рабочим, что они справедливо протестуют против продолжительного рабочего дня, изнуряющего их, что это является препятствием для быстрой обработки судов. «Я не прошу вас немедленно возвращаться на работу,— сказал я.— Но все же возвращайтесь на работу по возможности скорее при условии удовлетворительного решения вопроса». Из среды собравшихся послышались враждебные голоса. В ответ раздались возгласы: «Пусть говорит!» Тогда я спросил: «Кто сейчас наступает? Предприниматели! Оружие у них в руках. Вы должны выбить его и вооружиться лучше, чем они. Ответственность за забастовку ложится прежде всего на директора Совета по вопросам труда, а также на некоторых контролеров. И вы должны это доказать. Вам нужно опубликовать заявление для печати, в котором бы разоблачались нападки на вас. Доведите до общего сведения факты, которые привели к забастовке. В то же время обещайте вернуться на работу, если в течение двух дней будет гарантировано удовлетворительное урегулирование конфликта. Это поможет представителям профсою-

за начать переговоры. Если такое обещание будет получено, вы можете вернуться на работу. Если нет, то хозяева публично разоблачат себя как виновники забастовки».

Так надо было бить предпринимателей, которые толкали рабочих на забастовку.

Бастовавшие дали интервью для печати. В ответ был получен прямой отказ урегулировать конфликт в рамках установленного докерами времени. На следующий день мы опять провели митинг в доках, на котором рабочие нанесли еще один удар хозяевам, предложив начать погрузку танков и орудий, а заработанные деньги передать в больничный фонд. Предприниматели отвергли и это предложение. К концу дня переговоры все же начались. Увольнения были отменены, и докеры вернулись на работу с победой. Затем наша партия начала кампанию против директора Совета по вопросам труда. Была выпущена листовка, в которой мы призывали пересмотреть трудовое соглашение, чтобы в интересах поддержания военных усилий страны сократить чрезмерно продолжительный рабочий день, изнурявший докеров. Мы требовали также прекратить клеветнические выпады против докеров, которые работали поистине замечательно. Наконец, начались переговоры о новом соглашении. По этому соглашению работа заканчивалась в семь часов, а не в девять, как было прежде. Погрузка судов пошла значительно быстрее. А позднее, когда директор был вынужден покинуть свой пост, докеры еще больше приободрились.

Предложение грузить суда бесплатно было с энтузиазмом принято и в гладстонских доках, где около тысячи докеров прекратили работу. Это был тот док, где рабочие приняли обращение к докерам Гамбурга, призывая их не прекращать борьбу против фашизма. Мы направили это обращение советскому послу Майскому. Позднее я узнал, что оно было передано по радио из Ленинграда для гамбургских докеров и опубликовано в советской печати. Именно этого и хотели докеры.

В годы войны в английском рабочем классе начали развиваться заложенные в нем огромные организаторские способности и инициативность. У людей появилась цель в жизни — разбить фашизм. И какие чудеса они делали благодаря этой целеустремленности! Они ощущали необходимость смести с лица земли фашистских преступников. Они черпали вдохновение в тесном сотрудничестве с со-

циалистическим Советским Союзом, который оказывал здоровое влияние, придающее новые силы и поощряющее к действию, влияние, которое наша страна еще не испытывала в этом столетии. В умах рабочих, добровольно согласившихся во имя победы на такие лишения, которые никогда не могли быть навязаны им предпринимателями в мирное время, неуклонно крепла решимость по окончании войны устранить консервативное правительство и самим вступить на путь социализма.

Они были полны надежд. Они считали, что тесное сотрудничество с Советским Союзом будет продолжено в мирное время. В 1945 году было немыслимо представить себе, что в высших кругах Англии уже изучались и вырабатывались планы войны против нашего союзника — Советского Союза, что они готовились пойти на это безумное преступление.

Истинными представителями нации являются трудящиеся. Класс предпринимателей неизбежно скатывается к измене. Таков урок прошедшей войны, и он еще и еще раз был подтвержден после 1945 года. Верно, что лейбористские лидеры, консерваторы по своим взглядам, всегда стараются скрыть правду, которую мы говорили пятьдесят лет назад в ИРМ,— что предприниматели и трудящиеся не имеют между собой ничего общего. Эти правые обманщики, проникшие в ряды рабочего класса, всеми силами стремятся продлить существование капитализма. Об этом со всей ясностью свидетельствует история борьбы внутри рабочего движения в течение всего нынешнего столетия. Они лгут, когда говорят о нашем времени, изображая классовое общество, разделенное на богатых и бедных, как некое сообщество партнеров, изображая государство как нейтральную силу, не имеющую никаких классовых привязанностей, благосклонно возглавляющую общество.

Но своими действиями они сами показывают, что все это лишь пустая болтовня. Придя к власти, лейбористы, не колеблясь, используют армию, флот, авиацию, весь правительственный аппарат насилия и обработки общественного мнения, всю королевскую мишуру, когда нужно лишить народ его демократических прав. И когда народам колоний ничего не остается, как давать отпор вооруженным силам, посылаемым в их страны, их объявляют «коммунистическими бунтовщиками», «бандитами», «террористами». Само собой разумеется, что корни и причины всех

беспорядков будут искать в Москве или Пекине. А чтобы отвлечь внимание от собственных грязных империалистических делишек, эти враги нашей свободы говорят о защите «свободного мира» и сохранении нашего священного «образа жизни», пусть даже ценой всеобщего истребления в войне, ужасы которой трудно себе представить.

Какая подлость! Какое лицемерие! Люди не хотят этого. Народ в своем огромном большинстве устал от ужасных преступлений, которые совершались от его имени в Корее, Малайе, Кении и многих других странах, где люди, так же как и мы, страстно хотят жить в мире, жить по-своему.

Это не путь народа. Это путь империализма, путь консерваторов. Его поддерживают и ему следуют правые лейбористские лидеры. Ему в первую очередь и наиболее решительно противостоят коммунисты. Именно поэтому лейбористские лидеры борются против нас с таким упорством, настойчивостью и энергией, которые, если бы они были направлены против предпринимателей, могли бы в любую минуту превратить Англию в социалистическую страну.

Они нагло говорят: «Коммунисты — не патриоты». О людях судят по их делам. И сравните дела тех, кто осуждает забастовки как устаревшую форму борьбы, кто призывает к бесконечным жертвам, к повышению производства в «интересах нации» в то время, когда прибыли капиталистов так быстро растут, а мы по-прежнему получаем крохи за свою работу,— сравните эти дела с делами коммунистов. Мы первыми выступаем в защиту требований народа о повышении жизненного уровня, о расширении строительства жилищ, о введении надлежащего социального обслуживания, об установлении таких пенсий, на которые могли бы жить престарелые и нетрудоспособные. Кто же тогда патриот? Те, кто является сторожевым псом богачей, или те, кто на первый план ставит народ, создающий национальные богатства?

А в чем состоят национальные интересы? Прежде всего и главным образом в том, чтобы поддерживать благосостояние большинства народа, а не в том, чтобы усиливать эксплуатацию трудящихся и лишать их продуктов их же труда, вести беспощадную борьбу с таким положением, когда меньшинство может жить в непомерной роскоши, когда многие богачи тратят на один лишь обед больше,

чем выдается чете престарелых пенсионеров на неделю и даже на больший срок на пропитание, одежду и жилье. Патриоты ли капиталисты? Лишь до тех пор, пока они могут получать прибыли. Как только в той или иной отрасли промышленности намечается уменьшение прибылей, держатели акций перестают ею интересоваться и вкладывают деньги в более прибыльные отрасли. В периоды инфляции и обесценения денег они покупают более стабильные заграничные ценные бумаги. При этом национальные интересы отбрасываются прочь.

Когда наступает всеобщий кризис, как, например, в 30-х годах, предприятия останавливаются одно за другим. Миллионы людей выбрасываются на улицу. Для поддержания цен сжигают продукты питания, рыбу выбрасывают в море, уничтожают корабли, демонтируют заводы. В этом нет ни грана патриотизма. Единственной движущей силой является прибыль.

Буржуазия уничтожает ценности, которые мы создаем. Поэтому мы выступаем против нее и покончим с капиталистическим строем, чтобы пользоваться плодами своего труда.

Ничто не может помешать рабочим в этой борьбе.

Этому учит марксизм, и вся моя деятельность в Коммунистической партии убедила меня в том, что это может быть и будет достигнуто.

ГЛАВА ПЯТАЯ

НЫНЕ — ПРОЧНЫЙ МИР

Заря освобождения. Многое ли изменилось? Язык денег. Парад юности на Тибет-роуд. Земельная реформа. Инсценировка боя при Яньчуан. Беседы под американским тентом. Шанхайские сценки. Во Дворце труда. Триумф братства. Сумасшествие. Среди своих. Прочная победа.

Моя личная и общественная жизнь складывалась так, что мне пришлось познать и испытать многое: ликование победы и скорбь поражения, горечь предательства и радость при виде новых пополнений, вливающихся в наше великое мировое движение; многие неудачи, подлость, леденящие кровь злодеяния и тот всепобеждающий героизм народа, который является высшим знамением нашего века.

Каждый успех народа в борьбе за свободную и счастливую жизнь приводит в бешенство его врагов. Новые преступления громоздятся на старые. Временами казалось, что жизнь и смерть состязаются в страшной игре в прятки, которая началась вместе с историей и продолжается до сих пор. Все же жизнь побеждает. Наше поколение было свидетелем такого великого торжества жизни в этой борьбе, которого не видело ни одно предшествовавшее поколение.

В апреле 1951 года я испытал высшее счастье быть свидетелем одного из таких величайших моментов, когда в возрасте шестидесяти семи лет я посетил Китай в первые месяцы после освобождения.

Прошло двадцать два года с тех пор, как я бродил по Шанхаю в условиях террора Чан Кай-ши, в годы угнетения и боли, до того как Китай, по историческому выражению Мао Цзэ-дуна, «встал на ноги». Теперь я возвра-

щался туда в составе первой английской делегации, посетившей Китай после освобождения.

После своей первой поездки я внимательно следил за борьбой китайского народа, особенно когда работал в Комитете по проведению кампании в поддержку Китая в 1938 и 1939 годах, который помогал Китаю в борьбе против японской агрессии. Мы посылали больничное оборудование известному канадскому врачу Норману Бетьюну, чтобы создать и содержать Международный госпиталь мира. Мы организовали широкий бойкот японских товаров. Рабочее движение по примеру докеров Мидлзбро, отказавшихся грузить японский корабль «Харуна Мару», выступило за прекращение погрузки металлического лома в Японию. Мы провели хорошую всестороннюю политическую кампанию, за что получили из Китая письма с выражением благодарности и признательности. Я и сейчас их бережно храню. Здесь я также хочу отдать должное группе прекрасных организаторов: Артуру Клеггу и его жене Нелл, Мэри Шеридан Джонс, Джоан Фарр и другим, включая Дороти Коултхард, которая проводила блестящую работу в пользу Китая, возглавляя Северо-Восточный район в Комитете по проведению кампании, и во время войны играла видную роль в кампании за равную заработную плату мужчин и женщин.

Приглашение поехать в Китай было передано мне Лю Нин-и, руководителем первой китайской делегации, прибывшей в Англию после освобождения, во время разговора о прошедших днях в Шанхае. Он несколько лет сидел в тюрьме, хотя из-за скромности, присущей китайским руководителям-коммунистам, ничего об этом не сказал, и я узнал об этом позже.

Наш самолет низко летел над окружающими Пекин деревьями. Внизу появились коричневые, зеленые и желтые квадраты крошечных полей и огородов. Этот вид понравился бы любителю старого Китая. Приближаясь к посадочной дорожке, мы увидели трудолюбивых крестьян этой чудесной страны, занятых работой; при виде полей и крестьян, работавших на них, на меня нахлынул рой воспоминаний, я узнавал старое. Незабываемая земля умных тружеников, своеобразного искусства и культуры, строго соблюдаемых обычаев и уважения к предкам Какие перемены я увижу?

В Москве, где мы останавливались, я всеми силами старался подготовить своих спутников к тому, что им предстояло увидеть, рассказывая, что они увидят еще ужасные условия. Со времени освобождения прошло всего семнадцать месяцев. Я думал, что осталось много тяжелых последствий прошлого. Но я ошибся. Изменения, которые я увидел и почувствовал, были потрясающими. Повсюду мы видели новый Китай в самых различных его проявлениях. Из аэропорта, где нас так горячо встретили, мы через пригороды поехали в гостиницу. Что меня прежде всего поразило — это манера людей держаться, их деловой и уверенный вид. Пропали рикши, которые раньше, усталые и голодные, сидели на своих тележках в ожидании седоков. Их место заняли педикэбы *. На многих из них развевались красные флажки. Я стал искать глазами нищих, и ни одного не увидел. Для меня это было первое чудо.

Позднее, стоя у окна гостиницы, я увидел на другой стороне бульвара большое скопление металлических ручных тележек. Их подготовляли для перевозки грузов китайским добровольцам в Корее. Я смотрел и вспоминал, что произошло с двумя нашими товарищами в этом городе двадцать два года назад. Их привязали к ручной тележке и везли по улицам напоказ, как отъявленных преступников, к месту казни. Они выкрикивали лозунги, обращаясь к группе сочувствовавших им людей. «Да здравствует народная революция!» — восклицали они. Глядя на тележки, готовые для отправки в Корею, я думал о том, что их призыв не был напрасным, что непобедим народ, борющийся за правое дело.

Я попытался отдохнуть после долгого путешествия по воздуху, но тут же погрузился в воспоминания о том, что читал и слышал когда-то прежде о вековой борьбе китайского народа. Я вспомнил о капитане Уэделле, этом предшественнике позднейших мародеров; его эскадра, прибывшая в составе пяти английских кораблей в китайские воды и бросившая якорь у Кантона, была вынуждена грузиться и отправиться восвояси под огнем орудий фортов и больше не возвращалась. Я вспомнил об опиумных войнах и о том, как английские торговцы навязывали китайцам это ядовитое зелье в обмен на шелк и ни

* Педикэб — велосипед с коляской.— *Прим. ред.*

с чем не сравнимые произведения искусства и ремесла. Когда же китайцы осмелились захватить и конфисковать большое количество этой отравы, английские военные корабли ответили блокадой, а затем обстрелом Кантона, расчищая огнем путь в мирную страну, захватывая порт за портом и вынудив китайцев подписать Нанкинский договор на борту канонерки, вошедшей в воды реки Янцзы. Этот договор стал образцом для других иностранных держав, посягавших на суверенитет Китая.

Я вспомнил о боксерском восстании в 1900 году и о слышанных мною — в то время еще молодым парнем — рассказах о китайских «варварах», которые только и думали о том, чтобы убивать белых, особенно миссионеров. В наше время наиболее высокопоставленные лица пытаются напичкать молодежь подобной же ложью о Кении, Малайе, о любом месте под солнцем, где дело касается прибылей. Когда распространяются такие небылицы, знайте, что это — язык денег.

Нам не говорили ни слова правды, не говорили ничего об экономическом и политическом проникновении в Китай империалистических стран, больших и малых. Именно оно привело к боксерскому восстанию, к революции 1911 года во главе с доктором Сун Ят-сеном, к свержению маньчжурской династии и установлению республики. Но эта революция не смогла восстановить суверенитет Китая. Для этого необходимо было создание Коммунистической партии Китая, мобилизовавшей под руководством Мао Цзэ-дуна основную массу китайского народа, рабочих и крестьян, на завершение вековой борьбы за ликвидацию империалистического и феодального господства.

Вспоминая все эти события, я видел, что в их основе лежала великая русская революция 1917 года. Вокруг меня в лице шестисот миллионов свободных людей действовала динамическая сила, приведенная в движение Октябрьской революцией. Кончились черные дни, когда Китай можно было разделять и держать в рабстве. Я вспомнил, как после того, как Чан Кай-ши совершил свое предательство, Чжу Дэ, Чжоу Энь-лай, Е Тин и другие вели тридцать тысяч восставших войск на юг из Наньчана в июле 1927 года, как они терпели поражения по пути, сплачивали свои разбитые ряды и, наконец, объединились с силами, находившимися под командованием Мао Цзэдуна. Как они несли свободу и демократию из района в

район и завоевывали поддержку крестьян, осуществляя земельную реформу. Как они проводили в жизнь принцип «справедливая доля для всех работников физического и умственного труда» — принцип, о котором часто говорят правые лейбористы в Англии, но никогда не применяют его на практике.

За несколько недель пребывания в Китае во время наших поездок на фабрики, в деревни и другие места работы я видел много контрастов; некоторые из них производили тяжелое впечатление, другие — вызывали чувство радости. Но в большинстве случаев виденное мной пробуждало во мне чувство гордости и твердой уверенности в правоте нашего дела. Наиболее радостным для меня было видеть стоящих у своих станков рабочих; их взгляд был спокойным и уверенным, на лицах не было и тени былого страха. Я вспоминал, что в 20-х годах даже участие в забастовке грозило смертью и что почти ни один митинг протеста рабочих и студентов не проходил без жертв. Многие погибли, но не напрасно.

В Шанхае я проходил мимо угла Тибет-роуд, близко от того места, где в 1929 году во время демонстрации белогвардейцы убили фотокорреспондента. Здесь я с огромным удовольствием наблюдал замечательную демонстрацию студентов. Китайские студенты прошли бок о бок со студентами стран Запада, приветствуя их и демонстрируя свое гостеприимство и дружественное отношение к международной студенческой делегации, только что приехавшей в город. Замечательное зрелище. Ничего столь прекрасного и величественного не могло произойти в старом Китае. Хорошо глубоко похоронить прошлое, думал я, если его уроки усвоены по-настоящему. Эти юноши и девушки, марширующие с развернутыми яркими знаменами и лозунгами приветствий, были для меня дыханием жизни, прекрасным свидетельством того, что со старым Китаем покончено навсегда.

Направляясь в сельские районы для знакомства с жизнью деревни, мы проехали много миль по провинции Хубэй. Повсюду, насколько видел глаз, расстилались бескрайние поля колышущихся на ветру хлебов. Мы прыгали по тряской дороге на трофейных американских «джипах», оставляя позади длинное облако пыли. Вокруг нас простирались мирные поэтические картины китайской деревни. Ослы с завязанными глазами ходили по кругу, вращая

водяные колеса. То здесь, то там над колышащимися стеблями кукурузы маячили холмики семейных могил. Во всем были видны следы тщательной, кропотливой обработки полей.

Я поражался жизни и труду, которые скрывались за этой красотой. В старое время крестьяне и их семьи работали от восхода до заката, а часто и по ночам, а получали от своей матери-земли так мало, что с трудом могли поддержать существование своей семьи. Крестьяне были не в состоянии защитить свое поле от вредителей, засухи, наводнений. Однако эти бедствия причиняли им меньше несчастий, чем присосавшиеся к ним пиявки в человеческом обличии: чиновники, феодальные землевладельцы, ростовщики и больше всего — иностранные эксплуататоры, из года в год извлекавшие из их труда неслыханные богатства. На арендную плату уходило 50 процентов урожая, а иногда и больше. 25 процентов забирали ростовщики. Никому не было дела до того, что миллионы людей умирали от голода.

Мы отправились посмотреть, как живется людям после земельной реформы, проведенной незадолго до этого среди тридцати миллионов крестьян провинции Хубэй. В центре провинции — Баодине — мы встретились с руководящими работниками и услышали о первых предпринятых ими шагах: земля предоставлена всем в соответствии с потребностями семьи; помещикам и богатым крестьянам оставлено достаточно земли, чтобы прожить, при условии, если они согласятся работать на ней; бригады взаимопомощи и первые сельскохозяйственные кооперативы; деревянные плуги и другие примитивные орудия начали заменять более совершенными.

В деревне Яньчуан нас встретили традиционной музыкой в исполнении деревенского оркестра и грациозными танцами. Деревня пострадала от японской оккупации. В течение многих лет ее жители вели борьбу с оккупантами. Бывшие партизаны показали нам инсценировку боя, и только тогда мы увидели, что́ за крепость была здесь создана. Под деревней и окружающими полями на много миль были прокопаны туннели, входы и выходы в которые были хитро замаскированы. Инсценировка была очень похожа на настоящий бой. Она включала в себя взрыв подземной мины на перекрестке дорог посреди деревни, сопровождаемый ружейной стрельбой из домов.

Нас провели в пустую комнату одного из домов, из которого, как мы видели, производилась стрельба, и попросили найти снайпера. Мы тщательно осмотрели голые стены, но ничего не нашли.

Тогда наши хозяева открыли настежь часть стены, оказавшейся дверью, за которой стоял партизан с винтовкой. Это был один из выходов в подобное кроличьим садкам подземелье, где скрывалось население деревни.

После того как некоторые из нас побывали в туннелях, мы вернулись пообедать под большой шатер с клеймом «U. S. A.», и под тенью этого предмета невольной американской помощи мы провели памятный вечер, беседуя с крестьянами.

Мне думается, что в тот день, слушая трогавшие своей бесхитростной простотой рассказы крестьян о старых и новых днях, все мы внезапно осознали полный смысл слова «освобождение». Суровый мужчина, руководитель крестьянской ассоциации, рассказал нам:

«Я почти постоянно работал на помещика, но десять месяцев в году я оставался нищим. А теперь у меня есть земля. У матери тоже есть земля, она больше не нищая. В прошлом году мы собрали хороший урожай. Я и еще один крестьянин купили вдвоем осла. В этом году, кажется, тоже будет большой урожай, и тогда я выкуплю своего осла. Никогда раньше я не думал о том, что смогу жениться. А теперь у меня есть жена, и я живу счастливо. Скоро я надеюсь получить больше земли».

По лицам крестьян пробежала улыбка. В соответствии с реформой каждый ребенок получает свою долю земли.

В палатку, ковыляя, вошла старая женщина с перебинтованными ногами. Ей было за шестьдесят. Она всю жизнь прожила в деревне. В моем дневнике сохранилась запись ее рассказа.

«Голод и тяжелый труд,— рассказывала она,— убили моего мужа, когда он был совсем молодой. После его смерти осталось пятеро детей. Трое из них умерли от туберкулеза, вызванного голодом. Осталось двое мальчиков. Оба примкнули к деревенским партизанам. Когда прогнали японцев, оба они вступили в Освободительную армию. Один был убит в боях против армии изменника Чан Кай-ши. После освобождения Мао Цзэ-дун написал мне и спросил, хочу ли я, чтобы моего сына послали домой помогать мне. Я ответила: «Он должен оставаться в армии,

пока нашей стране угрожают американские империалисты. Мы должны изгнать американцев из Кореи». Мне дали землю. Сыну также выделили участок. Теперь я уже не могу много работать. Но все же понемногу работаю. Благодаря взаимной помощи я живу очень хорошо. Теперь я счастлива. Вот что мне дал председатель Мао. Да здравствует Мао Цзэ-дун!»

Мы уже собирались уезжать, когда к одной из наших женщин подошел, опираясь на палку, пожилой крестьянин и, протягивая небольшую корзинку с яйцами, сказал: «Всю свою жизнь я разводил кур. Но до освобождения я никогда не ел куриного мяса и яиц. Я продавал их и покупал другие вещи. Теперь у меня еще больше кур и яиц. И теперь я могу их есть. У меня их много. Поэтому я прошу принять от меня в подарок десяток яиц...»

Так мы уехали из деревни-крепости, очень близко познакомившись с новым, свободным Китаем. И сегодня, когда я читаю, что американские государственные деятели воспевают капиталистический «свободный» мир и даже хвастаются своими планами «освободить» коммунистические страны, я вспоминаю Яньчуан. И мне хочется сказать г-ну Эйзенхауэру: освобождение? Вы не знаете, что означает это слово. Вам следовало бы говорить, г-н президент, о земле, хлебе, мирном повседневном труде, чтобы иметь право употреблять это священное слово.

Мое пребывание в Шанхае вызвало в памяти многие картины прошлого и наполнило меня чувством огромного счастья, которое лишь иногда сменялось мрачными воспоминаниями о тяжелом прошлом. Нас разместили в «Шанхайском особняке», роскошном доме, в котором раньше проживали главным образом иноземные хозяева Китая. Тогда он был известен под названием «Бродвейского особняка». Из своей комнаты на четырнадцатом этаже я видел знакомую картину: бухту Сучжоу с медленно движущимися тяжело нагруженными лодками, которые плыли сюда по желтым водам Вампу, направляемые тяжелыми веслами, висящими на корме; за заливом приземистая резиденция английского генерального консула с аккуратно подстриженными газонами; за садовым мостом парк, куда когда-то не пускали китайцев и собак. Почти ничего не изменилось, и в то же время — огромные изменения. Над Вампу больше не нависали, пугая жителей, орудия иностранных военных кораблей.

Глядя вдоль набережной, я заметил, что монумента, стоявшего на границе между французской концессией и международным сеттльментом, больше не было. Осталось только основание его. Кончился раздел страны, ушла в прошлое длинная ночь империалистического господства.

Во всем городе я видел всего лишь двух нищих. Это была одна старческая чета. Они провели всю свою жизнь в попрошайничестве, и ничто не могло изменить их. Остальные же нищие, как мне сообщили китайские друзья, тысячами возвращались в деревни, чтобы воспользоваться благами земельной реформы. Другие были заняты на общественных работах, на чистке залива от ила и мусора, который скапливался там десятилетиями. Многие отправлялись работать на огромные национальные стройки осушительных и ирригационных сооружений, чтобы навсегда предотвратить губительные наводнения, которые в течение столетий приносили смерть миллионам людей. Впервые в истории Китая человеческая жизнь была поставлена на первый план.

Мы посетили швейную фабрику «Сун Син» № 2, где незадолго до освобождения города произошла забастовка. Забастовщики закрыли перед войсками Чан Кай-ши железные ворота фабрики. Против забастовщиков были брошены танки, присланные из Америки. Было убито много рабочих. Многие были арестованы и бесследно исчезли в чанкайшистских застенках. Маленькая девочка указала нам на груду деталей от машин. Она показала, как солдаты вытащили из-за этой груды прятавшегося там рабочего и на месте расстреляли его. Затем она сказала: «Но все это прошло».

Мы побывали в прекрасном Дворце труда. Здесь имеется картинная галерея, часть которой повествует о прошлой борьбе. На стенах висели многочисленные фотографии товарищей, казненных или погибших в боях. Это было печальным напоминанием. Я работал с некоторыми из них, в том числе и с одним из моих лучших друзей — Су Чжао-ченом, который в 1922 году вел моряков к победе. Там также висел портрет товарища Цюй Цю-бо, которого я хорошо знал. Его вдова Ян Цзы-хуа подарила мне книгу, которую написал ее муж. Она рассказала мне, как мужественно он выносил пытки и смело шел на казнь.

В те давно прошедшие дни я ни на минуту не сомневался в успешном исходе китайской борьбы. Но, конечно,

я никогда не мог и мечтать о том, что в 1951 году мне придется выступить перед двумя тысячами китайских друзей в зале, которым когда-то пользовались обитатели международного сеттльмента для проведения ежегодных собраний. Митинг проводил Совет профсоюзов Шанхая, который теперь размещался в здании бывшего Центрального банка Китая. Председатель совета Лю Чан-шен сказал, что аудитория знает кое-что о моей работе в пользу международной солидарности с Китаем, которую я вел более двадцати лет назад.

Меня попросили что-нибудь сказать. Я поднялся. Какой прием! Я был глубоко тронут этим доказательством высокой оценки нашей работы в прошлом, был тронут тем, что идея международного братства в борьбе против угнетения вызывает такую бурную реакцию. Сначала мне было трудно говорить, но митинг подбодрил меня. Я сказал несколько слов о прошлой борьбе, поделился своими воспоминаниями о Чжоу Энь-лае, Сянь Ине, Ли Ли-сане и других, с кем я работал в Шанхае, о безграничной преданности старших товарищей, чья жизнь целиком и без колебаний была отдана на службу народу. Как свой человек, я взял на себя смелость напомнить слушателям о том, что свободу можно обеспечить только путем постоянной бдительности. «Враги,— сказал я,— не сложили оружие. Они еще имеются в Шанхае, и их нужно выкорчевывать». Это подняло аудиторию на ноги. Они провозглашали лозунги, поднимая вверх правую руку. Когда я покидал зал, ко мне протягивались руки для рукопожатия. Их было очень много, и я не мог пожать их все.

Я никогда не забуду еще один митинг. Митинг, который показал, что борьба еще не окончена. Он проходил в Пекине. Пять тысяч человек собрались для того, чтобы послушать тех, кто пережил безжалостную бомбардировку Андуня американскими самолетами, базировавшимися в Южной Корее. Машинист паровоза, протягивая вперед культяпку оторванной руки, рассказывал, как американские самолеты пикировали и обстреливали из пулемета его паровоз. Девочка-подросток потеряла родителей. Когда она, почти убитая горем, излагала свой рассказ, ее поддерживали женщины. Было ужасно больно быть свидетелем ее горя. Одна женщина рассказывала, как прямое попадание бомбы разрушило ее дом, убило мужа и единственного ребенка. Пожилая седая женщина

рассказывала, как они с мужем обосновались на участке земли, как их участок был значительно увеличен после аграрной реформы, и впервые за свою жизнь они узнали счастье. «А потом пришли американцы, разрушили дом и убили мужа».

Она остановилась, будучи не в состоянии продолжать. Затем снова заговорила. Ее голос становился все яснее. Я помню, как она, ударяя ладонью по столу, говорила: «Я буду драться до конца своей жизни, пока не прогонят последнего американца и не кончится агрессия против Китая».

Нет, смертоносная рука старых хозяев Китая еще не лишилась своей силы. И теперь еще чанкайшистские бандиты, нашедшие свое последнее убежище под защитой американского флота, неустанно плетут интриги, стремясь снова вернуть под свое господство освобожденный народ. Теперь в своей последней попытке осуществить свои безумные мечты они рассчитывают на атомную войну, на водородную бомбу. И это рискованное предприятие, на которое в предсмертной агонии идет империализм, касается всего человечества. Вот почему как никогда возрастает ответственность международного рабочего движения.

Уже в 1951 году в Китае повсюду ощущалась животворная энергия миллионов свободных, занятых трудом людей. Сила простого человека, освободившегося для труда, строительства, созидания, не поддается никаким подсчетам. Но, с другой стороны, возрастает и безумство врагов освобождения трудящихся, поскольку уходящие в прошлое силы зла чувствуют, что они находятся в тисках неумолимого будущего.

Я был потрясен на всю жизнь, когда мы посетили «дом материнской любви», детский дом в Нанкине, основанный сыном Чан Кай-ши. После бегства Чан Кай-ши и его негодяев этот дом был оставлен на попечение католиков. Здесь погибло много малолетних детей. Поблизости была найдена огромная общая могила, в которой лежало множество детских трупиков, завернутых в газеты. Служащий дома рассказал нам, что он спрашивал у монахинь, почему дети не имели надлежащего ухода. Монахини ответили ему: «А что было бы, если бы они остались в живых и стали коммунистами?» Служащий, который был искренне верующим, в течение шести месяцев скрывал это, прежде чем сообщить властям.

По мере того как постепенно развертывалась эта страшная история, я следил за выражением лица члена нашей делегации Артура Клегга. Каждый раз, когда я бросал взор на него, наши взгляды встречались. «Неужели это возможно?» — читал я вопрос в его взгляде. Я уверен, что у меня было такое же выражение.

Но это была правда. За границей существует безумие, и оно охватывает даже многих относительно добросердечных людей. Однажды оно уже вырвалось на волю и кончилось Бельзеном, Бухенвальдом, Аушвицем. Теперь Черчилль говорит миллионам живущих, что им лучше умереть, чем жить при другом общественном строе.

Но слишком уж много хочет г-н Черчилль, требуя от людей, чтобы они следовали ему. Что представляет собой тот смертный грех, в котором обвиняют коммунистов? Что ужасного в том, что коммунисты завоевывают руководящее положение? Какие имеются основания и причины для самоубийственных рецептов, которые так легко выдаются в наше время невежественным людям?

Что из виденного мною, более того, что из когда-либо виденного любым журналистом — пусть даже самым нечестным проповедником холодной войны — оправдывает это ужасное предложение? В Китае я видел поющих и веселящихся детей. Я видел фабрики, где прежде люди умирали прямо во время работы и где теперь имеются свои клиники с врачами и медицинскими сестрами. Я видел, что мои старые товарищи, которые всегда стремились лишь к одному — уничтожить голод и несправедливость,— все еще заняты этой работой, правда, в более благоприятных условиях. Я встречался с горняками Хуайнаня, и они рассказывали, что хотят стать грамотными и уже выучили 400 иероглифов. Я видел, как в городах праздновали Международный день защиты детей, как там заботятся о своих малышах, видел автомашины, везущие за город счастливых и радостных юных граждан. И это в стране, где раньше жизнь или смерть ребенка зависели от явных случайностей среди общего безразличия к его судьбе. Я видел, как члены крестьянских кооперативов на практике изучали принципы англичанина Роберта Оуэна и рочдельских пионеров.

Наша делегация встретилась с товарищем Лю Шао-ци, который помнил меня по работе в Ханькоу. Он изменился настолько, что я не мог его узнать. Мы вспомнили Тома

Манна и его поездку в Китай в 1927 году, когда он был, по словам Лю, «вдохновляющим примером для наших людей». Я чувствовал себя как дома среди родных, как и ты, дорогой читатель с английской шахты, завода или фабрики, чувствовал бы себя как дома среди подобных тебе, если бы ты был в нашей партии. Я чувствовал, что моя жизнь прошла с пользой, что чувствовал бы и ты, когда Лю сказал следующие слова: «Товарищ Харди приехал к нам в 1927 году и очень помог нам. Он работал тайно. Но если бы его поймали, то он был бы убит. Теперь он приехал в Китай при других обстоятельствах».

Вот что я видел и чувствовал, и я говорю еще раз: борьба была хорошей и нужной, и благодаря нашим совместным усилиям родилась новая жизнь. Коммунизм — будущее человечества.

И все же существуют еще люди, которые говорят, что дело, над которым работают коммунисты, носит такой характер, что... лучше умереть. Это — безумие.

Моя жизнь прошла в боях, больших и малых. Семь недель, проведенных в Китае, были похожи на путешествие через высокогорную страну, вершину исторического прогресса, с которой были видны прошедшие годы бурь, борьбы и тяжелых сражений, часто проигранных, а впереди, в перспективе — великое будущее человека. Моя память лихорадочно работала, когда я думал о прошлом, о работе на пристанях и в доках Беверли, о годах странствий по свету в поисках работы и о впечатлениях, которые я могу считать правдивыми, о Чикаго, о гнусных хозяевах Америки, о голодных днях и ночах, о митингах на перекрестках улиц в послевоенной Англии, о погибшем сыне, о войне, которую он хотел предотвратить, жертвуя собой.

Прошло четыре с половиной года после этой явившейся для меня наградой поездки к китайским братьям на рассвете яркого утра их освобождения. Это были годы, когда быстро собирались грозовые тучи новой войны и нового безумия; но это были и годы, когда солнце нашей силы и наших прав высоко поднялось и ярко засияло, и теперь оно заливает своим сияньем весь мир и с каждым годом распространяет свое тепло на новые миллионы людей, которые прежде не знали ни тепла, ни надежды.

В Англии это были годы тяжелой борьбы, и я горжусь, что внес свою долю в эту борьбу. Наши враги, у которых успехи рабочего движения вызывают все больший страх,

низвергают на нас целые потоки всевозможной лжи и клеветы. Мы продолжаем подрубать «главный корень прибылей» — и нас обвиняют в том, что мы хотим покончить с цивилизацией. Мы призываем к запрещению ядерного оружия, всеобщему разоружению, к переговорам между великими державами — и нас обвиняют в подготовке агрессии. Мы развертываем борьбу за международное единство рабочего класса — и на нас нападают, как на «агентов Москвы». Мы стремимся к миру, а наши противники пытаются возложить на нас ответственность за свои военные приготовления. На нас, граждан и патриотов, не боящихся никаких обвинений, налагались и налагаются запреты и ограничения.

Но всеми этими неправдами не спасти общество, основанное на несправедливости; та же самая ложь всегда в том или ином виде использовалась против рабочих, с тех пор как они заявили о своих правах на полагающееся им место в обществе. Но она не смогла помешать тем огромным изменениям, которые произошли в мире с того дня, почти полвека назад, когда я, юноша из Вудмэнзи, отправился искать работы и счастья.

ГЛАВА ШЕСТАЯ*

ВЕЛИКОЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЕ

Вниз по Темзе. Педикэбы и велосипеды. Всекитайское собрание народных представителей. Павшие герои. Государственный бюджет. Новые рекорды. Завод Ши Синь. Завтрак с капиталистом. Деревня Хопин («деревня мира»). Кролики и дойные коровы. Сталь и уголь. «Рост в борьбе». Мученики и памятники. Мост через реку Янцзы. Лодочники на реке Сицзян. Речные жители. Суды и тюрьмы. Прибыли и религия. Детская железная дорога.

В мае 1956 года я снова — на этот раз вместе со своей женой Дороти — выехал в Китай. Первую часть пути мы проделали на советском теплоходе «Молотов». В тот момент, когда судно снималось с якоря, на борту царила суматоха. Пассажиры искали наиболее удобных мест, чтобы перекинуться последними словами с друзьями и родственниками, пришедшими их проводить. «Молотов» медленно отошел от пристани, направляемый мощными буксирами, шедшими у носа и у кормы, и вошел в шлюзы. Серые облака низко нависли над нами, когда пароход спускался по Темзе, окаймленной по обоим берегам фабриками, газовыми заводами, электростанциями, доками — одними из самых больших доков в мире, где стояли суда множества стран. Некоторые суда стояли на якоре на реке. Среди них — большой японский грузовой пароход, напоминавший об экономическом восстановлении Японии и об ее проникновении на английский рынок, против чего уже протестуют текстильные фабриканты Ланкашира и Йоркшира, жалуясь на «несправедливую конкуренцию».

В тени заводов и товарных складов виднелись ряды жалких и старых жилых домов, где обитали многие поко-

* Настоящая глава написана автором дополнительно осенью 1956 года для русского издания данной книги.

ления рабочих семей. Дома служили грустным напоминанием об ужасающих условиях, в которых жили бедняки, помогавшие богатым эксплуататорам наживать барыши и содействовавшие тому, чтобы Англия стала «великой». Вся эта картина отражала две крайности, существующие в английском обществе, которое мы оставляли позади, начав свое путешествие в Ленинград — колыбель социалистического общества и цитадель Ленина.

Мы пробыли несколько дней в Ленинграде и в Москве. Здесь мы видели успехи, достигнутые во многих областях, и познакомились с различными культурными достопримечательностями и в том числе посетили дом, где жил Чехов. Затем мы сели в поезд, отправлявшийся в Пекин.

Я уже четыре раза совершал этот путь в Китай. Из окон вагона открывается вид на обширные лесные массивы, где сосны растут бок о бок с серебристой березой, леса чередуются с просторами коллективно обрабатываемой пахотной земли и пастбищами, где пасутся стада. Расстилавшийся перед нашими взорами пейзаж был очень красив и слегка напоминал виденный мною во время моих многочисленных поездок по Канаде. Такова примерно картина до озера Байкал. Здесь поезд, минуя необычайной красоты горные виды, идет мимо прозрачных вод озера.

За время, прошедшее после моего последнего путешествия по Сибирской железной дороге, здесь проложили второй путь, который наряду с часто встречающимися огромными сортировочными станциями сильно облегчает колоссальное движение товарных поездов, идущих на восток и на запад с грузами леса, сельскохозяйственного оборудования, нефти, кокса, угля, чугуна в чушках, стальных рельс и других изделий из стали, необходимых для строительства и расширения социалистического народного хозяйства. Огромные мощные паровозы, тепловозы и электровозы с составами мчались вперед, чтобы обеспечить всем необходимым многочисленные новые предприятия и строительные площадки, расположенные вдоль этого пути, а также помочь освоению целинных земель. Я был восхищен тем, что открывалось моему взору, и невольно думал о прежних, необходимых жертвах, принесенных ради того, чтобы заложить основы непобедимого социалистического государства. Насколько другим был бы мир, в котором мы

живем, если бы русские не пошли на эти жертвы! Какие положительные результаты принесли первые блестящие успехи! Эти результаты отражает помощь, предоставляемая Китаю, и то, как китайцы используют ценный опыт Советского Союза.

После долгого и чрезвычайно интересного путешествия мы сошли с поезда в Пекине. Нас встретила группа китайских и английских друзей. Это были большей частью старые друзья. Улыбающаяся детвора придавала особую теплоту нашей встрече. Дети уверенно вышли вперед с букетами чудесных цветов, которые в Китае принято преподносить всем дружественным гостям по приезде в страну. Прошло пять лет с тех пор, как я последний раз был в Китае.

Я внимательно следил за успехами Китая на пути к социализму. Но в политическом плане пять лет — очень короткий срок. Я приготовился к большим переменам, но чем больше я видел, тем больше поражался преобразованиям, которым подверглись все области жизни. Это было поразительным доказательством того, чего может достигнуть мужественный, трудолюбивый народ, ранее угнетенный, когда он станет хозяином своей судьбы.

Выйдя с вокзала в Пекине, я сразу почувствовал огромную перемену. Внутри вокзала и на улице было необычайно людно. У всех людей был тот же уверенный вид, который поразил меня в 1951 году. Жители Пекина были одеты гораздо лучше, чем я ожидал. По пути к недавно отстроенной гостинице я был поражен увеличившимся уличным движением. Изрядное число автомобилей сновало между запряженными экипажами и телегами. Средства транспорта стали более современными. Автобусы заметно вытеснили педикэбы, которые казались старыми и потрепанными. Многие педикэбы были нагружены различными товарами — отрадный признак того, что они выходят из употребления как средство пассажирского транспорта. Я заметил еще на вокзале, что одежда женщин стала более разнообразной. Вместо традиционного черного и темно-синего цвета появились яркие краски.

Особенно большое впечатление произвело на меня обилие велосипедов. Позднее, когда я увидел массу рабочих, едущих на велосипедах на работу или с работы, я был просто поражен. Ту же картину я наблюдал и в других городах. Во время поездок по железной дороге я видел из

окон поезда крестьян на велосипедах, подпрыгивавших на ухабах дорог, проложенных параллельно железнодорожным путям. Во время моих предыдущих поездок в Китай такую картину нельзя было себе даже представить.

Я был приятно удивлен и сказал об этом своему китайскому другу. Еще более меня удивили его слова. Он сказал, что велосипеды раскупают, как только они появляются на рынке. Во время одного из частых посещений большого нового универсального магазина я увидел большую партию велосипедов. Через несколько дней они были почти все распроданы. Я ясно видел, что по мере дальнейшего повышения жизненного уровня все больше и больше китайцев начнет передвигаться на колесах. Чудесная перспектива! Причем не только для китайцев, ибо, как мне рассказывали, они предпочитают велосипеды английских марок, хотя цены на них чрезмерно высоки и для многих недоступны.

Первый день после приезда мы много отдыхали, занимаясь главным образом осмотром Пекина. «Что бы вы хотели посмотреть?» — спрашивали нас наши китайские друзья точно так же, как они это делали в 1951 году. Помня о рабских условиях труда и страданиях, которые я видел в прошлом, я выразил желание посетить заводы, которые я хорошо знал, чтобы иметь возможность судить о совершившихся переменах. Я высказал желание поближе познакомиться с сельскохозяйственными кооперативами, а также с кустарным производством и торговлей. Мне также хотелось получить сведения о судебных и тюремных реформах, успехах в области просвещения, социального обеспечения рабочих, о положении религии и о других особенностях политического, промышленного и социального развития. Больше всего мне хотелось посетить северо-восточную часть Китая — центр тяжелой промышленности. Все мои желания были полностью удовлетворены. Это еще раз разоблачало ложь о «хорошо подготовленных поездках, специально организуемых для иностранных делегатов», которую усиленно распространяют, чтобы удержать людей от посещения Китая и свести на нет восторженные отчеты вернувшихся делегаций. Эти лживые утверждения вызваны боязнью растущего влияния Китая и Советского Союза в международных делах.

Мы с женой два часа катались на автомобиле по Пекину. Мое первое впечатление подтвердилось — передо мной был неузнаваемо изменившийся город. Давно живущие здесь английские товарищи были совершенно правы, называя его «новый Пекин». Это был поистине новый Пекин. Я никогда не видел такого огромного строительства. На много миль тянулись кварталы жилых домов для рабочих, заводы, больницы, кинотеатры, театры, магазины, государственные учреждения.

Вскоре после нашего приезда открылась третья сессия Всекитайского собрания народных представителей. Мы с Дороти получили приглашение присутствовать в качестве гостей. Когда мы вошли в великолепный зал, депутаты уже заняли свои места. Зал был переполнен. Открывавшаяся моему взору картина казалась мне поистине чудесной. Это была как бы претворившаяся в действительность мечта, ибо во времена моих прежних поездок в Пекин трудно было себе представить, что я когда-нибудь буду присутствовать на заседании парламента освобожденного Китая. Это было памятное событие; оно казалось мне все более чудесным по мере того, как я изучал огромную аудиторию — все присутствующие были избранными демократическим путем представителями своих районов, и в том числе таких отдаленных районов национальных меньшинств, как Тибет.

Собрание народных представителей состоит главным образом из сравнительно молодых людей. Пожилые составляют здесь меньшинство. Это бородатые и умудренные опытом люди, несомненно, ставшие на сторону социализма, что является доказательством мудрой и искусной политики Коммунистической партии Китая — политики, при помощи которой удалось добиться национального единства. На сессии присутствовало довольно много делегатов-женщин. Представители национальных меньшинств бросались в глаза своими яркими национальными одеждами.

Эта картина невольно напомнила мне прошлое: битвы, которые непрерывно велись многими поколениями в городах, в горах и на равнинах по всему Китаю.

Я думал о долгих походах и огромных жертвах, принесенных этими мужественными бойцами — мужчинами и женщинами — и шедшими вместе с ними партизанами, чтобы обеспечить стратегическое преимущество, реорга-

низовать и сплотить силы для дальнейшей борьбы, до полной победы над всеми внешними и внутренними врагами. Эта задача еще должна быть завершена путем воссоединения острова Тайвань с народным Китаем.

Сидя среди почетных гостей, дипломатов и делегатов от многих стран, я снова представил себе нищих, которых видел в канун Нового года в Шанхае; голод, избиения, забастовки, аресты, пытки, расстрелы и произвол палачей Чан Кай-ши. Сколько было пролито крови ни в чем не повинных людей, поднимавших голос протеста и требовавших пищи, демократии и свободы. Отважные герои!

Я думал обо всем этом в тот момент, когда председатель Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей Лю Шао-ци занял свое место и объявил третью сессию Собрания открытой, а оркестр исполнил национальный гимн. В президиуме сидели многие выдающиеся деятели — Мао Цзэ-дун, Чжоу Энь-лай, Чжу Дэ, Сун Цин-лин и многие другие. Кристально ясно было одно: *мир был очень многим обязан Коммунистической партии Китая и ее марксистско-ленинскому руководству*. Зная о том пути борьбы, который был пройден многими из этих деятелей, я думал, как им посчастливилось, что они находятся на трибуне. Это заставило меня вспомнить о других.

Погибшие герои! Такие товарищи, как Цюй Цю-бо, которого я хорошо знал. Они принесли высшую жертву. Не боясь последствий, они отважно боролись до конца. Смело и без сожалений бросили они вызов своим палачам — Китай будет освобожден! Мысль о вкладе, который они внесли в борьбу, делала их как бы живыми участниками Собрания народных представителей.

Предварительные вопросы были утверждены быстро и единогласно. Я выслушал доклад о государственном бюджете, который сделал заместитель премьера Государственного совета министр финансов Ли Сянь-нянь. Доклад, который переводила госпожа Чень Фень, явился для меня настоящим откровением. Министр финансов приводил астрономические цифры, свидетельствующие о достигнутых успехах. В целом планы были выполнены, а многие даже перевыполнены. По некоторым отраслям к концу 1956 года будут выполнены задания, предусмотрен-

ные на 1957 год. Таким образом, первый пятилетний план будет выполнен на год раньше срока. В докладе были отмечены некоторые недостатки — табачная, сахарная и хлопчатобумажная отрасли промышленности не полностью выполнили план.

Достигнуты огромные успехи в области обеспечения людей новыми жилищами — проблема, которую, как я убедился, правительство старается разрешить по-настоящему в общенациональном масштабе, проявляя большое умение и воображение. Уже построено около 30 миллионов квадратных метров жилой площади. Я невольно подумал о жилищной политике английского консервативного правительства. Во всех городах Англии многие семьи лишены своего очага и ютятся в перенаселенных комнатах, за которые платят непомерно дорого, или живут в нездоровых условиях в трущобах, все еще существующих по всей стране, а правительство умышленно задерживает строительство жилых домов, сокращая субсидии и повышая проценты по займам на жилищное строительство, создает увеличение спроса на квартиры, обогащая таким образом бессовестных и алчных домовладельцев, повышающих квартирную плату.

Государственный бюджет Китая предусматривает огромные достижения в области здравоохранения и просвещения на всех ступенях. Мне сообщили, что через семь лет неграмотность населения будет полностью ликвидирована. В 1951 году нашу делегацию предупреждали, что мы должны соблюдать некоторые меры предосторожности, чтобы уберечь себя от серьезных инфекционных заболеваний. Как-то в поезде одна добрая крестьянка предложила мне сладкий пирог. Я из вежливости взял его, но китаец-переводчик предупредил меня, чтобы я его не ел. В 1956 году нам таких советов уже не давали. Мы с аппетитом ели в гостях у пожилых крестьян. Энергичная борьба в области санитарии, здравоохранения и гигиены сделала такие советы ненужными.

Доклад о государственном бюджете содержал также критику и самокритику. Ли Сянь-нянь сказал, что наблюдались некоторые консервативные тенденции — недооценка желания крестьянских семей вступать в сельскохозяйственные кооперативы. Когда это желание стало очевидным, некоторые руководители вместо того, чтобы внести соответствующие изменения в планы кооперирования,

сделали как раз обратное. Одни из них отговаривали крестьян вступать в кооперативы, предпочитая безупречную организацию быстроте. Другие, забывая основную причину желания крестьян вступать в кооперативы, состоящую главным образом в их стремлении повысить свой жизненный уровень, тратили слишком большую долю доходов сельского хозяйства на технику и другие усовершенствования, оставляя недостаточно средств для личного дохода. Эти ошибки были вызваны, с одной стороны, политической незрелостью, а с другой — энтузиазмом. Они исправлялись.

Заводская администрация и профсоюзы уделяли недостаточно внимания условиям труда и благосостоянию рабочих. Это также надо было исправить. Представленный в июне бюджет предусматривал повышение средней заработной платы на 14,5 процента. Многие отрасли промышленности получили заниженные задания. Необходимо дальнейшее развитие легкой промышленности для удовлетворения растущего спроса на товары широкого потребления в соответствии с увеличившейся покупательной способностью, но без какого-либо отклонения от политики быстрого развития тяжелой промышленности. Внимательное изучение отчетов сессии говорит о поразительном росте объема промышленной продукции. Валовая стоимость продукции, выраженная в ценах 1955 года, увеличилась на 65,6 процента по сравнению с 1952 годом.

Один из президентов США однажды заявил: «Управление народом, осуществляемое народом в интересах народа». Он был убит, ибо такая теория при капитализме не может быть проведена в жизнь. Но в Китайской Народной Республике она теперь стала реальной действительностью и отражена в каждой фразе государственного бюджета.

Перед моим отъездом в Китай английский министр финансов доложил парламенту свой проект бюджета. Что показал этот проект? Министр призывал отказаться от требований повышения заработной платы, которые выдвигались рабочими в связи с дороговизной. Были утверждены мероприятия, предусматривавшие дальнейшее повышение цен и прибылей. Социальное обеспечение подверглось нападкам. Было предусмотрено повышение налогов, чтобы забрать у рабочих заработанные ими деньги

в то время, как мешки с деньгами богачей останутся в неприкосновенности. Налог на покупки предметов домашнего обихода был оставлен в силе. Покупки в рассрочку затруднены по приказу правительства посредством увеличения взноса наличными до 50 процентов. Это вызвало безработицу в мебельной и других отраслях промышленности. Безработные в автомобильной и других отраслях промышленности организовывали демонстрации, требуя удовлетворения своего права на работу. Занятые рабочие объявляли забастовки в поддержку этих требований.

Все эти факты представляют собой резкий контраст с позицией правительства Китайской Народной Республики, которое стоит в отношении налогов на совершенно противоположной точке зрения. Приведу пример. Однажды я несколько часов беседовал с товарищем Чжоу Энь-лаем. От него я узнал, что зерновая проблема в Китае разрешена. Урожай зерна с одного гектара ежегодно увеличивается на 5 процентов при ежегодном приросте населения на 2,5 процента. Это соотношение, сказал Чжоу Энь-лай, сохранится в течение ближайших десяти лет. К тому времени люди начнут есть больше мяса и меньше зерна.

При таком росте производства зерна из года в год налог на зерно, которым облагаются кооперативы, будет пропорционально снижаться. Это было ясно видно из государственного бюджета: по бюджету количество зерна, получаемого в качестве налога, несколько увеличивалось, тогда как его процентное отношение к общему урожаю уменьшалось. Англия затрачивает на войну и военную подготовку 1500 миллионов фунтов стерлингов из средств налогоплательщиков, а расходы Китая на оборону сократились. Налог с зерна используется для улучшения положения в сельских местностях.

«Китай будет потреблять меньше зерна и больше мяса». Я убедился, что это не пустые слова. Это не было хвастливое заявление, специально предназначенное для зарубежных гостей. Председатель исполкома Всекитайской федерации профсоюзов Лай Жо-юй привел цифры, показывающие, каким образом это будет достигнуто. Главные задания пятилетнего плана, сказал он сессии, «будут выполнены на 6—12 месяцев раньше срока». 1956 год, заявил Лай Жо-юй, будет годом

значительно бо́льших успехов. По предварительным цифрам, если сравнить их с цифрами прошлого года, производство зерновых увеличится на 9,1 процента, хлопка — на 18 процентов, а увеличение валовой продукции промышленности достигнет 27,7 процента. Капиталовложения в капитальное строительство возрастут по сравнению с 1955 годом на 68,1 процента. Успехи, заявил он, будут скоро достигнуты и в других областях народного хозяйства, а также в области науки, культуры, просвещения и здравоохранения.

Лай Жо-юй продолжал: выплавка стали в 1955 году достигла 2 850 000 тонн. К 1962 году она должна быть увеличена в пять раз. Желая подчеркнуть эту мысль, он сказал, что если первоначально в первом пятилетнем плане предусматривалось строительство 654 основных промышленных объектов, то впоследствии их число было увеличено и превысило 800.

Все эти планы не относятся к области абстрактных догадок. Они основываются на трудовом энтузиазме, который я видел повсюду. В Шанхае, вызывающем воспоминания об ужасах прошлого, пятьдесят тысяч рабочих уже отличились, установив новые рекорды производительности труда и значительно сократив себестоимость продукции, что получило надлежащее признание. Шанхай не является исключением. В виде награды за достижения общенационального масштаба предусмотрено общее повышение заработной платы, что представляет собой резкий контраст с действиями консервативного правительства и предпринимателей Англии, постоянно призывающих рабочих напрягать все силы, чтобы давать больше продукции, удовлетворяясь меньшей оплатой за труд. Многие реакционные профсоюзные лидеры вторят этим позорным требованиям. Но активность рабочих растет, и они отвечают на это забастовками.

Тщательное планирование в Китае ни в чем не полагается на волю случая. Планы, охватывающие все стороны жизни — социальную, экономическую и политическую,— основываются на конкретно существующем положении. То же самое я всегда наблюдал и в Советском Союзе. Все расчеты исходят из стремления удовлетворить неотложные потребности народа и обеспечить неуклонное повышение его жизненного уровня, безусловно, с должным учетом конечных социалистических целей. Такое

планирование, которое повсюду горячо обсуждается, совершенно изменило мировоззрение людей. Я это наблюдал не только в городах, но и в деревнях от северо-восточных провинций до Кантона на юге страны. Китайцы думают теперь о будущем. Это уже не угнетенный народ. Они не считают себя отсталыми. Китайцы убеждены, что они сумеют овладеть наукой и новой техникой, если Советский Союз окажет им вначале некоторую помощь.

Я убедился, что промышленные рабочие — горячие сторонники социализма. Точно так же относится к социализму интеллигенция, которая впервые полностью занята работой в области исследований, изысканий, техники, агрономии и других отраслях науки. Наибольшие индивидуалисты в Китае — крестьяне, кустари, торговцы, владельцы джонок. Я с интересом и удовольствием прислушивался к их разговорам о том, как они восприняли социалистические принципы. Я познакомился также с одним капиталистом, который думал так же, как все. Это г-н Ху, бывший владелец текстильной фабрики Шин Синь № 9 в Шанхае, превращенной сейчас в смешанное государственно-частное предприятие, находящееся под государственным контролем.

Во время посещения фабрики мы с Дороти выслушали чрезвычайно интересную историю. Г-н Ху, человек явно либеральных настроений, рассказывал нам, как его интересы как капиталиста приходили в столкновение с его отношением к рабочим. Временами ему казалось, что условия труда на его фабрике являлись самыми лучшими в Шанхае. А между тем, продолжал он, оказалось, что «я был неправ». Когда требования рабочих нарушали мои личные интересы, я им противодействовал. Возникали забастовки. «Забастовка, организованная в 1948 году,— продолжал он,— носила политический характер». Гоминьдановцы арестовали всех известных коммунистов; их выпустили на свободу лишь после освобождения Шанхая. Один из руководителей этой забастовки был назначен потом директором текстильной фабрики № 1, что показывает, насколько изменилось положение.

Г-н Ху, не понимая политики Коммунистической партии и, несомненно, перепугавшись, бежал с семьей в Гонконг. По его словам, вначале он отнесся несколько скептически к призыву правительства вернуться на родину,

обращенному к промышленникам и всем остальным китайцам. Обладая гораздо большим здравым смыслом, мужеством и лояльностью, чем бежавшие вместе с ним другие директоры, Ху, наконец, вернулся на родину, вопреки советам своих коллег, оставшихся в Гонконге. Он обратился к представителям правительства, которые гарантировали ему личную безопасность, и вернулся домой в Шанхай, где взял на себя управление своей же фабрикой.

Г-н Ху свободно говорит по-английски. Он два года учился в текстильном институте в Болтоне (Ланкашир). Он рассказал о положении, существовавшем до освобождения. Плохая организация, недостаточное снабжение, чрезмерные налоги и сборы привели к прекращению выплаты дивидендов.

По возвращении Ху убедился, что положение совершенно изменилось. На фабрике были созданы ячейки профсоюза и Коммунистической партии, находившиеся под защитой государства. Было организовано демократическое управление. Коллективный договор гарантировал заработную плату и условия труда. Был введен восьмичасовой рабочий день. Ассигновывались средства на улучшение культурно-бытовых условий. Рабочие под руководством Коммунистической партии — на фабрике было восемьсот коммунистов — помогли улучшить организацию труда. Они стали совершенно иначе относиться к производству. Рабочие сейчас стремятся содействовать развитию народного хозяйства, зная, что это приведет к повышению жизненного уровня всего народа. Начали выплачивать дивиденды, возросшие в 1954 году до 4 процентов.

У английской делегации, посетившей Китай в 1951 году, сложилось не совсем ясное представление о методах достижения социалистических преобразований. Мы были вынуждены ограничиться предположениями, поскольку этот вопрос не обсуждался. Дальнейший путь оставался неясен. Политика правительства, как нам тогда сказали, предусматривала предоставление кредитов для расширения рентабельных предприятий и повышения общего жизненного уровня. Прекрасная идея! Трудно представить себе что-либо лучшее. Этот способ не только позволял быстро расширить производство, но и был важным практическим шагом на пути к созданию смешанных государственных и частных предприятий. В 1956 году я с радостью

отметил, что эта форма предприятий твердо укрепилась повсюду, в том числе в коммерции и торговле. Это еще не все. По мере постепенного расширения участия государства во всех отраслях народного хозяйства, как и должно быть, увеличивается национализация, а также контроль народом и для народа. Таково подлинное значение социалистического переустройства, которое обсуждалось и одобрялось всеми, а не одними лишь рабочими. Об этом свидетельствовало наше посещение текстильной фабрики № 9.

В сентябре 1955 года фабрика Шин Синь стала смешанным государственно-частным предприятием. Ху разъяснил преимущества, которые дает такая организация. Сильно возрос трудовой энтузиазм. На 34 процента повысилась производительность труда. Значительно снизилась себестоимость. Неизмеримо улучшилось культурно-бытовое обслуживание трудящихся. Созданы ясли и детские сады на шестьсот детей. Увеличилась также и прибыль. Однако после того, как предприятие стало государственно-частным, выплата дивидендов была прекращена. Вместо этого владелец получал пятипроцентную премию, гарантированную государством.

В Китае не перестаешь удивляться. Ху и его супруга пригласили нас на завтрак. Супруга г-на Ху — очень красивая женщина; ее присутствие придавало благородство и очарование ее прелестному дому. Во время чудесного китайского завтрака я задавал много вопросов. В Китае не принято слишком подробно расспрашивать о личных делах, но наш хозяин жил в Англии, и, поскольку мои вопросы близко касались социалистических перспектив и того, как относятся к ним капиталисты, я надеялся, что он не будет против них возражать.

В связи с быстро меняющимся положением я спросил: «Как вы представляете себе будущее?» Последовал бесподобный ответ: «Мне нечего бояться. Я получаю 5 процентов (от капиталовложений). Мне платят соответствующий оклад, как директору-распорядителю. У меня есть собственный автомобиль. Мой дом в безопасности». При нашем разговоре присутствовали дети, и я спросил: «Как вы представляете себе будущее ваших детей?» Он ответил просто. «Дети,— сказал он,— посещают среднюю школу и им предоставляются такие же возможности стать полезными китайскими гражданами, как всем остальным».

«Как вы представляете себе будущее Китая?» — спросил я. Он ответил без всяких колебаний: «Существует лишь одна перспектива — социализм». Последний вопрос задала Дороти: «Считаете ли вы, что проценты будут выплачиваться вам вечно?» Он ответил: «Нет». Вряд ли можно допустить возможность такого ответа от владельца фабрики, подумал я, на моей родине.

Зная, что политика Коммунистической партии сумела за последние годы сплотить китайский народ, я хотел ознакомиться с политическими убеждениями г-на Ху. Мне было сказано, что он принадлежит к руководящим деятелям Демократической ассоциации национальной реконструкции и является депутатом Народного собрания Шанхая.

Ху рассказал также, что он и его жена посещают политическую школу.

По возвращении в Пекин я спросил, много ли в Китае таких капиталистов. Мне ответили, что у очень многих мировоззрение полностью изменилось. Бывшие хозяева ведут сейчас необходимую и полезную работу, многие занимают посты директоров смешанных государственно-частных предприятий. Они перестали быть эксплуататорами трудящихся и стали слугами народа. Независимо от их отношения к социализму некоторые уже его поддерживают — эти люди помогают своим умением и административным талантом социалистическому переустройству страны. Они, несомненно, играют положительную роль.

Не следует забывать, что изменившееся мировоззрение многих из тех людей, которые на первом этапе перехода к социализму продолжают получать нетрудовые доходы, является результатом позитивной политики Коммунистической партии Китая, проводившейся в течение длительного времени.

Благодаря г-на Ху и его семью за их радушное гостеприимство и прощаясь с ними, я думал о том, какие превосходные уроки можно извлечь из ценного опыта, которым он так охотно со мной поделился.

Со времени моего посещения деревни Янь Чан в 1951 году в сельском хозяйстве также произошли огромные перемены. В то время по всей стране были распространены единоличные крестьянские хозяйства, оказывающие друг другу взаимную помощь. В 1956 году, когда 91 процент

крестьянских хозяйств объединились в кооперативы, положение коренным образом изменилось. Две трети крестьянских хозяйств объединены в социалистические кооперативы, в которых на добровольных началах обобществлены земля и орудия производства. Это, подумал я, чрезвычайно отрадная перемена, способствующая росту социалистической собственности и социалистического производства.

Мы отправились в деревню Хопин («деревня мира») в провинции Хубэй и осмотрели кооператив высшего типа. Мы видели коллективный труд крестьян. Приветствовавший нас председатель кооператива очень подробно рассказал нам об истории развития кооператива. Во главе кооператива стоит правление, которое избирается демократическим путем на ежегодном собрании членов кооператива.

Кооператив был организован в 1952 году и сначала объединял всего 18 хозяйств. На первых порах существовало немало недостатков. У кооператива не было организационного опыта. Личный доход не увеличивался. Несколько крестьян вышли из кооператива, на что они имели полное право. Но к кооперативу присоединились другие. Кооператив получил помощь, и доходы стали постепенно увеличиваться. Убедившись, что коллективный труд выгоднее, многие крестьяне, вышедшие из него ранее, снова вступили в кооператив. Другие, все еще предпочитавшие принцип взаимной помощи, остались вне кооперативов. Но в 1954 году они получили всего 150 кэтти на му * против 340 кэтти на му, полученных в результате улучшения методов обработки земли и коллективного труда. Видя такие блестящие результаты, большинство крестьян решило вступить в кооператив. На вопрос о том, как удалось добиться таких результатов, председатель ответил: «Использовав советский опыт и, в частности, гуще засевая землю», что дает возможность лучше использовать посевную площадь.

Во время осмотра кооперативного хозяйства мы видели различное современное сельскохозяйственное оборудование. Мы прошли по полям и осмотрели хлеб на корню. Нам показали лошадей и рогатый скот.

* Кэтти равняется 0,6 килограмма. Му — $^1/_{16}$ гектара.— *Прим. перев.*

Позднее мы посетили высокомеханизированное государственное хозяйство, охватывавшее 28 тысяч му земли. Здесь было прекрасно развито животноводство. Имелось 1300 дойных коров очень высокой продуктивности — лучших я не видел. То же самое можно сказать о необычайно большом числе породистых свиней. Я был поражен, узнав, что в хозяйстве имеется 1000 кроликов, которых разводят ради меха. Коровы содержались в превосходных гигиенических условиях, молочная ферма была оборудована электродоильными машинами. В жаркое время на огромной молочной ферме, которую я осмотрел, конечно, необходимо охлаждение воздуха.

В дополнение к обычным зерновым культурам здесь выращивается также рис, хмель и хлопок. Я никогда не видел такого широкого применения механизации при обработке земли и уборке урожая: уборочные комбайны, машины для сбора хлопка и выкапывания картофеля, а также для срезки и молотьбы кукурузы и т. п. Осмотрев сельскохозяйственные машины, я увидел, что они изготовлены на предприятиях пяти стран, в том числе Японии, Англии и США. Самые большие, как например комбайны и молотилки, привезены из Советского Союза. Многие машины были, конечно, изготовлены в Китае.

Доходы хозяйства непрерывно возрастают. Директор с гордостью заявил, что в 1955 году государственное министерство финансов получило от хозяйства 780 тысяч юаней. Заработная плата, сказал он, «будет повышена на 29,9 процента». В Китае теперь уже имеется 154 таких хозяйства. Какую чудесную перспективу открывают они перед китайским народом.

Я представлял себе прекрасное будущее: изобилие, разнообразие продуктов питания, облегчение труда; увеличение производительности труда по мере замены отсталых методов труда новой техникой при одновременном уменьшении числа занятых рабочих; улучшение жизни в деревне в результате всесторонней модернизации сельских районов. Рабочие руки будут высвобождены для работы в новых отраслях промышленности. Я думал об этом, осматривая государственное хозяйство, созданное на том самом месте, где раньше была гоминьдановская военная база, что подчеркивало мирную атмосферу в сельской местности и мирную политику Китая.

Во время поездки на северо-восток я получил некоторое представление о том, как будет осуществлено переустройство Китая. Подъезжая к Аньшани, я увидел знакомую картину, напоминавшую виденную мной в Европе и Америке. Над местностью навис желтый дым, поднимавшийся из видневшихся вдали домен. Аньшань — один из важнейших центров черной металлургии Китая, являющийся основой растущей тяжелой промышленности, от которой зависит развитие сельского хозяйства и легкой промышленности.

Аньшань был много веков центром железоделательной промышленности, но в нашем веке он был источником сырья для колониальных эксплуататоров. Я видел Аньшань в 20-х годах, еще находившийся под властью японцев, которые оставались здесь до 1945 года, когда Советская Армия нанесла им поражение и изгнала из Китая. Они бросили при отступлении разрушенную промышленность, которая в 1952 году была полностью восстановлена с помощью Советского Союза и сейчас расширяется.

Домны, наполненные японцами расплавленным железом, а затем охлажденные, надо было очистить. «Теперь здесь не будет ничего, кроме гаоляна»,— говорили японцы, думая, что они окончательно разрушили промышленность. Но китайские рабочие с помощью советских инженеров доказали другое. Они не только возобновили производство на старых домнах, но в соответствии с первым пятилетним планом построили несколько новых. Во время моего пребывания в Аньшани там шло строительство девятой домны. Прокатный стан был расширен. Работал на полную мощность оборудованный современной техникой завод цельнотянутых труб.

Производство чугуна в болванках достигло в 1955 году 2 144 000 тонн, стали — 1 225 000 тонн и стальных рельсов — 977 000 тонн. План на 1956 год предусматривал производство 500 тысяч тонн стальных рельсов. Рабочие прокатного стана увеличили план на 40 тысяч тонн. Энтузиазм еще более возрос после посещения завода Чжоу Энь-лаем, и рабочие постановили выпустить 600 тысяч тонн рельсов для быстрейшего расширения сети китайских железных дорог.

Во время осмотра прокатного стана и завода цельнотянутых труб я видел плоды инициативы трудящихся. На

обоих заводах установлен автоматический контроль. Большие болванки выходили из плавильных печей и быстро передавались на огромные прокатные машины. Болванки быстро двигались взад и вперед, превращаясь в железнодорожные рельсы огромной длины. Стан производил 1,5 километра рельсов в час. Громадные циркулярные пилы разрезали рельсы на куски стандартной длины. То, что я видел на этом прокатном стане, в равной степени относится и к производству цельнотянутых труб, необходимых для новой китайской нефтяной промышленности, которая быстро развивается благодаря разведывательным работам китайских геологов на больших территориях в западной части Китая.

Я не претендую на большие знания в области металлургической промышленности. Ближе всего я познакомился с ней, когда полиция фирмы выгнала меня с территории завода «Янгстаун стил энд айрон компани», как я писал выше. Все же на основании всего того, что я видел и слышал, я проникся уверенностью, что завод в Аньшани, оснащенный в основном советским оборудованием и построенный под руководством советских инженеров и техников, не уступает самым современным заводам других стран.

На этом металлургическом заводе вместе с железными рудниками занято около семидесяти тысяч рабочих. Они хорошо вознаграждены за проявленные ими инициативу и энтузиазм. С начала реконструкции в 1949 году средняя заработная плата увеличилась в четыре раза. За новые изобретения рабочие получают премии. 5 процентов от общей суммы заработной платы отчисляются в фонд культурного и бытового обслуживания, который в случае перевыполнения плана увеличивается на 20 процентов.

Поразительные успехи достигнуты в области просвещения и здравоохранения. Имеется санаторий на 800 мест, созданный в прекрасном особняке, построенном убитым японцами военным диктатором Чжан Цзо-лином. Какое удивительное зрелище: множество рабочих — мужчин и женщин — лечатся от различных заболеваний и принимают минеральные ванны. Радиоактивная минеральная вода поступает из вечнокипящих горячих источников. В санатории имеются также грязевые ванны. В Аньшани 25 пунктов здравоохранения, 57 клиник, в больницах и санаториях насчитывается вместе 4074 койки.

Правительство Китайской Народной Республики считает обеспечение населения жилищной площадью одной из своих самых срочных задач. Жилищное строительство ведут муниципалитеты и предприятия, получающие субсидии от государства. Хорошим примером может служить Аньшань: к концу 1955 года здесь было построено 1 387 000 квадратных метров жилищной площади. 60 процентов рабочих металлургической промышленности уже живут в квартирах, предоставленных предприятием. Создан институт по охране труда, а также много других социальных учреждений. Объем книги не позволяет мне остановиться на этом вопросе более подробно, но примерно одну и ту же картину я видел на всех предприятиях, которые мы посетили.

Я видел то же самое на угольных шахтах в Фушуне, где работает шестьдесят тысяч шахтеров, которым до освобождения платили соевым хлебом — 25 килограммов в месяц. Из-за низкого жизненного уровня 72 процента горняков оставались холостыми. До освобождения северо-восточных провинций многие горняки ушли отсюда в освобожденные районы. Они неорганизованно занимались саботажем и уносили с собой части машин. У них было достаточно оснований для ухода с этих шахт. Женщины отказывались выходить замуж за горняков Фушуня не только из-за низкого жизненного уровня. Предприниматели преступно пренебрегали всеми видами техники безопасности, и катастрофы были частым явлением. На угольных шахтах Шенли произошли две катастрофы, во время которых 1399 горняков погибли в воде и огне. В 1932 году на одной шахте в Луфыне произошел взрыв, из-за которого 863 горняка погибли или остались калеками.

После изгнания японцев гоминьдановское правительство почти полностью прекратило добычу угля. Когда гоминьдановские армии были уничтожены или окружены, шахтеры начали возвращаться на шахты. Добыча на шахтах, затопленных и разрушенных пожарами и диверсиями, постепенно возобновилась. Объем добычи увеличивался из года в год. Пропорционально повышалась заработная плата. Государство установило вентиляцию современного типа, подающую в подземные шахты шесть кубических метров свежего воздуха в минуту, и самые усовершенствованные механизмы для устранения угольной пыли. Горняки больше не страдают ужасными заболеваниями, вы-

зываемыми долгими часами работы в воде, жаре и пыли. Женщины уже не боятся выходить замуж за горняков. «Холостых у нас всего 20 процентов»,— сказал директор.

Стариков уже больше не выбрасывают за борт. Для престарелых горняков построен дом. Я испытал большое удовольствие при виде хорошей обстановки, в которой живут в этом доме престарелые горняки. Они играли в шахматы в комнате отдыха или сидели в тени деревьев в саду. Веселые улыбки на их лицах и крепкое пожатие руки при прощании говорили мне, что эти бывшие горняки рады зарубежным друзьям.

Я видел на Северо-Востоке много новых заводов, на которых работают от двух до восемнадцати тысяч рабочих. Они выпускают электроизмерительную аппаратуру, точные приборы, станки всех размеров и грузовики. Я осмотрел большую джутовую фабрику, на которой занято 3900 рабочих, единственную фабрику в Китае, изготовляющую непромокаемую материю и высококачественную ткань из джута местного производства. Эти заводы проектировали, строили и оборудовали с помощью Советского Союза. Фабричные корпуса построены на значительном расстоянии один от другого. Помещения цехов просторные. Много света, хорошая вентиляция. Мне сказали, что рабочим предоставляется спецодежда и даже особое питание там, где это требуется по состоянию здоровья. На фабрике есть установка для устранения пыли.

На автомобильном заводе, где занято восемнадцать тысяч рабочих, я видел специальные раздевалки, столовые и душевые для отдельных цехов. Многие рабочие живут в домах, расположенных рядом с заводом. Между жилыми зданиями посажены деревья и разбиты цветники. Здесь имеется все, что нужно человеку для нормальной жизни: магазины, школы, библиотеки, клубы, ясли, поликлиники и т. п. Я посетил ясли, оборудованные всем необходимым, чтобы дети были здоровы и счастливы. Я побывал в одной из квартир. Там жила Сунь Вен-чань. Квартира состояла из двух больших комнат, кухни, ванной и имела все обычные удобства.

Некоторое представление я получил также об успехах, достигнутых в области производства оборудования для текстильных фабрик. На осмотренной мною текстильной фабрике было 100 тысяч веретен и 2500 ткацких станков

китайского производства. Мне рассказали, что построено несколько таких фабрик и две из них находятся в Пекине.

Моя поездка в Харбин была очень интересной и доставила много удовольствия. Навсегда исчезли отвратительные ночные притоны — место встреч антисоветских шпионов, сводников и всякого сброда. Я снова остановился в отеле «Модерн», который называется теперь «Харбин». Там стало много тише, очистилась моральная атмосфера, гостиница перестала быть оперативным центром для разного рода негодяев. Меня заверил в этом пожилой официант, который здесь работает тридцать лет, и я был очень рад этому.

Кстати, о чистоте. Как-то вечером, выйдя из автомобиля у гостиницы, я увидел проходившую мимо удивительную демонстрацию. Участниками демонстрации были главным образом молодые женщины в разноцветных платьях. Они высоко поднимали в воздух яркие плакаты с лозунгами, начертанными китайскими иероглифами, и били в барабаны, стараясь привлечь к себе внимание. Я почувствовал, что демонстранты заняты серьезным делом. Так это и было на самом деле — демонстрация была организована в связи с проводившейся по всей стране кампанией по борьбе с мухами в целях охраны здоровья населения Харбина.

На одном приеме я много узнал о культурном развитии Харбина после освобождения. В числе присутствующих на приеме были представители местных властей, мэр города и другие видные деятели партии. Мэр объяснил, что Харбин должен стать техническим и научным центром промышленности. «До освобождения,— сказал он,— при населении в шестьсот пятьдесят тысяч человек здесь было всего четыре средние школы». Чтобы обеспечить растущую потребность населения, увеличившегося почти вдвое, открыто еще 37 средних школ. Число учащихся в школах, техникумах и высших учебных заведениях достигает трехсот пятидесяти тысяч человек. В городе семь высших учебных заведений, из них три дают техническое образование, одно — сельскохозяйственное и лесоводческое и одно — медицинское. В Харбине четыре театра. В трех шли постановки местных трупп, а в одном гастролировала пекинская труппа.

Я видел драматический реалистический спектакль «Рост в борьбе». Действие развертывалось быстро и очень

волнующе. Пожилой крестьянин скопил немного денег, чтобы купить участок земли. Алчный помещик ограбил крестьянина, и он потерял сбережения, которые копил всю жизнь. Душевные страдания приводят его к самоубийству. Сын продолжает борьбу против помещика. Он вынужден бежать, спасаясь от ареста и грозящей ему казни. Жена и шестилетний сын остаются в деревне. Сын вырастает и возглавляет борьбу против помещика. Он тоже вынужден бежать после избиения. Под вымышленным именем юноша записывается в армию и попадает в соединение, которым командует его отец. Отец изменил фамилию, он десять лет не видел сына и не узнает его.

Армия готовится освободить деревню. Отец юноши, руководящий операцией, решает, что молодой солдат слишком юн, чтобы участвовать в сражении. Молодой боец, жаждущий отомстить помещику за жестокости к его семье, умоляет командира, не зная, что он его отец, разрешить ему участвовать в операции. Взволнованный рассказом юноши, командир, наконец, соглашается. Последний акт производил очень сильное впечатление. В шуме боя, под грохот ружейных выстрелов и пулеметных очередей, в огне и дыме, изрыгаемом пушками, деревню наконец освобождают. Солдаты не дают крестьянам отомстить жестокому помещику и его сыну, ставшему офицером гоминьдановской армии. Они уверяют протестующих крестьян, что судебные органы рассмотрят дело и виновные понесут должную кару за свои преступления. Мать узнает мужа и сына. Отец и сын после встречи снова расстаются, чтобы продолжать борьбу до окончательного освобождения Китая.

Декорации были великолепны. Игра актеров превосходна. Постановка спектакля во всех отношениях полна реализма. Я ушел из театра, чувствуя себя действующим лицом в спектакле, как, несомненно, чувствовали себя остальные зрители. Спектакль был замечательный, постановка волнующей.

Сидя в театре, я думал о Чао И-ман, портрет которой висит в зале, посвященном павшим героям. Эта героиня организовала отряд из тысячи крестьян, сражавшихся под ее руководством. Она была ранена, захвачена в плен, и японцы ее расстреляли. До японской оккупации в зале павших геров помещалась библиотека. Впоследствии японцы организовали здесь свой полицейский штаб, где

пытали, а затем расстреляли Чао И-ман. Многие страдали и погибли, подобно ей, в этом здании.

У Китая есть веские основания воздвигать памятники павшим героям. Я видел эти памятники в Кантоне. Один из них сооружен в память героев, павших в борьбе за революцию, которую возглавлял доктор Сун Ят-сен. Другой — в память китайцев, убитых английскими солдатами, стрелявшими по демонстрации перед Шамменем. Один памятник воздвигнут в честь семи тысяч бойцов, погибших в бою или казненных после разгрома Кантонской коммуны.

Я не могу закончить рассказ о Северо-Востоке, не сказав несколько слов о детской железной дороге в Харбине. Эта замечательная дорога тянется на два километра. Она очаровательна, и на ней царит веселье. В то же время ее строители позаботились, чтобы она имела большое познавательное значение. Ее оборудование ни в чем не уступает оборудованию современной железной дороги. Паровоз работает на угле; много вагонов такой величины, что в них можно стоять во весь рост. Дорога проходит через тенистый парк. Построены станции с централизованной сигнальной системой, регулирующей прибытие и отправление поездов. Обслуживают железную дорогу 113 мальчиков и девочек, которые работают в три смены. После поездки я осмотрел главную станцию, где имеется телеграф. Меня приветствовал начальник станции — улыбающаяся девочка, которой, на мой взгляд, было не более двенадцати лет. Я никогда не забуду этой поездки. Железная дорога показывает, как новый Китай готовит детей к полезной деятельности, одновременно доставляя им удовольствие и веселье.

На обратном пути в Пекин у меня было в поезде много времени, чтобы привести в порядок свои обширные записи. Слово «сталь» было неотделимо от всего того, что я видел. Я думал о чуде техники, которое видел в Ухани,— о строительстве моста через быструю реку Янцзы, ширина которой достигает здесь одной мили; о том, каким благом для народного хозяйства будет этот двухэтажный мост, предназначенный для железнодорожного и автомобильного транспорта, что даст возможность отказаться от погрузки и разгрузки джонок, на которых еще со времен средневековья медленно перевозят грузы с одного берега на другой под искусным управлением лодочников.

Я стоял, изнемогая от зноя, и смотрел на это строительство, слушал стук кувалд и треск пневматических молотков, возвещавших о наступлении новой эры. Я вспоминал об иностранных военных кораблях, которые когда-то стояли в реке, о сражениях за Ухань, об избиениях, которые я видел из окон своей квартиры, сейчас занятой китайскими военно-воздушными силами, о расстреле девушек-студенток и о мести рабочих его виновникам. На фоне этого прошлого нынешняя картина казалась полной мира. Такой контраст меня очень радовал.

Пока поезд быстро мчался в Пекин, я думал о лодочниках и владельцах джонок, с которыми я познакомился в Кантоне, и о том, как изменилось их мировоззрение — 430 из них вступили в кооперативы. Им уже не нужно было выискивать работу в одиночку. Заказы на перевозки грузов выдавало транспортное бюро, и они распределялись среди лодочников правлением кооператива, избираемым демократическим путем.

Прекратилась конкуренция не на жизнь, а насмерть. Транспортное бюро рассчитывалось за перевозки непосредственно с кооперативами, правление которых расплачивалось с лодочниками, вычитая соответствующие суммы на починку лодок, на культурно-бытовое обслуживание, в счет резервного капитала и процентов, выплачиваемых лодочникам в соответствии со стоимостью их лодок. В принципе этот метод принят также в кустарных кооперативах, широко распространенных среди миллионов китайских кустарей, которые еще долгое время будут служить опорой народного хозяйства.

Во время первых поездок в Китай я близко принимал к сердцу судьбу людей, живших на реке. Я часто смотрел на ряды связанных между собой маленьких лодок, в которых ютились большие семьи. Люди здесь рождались, здесь жили и здесь умирали, их избегали и презирали, как париев. Я был рад, увидя их снова на реке Сицзян — шестьдесят тысяч человек! Условия их жизни совершенно изменились. Они уже не брали воду для питья из реки. На берегу реки построен водопровод. Речные жители пользуются теперь медицинской помощью и лечением в больницах, которого до освобождения были лишены (что способствовало распространению заболеваний). Особенно отрадно было видеть несколько больших школьных зданий, построенных на сваях у берегов реки.

Я внимательно осмотрел несколько лодок с крытым помещением для спанья. Я был поражен их чистотой, несмотря на перенаселенность. В некоторых лодках пол был покрыт лаком. Медные части блестели под яркими лучами солнца. Призадумайтесь над тем, что означают эти перемены для бедных речных жителей Китая. Возникнет новое поколение, грамотное, более здоровое и более разумное. Эти изменения, хотя они, возможно, покажутся более обеспеченным людям незначительными, внесли глубокую перемену в жизнь людей, которых веками презирали.

Я присутствовал на судебном разбирательстве в пекинском суде. Все было очень просто. Никаких отступлений от норм. Соблюдалось достоинство, и обстановка была дружественная. Еще в 20-х годах у меня создалось такое же впечатление при посещении советского суда, рассматривавшего дело о краже. Суд учел смягчающие обстоятельства, и дело было прекращено.

Здесь не слышно похожего на заклинание бормотания: «Внимание! Внимание! Внимание!» — когда судья входит в зал. Судьи не носят белых париков и тяжелых мантий, придающих им неестественный вид, как это полагается в Англии, где хотят запугать попавшихся впервые правонарушителей. В социалистических судах такой средневековой чепухи не встретишь.

Меня удивила неофициальная обстановка в суде средней инстанции в Пекине. Слушалось дело по апелляции против решения суда низшей инстанции, отказавшего в разводе. В состав суда входили председатель и двое присяжных, в числе которых была пожилая женщина. До начала слушания дела председатель спросил молодых супругов, не считают ли они, что данный состав суда не может вынести справедливого решения; если так, они вправе протестовать и требовать отвода одного из членов суда. Возражений не было. Я никогда не думал, что возможна такая необычайная процедура.

После того как женщина — присяжный заседатель огласила текст заявления в суд низшей инстанции и супруги подтвердили его правильность, муж, подавший заявление, очень подробно изложил причины, заставляющие его требовать развода.

Кроме домашних ссор, которые часто вызывала жена, она, по его словам, была невежественная, отсталая и неграмотная женщина. Суд не согласился с этим утверждением.

Мужу спокойно указали, что молодая женщина — двадцати трех лет — является бригадиром в кооперативном хозяйстве, и, если бы она была невежественна, ее бы не избрали. Во всяком случае, неграмотность необязательно влечет за собой невежество. Но жена согласилась на развод, и он был утвержден судом.

Среди прочих дел суд должен был решить вопрос о разделе сбережений, что, на мой взгляд, явилось еще одним подтверждением повышения жизненного уровня. Я покинул суд с чувством, что он скорее напоминал семейное разбирательство, чем попытку вынести решение на основе юридических норм.

Марксизм учит, что все институты отражают общественный строй, существующий в данное время. Суды и тюрьмы не являются исключением из общего правила. При деспотическом правительстве гоминьдана, опиравшемся на чиновно-феодальную эксплуатацию в условиях полуколониального грабежа, китайские тюрьмы были одними из самых худших, включая даже тюрьмы, находившиеся в непосредственном ведении империалистов.

И вот я увидел китайские тюрьмы при новой обстановке. В тюрьмах созданы условия, поощряющие заключенных к полезной деятельности, помогающие им исправиться и стать добропорядочными гражданами. Вместо угнетения, народное правительство действует снисходительностью. Жуткая грязь, царившая в тюрьмах до освобождения, отошла сейчас в прошлое. В коридорах пекинской тюрьмы, которую я посетил, были развешаны на стенах плакаты, наглядно иллюстрирующие требования гигиены.

Заключенных больше не держат в строгой изоляции. Три камеры соединены в одну, и в ней спят несколько заключенных. С дверей сняты замки.

Начальник тюрьмы сказал: «Все заключенные учатся». Организована школа для ликвидации неграмотности. «Заключенные проходят политическую учебу для идеологического перевоспитания».

В огромной застекленной витрине было выставлено более 50 фотографий, под каждой указана фамилия заключенного. «Образцовые заключенные,— сказал мне начальник тюрьмы.— Они приходят преступниками, а выходят исправившимися, квалифицированными рабочими». Мне

думается, эта фраза надлежащим образом объясняет значение тюремной реформы в Китае.

На протяжении моей почти пятидесятилетней работы в социалистическом и коммунистическом движении никогда не прекращались нападки на это движение в связи с религиозными вопросами. Постоянно твердят, что при социалистическом строе не будет свободы религии, более того — религия будет даже беспощадно подавляться.

Я никогда не сомневался, что в Китае и во всех остальных социалистических странах существует свобода религии. Она установлена законом как один из основных принципов и гарантирована по новой конституции Китая. Тем не менее в капиталистических странах изо дня в день утверждают обратное. Эти клеветнические нападки вызваны различными мотивами — они направлены на то, чтобы отвлечь внимание от успехов, достигнутых социалистическими странами, и оправдать империалистическое господство, грабеж в колониях за рубежом и эксплуатацию рабочих внутри страны; со всем этим глубоко связана, например, англиканская церковь.

В доказательство приведу выдержку из финансового отчета англиканской церкви, опубликованного 18 октября 1956 года: «Средства, вложенные в 381 промышленную компанию... возросли до 49 миллионов фунтов стерлингов, то есть на 7700 тысяч фунтов стерлингов. Было куплено 11 миллионов акров земли стоимостью 737 тысяч фунтов стерлингов». У англиканской церкви есть капиталовложения также и в колониях, и в том числе в «Тринидад ойл компани». В прошлом году доходы, указано в отчете, составили огромную сумму в 11 238 тысяч фунтов стерлингов, то есть увеличились на 700 тысяч фунтов стерлингов по сравнению с предыдущим годом и на 52 процента по сравнению с 1948 годом.

Имеют ли эти неопровержимые факты относительно прибыли, извлекаемой из чужого труда, какое-либо отношение к нападкам по поводу положения религии в Китае и в других социалистических странах, которые постоянно раздаются с церковной кафедры, в печати, с ораторской трибуны и по радио? Безусловно, да! Всем известно, что свобода религии существует. Но многим, и в том числе церковным деятелям, это совершенно не мешает выступать с лживыми заявлениями.

Что я обнаружил в Китае? Я видел многочисленные доказательства существования там свободы религии. Я посетил буддийские храмы, где меня приветствовали священники. Я долго беседовал с христианским священником — преподобным Лин Чи-ценом, который показал мне свою кальвинистскую церковь. Мне дал интервью руководитель управления по делам религиозных культов. Я задал всем им много вопросов, касающихся религии. «Сталкивались ли вы после освобождения с вмешательством при отправлении религиозных обрядов?» «Нет»,— отвечали они мне без колебаний. Преподобный Лин Чи-цен заверил меня, что прихожане его церкви полностью поддерживают правительство.

Но религиозные организации в Китае, конечно, не в состоянии представить такой финансовый отчет, как англиканская церковь. Они не эксплуатируют народ. Они прекрасно сознают, что Китай вступил на путь социализма и эксплуатация человека человеком неминуемо должна прекратиться.

Вспоминая пережитые тяжелые годы нищеты и преступной эксплуатации, я еще больше восхищаюсь достижениями китайского народа. Китай, который всего семь лет тому назад покончил с двадцатилетней войной, превратился из отсталой полуколониальной и феодальной страны, находившейся под господством иностранных эксплуататоров, в мощное, индустриальное государство, создающее новые взаимоотношения между городом и деревней. Крепкий союз рабочих и крестьян поддерживает интеллигенция и даже местные капиталисты. Такое единство является залогом успехов Китая.

Достигнув национального единства, Китай уже больше не одинок. Он является членом великой семьи социалистических государств, простирающихся от Балтийского моря до Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей. Нет такой силы в мире, которая могла бы заставить Китай сойти с пути к социализму. Строители нового Китая, преданные своим новым задачам и осуществляющие их с огромным мужеством и энергией, непобедимы.

Мирный переход частной промышленности к смешанным государственно-частным предприятиям, одновременно предусматривающий переход земли в коллективное владе-

ние, представляет собой поистине потрясающее явление. История еще никогда не знала такого быстрого и мирного изменения социальных отношений. Этот быстрый переход от частной собственности к общественной доказывает огромную жизнеспособность китайского народа и его политическую мудрость, накопленную за десятки лет жертв и борьбы под марксистско-ленинским руководством Коммунистической партии Китая.

Интернационализм пустил в Китае глубокие корни. Я видел это повсюду в стране, где мне довелось побывать. Китайцы с благодарностью говорят о помощи, оказанной им международным рабочим классом и Советским Союзом.

Влияние Китая в международных делах продолжает возрастать. Начиная с Женевского совещания, затем на конференциях в Дели и в Бандунге и после них правительство Китайской Народной Республики последовательно проводит политику мирного сосуществования. Китай установил дипломатические отношения с 29 странами. Китайский народ оказывает поддержку всем, кто борется за национальную независимость.

Взоры стран Азии и Африки обращены к Китаю.

Эта огромная страна, управляемая коммунистами, создаст преграду авантюрам колониалистов в Восточной Азии. Китай может значительно способствовать прогрессу человечества. Никто не вправе сомневаться в мирных намерениях Китая, в его стремлении жить в мире и дружбе со всеми странами.

Я с большой радостью воспользовался возможностью написать в 1956 году эту дополнительную главу и поделиться на бумаге моими новыми впечатлениями о Китае и его великом и чудесном народе. Проявляемая китайским народом энергия и энтузиазм, его уверенность в своих силах явились для меня источником нового вдохновения. Быстрое движение Китая вперед по пути к социализму, осуществляемое с помощью миролюбивого советского народа, имеет огромное историческое значение для всего человечества.

* * *

Теперь мы имеем знания и силы, чтобы вести народ по новому пути и уничтожить угрозу войны, которая, как никогда раньше, угрожает самому существованию человечества.

Оглядываясь на жизнь, в которой было мало такого, о чем нужно сожалеть, я смотрю вперед с верой в победу— и не столь далекую — социализма во всем мире, победу социализма, ради построения которого трудилось и умирало так много прекрасных людей.

У нас — знание и сила. Нужно лишь правильно их применить, и тогда мы добьемся торжества прочного мира и человечество заживет свободно и счастливо.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Джордж Харди

ТЕ БУРНЫЕ ГОДЫ

Редактор *В. Е. РЕПИН*
Художник *Л. Т. Ларский*
Технический редактор *Н. И. Смирнова.*

Сдано в производство 24/I — 1957 г.
Подписано к печати 14/III — 1957 г.
Бумага $84\times108^{1}/_{32}$. = 5,2 бум. л.
16,9 печ. л.В т/ч 5 вкл. Уч.-изд. л. 16,7.
Изд. № 6/3418.
Цена 12 р. 20 к. Зак. 130.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Министерство культуры СССР.
Главное управление полиграфической
промышленности. Первая Образцовая
типография имени А. А. Жданова.
Москва, Ж-54, Валовая, 28.

О

1
16
16
19
23
26
30
31
31

Дж.

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
147	5 снизу	позаботившись	не позаботившись
163	10 сверху	Джорж	Джордж
166	5 снизу	писал в газете	писал в книге
195	5 снизу	в Бармбек	в Варнбек
236	21 сверху	представителем	представителем их
263	20 сверху	Он принял	Террор принял
309	6 сверху	Жена	Его жена
318	2 сверху	5	9
318	3 сверху	7	5

Дж. Харди

